

А.И.Полторак

Нюрнбергский
процесс

ОСНОВНЫЕ
ПРАВОВЫЕ
ПРОБЛЕМЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А. И. ПОЛТОРАК

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

(ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

1-10-1
59-65 дополн.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война оставила глубокий след в истории человечества. Развязанная гитлеровской Германией агрессия стоила человечеству неисчислимых жертв и страданий. В орбиту мирового конфликта было втянуто более 80% населения всего мира. В войне участвовало 61 государство с населением 1700 млн. человек. Под ружье было поставлено 110 млн. человек. Вторая мировая война унесла почти 60 млн. человеческих жизней. Во время этой войны германский фашизм и японский империализм совершили чудовищные преступления против человечества.

Еще в ходе сражений народы требовали наказания военных преступников, и осуществление этого требования стало одной из официально декларированных союзниками целей войны.

Советский Союз и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в дело разгрома гитлеровской Германии. Точно так же и в вопросе о наказании нацистских военных преступников инициатива с самого начала принадлежала Советскому государству: Советский Союз первым потребовал наказания военных преступников, первым сформулировал принципы их уголовной ответственности, первым осуществил эти принципы еще в ходе войны.

Иной была позиция западных держав: правящие круги США и Англии не последовали примеру Советского Союза. Судя по выступлениям реакционной прессы США и Англии, кое-кто на Западе лелеял мечту повторить в этом вопросе опыт первой мировой войны. Но в условиях, когда народы всего мира и, особенно, народы стран, подвергшихся фашистской агрессии, требовали наказания военных преступников, реакции не удалось сорвать советские предложения о реальном осуществлении этого принципа.

Во время войны в Советском Союзе была создана Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и при-

чиненного ими ущерба пражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Советское правительство в ряде нот выражало от имени советского народа протест против чудовищных преступлений нацистских агрессоров и предупреждало их о неминуемой ответственности.

Летом 1945 г. в Лондоне была созвана Международная конференция по разработке Соглашения и Устава Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси. Работа Конференции успешно завершилась подписанием 8 августа 1945 г. Соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников и принятием Устава Международного Военного Трибунала.

Принятие Устава, а затем и проведение на основе его принципов международного судебного процесса в Нюрнберге явилось величайшим завоеванием человечества в борьбе против агрессии.

Нюрнбергский Устав и основанный на нем приговор Международного Военного Трибунала сыграли огромную роль в прогрессивном развитии международного права. Значение Нюрнбергского судебного процесса определяется прежде всего тем, что впервые в истории на практике было осуществлено уголовное наказание виновников агрессии. Нюрнбергский приговор означал установление прецедента уголовной ответственности государственных деятелей за агрессию. До второй мировой войны было много споров по поводу того, существует ли в международном праве норма, запрещающая агрессию и устанавливающая уголовную ответственность за нарушение мира. Судьи Международного Военного Трибунала, опираясь на нормы Устава, признали, что такая норма служит выражением уже существовавшего к 1939 г. международного права, а следовательно, нацистское правительство, встав на путь агрессии 1 сентября 1939 г., сознавало, что совершает тяжчайшее преступление.

Значение Нюрнбергского процесса выходит далеко за пределы того, что оказалось справедливо наказанным гитлеровское правительство. Нюрнбергский приговор, осудивший агрессоров второй мировой войны, является реальным и грозным предостережением всем тем, кто в новых условиях попытался бы ввергнуть человечество в войну.

В своей вступительной речи на процессе главный советский обвинитель Р. А. Руденко подчеркнул, что Нюрнбергский процесс проводится не только «во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора», но и, что особенно важно, «во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем»¹.

¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах, т. 1. Госюриздат, 1957, стр. 505 (далее — «Нюрнбергский процесс...»).

Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Роберт Джексон во вступительной речи сказал: «Я хочу разъяснить, что, хотя этот закон (Устав Международного Военного Трибунала.— А. П.) применяется впервые против германских агрессоров, он должен осуждать агрессию, совершенную любой другой нацией, включая и те, которые представлены сегодня в Трибунале, если только он предназначен для служения истинно полезной цели». Джексон подчеркнул, что Нюрнбергский процесс представляет собой усилие человечества применить дисциплинирующее влияние закона к государственным деятелям, которые пользовались своей властью для того, чтобы подрывать основы всеобщего мира².

Вчера эти слова нюрнбергского обвинителя разили гитлеровскую клику, сегодня они обращены против американских агрессоров, вставших на путь агрессии и беспримерных преступлений против вьетнамского народа, на путь, который был признан преступным и осужден Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге.

Так как нюрнбергский приговор означал конец безнаказанности агрессии и агрессоров, международное право обогатилось новым и исключительно действенным инструментом в борьбе за мир. Этот инструмент в арсенале международного права приобретает большое значение еще и в связи с тем, что современное развитие техники дает в руки государственных деятелей такие орудия массового уничтожения, которые позволяют им, встав на путь агрессии, причинить человечеству огромный урон, вызвать десятки миллионов жертв, опустошить целые страны.

В одном из величайших документов современности — ленинском Декрете о мире — впервые в истории было провозглашено, что агрессивная война является величайшим преступлением против человечества. Ныне это положение стало стержневой нормой новой демократической системы международного права. Нюрнбергский процесс — еще одно свидетельство того, что мирное сосуществование стало объективной необходимостью общественного развития.

Устав и приговор Международного Трибунала сильно повлияли на процесс дальнейшего прогрессивного развития всей системы законов и обычаев войны, и это влияние нашло свое конкретное выражение в тех положениях, которые отличают Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны от Гаагских конвенций 1907 г.

Материалы Нюрнбергского процесса служат мощным орудием разоблачения буржуазной международноправовой идеологии: становится еще более очевидной реакционная сущность и юридическая неосновательность взглядов тех буржуазных юристов, которые выступают с попытками теоретически легализовать агрессию и военные преступления.

² «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 338.

В арсенале средств защиты агрессоров и нарушителей законов и обычаев войны всегда имелись доктрины, целью которых было снять ответственность с тех, кто подрывает мир и международную законность. Хорошо известна, например, доктрина государственного акта, следуя которой государственные деятели, сколь бы тяжкое международное преступление они ни совершили, ответственности не подлежат — за их действия отвечает государство.

История образования Международного Военного Трибунала для суда над гитлеровскими агрессорами свидетельствует об огромной и все возрастающей роли мирового общественного мнения, которое явилось мощным ускорителем идеи наказания военных преступников второй мировой войны. В свою очередь Нюрнбергский процесс оказал большое влияние на дальнейшую активизацию борьбы народов за мир, против агрессии. Нюрнбергская идея глубоко проникла в правосознание народов.

Нюрнбергский процесс — огромное завоевание народов и поражение империализма и его агрессивной политики. Вот почему приговор Международного Трибунала был встречен с огромным одобрением всеми народами мира и со столь же единодушным осуждением империалистическими агрессивными кругами. Вот почему нюрнбергский приговор уже почти 20 лет подвергается критике и нападкам реакции, стремящейся подорвать значение его принципов, ставших общепризнанными в международном праве.

Значительный вклад в дело утверждения этих принципов сделал Советский Союз, его демократическая внешняя политика, советская юридическая наука.

Еще до второй мировой войны советские ученые-юристы начали активно разрабатывать проблемы уголовной ответственности за преступления против человечества. Эта работа была успешно продолжена во время войны и завершилась проектом Устава Международного Военного Трибунала, который был представлен Советским Союзом Лондонской конференции 1945 г.

Вопросу об уголовной ответственности за преступление против человечества в советской юридической литературе посвящен ряд работ³.

³ А. Н. Трайнин. Защита мира и уголовный закон. Юриздат, 1937; Он же. Уголовная ответственность гитлеровцев. Юриздат, 1944; Он же. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. Изд-во АН СССР, 1956; Н. Н. Полянский. Международное правосудие и преступники войны. Изд-во АН СССР, 1945; Е. А. Коровин. Германские преступные методы ведения войны и международное право. «Труды Военно-Юридической Академии», в. 3. М., 1943; Ф. И. Кожевников. Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права. Изд. МГУ, 1954; Д. Б. Левин. Об уголовной ответственности военнопленных. «Вопросы уголовного права». Сб. 1. М., 1944; А. А. Пиоптковский. Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. Изд. МЮИ, 1948; П. С. Ромашкин. Военные преступления империализма. Госюриздат, 1953.

Среди множества книг, вышедших в буржуазных странах и посвященных Нюрнбергскому процессу, немало таких, в которых нюрнбергские принципы одобряются⁴. Прогрессивно мыслящие буржуазные юристы видят в этих принципах средство укрепления мира и потому выступают в поддержку их.

Но можно смело сказать, что неизмеримо больше таких книг и статей, в которых буржуазная юридическая мысль направлена на одну цель — ниспровергнуть нюрнбергский приговор, представить его как свидетельство произвола победителей в отношении побежденных, как ничем не прикрытое «юридическое убийство». Из больших работ, посвященных нюрнбергским принципам, мы выделили книгу Августа Книрима⁵. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, Книрим, как никто другой, подробно исследует правовые проблемы нюрнбергских процессов. Во-вторых, эта его книга вышла много позднее других и потому в концентрированном виде содержит взгляды противников нюрнбергских принципов. «Эрудиция» Книрима, конечно, определяется еще и тем, что сам он был подсудимым на процессе в Нюрнберге по делу «ИГ Фарбениндустри». В этой крупнейшей мировой монополии Книрим много лет возглавлял юридический отдел. Книрим был необоснованно оправдан американским военным трибуналом и после освобождения поспешил в своей книге сделать попытку подрыва нюрнбергских принципов.

Однако никакие юридические диверсии врагов мира не способны опровергнуть исторические выводы Нюрнбергского процесса, не способны зачеркнуть нюрнбергские принципы борьбы с агрессией, ставшие огромным завоеванием человечества в его борьбе за мир, за международную безопасность народов.

⁴ J. A. Appleman. *Military Tribunals and International Crimes*. Indianapolis. 1954; Telford Taylor. *The Nuremberg Trials. War Crimes and International Law*. «International Conciliation». IV, 1949, N 450; H. Wechsler. *The Issues of the Nuremberg Trial*. «Political Science Quarterly», 1947; Lord Wright. *War Crimes Under International Law*. «Law Quarterly Review», 1946, IV; C. Pompe. *Agressive War an International Crime*. The Hague, 1953.

⁵ August K n i e r i e m. *The Nuremberg Trials*. Chicago, 1959.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

1. Общая характеристика Соглашения от 8 августа 1945 г. и Устава Международного Военного Трибунала

Нюрнбергский процесс был первым в истории примером международного суда за преступления против человечества.

Как известно, попытка организации и проведения международного судебного процесса над военными преступниками первой мировой войны, в частности над Вильгельмом II, потерпела неудачу. Империалистическая Антанта лишь создавала впечатление желательности такого суда, практически же она боялась суда, на котором неизбежно вскрылась бы роль держав Антанты в подготовке и развязывании империалистической войны 1914—1918 гг.¹

Чудовищные преступления германского фашизма во время второй мировой войны вызвали такой гнев народов, что даже самые закоренелые реакционеры не смогли провалить дело наказания главных преступников этой войны. В ходе второй мировой войны народы вели счет преступлениям германского милитаризма. В этих целях в Советском Союзе была создана Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, а в рамках Объединенных Наций была создана специальная Комиссия по военным преступлениям (United Nations War Crimes Commission).

¹ Подробнее см. Н. Н. Полянск и й. Международное правосудие и преступники войны. Изд-во АН СССР, 1945, стр. 32—49.

Во время войны Советский Союз отдельно, а также совместно с другими Объединенными Нациями опубликовал ряд нот и заявлений, которые извещали мир о чудовищных преступлениях, совершенных гитлеровцами на временно оккупированных советских территориях, и содержали предупреждение об ответственности за эти преступления².

Советский Союз не только первым во второй мировой войне четко сформулировал принципы в области ответственности и наказания военных преступников, но и первым осуществил их на практике. В 1943 г. были проведены судебные процессы над военными преступниками в Харькове и Краснодаре, а затем и в других советских городах — Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великих Луках и т. д.

8 августа 1945 г. в Лондоне было подписано Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси.

В основе соглашения лежит Московская Декларация от 30 октября 1943 г. об ответственности за совершаемые зверства, в которой было заявлено, что ответственные за эти зверства или добровольно принимающие в них участие германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии будут отосланы в страны, в которых были совершены их преступления, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобождаемых стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Декларация не затрагивала вопроса о главных военных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые должны были быть наказаны совместным решением правительств союзников. Соглашение от 8 августа 1945 г. предусматривало создание Междуна-

² См. ноты Советского правительства от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»; от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях»; от 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»; от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы»; от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии», а также Совместную декларацию правительств 12 стран от 18 декабря 1942 г. «О проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы». Декларацию правительств СССР, США и Великобритании об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 2 ноября 1943 г. («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. Госполитиздат, 1946, стр. 184—190, 195—215, 228—269, 314—319, 328, 359, 418—419).

родного Военного Трибунала для суда над такими преступниками независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально или в качестве членов организаций или групп, или в том и другом качестве (ст. 1)³. Неотъемлемой частью Соглашения был Устав Международного Трибунала, определивший его организацию, юрисдикцию и функции.

Соглашение не изменяло установленных Московской Декларацией положений о возвращении военных преступников в страны, где ими были совершены преступления. Создание Международного Трибунала, как это указывалось в Соглашении (ст. 6), «не умаляет компетенции и не ограничивает прав национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками»⁴.

В отличие от порядка создания Международного Военного Трибунала для суда над военными преступниками европейских стран оси учреждение Международного Трибунала в Токио и утверждение его Устава было оформлено единоличным приказом Главнокомандующего союзных держав на Дальнем Востоке, действовавшего по уполномочию союзных правительств⁵.

Устав Нюрнбергского трибунала состоит из семи разделов.

Первый раздел посвящен вопросам организации Международного Военного Трибунала. Согласно Уставу этот Трибунал, создаваемый для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, состоит из четырех членов и их заместителей. Каждая страна — участница Соглашения назначает по одному члену и одному заместителю. Для того чтобы предотвратить искусственно создаваемые поводы и обструкции со стороны подсудимых, Устав предусматривает, что ни Трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителями, подсудимыми или защитой.

«В случае необходимости и в зависимости от количества требующих рассмотрения дел,— говорится в Уставе,— могут быть учреждены другие трибуналы: порядок учреждения, функции и процедура каждого из трибуналов будут тождественны и будут регулироваться настоящим Уставом» (ст. 5).

Второй раздел Устава посвящен характеристике юрисдикции и общим принципам деятельности Международного Трибунала. В этом разделе дается характеристика состава преступления против человечества, устанавливаются принципы и порядок ответственности лиц, занимающих ответственное положение в государстве-агрессоре и действующих от его имени, а также дается реше-

³ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 64.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее о деятельности этого Трибунала см. М. Ю. Рагинский и С. Я. Розенблют. Международный процесс главных японских военных преступников. Изд-во АН СССР, 1950.

ние вопроса о юридическом значении ссылки на приказ как обстоятельстве, исключающем ответственность.

Устав провозгласил, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией (ст. 9). Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из стран — участниц Соглашения имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию (ст. 10).

Третий раздел Устава посвящен характеристике полномочий по порядку деятельности Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников. Согласно ст. 14 Устава каждая из стран — участниц соглашения назначает главного обвинителя для расследования дел и обвинения главных военных преступников. В ст. 15 определены конкретные обязанности главных обвинителей.

Четвертый и пятый разделы содержат ряд процессуальных правил: процессуальные гарантии для подсудимых, права трибунала и порядок проведения судебного заседания.

Поскольку в дальнейшем нас будут интересовать вопросы материального, а не процессуального права, необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о составе преступления против человечества.

Понятие преступления против человечества появилось после второй мировой войны. Между мировыми войнами в международно-правовой литературе бытовало понятие международного преступления.⁵ Впрочем, и после второй мировой войны оба эти понятия еще конкурируют, хотя нередко считается, что они суть синонимы. Тем не менее появление нового понятия — преступления против человечества — не случайно.

Что вкладывалось в понятие международного преступления? Первая международная конференция по унификации уголовного законодательства капиталистических стран, происходившая в 1927 г. в Варшаве, отнесла, например, к международным преступлениям следующие деликты: 1. Пиратство. 2. Подделка металлических денег и государственных ценных бумаг. 3. Торговля рабами. 4. Торговля женщинами или детьми. 5. Умышленное употребление всякого рода средств, способных породить общественную опасность. 6. Торговля наркотиками. 7. Торговля порнографической литературой. 8. Иные преступления, предусмотренные международными конвенциями, заключенными данным государством⁶. Эта схема с

⁶ Цит. по кн. А. Н. Трайнина «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества» (Изд-во АН СССР, 1956, стр. 14).

теми или иными вариациями повторялась в довоенной международной правовой литературе.

Вряд ли следует доказывать порочность такой схемы. В приведенном перечне «международных» преступлений не нашлось места даже таким поистине международным преступлениям, как агрессия, как нарушения общепризнанных законов и обычаев войны. Спору нет, перечисленные в схеме преступления являются тяжкими, некоторые из них много лет назад были особенно опасны. И тем не менее все они отступают перед таким тяжким преступлением, как агрессивная война и нарушения законов и обычаев войны в ходе империалистической агрессии.

Суть вопроса — в правильном определении объекта так называемого международного преступления. Среди различных точек зрения существует и такая, согласно которой любое преступление становится международным, если местом его совершения, или даже пособничества ему, послужила территория нескольких стран. На такой позиции стоит Сальданья.

В довоенной литературе делались и иные попытки определения международного преступления: к нему автоматически относились те преступления, по поводу которых заключались специальные международные конвенции, например конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков, по борьбе с проституцией, по борьбе с распространением порнографических изданий, по борьбе с незаконной торговлей наркотиками и т. д.

Содержательная критика неправильных определений понятия международного преступления дана в работах А. Н. Трайнина⁷. Говоря о неудачных попытках сконструировать понятие международного преступления, А. Н. Трайнин подчеркивает, что выбор буржуазными криминалистами того или иного деликта в качестве объекта международных конвенций диктовался не теоретическими соображениями о природе международных преступлений, а различными политическими мотивами: заинтересованностью одного государства или группы государств в борьбе с данными преступлениями, техническими удобствами организации этой борьбы и др.⁸ Критикуя взгляд, основанный на том, что международными следует считать преступления, для борьбы с которыми заключены международные конвенции, А. Н. Трайнин правильно указывает, что этот критерий явно недостаточен. «По своей юридической природе и по фактическому значению конвенции по борьбе с отдельными общеуголовными преступлениями являются одной из разных форм уголовноправовой взаимопомощи государств, имеющей целью рационализацию борьбы с преступностью. Эта взаимопомощь государств не лишена практического значения, но она не связана не-

⁷ А. Н. Трайнин. Уголовная интервенция. Изд-во «Советское законодательство», 1935; Он же. Защита мира и уголовный закон. Юриздат, 1937.

⁸ А. Н. Трайнин. Уголовная ответственность гитлеровцев. Юриздат, 1944, стр. 26.

посредственно с проблемой интернациональных деликтов. Совершенно независимо от международного значения конвенций, в ряде случаев могут быть заключены конвенции для более эффективной борьбы с отдельными видами преступлений»⁹.

Подлинными международными преступлениями являются преступления, направленные на подрыв мира, на провокацию агрессивных войн и сопровождающих их военных преступлений и преступлений против человечности. С каждой новой войной число человеческих жертв катастрофически растет, война стала преступным разрушителем цивилизации. Именно агрессивная война — это то преступление, в предотвращении которого больше всего заинтересовано человечество. Вот почему преступление против мира — первый и самый опасный вид преступлений против человечества.

Тягчайшим преступлением против человечества являются также военные преступления — преступления, совершаемые агрессорами в ходе войны. Исторический опыт свидетельствует о том, что, поставив перед собой открыто захватнические, несправедливые цели в развязываемой войне, агрессор, чтобы подавить сопротивление народов — жертв агрессии и достичь преступных целей агрессии, прибегает к самым чудовищным методам и средствам ведения войны. Такая война шорывает со всеми общепризнанными нормами международного права, кладет конец делению на воюющих и мирное население, на тыл и фронт, превращается в орудие массового убийства гражданского населения и чудовищного опустошения целых стран.

Вот почему не может вызывать сомнение тот факт, что нарушение законов и обычаев в современной войне становится тяжким преступлением против человечества.

Опыт последних войн, особенно второй мировой войны, показал, что наряду с преступлениями против мира и военными преступлениями имеется еще один вид преступлений, который, будучи теснейшим образом связан с ними, представляет собой самостоятельный вид преступлений против человечества.

Подготовка войны даже самым авантюристическим агрессором требует времени, проведения отдельных мероприятий. Среди них, пожалуй, одно из важнейших — соответствующая подготовка тыла, полное его «умиротворение». Агрессоры при помощи пропаганды чудовищно обманывают народы, пытаются представить свою политику мирной и приписать агрессивные намерения своей жертве. Однако, понимая, что при помощи пропаганды нельзя воздействовать на активные элементы общества, отлично сознающие всю опасность агрессивной войны для народа и ведущие самоотверженную борьбу, чтобы не допустить развязывания агрессии, государство-агрессор еще в мирное время, в период, предшествующий войне, прибегает к различным, самым тяжким преступлениям

⁹ А. Н. Трайнин. Уголовная ответственность гитлеровцев, стр. 27.

с целью подавить, уничтожить внутри страны оппозицию своему политическому курсу. Хорошо известно, к каким драконовским мерам расправы с демократией, со сторонниками мира прибегла гитлеровская Германия, чтобы подготовить тыл к войне. Именно для этого были построены первые концентрационные лагеря в Германии.

Политика, проводимая агрессором в порядке подготовки войны, стала в сущности лабораторией той политики массового уничтожения, которую проводил германский фашизм во время войны. Дальнейшее изложение покажет, что военными преступлениями не ограничился арсенал средств преступной политики гитлеровской Германии. Как установили материалы Нюрнбергского процесса, начиная войну, нацистская клика имела разработанные планы массового уничтожения, поголовного истребления целых народов — поляков, чехов, евреев и др. «Из представленных доказательств, — указывается в приговоре Нюрнбергского трибунала, — явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами»¹⁰.

Вот почему эти преступления, заключающиеся в стремлении уничтожить целые народы, являются третьим опаснейшим видом преступлений против человечества.

Указанные три вида преступлений и образуют состав преступления против человечества, который предусмотрен ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала:

«Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, неоправданное военной необходимостью, и другие преступления;

¹⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7. Госюриздат, 1961, стр. 384.

с) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

В сущности эта статья представляет собой кодекс тяжчайших преступлений войны, преступлений против человечества.

Заключительный абзац ст. 6 гласит:

«Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Таковы вкратце основные положения Устава Нюрнбергского трибунала.

Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока в принципе воспринял все важнейшие положения Устава Нюрнбергского трибунала. Однако есть и некоторые различия, лишь в одном, пожалуй, существенные. Подсудимые в Токио также были судимы по обвинению в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Но в соответствии со ст. 5 Устава Токийский трибунал «будет иметь право судить и наказать главных военных преступников, которые лично или в качестве членов организаций обвиняются в преступлениях, включающих преступления против мира». Устав Нюрнбергского трибунала не знает такого ограничения. Нюрнбергский трибунал имел юрисдикцию в отношении подсудимых и тогда, когда они обвинялись в преступлениях, не включавших преступления против мира.

В отличие от Нюрнбергского Устава, Токийский Устав не предусматривал никаких условий, уполномочивающих Трибунал принять декларацию о признании тех или иных организаций или групп преступными. Подсудимые могли быть судимы либо как отдельные лица, либо как члены организации, но ни одна конкретная японская организация (например, общество «Черного дракона» или общество «Великая Япония») не обвинялась.

Формулировка Токийским Уставом состава преступлений против мира лишь в самой незначительной мере отличалась от положений Устава Нюрнбергского трибунала. Токийский Устав так характеризует агрессию: «Планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или необъявленной агрессивной войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения или обязательства, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из вышеупомянутых действий».

Нетрудно заметить, что различие в формулировках состоит в том, что Токийский Устав содержит указание как на объявленную, так и на необъявленную агрессивную войну, в то время как Нюрнбергский Устав говорит об агрессивной войне в общей форме, не подразделяя ее на объявленную и необъявленную. Видимо, авторы, включив в Устав Токийского трибунала такое положение, исходили из определенной специфики японской агрессивной политики, изобиловавшей многими так называемыми необъявленными войнами.

2. Международный характер Нюрнбергского трибунала

Стремясь принизить значение Нюрнбергского процесса, скомпрометировать его выводы, критики нюрнбергских принципов пытаются представить его не как судебный процесс, а как прикрытый судебными формальностями акт мести победителей над побежденными. Что же касается Нюрнбергского трибунала, то он рассматривается ими не как международный, а как межсоюзнический оккупационный суд. В качестве доказательства того, что в отношении руководителей гитлеровской Германии состоялся не суд, а якобы акт политической расправы, приводятся ссылки на Московскую Декларацию 1943 г. об уголовной ответственности гитлеровцев. «Главные союзники по второй мировой войне,— писал, например, Г. Финч,— согласились 1 ноября 1943 г., что главные военные преступники „будут наказаны совместным решением правительств союзников“»¹¹. Еще до Финча, когда в Нюрнберге только начался процесс, эту же мысль высказал американский журнал «Форчун»¹². Журнал этот пошел дальше простой констатации и дал собственную интерпретацию понятия «решение», содержащегося в Московской Декларации 1943 г. Указав, что «подобные решения уже имели место в прошлом», журнал напомнил о судьбе Наполеона и явно рекомендовал применять к гитлеровским главарям ссылку, добавляя, что Наполеон после нее «был уже безвреден»¹³.

Это разъяснение журнала «Форчун» достаточно откровенно раскрывает подлинный смысл ссылки на Московскую Декларацию.

Действительно, Московская Декларация 1943 г. говорит о том, что судьба главных военных преступников будет определена

¹¹ G. Finch. The Nuremberg Trial and International Law. «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 35.

¹² Но Московская Декларация воздержалась от упоминания о суде над главными преступниками. Она лишь говорила о решении правительств. Некоторые понимали это таким образом, что преступники будут соответствующим образом наказаны — возможно, немедленно после захвата, но не судом Линча или судебным приговором, а на базе политического решения («Fortune», 1945, XII, p. 140).

¹³ Там же.

Дворец юстиции в Нюрнберге, где происходил процесс над главными немецкими военными преступниками

Советские солдаты на страже Международного
Военного Трибунала

«совместным решением правительств-союзников»¹⁴. Но значит ли это, что учреждение Международного Военного Трибунала противоречит Московской Декларации, и не следует ли, напротив, утверждать, что создание Трибунала и есть результат совместного решения правительств-союзников?

Что же касается «предвзятости», заключающейся в том, что в Декларации сказано, что главные военные преступники будут «наказаны», то такое упоминание вовсе не означает предрешиения вопроса о виновности конкретных лиц. В таком смысле любой уголовный кодекс есть предрешиение. Законодатель осуждает действие, суд — виновного. Международный Трибунал был учрежден не только для наказания, а для суда и наказания.

Но никакие доводы рассудка не могут убедить критиков Нюрнбергского приговора в том, что судебный процесс над главными военными преступниками был справедливым, основанным на строгом соблюдении материальных и процессуальных норм.

Книрим, напоминая о давней юридической традиции, состоящей в том, что вершить справедливый суд может только тот, кто в действительности является беспристрастным, конечно, считает союзные страны неподходящими для того, чтобы вершить суд над гитлеровскими главарями. А чтобы скомпрометировать самый процесс, Книрим характеризует его в следующих выражениях: «Однако другое дело, если министры кабинета побежденного государства объявляются виновными только потому, что они находились на службе во время войны; если генералы объявляются виновными лишь потому, что они сражались за свою страну; если промышленники обвиняются в том, что они работали для своей страны»¹⁵. Книрим заключает свою мысль: «Назначение в такой трибунал исключительно представителей победивших стран без всякого участия нейтральных государств или представителей побежденной страны придает работе этого трибунала характер *privilegium odiosum*, возлагаемой победителем на побежденного»¹⁶.

Такой же точки зрения придерживаются Кельзен¹⁷, Могем¹⁸, Бельджион¹⁹, Шик²⁰, Эхард²¹.

Позиция эта, хотя она внешне может показаться справедливой, в сущности не имеет под собой никакой почвы. И дело здесь не

¹⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 21.

¹⁵ August Knieriem. The Nuremberg Trials. Chicago, 1959, p. 101, 102.

¹⁶ Там же, стр. 102.

¹⁷ H. Kelsen. Will the Judgement in the Nuremberg Trial Constitute a Precedent in International Law? «International Law Quarterly», 1947, N 2, p. 153.

¹⁸ F. H. Maugham. UNO and War Crimes. London, 1951, p. 27, 46, 105.

¹⁹ Montgomery Beldgion. Victor's Justice. London, 1946, p. 6.

²⁰ F. B. Schick. The Nuremberg Trial and the International Law of the Future. «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 779.

²¹ Hans Echar d. The Nuremberg Trial Against the Mayor War Criminals and International Law. «American Journal of International Law», 1949, v. 43, p. 243.

только в том, что ликвидация права на войну означала и ликвидацию права победителя, не только в том, что победители не могли в силу одной только победы осуществить правосудие и наказание, хотя, конечно, без победы оно не было бы возможным и победа явилась тем неременным условием, которое необходимо было для осуществления справедливого возмездия. Важнее то, что лежало в основе судебного преследования,— специально созданный победителями закон, противный общим принципам международного права и принятый лишь для того, чтобы осуществить месть в отношении поверженного врага, или же общепризнанные (в том числе в прошлом и странами-агрессорами) нормы международного права. Совершенно очевидно, что речь шла именно об этих общепринятых нормах международного права, таких, как Пакт Бриана — Келлога, подписанный в 1928 г. в числе других стран и Германией, и Японией, и Италией. Так что, если бы за судьейским столом сидели и немецкие, и нейтральные судьи, они должны были бы вести процесс на основании того же материального закона, который был положен в основу Нюрнбергского и Токийского приговоров.

Приводя доводы Кельзена и других по поводу того, что союзники сами создали закон, подготовили обвинительное заключение, представили доказательства на процессе, осуществили функции обвинения и, наконец, само правосудие, американский юрист-международник Эйшплмен не находит в этом ничего курьезного. «Штат Иллинойс, например,— пишет он,— принимает уголовный кодекс. Представитель штата, его прокурор, расследует преступление и подготавливает обвинительное заключение. Он представляет доказательства и обвиняет подсудимых в суде, который представляет штат, или перед жюри, которое оплачивается штатом и которое инструктируется судьей штата по вопросам права. Наказание назначается судьей штата. Это буквально „Народ штата Иллинойс против Джона Джонса“, и он один противостоит этим обвинениям»²². Используя этот пример, Эйшплмен показывает, что нет ничего незаконного в том, что правосудие осуществили народы, пострадавшие от преступных действий подсудимых.

Справедливость требует также отметить, что союзные державы осуществляли правосудие не только в отношении лиц, принадлежавших к странам осн, но и в отношении собственных граждан, уличенных в совершении преступлений против человечества. Именно поэтому, кстати сказать, в мирных договорах 1947 г. был специальный пункт, согласно которому выдаче для суда и наказания подлежали и граждане союзных и соединенных держав²³.

²² J. A. Appleman. Military Tribunals and International Crimes. Indianapolis, 1954, p. 13—14.

²³ «Мирный договор с Италией». Госполитиздат, 1947, ст. 37; «Мирный договор с Румынией». Госполитиздат, 1947, ст. 8; «Мирный договор с Венгрией». Госполитиздат, 1947, ст. 10—11; «Мирный договор с Болгарией». Гос-

Для того чтобы верно судить о справедливости решения предать главных военных преступников второй мировой войны суду народов союзных и соединенных держав, нужно представить себе ситуацию 1945 г.

«Огромный размах агрессивных действий, проводившихся этими людьми, — сказал в своей вступительной речи на Нюрнбергском процессе американский обвинитель Джексон, — привел к тому, что в мире осталось всего несколько подлинно нейтральных государств. Либо победители должны судить побежденных, либо мы должны предоставить побежденным самим судить себя. После первой мировой войны мы убедились в бесполезности последнего варианта»²⁴.

Американский юрист Гринспен правильно указывает, что международное право в действительности не требует, чтобы «суд, созданный воюющей стороной для рассмотрения дел о военных преступниках, имел в своем составе представителя побежденной или нейтральной стороны»²⁵.

Как уже указывалось, все чудовищные преступления германского фашизма были результатом детально запланированной политики германского правительства и германского верховного командования. Совершенно очевидно, что нельзя было доверять преступникам судить самих себя. Еще после первой мировой войны возник аналогичный вопрос в связи с подготовкой суда над Вильгельмом II в специальном суде союзников. В ноте союзников в ответ на упрек германского правительства по поводу «одностороннего правосудия» указывалось: «Союзные и присоединившиеся государства считают, что нельзя доверять суд над теми, кто прямо ответствен за преступления против человечества и международного права, их соучастникам в преступлениях. Почти весь мир объединился, чтобы свести на нет план Германии о покорении и господстве. Суды, которые они (союзники. — А. П.) учредят, будут, следовательно, выражать мнение большей части цивилизованного мира. Союзные и присоединившиеся страны готовы встретить приговор истории в вопросе об объективности и справедливости правосудия по отношению к обвиняемым»²⁶.

Если этот аргумент был справедлив в отношении кайзеровской Германии, то он во сто крат более справедлив в отношении гитлеровской Германии. Как бы ни были тяжки преступления Германии в первой мировой войне, они не могут идти ни в какое сравнение с преступлениями во второй мировой войне. При этом надо учесть,

политиздат, 1947, ст. 7; «Мирный договор с Финляндией». Госполитиздат, 1947, ст. 9.

²⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 280.

²⁵ M. Green span. The Modern Law of Land Warfare. Los Angeles, 1959, p. 431.

²⁶ Цит. по: Sheldon Glueck. The Nuremberg Trial and Agressive War. N. Y., 1946, p. 95—96.

что речь идет даже не столько о масштабах этих преступлений, сколько о степени государственно организованного характера и совершения их.

Подсудимый, сколь тяжкими ни были предъявленные ему обвинения, имеет право на справедливый суд, но он не имеет права выбрать себе судей²⁷.

Что же касается возможности привлекать для осуществления правосудия нейтральных судей, то, хотя это теоретически не может вызывать возражений, в конкретных условиях второй мировой войны такая возможность была весьма ограниченной, если не сказать ничтожной: в Европе почти не осталось нейтральных стран. Эхард, правда, упоминает Португалию, Швейцарию и Швецию (Испанию он стыдливо опускает) и пишет, что там можно было найти «мудрых судей»²⁸. Но хорошо известно, насколько «нейтральной» была политика этих стран. Правильно пишет Гринспэн: «Самый факт, что государство воздерживается от участия в конфликте, не является гарантией, что его чувство не находится на той или другой стороне»²⁹.

Говорят, что суд в Нюрнберге международным был потому, что он применял международное право. Действительно, предъявленные подсудимым в Нюрнберге обвинения квалифицируются международным правом как преступные. Но это свидетельствует лишь о том, что Международный Военный Трибунал имел прочную юридическую базу, предъявляя подсудимым обвинения, предусмотренные ст. 6 Устава. Практически же для определения международного характера Трибунала это не имело значения — международное право применяют и национальные оккупационные и неоккупационные суды. Быть может, Нюрнбергский трибунал был международным потому, что он действовал на основе международного Соглашения от 8 августа 1945 г. Видимо, и это не могло иметь

²⁷ Гринспэн пишет, что, «когда судьи комплектуются победившими государствами, самый факт того, что приговор может быть подвергнут сомнению из-за того, что судьи представляют победившие государства, является дополнительным стимулом для особой объективности таких судей» (M. Green Spain. Op. cit., p. 59).

Автору этих строк приходилось лично наблюдать особую скрупулезность судей Международного Трибунала в соблюдении процессуальных прав и гарантий подсудимых в Нюрнберге. Председатель Международного Трибунала, открывая процесс, сделал следующее заявление: «Четыре подписавшие Соглашение страны возбудили судебное преследование, и теперь на всех, кто участвует в процессе, лежит обязанность позаботиться о том, чтобы он ни в каком отношении не уклонялся от тех принципов и традиций, которые придают правосудию авторитет и поднимают его на то место, которое оно должно занимать в делах всех цивилизованных государств» («Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 245). В том же духе выступили обвинители.

²⁸ Hans E ch a r d. Op. cit. «American Journal of International Law», 1949, v. 43, p. 243.

²⁹ M. G r e e n s p a n. Op. cit., p. 59.

сколько-нибудь решающего значения. На основе международных соглашений нередко действуют национальные суды.

Очевидно, решающим для оценки морального, политического и юридического авторитета Устава и приговора Международного Военного Трибунала является то, насколько широко были одобрены эти документы международным сообществом, народами мира. За судейским столом сидели представители четырех великих держав — СССР, США, Великобритании и Франции. Но можно ли было на этом основании сделать вывод, что трибунал в Нюрнберге был лишь межсоюзническим оккупационным судом этих держав, а не международным? То, что именно эти страны, и прежде всего Советский Союз, внесли решающий вклад в дело разгрома германского фашизма и его союзников и таким образом спасли человечество, цивилизацию от гибели, создает прочное морально-политическое основание для того, чтобы представители народов этих стран выступили в качестве судей в Нюрнберге.

Следует, однако, иметь в виду, что число стран, одоббивших Устав Международного Трибунала и присоединившихся к нему, вовсе не ограничивается этими четырьмя державами. Еще 19 стран присоединились к Уставу Трибунала: Индия, Греция, Дания, Югославия, Бельгия, Чехословакия, Польша, Норвегия и др. Это свидетельствовало о широком международном признании идеи суда над главными гитлеровскими военными преступниками, о том, что большая часть государств и народов присоединила свой голос к одобрению Устава.

1 октября 1946 г. Международный Военный Трибунал в Нюрнберге вынес приговор. Получил ли международное одобрение этот приговор? Безусловно, да, ибо 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН на пленарном заседании приняла резолюцию 95(1), в которой подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала³⁰. 54 государства подписались под этой резолюцией, являющейся лучшим свидетельством того, что Нюрнбергский трибунал был поистине международным.

Делегации различных стран на Нюрнбергском процессе провели огромную работу.

Хотя за столом Международного Военного Трибунала сидели представители четырех крупнейших держав антигитлеровской коалиции (соответственно в зале суда находились и четыре главных обвинителя с их аппаратом), в проведении Нюрнбергского процесса наряду с ними участвовали представители и других стран, пострадавших от гитлеровской агрессии.

Оценивая вклад, внесенный различными делегациями в успешное осуществление целей процесса, нельзя не сказать о значительном и благотворном труде представителей Польши, Чехословакии,

³⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 550.

Югославии, Бельгии и некоторых других стран, чьи юристы постоянно находились в Нюрнберге. С их помощью правительства представляли через обвинителей четырех держав доказательственные материалы Международному Трибуналу.

Делегации стран — участниц Международного Военного Трибунала — возглавлялись весьма видными юристами, как правило, людьми, занимавшими большие посты в системе органов юстиции своих стран.

Советское обвинение возглавлялось Р. А. Руденко, занимавшим в период Нюрнбергского процесса пост прокурора УССР. Советским судьей в Международном Трибунале был И. Т. Никитченко, бывший в то время заместителем председателя Верховного Суда СССР, заместителем его — подполковник юстиции А. Ф. Волчков.

Главным американским обвинителем на процессе был член верховного суда США Роберт Джексон. Он же летом 1945 г. в Лондоне участвовал в разработке Устава Международного Трибунала и подписал его от имени США. Членом Международного Трибунала от США был бывший генеральный прокурор США в правительстве Рузвельта Фрэнсис Биддл, а его заместителем — судья Джон Паркер.

Великобританию представлял на посту главного обвинителя генеральный прокурор Хартли Шоукросс. Справедливость, правда, требует отметить, что фактически эти обязанности с успехом выполнял его заместитель Дэвид Максвелл Файф, являвшийся генеральным прокурором Англии в кабинете Черчилля, ушедшем в отставку летом 1945 г. Членом Трибунала от Великобритании был сэр Джеффри Лоуренс, который другими судьями был избран на пост председателя Нюрнбергского трибунала. Его заместителем был судья Норман Биркетт.

Главным обвинителем от Франции выступал член тогдашнего французского правительства Франсуа де Ментон. В ходе процесса его заменил Шампетье де Риб. Представителем Франции в Международном Трибунале был профессор уголовного права Доннедье де Вабр, а его заместителем — судья Робер Фалько.

Делегации четырех держав на Нюрнбергском процессе, как правило, работали согласованно, и их лояльное сотрудничество обеспечило успешное завершение процесса. Однако нельзя не отметить определенные особенности в положении делегаций западных держав, с одной стороны, и делегации Советского Союза — с другой.

Подсудимые и их защита на Нюрнбергском процессе, когда им было предъявлено обвинение в агрессии, всячески стремились, ссылаясь на мюнхенскую политику западных держав, создать конструкцию «смешанной ответственности». Для обоснования этой конструкции подсудимые нередко приводили многочисленные факты действительной помощи дипломатии западных держав в осуществлении целей гитлеровской внешней политики. И действительно,

в ряде случаев такие ссылки не были лишены основания: Гитлер не мог бы осуществить австрийский аншлюсс, если бы не прямая поддержка англо-французской дипломатии; расчленение и захват Чехословакии были бы немыслимыми, если бы не прямое предательство Англии и Франции в Мюнхене. И надо отдать справедливость некоторым западным обвинителям на процессе: они понимали и не очень скрывали неблагоприятную роль правящих реакционных кругов своих стран в период подготовки нацистской агрессии в Европе.

Так, Джексон говорил: «Демократические элементы, пытавшиеся управлять Германией при помощи... механизма, созданного Веймарской республикой, не получили достаточной поддержки от демократических сил остальных стран, включая мою страну»³¹. И он снова возвращался к этой мысли, когда говорил о политике крупных империалистических держав в 30-х годах, о проблемах предотвращения войны в связи с агрессивными акциями нацистской Германии: «Мы не можем сослаться ни на этику, ни на мудрость ни одной из стран, в том числе моей собственной, перед лицом этих проблем»³².

Оценивая положение представителей западных держав на процессе, необходимо иметь в виду неоднократные попытки реакции не допустить того, чтобы Нюрнбергский процесс нанес ущерб политике и авторитету этих держав и империалистической политике в целом.

Не случайно Джексон сказал: «Мы не углубляемся в изучение обстоятельств, которые привели к началу этой (второй мировой. — А. П.) войны... Соединенные Штаты Америки не желают вступать в дискуссии по вопросу сложных довоенных течений европейской политики, и они надеются, что этот процесс не будет затянут рассмотрением их»³³.

Стремление реакционных кругов некоторых западных держав не допустить разоблачения на Нюрнбергском процессе соучастия этих держав в осуществлении гитлеровской агрессивной политики явилось как раз тем обстоятельством, которое подсудимые и их защита пытались использовать для того, чтобы увести процесс в сторону от его действительных задач. В этом смысле конструкция «смешанной ответственности» их вполне устраивала.

Это и создавало довольно существенные отличия в положении обвинителей западных держав и Советского Союза. А подсудимые понимали эти отличия. Более того, защита в Нюрнберге всячески пыталась использовать мюнхенские мотивы политики западных держав, чтобы спровоцировать длительные дискуссии по этому вопросу, попытаться противопоставить в Нюрнберге западные державы Советскому Союзу, обвинителей западных держав — совет-

³¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 290.

³² Там же, т. 7, стр. 10.

³³ Там же, стр. 332.

ским обвинителям. Этому способствовало также и то, что Нюрнбергский процесс по времени совпал с началом «холодной войны» в мире, а это тем более давало подсудимым возможность надеяться на то, что процесс может провалиться в политическую трещину в отношениях между Западом и Востоком, которая с каждым днем становилась все более широкой.

Вряд ли есть необходимость подробно объяснять, какие важные задачи встали перед советской делегацией в Международном Военном Трибунале по обеспечению делового сотрудничества обвинителей всех стран.

В этом смысле положение советских обвинителей было и легче и сложнее положения обвинителей западных держав. Советские юристы представляли в Нюрнберге государство, которое с первого дня своего существования объявило мир основой своей внешней политики, которое принципиально и последовательно проводило эту политику. Именно Советский Союз в предвоенные годы решительно и бескомпромиссно боролся против нараставшей опасности фашистской агрессии. Во вступительной речи Р. А. Руденко подчеркнул, что никакие другие страны не пострадали от гитлеровской агрессии так, как пострадал Советский Союз, и никто другой не приложил столько поистине героических усилий для того, чтобы на полях сражений разгромить фашистских захватчиков и тем спасти мир от нацистского порабощения.

Все это, конечно, создавало мощный морально-политический фундамент для успешной деятельности советских юристов в Нюрнберге. Но задача состояла в том, чтобы на процессе возобладал дух подлинного и широкого сотрудничества между всеми делегациями, ибо только при этом условии возможно было осуществить великие цели Нюрнбергского процесса.

Можно смело сказать, что эта задача была успешно выполнена и во многом этот успех был достигнут благодаря большому политическому и юридическому такту советских представителей в Нюрнберге. Всякие попытки подсудимых искать сочувствие у советских обвинителей, когда речь шла о Версальском договоре как поводе для оправдания гитлеровской агрессивной политики, были сорваны. Равным образом в ответ на попытки гитлеровской клики использовать созданную ее защитой конструкцию «смешанной ответственности» и на ее основе затеять бесконечную полемику и сорвать процесс обвинители всех четырех держав раз и навсегда разъяснили подсудимым, что, действуя здесь по мандату народов всего мира, они обвиняют нацистов в чудовищных преступлениях, которые не становятся менее тяжкими и опасными от того, что в западных странах нашлись люди, на помощь которых гитлеровская клика опиралась, развязывая войну.

Советские обвинители были свободны от тех опасений, которые нередко испытывали обвинители западных держав. На пути советских прокуроров не было тех подводных камней, которые могли

быть использованы подсудимыми для того, чтобы морально опорочить государство, от имени которого они выступали. Все это, несомненно, облегчало позицию и деятельность советских обвинителей. Но в то же время нельзя не сказать и об особых трудностях, которые перед ними возникали. В Нюрнберге происходил Суд народов, и в представителях Советского государства человечество видело наибольшую гарантию того, что реакции не удастся свернуть процесс с правильного пути.

В соответствии с Уставом в Нюрнберге функционировал Комитет обвинителей, созданный для координации их деятельности. В его задачу входило согласование мероприятий по подготовке материалов к процессу, распределение обязанностей между главными обвинителями по поддержанию обвинения на отдельных стадиях процесса и т. п. Советские обвинители провели огромную работу в этом Комитете, чтобы обеспечить не изолированную, а до деталей согласованную деятельность его членов.

Советская делегация прибыла в Нюрнберг с огромным количеством юридически безупречных доказательств виновности гитлеровской клики. Сбору и систематизации доказательств в значительной мере способствовала деятельность Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Среди материалов Комиссии были показания многочисленных свидетелей, потерпевших, самих гитлеровцев, захваченных в плен, и их сообщников.

В составе советской делегации была следственная часть, возглавляемая государственным советником юстиции третьего класса Г. Н. Александровым и полковником юстиции С. Я. Розенблитом. Следственная часть провела огромную работу по сбору и систематизации доказательств, по допросу многих обвиняемых и свидетелей.

Деятельность советских обвинителей заключалась как в представлении доказательств Международному Военному Трибуналу, так и в допросе подсудимых и свидетелей на процессе.

Заместитель главного советского обвинителя Ю. В. Покровский предъявлял на процессе доказательства по разделу «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии», а также по вопросу о преступлениях нацистов против военнопленных; помощник главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов — доказательства о преступлениях гитлеровцев против гражданского населения, против человечности, совершенных на оккупированных территориях Советского Союза, Польши, Югославии, Чехословакии и Греции. М. Ю. Рагинский, также помощник главного советского обвинителя, представил суду доказательства виновности подсудимых в разрушении городов и сел, в разрушении и разграблении культурных и научных ценностей. Советский обвинитель Н. Д. Зоря предъявил Трибуналу различные доказательственные материалы

по разделу «Агрессия против СССР», а также по разделу «Угон мирного населения в немецко-фашистское рабство и применение принудительного труда на оккупированных территориях». Обоснованию ответственности гитлеровской клики за разграбление и расхищение частной, общественной и государственной собственности было посвящено выступление на процессе Л. Р. Шейнина, помощника главного советского обвинителя.

Таким образом, диапазон деятельности советских обвинителей был очень широк. В сущности в их выступлениях были охвачены все разделы обвинительного заключения.

В течение почти целого года сотрудничали судьи Международного Военного Трибунала, различные по своему мировоззрению, представлявшие полярно противоположные системы права. И тем не менее в решении важнейших вопросов они нашли общий язык. Достигнуто это было благодаря тому, что перед Нюрнбергским трибуналом стояли общедемократические задачи — задачи борьбы с агрессией, с войной, которая угрожает всему человечеству. Достижению единства среди судей во многом способствовали советские представители в Международном Трибунале.

Самый характер Нюрнбергского процесса, широкий диапазон рассматриваемых вопросов, необходимость как для обвинителей, так и для судей в любое время быть во всеоружии в специальных теоретических и практических вопросах различных отраслей права, особенно международного уголовного права, обусловили привлечение к работе в Трибунале соответствующих экспертов и консультантов.

С первого же дня возникновения проблемы создания и организации деятельности Международного Военного Трибунала функции консультанта советской делегации выполнял профессор А. Н. Трайнин, один из выдающихся советских ученых-юристов, посвятивший много лет своей деятельности вопросам использования уголовного закона в борьбе за мир и международную безопасность, в борьбе с преступлениями против человечества А. Н. Трайнин еще до войны подготовил и издал два монографических исследования — «Уголовная интервенция» и «Защита мира и уголовный закон», в которых исследовались важнейшие проблемы международного уголовного права. А. Н. Трайнин продолжал свои исследования во время Отечественной войны и в 1944 г. издал книгу «Об уголовной ответственности гитлеровцев», переизданную в ряде стран. В 1945 г. по поручению Советского правительства А. Н. Трайнин вместе с И. Т. Никитченко участвовал в Лондоне в Международной конференции по разработке Устава Международного Военного Трибунала. Советские делегаты представили на конференции разработанный ими проект Устава, который после соответствующего его обсуждения и поправок был принят и подписан.

Перед окончанием процесса Международный Военный Трибу-

нал объявил профессору А. Н. Трайнину благодарность за большую помощь.

Значительную работу по обобщению доказательственных материалов и подготовке их к завершающей стадии процесса провел консультант советской делегации в Международном Трибунале А. Е. Лунев.

3. Понятие «главный военный преступник»

В Нюрнберге и Токио происходили судебные процессы над главными военными преступниками гитлеровской Германии и империалистической Японии. До, во время и после этих процессов были организованы судебные процессы в национальных трибуналах союзных стран, в том числе в Советском Союзе. В том же Нюрнберге под эгидой американской военной юстиции было проведено 12 судебных процессов над крупнейшими руководителями гитлеровской армии, карательных органов, различных министерств, промышленных концернов.

Можно ли утверждать, что понятие «главный военный преступник» относилось лишь к тем, кого судили на международных судебных процессах, и что все военные преступники, которых судили в национальных судах, уже в силу этого факта не относятся к категории главных? Можно найти некоторые основания для такого суждения, если ограничить исследование вопроса лишь Московской Декларацией 1943 г. Заключительная ее часть, которая иногда используется для определения понятия «главный военный преступник», гласит: «...Декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников»³⁴. Следовательно, в Декларации выдвигается территориальный критерий для определения понятия «главный военный преступник». Авторы Декларации имели в виду лиц, преступная деятельность которых протекала на территории двух или более стран. Правильен ли этот критерий? Видимо, да. Но можно ли признать его исчерпывающим? Конечно, нет.

В советской литературе высказывалось мнение о том, что среди лиц, виновных в совершении преступлений против человечества, наметились две основные группы преступников: 1) главные военные преступники и 2) офицеры и солдаты и члены нацистской партии³⁵.

С такой градацией согласиться нельзя. Во-первых, она никак не раскрывает того, что следует понимать под главным военным

³⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 21.

³⁵ См. А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, стр. 54.

преступником. Во-вторых, весьма неточно понятие «офицеры и солдаты». Что такое офицер? В широком смысле слова понятие «офицеры» охватывает и генералов, и фельдмаршалов, и адмиралов. Но предположим, что речь шла лишь о тех лицах командного состава армии и флота, которые имеют воинские звания до генерала. Тогда можно было бы утверждать, что генералы и адмиралы, маршалы и фельдмаршалы уже в силу одного своего звания в случае совершения преступлений против человечества должны быть отнесены к категории главных военных преступников. Нетрудно заметить, что здесь уже территориальный критерий дополняется другим — критерием воинского звания, причем именно звания, а не должностного положения. Но если принять оба эти критерия, то, например, исполнитель чудовищного плана истребления шести миллионов евреев Адольф Эйхман не подошел бы под понятие главного военного преступника, ибо он был подполковником. Эйхман не единственный в этом смысле пример.

В приведенной градации ко второй группе относятся также «члены нацистской партии». Это тоже не точно. Членами нацистской партии в Германии были миллионы людей. Членом нацистской партии мог быть рядовой надзиратель в концентрационном лагере, и таким же членом был Юлиус Штрейхер — один из идеологов расизма в Германии, который сидел на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

Вернемся к ранее поставленному вопросу о территориальном критерии, принятом Московской Декларацией 1943 г. Этот критерий оказался недостаточным. Да и трудно было в 1943 г., когда механизм совершения нацистами чудовищных преступлений еще не был полностью раскрыт, когда архивы германского правительства еще не были обнаружены, давать исчерпывающие определения. Лишь после войны, после установления всех деталей нацистского заговора, после сотен судебных процессов стала явной недостаточность и неточность территориального критерия. Под понятие «главные военные преступники» не попадали члены эйнзатцкоманд, хотя их преступная деятельность протекала на территории нескольких стран. С другой стороны, по формальным мотивам начальник концлагеря Освенцима Рудольф Гесс, под руководством которого было уничтожено около трех миллионов человек, не должен был попасть в категорию главных военных преступников, ибо его преступная деятельность протекала на территории одной страны — Польши, где размещался лагерь.

Если применять ко многим судебным процессам только территориальный критерий, то получится весьма искаженная картина. Для примера можно взять 12 судебных процессов, проведенных в Нюрнберге американскими трибуналами. А. Н. Трайнин пишет, что рассмотрение дела национальным, а не международным судом означает, что речь идет не о главных военных преступни-

ках³⁶. Д. Б. Левин считает, что национальным судам могут быть подсудны лишь дела о преступлениях, связанных с определенным географическим местом³⁷. Но на этих 12 судебных процессах рассматривались дела по обвинению лиц, совершивших преступления на территории нескольких стран (дело верховного командования вермахта — подсудимые фельдмаршал Лист, генералы Рейнеке, Варлимонт и др.; дело СС — подсудимые Освальд Поль, Оллендорф, Носске; дело «ИГ Фарбениндустри» — подсудимые Амброс, Шнитцлер и др.). Преступления таких германских монополистов, как Крупп, Флик, Краух, Тер-Меер, совершались буквально во всех странах, против которых была направлена гитлеровская агрессия.

Значит, дело здесь не только в территориальном критерии. Есть все основания считать многих подсудимых на этих процессах главными военными преступниками, исходя из характера и масштабов совершенных ими преступлений. Без колебаний комендантов гитлеровских лагерей смерти можно назвать главными военными преступниками, а между тем именно их дела рассматривались национальными военными трибуналами: дело коменданта Освенцима Гесса — в Верховном суде Польши, дело начальника лагеря Берген-Бельзен Крамера — в английском суде и т. д. Впрочем, эти начальники концлагерей являются главными военными преступниками еще и потому, что, хотя лагеря как средство уничтожения находились на территории одной страны, преступления в каждом из них совершались против народов нескольких стран.

Каким же должен быть критерий для определения понятия «главный военный преступник»?

Одна из характерных черт преступлений против человечества состоит в том, что они заранее планируются агрессором и представляют собой часть общего военно-стратегического плана агрессии. При таких условиях особо опасна деятельность по планированию и подготовке преступлений против человечества. Лица, принимающие активное участие в такой деятельности, в разработке системы таких преступлений независимо от того, направлены ли эти преступления против народа одной страны или народов нескольких стран, должны быть признаны главными военными преступниками. Вот почему совершенно правильно в Нюрнберге считались главными военными преступниками лица, участвовавшие в разработке таких планов и приказов, как «План Ост», «Мрак и Туман», «Кугель» и т. п. И хотя многие из тех, кто принимал активное участие в этой стадии совершения преступлений против человечества, и были судимы не международными,

³⁶ А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, стр. 54.

³⁷ Д. Б. Левин. Основные проблемы современного международного права. Госюриздат, 1958, стр. 190.

а национальными судами, они тем не менее по существу были главными военными преступниками. Именно они закладывали основу преступлений, объектом которых должен был стать народ какой-либо страны или даже многие народы.

Таким образом, следует прийти к такому выводу.

1. Территориальный признак имеет существенное значение для определения понятия «главный военный преступник».

2. Территориальный критерий, однако, может применяться лишь в совокупности с критерием масштаба преступлений. Лицо может быть признано главным военным преступником и тогда, когда оно совершило тяжчайшие по характеру и масштабу преступления на территории одной страны, и может не являться главным военным преступником даже в том случае, когда его преступная деятельность протекала на территории двух или более стран, если по своим масштабам эта деятельность незначительна. А. Н. Трайнин правильно указывает, что «территориальный признак не может иметь значение абсолютного критерия», что важен и вопрос о характере преступления³⁸.

3. При определении понятия «главный военный преступник» существенны некоторые критерии чисто субъективного характера — такое лицо несомненно должно занимать определенное служебное положение, которое позволяло бы ему: а) быть информированным об общем плане или заговоре на совершение преступлений против человечества; б) оказывать влияние на осуществление целей заговора в любой форме соучастия и в любом качестве соучастника — организатора, подстрекателя, исполнителя, пособника преступления.

Только сочетание всех этих критериев может помочь определению понятия «главный военный преступник».

Но определение этого понятия должно было иметь какую-то практическую цель. Состояла она в том, чтобы таким путем определить подсудность военных преступников.

Однако правильное определение подсудности опять-таки зависит не от самого факта принадлежности лица к главным военным преступникам. Если преступления его были направлены против народа одной страны, то дело может рассматриваться судом данной страны, а не международным судом. Если же преступная деятельность была направлена против народов ряда стран, то это лицо подчиняется юрисдикции Международного Трибунала. Но здесь, как показывает опыт, возможно исключение: по согласованию заинтересованных стран рассмотрение того или иного дела главного военного преступника передавалось судебным органам одной из этих стран (например, дело Рудольфа Гесса рассматривалось в Польше).

³⁸ А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, стр. 56.

В заключение следует отметить, что западные державы, намеренно сорвав дальнейшую деятельность Международного Военного Трибунала, приняли к своему производству и провели ряд судебных процессов в Европе. Эта акция имела своей целью способствовать осуществлению нового курса политики Запада в германском вопросе. В ходе этих процессов были нарушены интересы других стран — участниц антигитлеровской коалиции, сознательно устраненных от участия в суде. Разумеется, это было грубейшим нарушением справедливых принципов подсудности дел о главных военных преступниках.

4. Доктрина государственного акта и ответственность за преступления против человечества

Как на Нюрнбергском, так и на Токийском процессах одним из самых сложных вопросов был вопрос об индивидуальной ответственности за преступления против человечества. Мы называем его сложным потому, что обвинителям и судьям на этих процессах, как, впрочем, и на некоторых процессах национальных трибуналов, пришлось вести борьбу против выдвинутого защитой утверждения о недопустимости привлечения физических лиц к ответственности за совершение преступлений против человечества. Эта борьба велась не только во время судебных процессов, но и сегодня еще ведется на страницах монографий и теоретических юридических журналов.

На Нюрнбергском процессе наиболее полно выразил эту концепцию о недопустимости ответственности физических лиц адвокат Ярайсс, выступавший с речью по общеправовым вопросам. Прежде всего он обрушился на то положение Устава, которое провозглашает агрессию международным преступлением. Придя к выводу о том, что международное право к началу второй мировой войны не содержало нормы о незаконности, и тем более преступности, войны, Ярайсс не ограничился этим открытием. Он великодушно представил себе гипотетическую ситуацию, при которой агрессия все же является преступлением, но тут же сделал еще одно важное «открытие», заявив: «Если Германская империя в отдельном случае начала наступление вопреки еще действующему договору о ненападении, то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права. Только империя, но не отдельное лицо, будь оно даже главой государства. По существующим нормам международного права это не вызывает никакого сомнения»³⁹. Итак, по Ярайссу, даже если исходить из того, что международное право признавало еще к началу второй мировой войны агрессию преступлением, да-

³⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 25, стр. 363.

же если считать доказанным обвинение в том, что гитлеровская Германия вела серию агрессивных войн, то при всех условиях в ответе за это германская империя, а не физические лица, даже если они возглавляли правительство империи.

Собственно, ничего ни нового, ни оригинального в этой точке зрения нет. Теория международной ответственности государства издавна развивалась под сильным влиянием цивилистических концепций. Согласно этим последним ответственность государств в международном праве строится по аналогии с ответственностью индивидов в гражданском праве. Последствие деликта в гражданском праве — требование о возмещении вреда. Этим ограничивается и ответственность государств за деликт, даже если этим деликтом является война. И эта цивилистическая концепция в проблеме ответственности государств была господствующей, в сущности единственной до первой мировой войны. Считалось, что государство (и только оно) несет ответственность за санкционированные им действия его официальных представителей.

Коренное изменение в проблему международной ответственности физических лиц внесла Великая Октябрьская социалистическая революция, объявившая в первом же своем Декрете о мире агрессивную войну тягчайшим международным преступлением. Ленинский Декрет о мире получил огромную моральную поддержку народных масс всех стран. Под давлением мирового общественного мнения творцы Версаля вынуждены были сформулировать в Версальском договоре положение об уголовной ответственности Вильгельма II и других высокопоставленных военных преступников Германии⁴⁰. Таким образом, в итоге мировой войны теория международной ответственности государств претерпела серьезные изменения. Появилась уголовноправовая концепция ответственности, согласно которой гражданскоправовая ответственность за войну дополняется уголовноправовыми санкциями к агрессору. Сторонниками этой концепции были Политис, Пелла, Сальданья, Левит, Бустаманте и др.

Агрессивную войну они рассматривали как наиболее тяжкий международный деликт и считали ее международным преступлением. Авторы новой концепции утверждали, что последствием такого деликта должна быть не только гражданскоправовая, но и уголовноправовая ответственность агрессора. Но в определении субъекта уголовноправовой ответственности они разошлись. Одни (например, Политис)⁴¹ считали, что субъектами такой ответственности должны быть индивиды, а не государство как таковое, другие (например, Бустаманте)⁴², напротив, полагали, что не

⁴⁰ Подробнее об этом см. гл. II.

⁴¹ N. Politis. Les nouvelles tendances du droit international. Paris, 1927, p. 127—129.

⁴² A. S. Bustamante y Sirven. Droit international public, t. IV. Paris, 1937, p. 21—24.

Судьи Международного Военного Трибунала
Слева направо: А. Ф. Волчков, И. Т. Никитченко
(СССР), Норман Биркетт, Джеффри Лоуренс (Ве-
ликобритания), Фрэнсис Биддл, Джон Паркер
(США), Доннедьё де Вабр, Робер Фалько
(Франция).

Скамья подсудимых

Слева направо: первый ряд — Геринг, Гесс, Риб-
бентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг,
Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт; второй
ряд — Дениц, Редер, Ширах, Заукель, Иодль,
Пален, Зейсс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче

индивиды, действующие от имени и по поручению государства, а само государство-агрессор должно подвергаться уголовноправовым санкциям. Наконец, как это часто бывает при наличии двух точек зрения, появляется и третья, компромиссная, заключающаяся в том, что допускается уголовная ответственность и государства, и индивидов (Пелла, Левит и др.).

Ярайсс в речи на Нюрнбергском процессе развивал, конечно, идеи уголовной ответственности государства и полностью отрицал такую ответственность физических лиц, действовавших во исполнение государственного акта. Приводя примеры, когда агрессор, совершивший агрессивные нападения в период между двумя мировыми войнами, оставался безнаказанным и ни один представитель государства-агрессора не был привлечен к ответственности, Ярайсс говорил: «Это не сделали потому, что нельзя это сделать, пока суверенитет государств является основным организационным принципом всего порядка во взаимоотношениях между ними. Либо одно, либо другое»⁴³.

Как бы предваряя аргументацию приговора Международного Трибунала, Ярайсс заявил: «Само собой разумеется, что акты государства — это действия людей. Но это все-таки и именно акты государства, акты государства, проведенные в жизнь его органами, а не частные акты господина Мюллера или господина Шмидта. То, что делает обвинение, стремясь от имени всего мирового права юридически осудить отдельных лиц за то, что они решали вопрос о том, быть войне или миру, означает в перспективе европейской истории „приватизацию“ государства...» Далее Ярайсс для подкрепления своей позиции сослался на то, что еще в период деятельности комиссии по расследованию причин войны 1914—1918 гг. в связи с юридическим осуждением Вильгельма II резко выступали против этого американские представители и как раз по вопросу о том, что подобный метод несовместим с суверенитетом государства⁴⁴. Как бы заключая этот вопрос, Ярайсс сказал:

«Наказание отдельных лиц в соответствии с нормами международного права за нарушение мира между отдельными государствами возможно только в том случае, если будут уничтожены основы действующего международного права и представления, в течение веков прочно укоренившегося в сознании европейских народов, основы и представления, согласно которым государство, свое суверенное государство, является неременной основой существования свободы личности»⁴⁵.

Само собой разумеется, что доводы Ярайсса были полностью поддержаны всей нюрнбергской защитой. Даже адвокат руководителя гестапо Кальтенбруннера д-р Кауфман нашел возмож-

⁴³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 25, стр. 366.

⁴⁴ Там же, стр. 368.

⁴⁵ Там же, стр. 369.

ность уцепиться за теорию государственного акта и заявил в Трибунале: «Существующие нормы права исходят в принципе из того, что субъектом международного права является только суверенное государство, а не отдельный человек. Ответственность отдельного человека по международному праву может существовать только в том случае, если само международное право свяжет определенный состав преступления с нарушением права и определит, что эти нормы следует применять непосредственно к отдельным лицам»⁴⁶.

Такая позиция защиты на Нюрнбергском процессе была исторически обусловлена. Основа ее — в неогегельянской философской литературе, которая особенно сильно распространилась в Германии после первой мировой войны. Неогегельянцы, представлявшие собой в условиях Германии идеологов нарождавшегося фашизма, прибегли к известному положению философии права Гегеля о том, что всемирная история не может оцениваться принципами права и морали и что руководителей государств, даже если они вели агрессивные войны и совершали различные преступления в ходе этих войн, нельзя оценивать меркой общих принципов права. Только суд истории может рассматриваться как компетентный для обвинения государственных деятелей. Практически это, конечно, означало полную безнаказанность за совершенные преступления.

Следует, правда, отметить, что на такой позиции полной личной безответственности государственных деятелей за преступные действия, совершенные именем государства, стоят не только реакционные западногерманские авторы.

Книрим находит себе союзников и в среде авторов других западных стран. В своей монографии, посвященной Нюрнбергским процессам, он ссылается на Кельзена, который пишет: «Ни по доктрине американского обвинителя, ни по доктрине (Нюрнбергского.— А. П.) Трибунала невозможно доказать, что современное международное право, особенно Пакт Бриана—Келлога, установило индивидуальную ответственность за агрессивную войну. Равным образом не существует и соответствующих национальных законов, на основании которых можно было бы привлечь к ответственности тех, кого обвиняют в преступлениях, предусмотренных Лондонским соглашением». Кельзен делает вывод, что, вопреки утверждению Международного Трибунала о том, что международное право в том виде, как оно сложилось к 1939 г., уже предусматривало ответственность физических лиц за международные преступления, фактически единственным правообразующим документом является сам Устав Международного Трибунала, принятый, как известно, после окончания второй мировой войны⁴⁷.

⁴⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 32, стр. 15340.

⁴⁷ H. Kelsen. Op. cit. «International Law Quarterly», 1947, N 2, p. 168; August Knieiem. Op. cit., p. 18—19.

Для подкрепления своей позиции, аналогичной позиции Ярайсса, Кширим ссылается также на материалы Лондонской конференции 1945 г., на которой разрабатывался Устав Международного Трибунала. В частности, он ссылается на выступления французского представителя профессора Гро, заявившего: «Развязывание агрессивной войны, может быть, и есть преступление со стороны государства, прибегающего к такой войне, но это вовсе не означает, что оно является преступлением и для отдельных людей. Когда вы говорите, что государство, которое начало войну, совершило преступление, вы ведь не имеете в виду, что члены правительства этого государства — преступники»⁴⁸. Гро заметил, что, конечно, было бы желательным и с моральной, и с политической точек зрения установить личную ответственность за преступления против человечества, но это все еще не норма международного права⁴⁹.

Из западногерманских авторов следует еще упомянуть Ганса Эхарда, бывшего министра президента Баварии, который в 1949 г. опубликовал в американском журнале международного права довольно пространную статью под заголовком «Нюрнбергский процесс против главных военных преступников и международное право». Эхард более осторожен, чем Ярайсс, чем Кширим, и он свою критику нюрнбергского приговора облакает в более осторожные выражения. Он готов признать, что «преступления, за которые судили в Нюрнберге, как это считало все население Германии, были достойны смертной казни»⁵⁰. Эхард пишет, что германский народ также убежден в том, что, «если международное сообщество хочет выжить в век наиболее ужасных орудий разрушения, оно может и должно вооружить себя против тягчайших преступлений также и оружием права». Он согласен с тем, что на будущее надо установить индивидуальную ответственность за преступления против мира и человечества, но такое утверждение потребовалось ему лишь для того, чтобы подчеркнуть незаконность нюрнбергского приговора: «Устав (Трибунала.— А. П.), — заключает Эхард, — делает ответственной группу людей, которая до этого не подлежала уголовной ответственности по международному праву. Согласно существующей доктрине, международное право имеет дело лишь с народами, с государствами, но не с отдельными лицами... только государства как таковые, а не исполнители нарушений ответственны»⁵¹.

Стремясь подкрепить свою позицию, Эхард пишет: «Во всяком случае, я не знаю ни одного дела, по которому государственный

⁴⁸ August Knieiem. Op. cit., p. 19.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Hans E ch a r d. Op. cit. «American Journal of International Law», 1949, v. 43, p. 225.

⁵¹ Там же, стр. 230—231. Еще раньше с таким же тезисом в том же журнале выступил редактор журнала Финч, а несколько позднее его под-

деятель был бы привлечен к уголовной ответственности за любое действие, совершенное от имени и по поручению государства»⁵².

Эхард, конечно, извращает факты. История международных отношений знает немало прецедентов привлечения к ответственности официальных и неофициальных лиц, совершивших преступления против человечества. Э. Яничек в своей работе приводит ряд таких судебных прецедентов. Он начинает свой исторический экскурс с 1180 г., когда был наказан герцог Саксонии и Баварии. Яничек последовательно излагает случаи привлечения к ответственности Конрада V (1268 г.), Вильгельма Уэллеса (1305 г.), Хагенбаха (1473 г.), Шотландской королевы (1587 г.) и др.⁵³

Весьма красноречиво и убедительно свое мнение по доктрине государственного акта высказал Робеспьер в речи, произнесенной в Национальном собрании 14 июля 1791 г., потребовав «защитить священные принципы свободы» от «коварной доктрины», которая вообще отвергает возможность привлекать короля к ответственности за его поступки. Робеспьер считал, что если преступление совершено первым в государстве должностным лицом (каковым является король), то в этом нельзя не усмотреть оснований для повышенной ответственности⁵⁴. Неприкосновенность могут иметь и имеют лишь сами народы, говорил Робеспьер, по не их представители или высшие должностные лица государства. Поэтому те, кто прикрывает короля «щитом неприкосновенности», приносят ему в жертву неприкосновенность народа⁵⁵.

История международных отношений в XIX и XX вв. также знает случаи привлечения к ответственности высших должностных лиц государства за преступления войны. Первый из них — хорошо известный пример с Наполеоном, сосланным на остров Св. Елены. В сущности, как отмечает В. Н. Дурденевский, в этом случае «была выдвинута и реализована в особом порядке идея ответственности нарушителя международного права и международного мира, если даже этот нарушитель глава государства, действующий от имени государства»⁵⁶.

держал английский реакционный юрист Могем (G. Finch. Op. cit. «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 30; F. H. Maughan. Op. cit., p. 43).

⁵² Hans E ch a r d. Op. cit. «American Journal of International Law», 1949, v. 43, p. 240.

⁵³ Edward J a n e s z e k. Nuremberg Judgment in the Light of International Law. Geneva, 1949, p. 90—93.

⁵⁴ Цит. по кн. А. А. Герцензона «Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века». (Изд-во АН СССР, 1962, стр. 245).

⁵⁵ А. А. Герцензон. Указ. соч., стр. 245.

⁵⁶ В. Н. Дурденевский. На пути к международному уголовному правосудию. «Научные записки Ин-та внешней торговли Наркомвнешторга СССР», в. 1. М., 1945, стр. 174.

Второй пример — судебное рассмотрение дела экс-президента Южных Штатов Джефферсона Дэвиса и его сообщников по развязыванию и ведению гражданской войны в США в 1861—1865 гг. Особые условия войны между Севером и Югом привели к тому, что оба лагеря были признаны за границей «воюющими сторонами». Согласно общепринятым нормам международного права, обе эти воюющие стороны должны были во всем придерживаться законов и обычаев войны. Однако руководители мятежного Юга систематически и грубо нарушали эти нормы, особенно отличаясь варварским обращением с военнопленными Севера. После окончания войны Джефферсон Дэвис и некоторые другие высокопоставленные деятели Юга были преданы суду и судимы национальными судами США⁵⁷.

Как отмечает В. Н. Дурденевский, «процессы американских конфедератов подчеркнули, что за зверства на войне ответственны не только непосредственные военные преступники, но и их попустители и руководители — вплоть до высших степеней правительственной иерархии»⁵⁸.

Третьим крупным примером, свидетельствующим о том, что еще до второй мировой войны доктрина государственного акта опровергалась международноправовой практикой, являются дела германских военных преступников первой мировой войны. Общеизвестны тягчайшие преступления, совершенные германскими милитаристами в этой войне. Известно также, что Версальский мирный договор содержал специальный раздел VII (ст. 227—230), озаглавленный «Санкции». Статья 227 Вильгельму II предъявляла публичное обвинение «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров» и устанавливала, что «будет образован специальный суд, чтобы судить обвиняемого с предоставлением ему существенных гарантий права защиты». Статьи 228—230 предусматривали обязательство Германии выдать союзникам деликвентов и признание ею права союзников предать деликвентов суду военного трибунала той страны, граждане которой пострадали от их преступных действий, «противных законам

⁵⁷ В 1872 г. Густав Муанье, тот самый, который был одним из авторов Женевской конвенции 1864 г. о режиме раненых, выступил с проектом учреждения международного трибунала. Имелось в виду, что к подсудности этого трибунала будут относиться дела лиц, нарушавших в ходе войны указанную конвенцию. Проект Муанье предусматривал создание международного трибунала ad hoc в составе пяти судей. Хотя проекту этому не суждено было стать реальностью, он заслуживает внимания, как справедливо пишет В. И. Менжинский, «уже только потому, что впервые в истории буржуазной юридической мысли был поставлен вопрос об индивидуальной международной ответственности физических лиц за нарушение общепризнанных норм международного права» (В. И. Менжинский. Проблемы международной ответственности в свете советской концепции международного права. Канд. дисс. М., 1951, стр. 128—129).

⁵⁸ В. Н. Дурденевский. Указ. статья. «Научные записки Ин-та внешней торговли Наркомвнешторга СССР», в. 1, стр. 177.

и обычаям войны». Таким образом, Версальский договор начисто отвергал доктрину государственного акта.

Принцип индивидуальной ответственности за преступления против человечества нашел подтверждение и в судебной практике национальных судов стран — участниц первой мировой войны. Во Франции были проведены судебные процессы над немецкими военными преступниками. Германские трибуналы последовали этой же практике, и в результате ряд французских военнопленных был осужден по обвинению в нарушении законов и обычаев войны. Характерно, что судебные процессы над лицами, нарушившими нормы Гаагских конвенций, были проведены, несмотря на то, что эти конвенции прямо не предусматривают правил о наказании за их нарушение. Следовательно, в течение десятилетий постепенно сложился важный принцип уголовной ответственности преступников войны. Эхарду и другим критикам нюрнбергского приговора, которые по-прежнему настаивают на доктрине государственного акта, следовало бы напомнить решение германского верховного суда, рассматривавшего после первой мировой войны в Лейпциге дела о военных преступлениях германских военнослужащих. Именно этот суд признал принцип индивидуальной ответственности за преступные посягательства на международное право во время войны⁵⁹.

Перечень примеров из судебной практики можно было бы дополнить фактами судебных процессов, проведенных во время второй мировой войны. Но любопытно другое. Не брезгая никакими средствами, нацистское правительство провело в Германии судебные процессы над союзными военнопленными по обвинению их в нарушении законов и обычаев войны⁶⁰. Не вникая в вопрос о сущности этих процессов, следует лишь отметить, что, организовав их, нацистское правительство, видимо, не сомневалось в существовании принципа индивидуальной ответственности за преступления против человечества.

Доктрина государственного акта подвергается серьезной критике во многих трудах по международному праву, и в особенности в работах советских юристов-международников. Позиция советских ученых вполне естественна и выражает их основную позицию по поводу незаконности и преступности агрессивной войны. Если преступна война, то должны быть ответственны и ее организаторы и вдохновители. Реалистический подход к вопросам международного права в данном случае допускает лишь одну возможность — коль скоро речь идет об уголовной ответственности,

⁵⁹ Edward Janeszek. Op. cit., p. 64; Н. Н. Полянский. Международное правосудие и преступники войны, стр. 32—49.

⁶⁰ Подробнее об этих процессах см.: Н. Lüders. Strafgerichtsbarkeit über Auegehörige des Feindstaates. «Süddeutsche Juristenzeitung», 1946, S. 217—218. R. W o e t z e l. The Nuremberg Trials in International Law. London — N. Y., 1960, p. 37.

субъектами ее могут быть лишь физические лица, и эти лица не могут прикрываться никакими ссылками на то, что они действовали по мандату государства. Мандат государства обуславливает политическую, экономическую, моральную его ответственность за агрессию. Но уголовная ответственность допустима только в отношении людей.

В речи на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко, разоблачая неосповательность позиции защиты, заявил:

«Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства. При выполнении этих действий лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданскоправового, так и уголовноправового характера. За последние, то есть содержащие состав преступления, они несут в подлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств»⁶¹.

Советские ученые раскрывают политическую подоплеку доктрины государственного акта как средства подорвать международное право, лишить юридического значения те его нормы, которые провозглашают агрессию международным преступлением, — в сущности сделать агрессию и агрессоров безнаказанными.

А. Н. Трайнин правильно писал, что государство как субъект международного права может быть субъектом международноправовой ответственности и что поэтому к государству могут быть применены санкции, но не уголовноправовые. «Уголовные санкции — таково общепризнанное положение — определяются органами уголовного правосудия», — писал А. Н. Трайнин (и тут же он справедливо отмечал, что таких органов не было в системе Лиги Наций). «Уголовная ответственность поκειται на вине — в формах умысла или неосторожности. В уголовном правосудии весьма существенную роль играют понятия и институты вменяемости, стадий совершения преступления, соучастия, наказания. Вне этих понятий и институтов уголовное право и уголовная ответственность немислимы. Но все эти институты и понятия нельзя применять к государству: государство не может быть вменяемо или невменяемо; государство не может быть на скамье подсудимых или за решеткой тюрьмы»⁶². Поэтому, заключал А. Н. Трайнин, «в сфере материального права, как и в области процесса, попытка рассматривать санкции ст. 16 Пакта Лиги в качестве уголовной санкции оказывается в глубочайшем несоответствии с основными принципами уголовного правосудия»⁶³.

⁶¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 203.

⁶² А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, стр. 41—42.

⁶³ Там же, стр. 42.

С. Б. Крылов, критически рассматривая теорию государственного акта, пишет: «...ответственность государства признается международным правом... она сводится к различным формам: извинение, репарация, реституция, возмещение убытков»⁶⁴.

Ф. И. Кожевников пишет по этому же поводу: «...физические лица могут понести уголовную ответственность, т. е. могут быть наказаны.

К народу в целом и к государству эта форма ответственности неприменима... Применительно к государству может идти речь, прежде всего, о политической и материальной ответственности»⁶⁵. «Субъектом международного деликта агрессии выступает государство; уголовную ответственность несут физические лица,— пишет Л. А. Моджорян,— выступающие в роли официальных представителей государства, превратившие государство в орудие международного преступления и его персонифицирующие»⁶⁶.

Сторонники концепции уголовной ответственности государства, отмечает Г. И. Тункин, полагают, что если в международном праве есть санкции, выходящие за рамки гражданскоправовой ответственности в национальном праве, то это уголовные санкции. «Но такой вывод,— справедливо пишет Г. И. Тункин,— является результатом перенесения концепций национального права в международное право без учета специфики последнего. Если известные международноправовые санкции выходят за пределы гражданскоправовой ответственности, то это еще не означает, что такие санкции обязательно являются уголовными санкциями»⁶⁷.

Критикуя взгляды Донеде де Вабра, поставившего вопрос о признании уголовной ответственности государства в зависимости от признания государства личностью, Н. Н. Полянский пишет: «Однако признание за государством значения личности вовсе еще не решает вопроса об его уголовной ответственности в том смысле, как мы понимаем эту ответственность применительно к национальному уголовному праву. В этом случае мы целиком примыкаем к тому же направлению в науке уголовного и международного права, которое, не отрицая за государством качества личности, исходит из утверждения, что юридические лица совершать преступления не могут (*societas delinquere non potest*).

Что государство не может совершать преступление в смысле национального уголовного права, это бесспорно. В этом смысле преступление может совершить лишь тот, кто может действовать

⁶⁴ «Международное право». Учебник для юридических институтов. Юриздат, 1947, стр. 153.

⁶⁵ Ф. И. Кожевников. Учебное пособие по международному публичному праву (очерки). Юриздат, 1947, стр. 87.

⁶⁶ Л. А. Моджорян. О субъекте международного права. Изд. МЮИ. 1948, стр. 88.

⁶⁷ Г. И. Тункин. Вопросы теории международного права. Госюриздат. 1962, стр. 276.

умышленно или неосторожно. Так действовать могут только лица-индивидуумы, но так не может действовать юридическое лицо. Именем юридического лица совершают преступление всегда физические лица, выступающие в качестве его органов»⁶⁸.

Убедительно раскрывает политический смысл концепции уголовной ответственности государства И. М. Иванова. «В самой идее уголовной ответственности государства для буржуазных юристов содержится притягательная сила, и это не случайно. С помощью этой идеи буржуазные юристы стремятся если не уничтожить, то расшатать те основные устои, на которых зиждется современное международное право и, в частности, Устав ООН»⁶⁹.

Советские ученые правильно указывают на то, что применительно к государству речь может идти только о политической, имущественной и моральной ответственности⁷⁰. На такой же позиции отрицания уголовной ответственности государства стоят и многие реалистически мыслящие буржуазные юристы⁷¹.

Из всего изложенного можно, как нам представляется, сделать лишь один вывод. Доктрина государственного акта может применяться в практике международных отношений с органически присущими ей ограничениями. Доктрина государственного акта призвана способствовать созданию нормальных условий для деятельности официальных представителей государства в международных отношениях. Само собой разумеется, что доктрина, создающая иммунитет для этих представителей, может действовать, лишь пока государство в предписаниях таким представителям не выходит за пределы своей компетенции, не требует от них совершения действий, открыто нарушающих международное право. Очевидно, что такое единственно законное применение доктрины государственного акта возможно только в условиях мирного времени. Агрессивная война одного государства против другого есть

⁶⁸ Н. Н. Полянск и й. Международное правосудие и преступники войны, стр. 82.

⁶⁹ И. М. И в а н о в а. Международная уголовная юстиция и преступления против человечества. Канд. дисс. М., 1959, стр. 261.

⁷⁰ «Уголовная ответственность преступников войны». «Социалистическая законность», 1945, № 6, стр. 7; А. Н. Т р а й н и н. Уголовная ответственность гитлеровцев, стр. 72; Ф. И. К о ж е в н и к о в. Учебное пособие по международному публичному праву (очерки), стр. 87; В. И. М е н ж и н с к и й. Указ. дисс., стр. 291—292.

⁷¹ «Только с помощью фикции,— писал еще в конце 20-х годов Политис,— можно говорить о государстве, что оно является юридической личностью и что может идти речь о том, чтобы на него налагать наказания. Коллективная ответственность есть ложная и обманчивая иллюзия; на деле она ведет к безнаказанности... Теоретическая ответственность государства на деле подрывает и отменяет реальную ответственность правителей» (N. Politis. Op. cit., p. 128—129). На такой же позиции стоят С. Глезер (S. Glaser. Element moral de l'infraction internationale. Paris, 1955, p. 4), П. Лапрадель (P. La Pradelle. Cours de droit international public. 2-me éd. Aix-en-Provence. 1955, p. 103, 104), М. Сибер (M. Sibert. Traité de droit international public, t. II. Paris, 1951, p. 588).

преступление, и в условиях таких отношений абсурдно требовать соблюдения доктрины государственного акта⁷².

Нередко для обоснования самого широкого применения доктрины государственного акта сторонники ее ссылаются на решение верховного суда США в 1812 г. по делу *Schooner Exchange v. Mc Faddon and others*, в котором излагается ряд соображений в пользу применения этой доктрины в отношении глав государств и их агентов. Но Шелдон Глюк правильно указывает, ссылаясь при этом на мнение судьи Маршалла, что здесь речь шла о казусе, происшедшем в условиях мирного времени и дружественных отношений между государствами. Иммунитет, который предоставляется одним государством суверену или его агентам другого государства, базируется на международной взаимности и вежливости, а признание этого иммунитета зависит от того, насколько действия суверена или его агентов соответствуют международному праву⁷³. Именно поэтому международноправовая привилегия, заключающаяся в иммунитете для главы государства и его агентов, не может быть применена в отношении гитлеровских руководителей, которые с явно преступными целями лишили Германию дружественных отношений с другими странами, сделали последние объектом агрессии, совершили чудовищные преступления против целых народов. Бесспорно поэтому, что к таким «правоотношениям» между агрессором, попирающим международное право и совершающим тягчайшее преступление против человечества, и жертвой агрессии не может применяться доктрина государственного акта.

Доктрина государственного акта родилась как одно из следствий так называемого абсолютного суверенитета, согласно которому государство в своих действиях ничем не ограничено и вольно без всякой ответственности совершать любые, а следовательно и преступные, действия. «Теория абсолютного суверенитета и отрицание какой-либо связанности государств нормами международного права,— как справедливо пишет Н. А. Ушаков.— служили целям обоснования безграничной экспансии и агрессии крупнейших капиталистических держав, были направлены на „узаконение“ полнейшего произвола в международных отношениях и оправдание международных преступлений»⁷⁴.

Современное международное право, не признающее «абсолютного суверенитета» и исходящее из того, что каждое государство в определенных пределах, и особенно в том, что касается по-

⁷² См. R. Woetzel. Op. cit., p. 71; Edward Janeczek. Op. cit., p. 92; M. Greenspan. Op. cit., p. 421; Peter Calvocoressi. Nuremberg: The Facts, the Law and the Consequences. London, 1947, p. 69; Sheldon Glueck. Op. cit., p. 54, и др.

⁷³ Sheldon Glueck. Op. cit., p. 50.

⁷⁴ Н. А. Ушаков. Суверенитет в современном международном праве. Изд-во ИМО, 1963, стр. 72.

литики войны и мира, связано международноправовыми обязательствами, не может признавать и доктрины государственного акта в той интерпретации, какая ей дается критиками нюрнбергского приговора.

Да и чисто практически совершенно очевидна вся нелепость применения доктрины государственного акта к руководителям агрессивного государства и его высшим официальным лицам. Нелепо предположить, что государство-агрессор, будучи освобождено в силу этой доктрины от необходимости согласиться с передачей виновных официальных лиц судам другого государства, само накажет их. Нюрнбергский процесс показал, что все преступления, которые вменялись в вину официальным лицам и в отношении которых защита в Нюрнберге и реакционные буржуазные юристы требовали применить доктрину государственного акта,— это преступления самого государства и совершались они по его предписанию, ибо чудовищные преступления были возведены в Германии на уровень государственной политики.

На Нюрнбергском процессе защита сделала попытку использовать Гаагские и Женевские конвенции, чтобы доказать, что «не отдельные лица, а государство, которое нарушает эти правила, обязано в случае нужды возместить ущерб и отвечает также за все действия, которые совершены лицами, входящими в состав его вооруженных сил»⁷⁵. Но подобная концепция не основательна и опровергается самим текстом этих конвенций.

Достаточно обратить внимание на ст. 56 IV Гаагской конвенции 1907 г., где говорится, что указанные ею действия «воспрепятствуют и должны подлежать преследованию». Статья 29 Женевской конвенции 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях уже абсолютно точно говорит именно об уголовной ответственности за нарушение положений Конвенции. «Правительства высоких договаривающихся сторон,— указывается в этой статье,— равным образом примут или предложат на утверждение своих законодательных учреждений в случае недостаточности их уголовных законов необходимые меры для преследования во время войны всякого действия, противоречащего постановлениям настоящей Конвенции».

Еще с большей отчетливостью говорится об этом в ст. 3 постановлений Вашингтонской конференции по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921—1922 гг.: «Подписывающиеся державы, желая обеспечить выполнение законов, провозглашенных ими в качестве действующего права в отношении нападения на торговые суда, а равно их захвата и уничтожения, заявляют далее, что любое лицо, находящееся на службе любой державы, которое нарушило бы одно из этих правил, притом независимо от того, находится ли оно в подчинении

⁷⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 32, стр. 15340.

у правительственного должностного лица или нет, будет рассматриваться как нарушитель законов войны и будет подлежать суду гражданских или военных властей каждой из держав, в пределах досягаемости коей оно могло бы оказаться».

К этому остается лишь добавить, что сама Германия согласилась в Версальском договоре на выдачу судам Антанты своих военных преступников.

Но если признать, что доктрина государственного акта неприменима к тем, кто совершает военные преступления, то она тем более неприменима к тем, кто обвиняется в преступлениях против мира. В приговоре Международного Военного Трибунала правильно указывается: «Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных»⁷⁶.

Можно ли и в современных условиях настаивать на доктрине, цель которой состоит в том, чтобы оставить современных политических и государственных деятелей безнаказанными за действия, которые ведут к развязыванию войны, а следовательно, к уничтожению миллионов людей. Не должно ли, напротив, современное международное право, если оно хочет служить благородной цели обеспечения международного мира, создать такой правовой режим, который подобно Дамоклову мечу висел бы над головами тех людей, чья безответственность в политике грозит миру истребительной войной. Прав, несомненно, был обвинитель Джексон, когда он заявил на Нюрнбергском процессе: «Здравый смысл человечества требует, чтобы закон не ограничивался наказанием мелких людей за совершенные ими незначительные преступления. Закон также должен настичь людей, которые приобретают огромную власть и используют ее преднамеренно и совместно для того, чтобы привести в действие зло, которое не щадит ни один домашний очаг в мире»⁷⁷.

⁷⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 327.

⁷⁷ Там же, т. 1, стр. 277. Не безынтересно, что многие из главных немецких военных преступников, во имя спасения которых защита выдвинула доктрину государственного акта, сами сделали столь красноречивые признания на процессе, что показали всю нелепость доводов защиты. Ганс Франк, бывший президент Академии германского права, заявил: «Что касается этих обвинений, то я скажу лишь следующее, я прошу трибунал в результате судебного разбирательства решить вопрос о степени моей виновности, но я лично хотел бы сказать, что после всего, что я увидел на протяжении этих пяти месяцев процесса, благодаря чему я смог получить общее представление обо всех совершенных ужасах, у меня создалось чувство моей глубокой виновности...» («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 165). Кейтель, когда его спросили: «Как бы вы поступили, если бы еще раз по-

· Вот почему совершенно неуместны попытки применить доктрину государственного акта к проблеме преступлений против человечества, ибо такое применение ведет к полной безнаказанности государства, которое на скамью подсудимых не посадишь, и самих преступников, которые ссылаются на то, что субъектами международного права являются не они, а государство, которое и должно отвечать.

Порочность доводов сторонников доктрины государственного акта, как отмечал А. Н. Трайнин, заключается в смешении двух несовпадающих понятий: субъекта международноправовых отношений и субъекта посягательств на международноправовые отношения⁷⁸. Государство — субъект международноправовых отношений, а лица, совершающие преступления против человечества, — субъекты уголовной ответственности за эти преступления. Вот почему ст. 7 Устава Международного Военного Трибунала гласит: «Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания».

Международный Военный Трибунал, рассмотрев все аргументы, представленные защитой, отверг доктрину государственного акта. «Принцип международного права, — говорится в приговоре, — который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные, согласно международному праву... преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»⁷⁹.

Доводы Нюрнбергского трибунала были полностью восприняты Международным Трибуналом для Дальнего Востока в его приговоре главным японским военным преступником⁸⁰.

5. Ответственность за исполнение преступного приказа

Значительное место на Нюрнбергском процессе занял вопрос об ответственности за исполнение преступного приказа.

Р. А. Руденко в своей речи на процессе отметил, что «авторы пали в аналогичное положение?» — ответил: «В таком случае я лучше избрал бы смерть, чем дал бы затащить себя в сети таких преступных методов» (там же, стр. 274, 280). Функ, заявив, что на Нюрнбергском процессе «раскрылись кошмарные преступления», признался: «Эти преступления заставляют меня краснеть» (там же, стр. 282).

⁷⁸ А. Н. Т р а й н и н. Уголовная ответственность гитлеровцев, стр. 75.

⁷⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 368.

⁸⁰ Приговор Токийского трибунала, стр. 27.

Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера и именно потому они специально оговорили, что „исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности“⁸¹.

Опираясь на общепризнанные нормы международного и уголовного права, на судебную практику, на Устав Международного Трибунала, обвинители отвергали попытки подсудимых оправдать свою преступную деятельность ссылкой на исполнение приказа.

Напротив, защита на Нюрнбергском процессе и на последующих процессах военных преступников всячески стремилась обосновать ссылки на приказ как на обстоятельство, исключающее уголовную ответственность за последствия его исполнения. Этот аргумент в наиболее общей форме был выдвинут на Нюрнбергском процессе от имени защиты профессором Ярайссом в его речи по общеправовым вопросам. Причем в отличие от других теоретиков, которые обычно ограничивают применение ссылки на исполнение приказа только военной средой, Ярайсс распространяет эту ссылку и на гражданских лиц.

Понимая, что вопрос об ответственности за исполнение преступного приказа далеко не нов, что он возникал уже в истории не раз, что после окончания первой мировой войны он дебатировался на лейпцигских процессах и далеко не в пользу тех, кто на него ссылался, Ярайсс облек свою аргументацию в новую форму: он ссылался на «принцип фюрерства», который, по его словам, был «в глазах немецкого народа, всей мировой общественности, начиная с 1933 г. ...основным организационным принципом развития империи» и наличие которого якобы исключало возможность каких бы то ни было попыток неисполнения приказа, даже чудовищно преступного⁸².

Ярайсс при помощи псевдотеоретических выкладок пытался провести какое-то различие между понятием «фюрерство» и «властвование» — и все для того, чтобы доказать, что приказ фюрера — это не обычный приказ, а нечто гораздо более значительное. Концепция «вождизма» должна была начисто освободить от ответственности любого исполнителя приказов фюрера. Литературно-юридический туман, в который облек свои рассуждения Ярайсс, имел целью скрыть тот очевидный факт, что не «вождизм» сам по себе, а глубоко укоренившиеся принципы милитаризма, столь свойственного прусскому государству, — вот что лежало в основе слепого повиновения преступным приказам.

Ярайсс, конечно, ни словом не обмолвился о том, какие приказы он имеет в виду. Его речь была настолько теоретически

⁸¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 202.

⁸² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14979.

абстрагированной, что не сразу можно было понять, где она произносится: на Нюрнбергском процессе или в заседании дивизионного немецкого трибунала, где рассматривается дело по обвинению сфрейтора в невыполнении приказа командира взвода об уборке казармы. Ярайсс всячески отвлекался от того очевидного факта, что в современных условиях только робот, лишенный независимой мысли, способен автоматически выполнять команды. Лишь в одном месте своей речи Ярайсс приоткрывал завесу, заявив: «Вероятно, германский народ... особенно легко подчиняется фактической власти, особенно легко поддается руководству на основе приказа, особенно привык к мысли о верховной власти»⁸³. Вот здесь он, хотя и не называет вещи своими именами, в сущности говорит уже о результатах милитаристского воспитания немецкого народа в течение столетий⁸⁴.

Ярайсс цеплялся за национальную приверженность к выполнению «приказов» и, конечно, не склонен был признать, что отношение к исполнению приказа — это далеко не только и не столько национальная категория, сколько социальная. Хорошо известно, как самоотверженно боролся немецкий народ против рвавшего к власти фашизма, как он сопротивлялся, особенно вначале, фашистскому режиму. Если бы дело обстояло так, как говорил Ярайсс, если бы немецкий народ так рабски послушно повиновался любому приказу свыше, нацистскому режиму не потребовались бы штурмовые отряды, не понадобились бы концентрационные лагеря и гестапо. Наконец, «святость» приказов признавалась нацистской иерархией только до тех пор, пока эти приказы были на пользу этой иерархии. Но когда третья империя оказалась под реальной угрозой тотального поражения, когда против Гитлера был организован заговор и заговорщики потом на суде ссылались на то, что они действовали по приказу своих вышестоящих начальников, нацистский суд подверг этот аргумент уничтожающей критике, указав в приговоре, что никто не может быть оправдан в исполнении явно преступного приказа.

Самым высшим выражением единоначалия является армейская дисциплина. Но как мы увидим далее, даже армейские Уставы предусматривают ответственность за выполнение явно преступного приказа.

Позиция Ярайсса на процессе была поддержана и другими адвокатами. Аргументация его была широко использована на после-

⁸³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14984.

⁸⁴ Удар по концепции Ярайсса, согласно которой именно гитлеризм породил и внушил немецкому народу идею слепого повиновения, нанес германский фельдмаршал Рунштедт, заявивший на процессе, что национал-социалистские идеи не представляли для германских милитаристов ничего нового, что они были заимствованы из старых прусских времен и давно известны и без национал-социалистов («Нюрнбергский процесс...», т. 6. Госюриздат, 1960, стр. 673).

дующих судебных процессах в Нюрнберге. Ее разделяют и некоторые буржуазные юристы, и в первую очередь юристы ФРГ. Так, Книрим пишет: «Предположение, что военная система основана на дисциплине, а дисциплина в свою очередь — на обязанности безоговорочного подчинения, кажется настолько самоочевидным, что не требует пояснения и развития. Солдат, который не выполняет приказ своего начальника, навлекает на себя суровое наказание, особенно во время войны»⁸⁵.

Гораздо раньше такую же позицию занял известный английский юрист Оппенгейм. Еще в период первой мировой войны он писал, что «военными преступлениями являются только такие нарушения законов и обычаев войны, которые совершены без приказа»⁸⁶. После второй мировой войны такую же в сущности позицию занимали Кельзен⁸⁷, Могем⁸⁸ и др. В наиболее острой форме выразил свою позицию английский юрист Пэйджет. «Вопрос о том, соответствует или не соответствует тот или иной приказ международному праву, касается правительства и не имеет никакого отношения к генералу, командующему войсками. Приказ может быть в вопиющем противоречии с международным правом, он может предписывать убийство мирных граждан или нейтральных подданных — все равно это приказ и генерал обязан его исполнить»⁸⁹. Книрим, стремясь расширить сферу применения ссылки на приказ, пишет: «В национал-социалистском государстве подобные условия превалировали не только для вооруженных сил, партии, СС и подобных организаций, но и вообще во всей сфере эконоимики и, безусловно, во всех сферах жизни»⁹⁰. Как мы увидим дальше, к этой ссылке прибегали и германские монополисты, обвиненные в преступлениях против человечества.

Но подобная позиция, основанная на полной безответственности военного преступника, если устанавливается, что он действовал по приказу свыше, противоречит элементарным основам международного уголовного права.

Еще в 1919 г. в докладе Комиссии по ответственности и наказанию виновников войны говорилось: «Подтверждаем, что ни гражданские, ни военные власти не могут быть освобождены от ответственности только в силу того, что вышестоящая власть может быть осуждена за то же самое преступление»⁹¹. Этот же принцип содержался в Вашингтонском договоре об охране на море жизни нейтральных и невоюющих граждан (ст. 3)⁹².

⁸⁵ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 242.

⁸⁶ L. O p p e n h e i m. Interantional Law. 2 ed. London, 1919, p. 253.

⁸⁷ H. K e l s e n. Peace Through Law. Chapel Hill, 1944, p. 105.

⁸⁸ F. H. M a u g h a m. Op. cit., p. 45.

⁸⁹ R. P a g e t. Manstein, his Campaigns and his Trial. London, 1951, p. 117.

⁹⁰ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 255.

⁹¹ «La paix de Versailles». Geneve, 1923, p. 476.

⁹² «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам. 1921—1922 гг.». М., 1924, стр. 67.

Во время второй мировой войны провозглашение такого принципа имело тем большее значение, что военные преступления германского фашизма совершались по строго разработанной системе приказов германского верховного командования. Именно поэтому Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны, подписанная 13 января 1942 г., «объявляет одной из своих основных целей войны наказание, путем организованного правосудия, тех, кто виновен и ответствен за эти преступления, независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме»⁹³. Аналогичное положение содержалось в Предупреждении правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании всем германским комендантам, охране и служащим гестапо, сделанном от имени всех Объединенных Наций 23 апреля 1945 г.⁹⁴

Армия, будучи сложным механизмом, регулирует свою жизнь специальными Уставами. В них решается и вопрос о последствиях невыполнения приказа вышестоящего начальника. Споры нет, армия есть армия и беспрекословное исполнение приказа есть основа воинской дисциплины. Подчиненный не всегда может разбираться в законности или незаконности отданного ему приказа, особенно находясь в боевой обстановке. Поэтому совершенно очевидно, что подчиненный не может нести ответственность за исполнение даже незаконного приказа своего вышестоящего начальника.

Но в плане нюрнбергских принципов мы ведем речь не о законном или незаконном приказе, а о таком приказе, который явно преступен.

Даже германский военный уголовный кодекс (*Militärstrafgesetzbuch*) в ст. 47 предусматривает: «Если уголовное право нарушено исполнением приказа по службе, вышестоящий начальник, отдавший приказ, один отвечает за это. Однако подчиненный, исполнивший приказ, отвечает как соучастник, если 1) он превысил отданный ему приказ или 2) он сознавал, что этот приказ имел своей целью совершение общего или воинского преступления»⁹⁵.

Таким образом, даже по германскому военному праву исполнение заведомо преступного приказа не освобождает исполнителя от ответственности.

Аналогичные указания имелись и в английском, и американском военном законодательстве. Так, в английском руководстве по военному праву записано: «Представители вооруженных сил обязаны повиноваться только законным приказам, а потому не могут избежать ответственности, если, подчиняясь приказу, они

⁹³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 320.

⁹⁴ Там же, т. III. Госполитиздат, 1947, стр. 210.

⁹⁵ Цит. по: M. Greenspan. Op. cit., p. 440.

совершают поступки, нарушающие одинаково как общеобязательные правила ведения войны, так и чувство человечности»⁹⁶.

Критики юрибергского приговора, в особенности Книрим, указывают, что положение об ответственности за исполнение преступного приказа появилось в английском и американском военном приказе лишь в 1944 г., «подозрительно близко ко времени организации Шюринбергского трибунала»⁹⁷ и что до этого действовал принцип ответственности лишь за преступный приказ⁹⁸. Книрим на этом основании делает вывод, что изменения в законодательстве США и Англии имели лишь единственную цель — исключить для обвиняемых немцев возможность сослаться на законы США и Англии. Но этот довод шорочен по ряду оснований. Прежде всего, немецкие военнослужащие подчинялись не английскому или американскому, а германскому Уставу, который прямо предусматривал ответственность за исполнение преступного приказа. Далее, никто никогда не утверждал, что совершение военных преступлений — монополия германского милитаризма. Любое империалистическое государство, ведущее агрессивную войну, заинтересовано в том, чтобы по возможности не связывать себя ограничениями в выборе средств и методов ее ведения. Англия и США в этом отношении не были исключением. Введение же в 1944 г. изменений в воинские Уставы этих стран было прямым последствием практики второй мировой войны. Перед лицом тяжчайших и массовых преступлений, совершенных по приказу, с учетом все возрастающей опасности таких преступлений, ввиду развития военной техники ни одно государство не могло уже позволить себе сохранение старых норм, открыто устанавливающих безнаказанность исполнения преступных приказов.

Ко второй мировой войне сложилась уже определенная судебная практика по делам об исполнении преступного приказа. Отдельные судебные прецеденты восходят еще к XV в., как, например, дело Питера Хагенбаха, который, несмотря на ссылку на приказ, был осужден и расстрелян за военные преступления во время оккупации города Брейзах⁹⁹. Характерен прецедент с осуждением Генри Виртца, коменданта лагеря военнопленных в Андерсонвиле (во время гражданской войны в США). Виртц, выдвигая

⁹⁶ Цит. по: M. Greenspan. Op. cit., p. 490.

⁹⁷ August Knieriem. Op. cit., p. 545.

⁹⁸ Книрим цитирует Британский военный устав: «Важно, однако, отметить, что представители вооруженных сил, которые совершают подобно нарушения общепризнанных правил войны, получая приказы от своего правительства или своего командира, не являются военными преступниками и не могут быть наказуемы врагом». Американские правила сухопутной войны 1914 г. соответственно предусматривали: «Военнослужащие не будут наказуемы за преступления, если они совершены по приказу или с санкции правительства или командиров» (August Knieriem. Op. cit., p. 247).

⁹⁹ Об этом и других судебных прецедентах см. R. Woetzel. Op. cit., p. 20.

нувший в свою защиту ссылки на то, что он действовал по приказу, совершая преступления против военнопленных, был все же осужден к расстрелу¹⁰⁰.

После первой мировой войны вопрос об ответственности за исполнение преступного приказа возник во время лейпцигских процессов. По делу о потоплении английского госпитального судна «Лацдовери Касл», торпедированного немецкой подводной лодкой, верховный суд Германии в Лейпциге в ответ на ссылки обвиняемых на приказ указал в приговоре: «То обстоятельство, что деяние обвиняемых пронестекало из прямого или косвенного распоряжения их командира, не освобождает их от ответственности»¹⁰¹.

Германская судебная практика периода первой мировой войны стояла на той же позиции, когда речь шла об ответственности военнослужащих Антанты. Достаточно привести дело капитана Фрайата, командира «Брюсселя», обвиненного в том, что в ответ на требование остановиться, он пытался своим торговым кораблем протаранить немецкую подводную лодку. Фрайат действовал в соответствии с приказом Британского адмиралтейства. Германский суд тем не менее признал его виновным и осудил¹⁰².

Во время второй мировой войны ссылка на приказ свыше стала обычным аргументом гитлеровских военных преступников¹⁰³. Но на всех судебных процессах, которые были проведены в СССР, советские суды неизменно отвергали ссылку на приказ как на обстоятельство, исключающее уголовную ответственность за военные преступления. В ряде случаев (дело Экка, дело Фалькенхорста и др.) суды союзников по антигитлеровской коалиции поступали так же¹⁰⁴.

В советской юридической литературе считается общепризнанной ответственность за исполнение преступного приказа. На такой позиции стоят А. Н. Трайнин¹⁰⁵, П. С. Ромашкин¹⁰⁶,

¹⁰⁰ Там же, стр. 26.

¹⁰¹ Цит. по кн. Н. Н. Полянского «Международное правосудие и преступления войны» (стр. 44—45). Впрочем, по другому делу о потоплении французского госпитального судна германский суд в связи со ссылкой подсудимого на то, что он действовал по приказу генерального штаба, указал в приговоре: «Все цивилизованные народы признали принцип, что подчиненного освобождают от ответственности приказы его начальства» (там же).

¹⁰² Edward J a n e s z e k. Op. cit., p. 75.

¹⁰³ См., например, «Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации». Госполитиздат, 1943, стр. 88—89.

¹⁰⁴ M. Green span. The Modern Law of Land Warfare. Los Angeles, 1959, p. 490.

¹⁰⁵ А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, стр. 51.

¹⁰⁶ П. С. Ромашкин. Военные преступления империализма. Госюр-издат, 1953, стр. 289—297.

Н. Н. Полянский¹⁰⁷, В. Н. Дурденевский¹⁰⁸, Ф. И. Кожевников¹⁰⁹.

И в буржуазной литературе международного права в значительной мере признается, что ссылка на приказ свыше не может исключить ответственность за преступные последствия исполнения такого приказа. На такой позиции стоят Эйплмен¹¹⁰, Ветцель¹¹¹, Зак¹¹², Гринспэн¹¹³, Лоренс¹¹⁴, Финч¹¹⁵ и др.

Один из приемов противников принципа уголовной ответственности исполнителей преступного приказа — памеренное упрощение вопроса, стремление доказать, что при таком принципе виновными окажутся миллионы людей. Кширим, например, сознательно пытается приписать нюрнбергским обвинителям, что они не делали никакого различия между незаконным и преступным приказом. Критикуя английского обвинителя, который, обмолвившись в вопросе к Кейтелю, назвал приказ незаконным вместо преступного, Кширим заключает: «Нет, не так. Очень существенная разница между приказом незаконным и преступным. В то время как любой преступный приказ незаконен, не каждый незаконный приказ преступен»¹¹⁶.

Вряд ли пужно говорить, что западногерманский юрист ломится в открытую дверь — на Нюрнбергском процессе, особенно если речь идет о начальнике ОКВ Кейтеле, рассматривались лишь преступные приказы. Упрощая проблему, Кширим чаще всего приводит для примера положение рядовых солдат, выполняющих приказы и нередко не могущих в силу своего положения знать, соответствуют ли эти приказы международному праву. Но Кшириму, как никакому другому буржуазному юристу, хорошо известно, что проблема ответственности за исполнение преступного приказа стала острой именно потому, что к такой ссылке прибегали не рядовые, а генералы и фельдмаршалы гитлеровской армии, не рабочие, производившие «ФАУ-1» и «ФАУ-2», а германские монополисты, — ведь Кширим, как уже указывалось, сам был подсудимым на процессе «ИГ Фарбениндустри».

¹⁰⁷ Н. Н. Полянский. Международное правосудие и преступники войны, стр. 32—49.

¹⁰⁸ В. Н. Дурденевский. Указ. статья. «Научные записки Ин-та внешней торговли Наркомвнешторга СССР», в. 1. 1945, стр. 182.

¹⁰⁹ Ф. И. Кожевников. Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права. Изд. МГУ, 1954, стр. 177.

¹¹⁰ J. A. Appleman. Op. cit., p. 54—59.

¹¹¹ R. Woetzel. Op. cit., p. 171.

¹¹² A. Sack. Punishment of War Crimes and the Defence of Superior Order. «The Law Quarterly Review», 1944, v. 60, p. 66—69.

¹¹³ M. Greenspan. Op. cit., p. 490—496.

¹¹⁴ T. Lawrence. The Principles of International Law. London, 1929, p. 546—547.

¹¹⁵ G. Finch. Op. cit. «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 21.

¹¹⁶ August Knieriem. Op. cit., p. 250.

Критики Нюрнбергского приговора нередко указывают на то, что судебная практика некоторых западных стран уже после второй мировой войны стоит на позиции недопустимости отказа от исполнения приказа, если даже он представляется исполнителю преступным. Ссылаются на то, что, как это сообщалось в «Nieuwversche press» 9 ноября 1948 г., «несколько голландских солдат были осуждены военным судом потому, что они отказались сжечь дотла деревню в Индонезии»¹¹⁷.

Не ясно ли, что подобная аргументация столь же убедительна, сколько ссылка убийцы, требующего оправдания, на то, что убийства и до него и после него будут совершаться другими лицами? Нюрнбергский приговор поккарал агрессоров, военных преступников, осудил агрессивные войны, но не мог положить им конец. Именно поэтому нюрнбергские принципы имеют общее, непреходящее значение. И единственный вывод, который мог быть сделан из того, что преступления, аналогичные нацистским, совершаются и другими, заключается в том, что и эти другие подлежат суду и наказанию.

Исключительное упорство реакционных западногерманских юристов в стремлении освободить от ответственности военных преступников, ссылавшихся на то, что они действовали по приказам свыше, вполне понятно. Как уже указывалось, как раз одна из наиболее характерных особенностей военных преступлений, совершенных нацистами во время второй мировой войны, состояла в том, что эти преступления совершались согласно тщательно разработанной (в значительной мере еще до начала той или иной агрессии) системе приказов верховного германского командования¹¹⁸. Более того, не только преступления санкционировались и предписывались, но специальными приказами заранее устанавливалась их безнаказанность¹¹⁹.

При этих условиях военные преступления становятся средством достижения преступных целей войны. Поэтому всякое невыполнение преступных приказов рассматривалось германским командованием как подрыв целей агрессии. В сущности при такой системе образуется заговор, во главе которого стоят правительство и верховное командование и соучастниками которого становятся все те, кто, сознавая преступный характер своих действий, участвует в выполнении преступных приказов (массовом уничтожении населения, убийстве военнопленных и т. д.).

¹¹⁷ Дело заключалось в следующем: вблизи индонезийской деревни было взорвано несколько мин. Отряду голландских солдат был отдан приказ обыскать деревню и сжечь ее дотла. Так как они не смогли найти организатора этих взрывов, они сочли, что не могут взять на себя ответственность за выполнение этого приказа. Военный суд приговорил их за это к суровому наказанию.

¹¹⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 3. Госюриздат, 1958, стр. 209, 210, 238, 239, 339, 345, 393, 400, 401, 404, 433, 660; т. 4. Госюриздат, 1959, стр. 167—168.

¹¹⁹ Там же, т. 3, стр. 241—242, 338—339, 340.

Таким образом, если принцип безответственности за исполнение преступного приказа всегда был несправедливым и незаконным принципом, то он тем более представляется чудовищно противоправным и неуместным в отношении гитлеровцев.

Как же решил эту проблему Международный Военный Трибунал?

В его приговоре указывается:

«От имени большинства подсудимых утверждалось, что в своей деятельности они руководствовались приказами Гитлера и поэтому не могут нести ответственности за действия, совершенные ими во исполнение этих приказов. Устав специально предусматривает в статье 8: „Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания...“ Положения этой статьи соответствуют законам всех наций. То, что солдат убивал или подвергал пыткам по приказу в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в подобных жестоких действиях. Как это предусмотрено указанной статьей Устава, сам факт наличия приказа может быть выставлен лишь в качестве смягчающего вину обстоятельства при назначении наказания».

До сих пор аргументация приговора полностью соответствует положениям Устава и фактическим обстоятельствам рассматривавшегося в Нюрнберге дела. Дальше же идет дополнение к тому, что утверждал Устав: «Подлинным критерием в этом отношении, который содержится в той или иной степени в формулировках в уголовном праве большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор»¹²⁰.

Что представляет собой это дополнение в приговоре?

Бесспорно, что в огромном многообразии случаев применения принципа ответственности за исполнение преступного приказа наряду со сложными юридическими обстоятельствами нередко приходится сталкиваться с не менее сложными психологическими факторами. Подобные ситуации вряд ли встречались в деле по обвинению главных немецких военных преступников, но Международный Трибунал обязан был исходить из того, что его приговор будет иметь значение и для последующей судебной практики по делам о других военных преступниках, и для кодификации международного права. Видимо, именно этим следует объяснить такое дополнение, ибо практически оно не имело никакого значения для судьбы подсудимых в Нюрнберге.

Была ли практическая необходимость в таком дополнении? Не ослабляет ли оно значения ст. 8 Устава, лишая ее необходимой

¹²⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 369.

категоричности? Не открывает ли она шляза для оправдания военных преступников?

На все эти вопросы трудно ответить односложно.

В принципе такое дополнение нельзя рассматривать как ревизию или попытку смягчить значение ст. 8 Устава. В сущности говоря, это дополнение есть не больше, чем напоминание о том, что имеются такие общие положения уголовного права, как крайняя необходимость, необходимая оборона, смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые в конкретных случаях могут быть применены во избежание механического подхода к ст. 8. Но и без всякого упоминания о них любому судье известен круг обстоятельств, исключающих уголовную ответственность или смягчающих ее. Поэтому специальное упоминание об этом в приговоре Международного Трибунала вряд ли вызывалось необходимостью и, более того, может все-таки практически рассматриваться как ограничительное толкование Международным Трибуналом ст. 8. Материалы Нюрнбергского процесса во всяком случае не требовали от Международного Трибунала такого дополнения¹²¹.

В целом же Международный Трибунал правильно теоретически и практически разрешил вопросы, связанные со ссылками подсудимых на приказ. Его позицию поддержали национальные военные трибуналы, рассматривавшие в Нюрнберге дела о других гитлеровских военных преступниках. Так, Военный трибунал США записал в приговоре по делу руководителей СС и других карательных органов: «Подчиненный обязан выполнять только законные приказы своего начальника и, если он принимает преступный приказ к исполнению и выполняет его со знанием его преступного характера, он не может прибегать к ссылке на приказ свыше для смягчения своей ответственности. Если сущность приказа совершенно очевидно показывает, что он издан начальником с превышением своих полномочий, подчиненный не может ссылаться на незнание преступности приказа»¹²².

На судебном процессе по делу Грейзера верховный суд Польши вынес приговор еще за несколько месяцев до Нюрнбергского приговора, встав на ту же точку зрения, что и Международный Трибунал. Суд записал в приговоре: «В военном праве, в том числе в германском, послушание — основной закон солдата. Однако даже в этом военном праве дисциплина и послушание не рассматриваются как слепое подчинение... любому приказу, но лишь та-

¹²¹ В связи с делом Кейтеля Трибунал записывает в приговоре: «Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающие вину обстоятельства там, где сознательно безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления» («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 449).

¹²² «Trial of War Criminals». U.S. v. Olenndorf. N 9, v. IV. Nuremberg, 1946—1949, p. 470—471; 480—482.

кпм, которые находятся в соответствии с законом и не требуют от исполнителя совершения преступления. Любой такой преступный приказ вышестоящего начальника будет всегда составлять особое преступление, *delictum sui generis*, за исполнение которого лицо, издавшее его, и лицо, исполнившее его, будут одинаково ответственными»¹²³.

Военный трибунал в Нюрнберге, рассматривавший дело по обвинению верховного германского командования, указал в своём приговоре, что если приказ очевидно преступен, то для исполнителя не будет извинительным тот факт, что он предполагал, что его начальник, издавший приказ, проверил соответствие его закону с точки зрения военной, моральной и международноправовой¹²⁴.

Представляют интерес в плане интерпретации Международным Трибуналом ст. 8 Устава дела о преступных руководителях германских медицинских учреждений и дело Мотомуры и других японских военных преступников. В приговорах по этим делам военные трибуналы как бы откликнулись на дополнение МВТ о так называемом моральном выборе. В приговоре Военного трибунала США по делу медиков записано, что ссылка на приказ выше «никогда не могла применяться к случаю, когда лицо, которому был адресован приказ, имело свободу выбора — принять к исполнению приказ или нет». Трибунал далее указал, что «человек, который встретится с опасностью наказания, даже смертной казни, все равно имеет моральный выбор, если он решает не исполнить преступный приказ. Он может предпочесть собственное наказание причинению незаконного вреда другому невинному человеку. Это, конечно, выбор, основанный на моральных соображениях. Обращаясь к наиболее крайнему примеру, надо сказать, что никто не может покушаться на жизнь другого, для того чтобы сохранить собственную жизнь»¹²⁵. Та же мысль была выражена в приговоре Голландского военно-полевого суда по делу Мотомуры и других японских военных преступников¹²⁶.

Таким образом, даже во вскоре же последовавших судебных процессах военные трибуналы своими приговорами показали, что у Международного Трибунала не было нужды дополнять ст. 8 Устава ссылкой на моральный выбор. Формулировка ст. 8 Устава вполне отвечает требованиям теории и практики борьбы с преступлениями против человечества.

¹²³ «Law Reports of Trials of War Criminals Selected and Prepared by the United Nations War Crimes Commission». London, 1947—1949, v. XIII, 1949, p. 115, 116. Далее — «Law Reports of Trials of War Criminals...».

¹²⁴ Там же, т. VI, стр. 80.

¹²⁵ «Law Reports of Trials of War Criminals...». The Medical case, v. II, 1949, p. 227.

¹²⁶ «Law Reports of Trials of War Criminals...». Trial of Motomura, et al., v. XIII, 1949, p. 144.

6. Принцип «*lex loci*» и ответственность за преступления против человечества

В поисках все новых и новых аргументов противники нюрнбергских принципов прибегают к проблеме действия уголовного закона во времени и пространстве. В том, что касается действия закона во времени, критика сводится к тому, что Устав Международного Военного Трибунала будто бы грубейшим образом нарушает принципы «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*»¹²⁷. Что же касается действия закона в пространстве, то здесь критика сводится к тому, что Устав якобы нарушает общепризнанные положения принципа территориального действия уголовного закона — «*lex loci*». Об этом говорили на процессе в Нюрнберге адвокаты, а после процесса это теоретически обобщил Кширим.

Территориальный принцип означает, что преступность деяния определяется исключительно уголовным законом места совершения преступления. Этот принцип действовал монополично в период возникновения и развития национального государства и национального суверенитета, и значительное число криминалистов поддерживало его. Русский юрист Н. М. Коркунов считал, что «ни одно государство не может устанавливать законов для чужой территории»¹²⁸. В 1927 г. первая Международная конференция по унификации уголовного законодательства в Варшаве постановила, что «уголовный закон страны применяется ко всякому лицу, совершившему преступление на ее территории»¹²⁹.

Межгосударственная практика вскоре дополнила территориальный принцип принципом личным, принципом подданства, или национальным («*personal principle*»), заключающимся, как отмечает Ф. Мартенс, в «обязанности и праве государства наказывать не только за преступления, совершенные на его территории, но и преступления своих подданных, совершенные за границей»¹³⁰.

Так как применение территориального и национального принципов действия уголовного закона часто приводило к конкуренции законов и судов, в большинстве случаев вопрос решался таким образом, что преимущество получали закон и суд места, где фактически находился виновный¹³¹.

Наряду с территориальным и национальным принципами постепенно стал пробивать себе дорогу и реальный принцип, который исходит при определении сферы действия национальных

¹²⁷ Подробнее об этих принципах см. гл. II.

¹²⁸ Н. М. Коркунов. Опыт конструкции международного уголовного права. «Журнал гражданского и уголовного права», 1889, № 1.

¹²⁹ Цит. по кн. М. Д. Шаргородского «Уголовный закон» (Юриздат, 1948, стр. 235).

¹³⁰ Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов, т. II. СПб., 1905, стр. 394.

¹³¹ Подробнее см. М. Д. Шаргородский. Указ. соч., стр. 268—269, 270—271.

уголовных законов не из того, кто и где совершил преступление, а из того, против чьих интересов направлено преступное деяние.

Реальный принцип, значительно расширяющий диапазон территориального принципа, имеет особое значение для проблемы наказания военных преступников. Можно, пожалуй, согласиться с одним немецким автором в том, что реальный принцип «все остальные принципы поглощает и в соответствии с его природой не может быть субсидиарным»¹³².

Однако появление и внедрение в национальные законодательства реального принципа не приостановили процесса дальнейшего расширения сферы действия территориального принципа. Так постепенно появился новый, универсальный принцип действия уголовного закона, сущность которого в свое время выразил Ф. Мартенс: «...каждое государство вправе и обязано карать всегда и всякого за совершенное им злодеяние, без отношения к месту его совершения и подданству преступника, ибо всякое преступление есть посягательство на общий правовой порядок, обнимающий все государства»¹³³.

Но из всех приведенных принципов ученые покровители военных преступников ухватились лишь за один территориальный, считая, что только он должен действовать и применяться к немецким военным преступникам. Остальные принципы ими отвергаются. Аргументацию в пользу исключительно территориального принципа Книрим начинает издавдала. Он разбирает внешне кажущуюся гипотетической ситуацию, при которой человек оказывается перед «столкновением обязанностей». «Под „столкновением обязанностей“, — пишет Книрим, — мы подразумеваем такую ситуацию, при которой человек стоит перед лицом взаимно противоречащих обязанностей, которые не могут быть выполнены в одно и то же время»¹³⁴. После долгих и туманных рассуждений он наконец раскрывает смысл своей конструкции: «Столкновение обязанностей может возникать также, когда два различных национальных закона возлагают на человека взаимнопротиворечащие обязанности»¹³⁵.

Все более и более обнажая свою позицию, Книрим дальше уже пишет, что «ни одно государство не может заставлять человека нарушать закон того государства, в котором он живет... В таких случаях проблема столкновения обязанностей разрешается невыполнением обязанности, основанной на иностранном законе, если выполнение этой обязанности непременно означает нарушение „*lex loci*“. В отношении Нюрнберга, — заключает свою мысль Книрим, — это означает, что поскольку наказание предполагается основывать на немецком законе, то не принимается во внимание

¹³² Цит. по кн. М. Д. Шаргородского «Уголовный закон» (стр. 277).

¹³³ Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 300.

¹³⁴ August Kniep. Op. cit., p. 237.

¹³⁵ Там же, стр. 240.

невыполнение обязанности, вытекающей из иностранного закона. Однако если предполагается, что наказание будет основано на иностранном законе, то лицо, совершившее действие, не может быть наказано, если в соответствии с „*lex loci*“, а именно немецким законом, оно было обязано поступить именно так, как оно это сделало»¹³⁶.

Концепция предельно ясна, но одно лишь не ясно: о каком «столкновении обязанностей», о какой пропасти между законами Германии, с одной стороны, и законами других стран (очевидно, противников Германии) — с другой, идет речь? Кширим, как и другие его единомышленники, в таких случаях прибегает к исключительно абстрактному методу мышления, всячески избегая иллюстрировать свою мысль фактами. Он не ссылается на то, что нормы уголовного кодекса Германии серьезно отличаются от норм кодексов других стран. И действительно, этого не было.

Тогда в чем же дело? А дело как раз в том, о чем умалчивает Кширим. Ярайсс на Нюрнбергском процессе говорил, что не обыкновенный закон, а «приказ фюрера стал центральным элементом всего немецкого государственного устройства». Ярайсс продолжает свою мысль: «Для юриста, выросшего в обычных условиях так называемого правового государства, было, может быть, труднее, чем для других людей, пережить то, как сначала медленно, а потом все быстрее один за другим разрушались элементы, свойственные правовому государству...»¹³⁷. Мысль его заключалась в том, что приказы фюрера (облеченные в любую форму, в том числе в приказы ОКВ¹³⁸) постепенно заменяли нормальный процесс парламентского законодательства, законы. Самым широким образом эти приказы заменили и те международноправовые нормы, которых Германия должна была придерживаться в отношении своих противников, а вернее — жертв. Проще говоря, многочисленные приказы ОКВ и других высших германских инстанций (а приказы, как правило, издавались от имени Гитлера) в своей совокупности создали целый «кодекс военного права».

Вот этот-то «кодекс» и имел в виду Кширим, когда он говорил о «*lex loci*», т. е. о национальном законодательстве, единственно с его точки зрения применимом к военным преступлениям, совершенным на территории Германии.

Все усилия Кширима и тех, кто его поддерживает, были направлены на то, чтобы создать условия для полной реабилитации многих тысяч нацистских военных преступников.

Но этим не исчерпывается юридическая диверсия западногерманских покровителей нацизма. Пока речь шла о преступлениях, совершенных на территории Германии, концепция «*lex loci*» их

¹³⁶ Там же, стр. 241.

¹³⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14979, 14976.

¹³⁸ ОКВ — верховное командование германских вооруженных сил.

вполне устраивала. Но ведь значительная часть чудовищных преступлений совершена нацистами на оккупированных территориях.

Общепризнанные нормы международного права, в частности IV Гагская конвенция, устанавливают, что военная оккупация есть временное занятие вооруженными силами неприятельской территории. Факт оккупации не решает вопроса об окончательной судьбе территории. Во время войны обстоятельства могут сложиться таким образом, что та или иная территория может переходить из рук в руки. Однако это вовсе не значит, что каждый раз, когда часть территории государства подвергается оккупации, она может быть объявлена владением оккупанта. Оккупант не имеет права упразднить на оккупированной территории действовавшие до оккупации законы. Он вправе приостановить действие тех местных законов, которые не отвечают интересам безопасности его армии или оккупационной власти, а также издавать временные административные акты, поскольку, как это предусмотрено ст. 43 IV Гагской конвенции, это может быть необходимым для восстановления и обеспечения общественного порядка. Общий же принцип, выраженный в этой статье, заключается в том, что на оккупированной территории продолжают действовать законы, существующие в стране.

А вот что пишет Книрим: «Однако во время войны территория государства включает не только собственную свою территорию, но также и вражескую страну в тех ее пределах, в каких она твердо оккупирована армиями оккупанта». Но, памятуя указанные выше положения международного права, Книрим делает оговорку: «Учитывая, конечно, что суверенитет государства, которому принадлежит эта территория, не уничтожен»¹³⁹. Это «но» не помешало ему сделать вывод: «Следовательно, если акты, вменяемые в вину подсудимым на Нюрнбергском процессе, были совершены вне германской территории, принцип расширения территориальной власти на оккупированные вражеские территории приводит к применению германского уголовного закона также к актам, совершенным на оккупированных Германией территориях»¹⁴⁰. Яснее не скажешь: преступные действия представителей нацистской Германии на оккупированных территориях следует оценивать и квалифицировать также с позиций германского законодательства, т. е. приказов Гитлера, приказов ОКВ, ибо именно они составляли во время войны «кодекс оккупации».

В целом Книрим приходит к следующему выводу: «Итак, подводя итог, можно сказать, что действия, совершенные на оккупированной территории представителем оккупировавшей страны, следует квалифицировать в качестве „*lex loci*“ только по закону оккупировавшей страны»¹⁴¹.

¹³⁹ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 65.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же, стр. 69.

Не трудно заметить, что позиция Книрима основывается на «доктрине покорения», согласно которой воюющий может фактически оккупировать всю территорию своего врага и, подавив сопротивление, уничтожить его как государство, присвоив в результате победы его территорию. Но подобная доктрина могла иметь право на существование, пока сама агрессивная война являлась безразличной для международного права. Положение резко изменилось с тех пор, как международное право объявило агрессию незаконной и преступной. Г. И. Тункин правильно пишет, что «ликвидация „института завоевания“ шла рука об руку с появлением и укреплением в международном праве принципа запрещения агрессивной войны»¹⁴². Прав Г. Веберг, который говорит: «Нужно со всей решительностью подчеркнуть, что классическая теория относительно приобретения территории путем покорения (*debellatio*) в отношении аннексии исходила из положения о допустимости войны. До тех пор пока война считалась правомерным средством разрешения споров, было вполне логично, что международное право предусматривало возможность приобретения чужой территории путем войны. Это было время, когда в конечном итоге действовало кулачное право и слабый выдавался на произвол сильного»¹⁴³.

Книрим в своем циничном толковании международного права доходит до геркулесовых столпов, ссылаясь на ст. 43 (называя ее почему-то 49) Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны как на основание для применения к немецким военным преступникам нацистского законодательства. Союзники, пишет Книрим, как только они ступили на германскую территорию, в соответствии со ст. 43 были обязаны, «насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы»¹⁴⁴. Отсюда он делает вывод, что, организуя судебные процессы в Германии для суда над немецкими военными преступниками, союзники должны были предписать применение германских законов.

Но, как уже говорилось, требуя применения германского законодательства, Книрим ни разу не раскрывает того, что он подразумевает под ним, хотя совершенно очевидно, что речь идет о том специфическом гитлеровском «своде законов», который начался с расовых нюрнбергских законов 1938 г. и нашел свое продолжение в целой серии приказов, предшествовавших массовые преступления.

Было бы, однако, несправедливо считать, что Книрим, настаивая на применении территориального принципа, уходит от других принципов. Нет, он говорит и о других принципах. Но в

¹⁴² Г. И. Тункин. Указ. соч., стр. 281.

¹⁴³ H. Wehberg. *Krieg und Eroberung im Wandel des Völkerrechts*. Frankfurt a. M., 1953, S. 102.

¹⁴⁴ August Knieriem. *Op. cit.*, p. 84.

отношении национального принципа он пишет: «На Нюрнбергском процессе, где все подсудимые были немцами, национальный (персональный) принцип означает, что все их акты следует рассматривать в соответствии с уголовным правом Германии независимо от того, были ли они совершены на территории Германии, на территории, оккупированной Германией, или на оккупированной вражеской территории, или же на территории нейтральной или союзной страны. Уголовное право иностранного государства не следует вообще принимать во внимание»¹⁴⁵.

Более сложной оказывается ситуация с реальным принципом, согласно которому, как пишет сам Книрим, государство может с позиций своего уголовного права рассматривать акты иностранного гражданина, даже если они совершены на территории иностранной державы, поскольку этого требуют интересы государства. Книрим признает, что принятие реального принципа применительно к нюрнбергским процессам означало бы, что все действия обвиняемых можно было бы рассматривать в соответствии с законами каждого государства, которое придерживается этого принципа и охраняемые интересы которого были нарушены. «Однако,— пишет он тут же,— в связи с принципом защиты возникает конкретная проблема: может ли государство, исходя из своего права, наказывать за действия, совершенные иностранным гражданином на территории другого государства, совсем не принимая во внимание законы того места, где было совершено преступление, или законы той страны, к которой принадлежит гражданин, совершавший эти преступления?»¹⁴⁶ И ответ, разумеется, дается тот же — в основе должен лежать закон оккупировавшей страны.

Итак, попытка применения к военным преступникам второй мировой войны территориального принципа действия уголовного закона могла означать лишь полную их безнаказанность. Вот почему и в Международном Военном Трибунале, и в национальных военных трибуналах оккупационных держав попытки защиты опереться на территориальный принцип успеха не имели.

Прошло много лет, и мир стал свидетелем опасного рецидива. Речь идет о применении общеуголовной давности к нацистским военным преступникам. В конце 1964 г. правительство ФРГ объявило о своем намерении прекратить с 8 мая 1965 г. дальнейшее судебное преследование нацистских военных преступников. При этом была сделана ссылка на § 67 уголовного кодекса ФРГ, который предусматривает 20-летний срок давности по наиболее тяжким преступлениям.

25 сентября 1964 г. на пресс-конференции в Бонне канцлер ФРГ Эрхард заявил, что после углубленного изучения проблемы западногерманское правительство было вынуждено «прийти к выводу, что международное право не позволяет преследовать по

¹⁴⁵ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 84.

¹⁴⁶ Там же, стр. 69.

суду нацистские преступления через 20 лет по истечении срока подсудности этих преступлений».

Это заявление не имеет под собой никакой юридической почвы.

На всех государствах лежит международноправовая обязанность судить и наказывать военных преступников. В Декларации о наказании за преступления, совершенные во время войны, от 13 января 1942 г. правительства стран, борющихся против гитлеровской Германии, заявили о решимости в духе международной солидарности принять все меры к тому, чтобы военные преступники «были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы и чтобы вынесенные приговоры были приведены в исполнение»¹⁴⁷.

Выше уже приводились и другие международные акты военного времени, провозглашавшие в строгом соответствии с общепризнанными принципами международного права уголовную ответственность военных преступников (Московская Декларация глав правительств трех держав 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, Ялтинская Декларация от 11 января 1945 г., Декларация четырех великих держав от 5 сентября 1945 г., Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. и Устав Международного Военного Трибунала, принципы которого, в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., стали принципами международного права).

Но на ФРГ, как на правопреемнице гитлеровского государства, лежит особая обязанность наказания военных преступников. В соответствии с Актом о военной капитуляции германских вооруженных сил от 8 мая 1945 г., Германия обязалась выполнять решения союзных держав, в том числе решения о наказании военных преступников. Такие же обязательства содержатся в Декларации правительств четырех союзных держав о поражении Германии от 5 июня 1945 г. и в решении Берлинской конференции 1945 г.

Ни в одном из этих актов, естественно, не предусматривается возможность применения общеуголовной давности к военным преступникам. Ни в одном из них не говорится о возможности применения внутреннего закона гитлеровской Германии к этим преступникам.

Исключительно принципиальное значение имеет ст. 45 Соглашения четырех правительств союзных держав «О некоторых дополнительных требованиях к Германии», заключенного в развитие Декларации о поражении Германии: «При любом разбирательстве, производимом любым германским судом или властью, судопроизводство должно вестись с учетом положений Декларации и всех издаваемых на ее основании прокламаций, приказов, рас-

¹⁴⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 320.

поряжений и инструкций, которые заменят все несовместимые с ними положения германского закона»¹⁴⁸.

Таким образом, это соглашение подтверждало тот неоспоримый принцип, что ответственность за военные преступления регулируется международным правом. И это тем более естественно, когда речь идет о нацистских военных преступлениях.

Институт давности предусмотрен уголовными законами значительного числа стран. Но такая давность предусмотрена для обычных преступлений, таких, как убийство, нанесение телесных повреждений, ограбление и т. п. Именно такого рода преступления имеет в виду и уголовный кодекс ФРГ, тем более, что он был принят еще в 1871 г., и уже поэтому, видимо, не следует доказывать, что авторы его не могли предусмотреть такие преступления, какие почти через сто лет совершат нацисты в Европе. Известно, что преступления нацистов преследовали цель массового уничтожения людей для биологического ослабления одних народов и полного истребления других. «Доказательства относительно военных преступлений были колоссальны по объему... — указывается в приговоре Международного Военного Трибунала. — Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией... и сопровождалась жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить»¹⁴⁹.

Для того чтобы измерить масштабы гитлеровских преступлений, потребовалось ввести в уголовноправовой обиход такой неологизм, как геноцид, как преступление против человечества.

Именно потому, что гитлеровские преступления не уместяются в рамки обычного уголовного кодекса, потребовалось в Уставе Международного Военного Трибунала разработать особую юрисдикцию, ничего общего не имеющую с юрисдикцией обычных уголовных кодексов. В 1945 г. был принят Закон № 10 Контрольного совета в Германии «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности», который сконструировал особые составы преступлений. Только таким путем можно было установить рамки ответственности гитлеровских военных преступников. Излишне говорить о том, что эти международноправовые акты не предусматривают давностных сроков.

Еще на Нюрнбергском процессе адвокаты пытались доказать, что подсудимые, как германские граждане, должны были подчиняться только велениям немецкого закона. Но обвинители раскрыли всю неосновательность такой попытки, указав на то, что ст. 4

¹⁴⁸ «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», в. XI. Госполитиздат, 1955, стр. 103.

¹⁴⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 372—373.

Веймарской конституции предусматривала: «Общепризнанные положения международного права имеют значение обязательных составных частей имперского германского права»¹⁵⁰. Такое же положение содержится в ст. 25 конституции ФРГ, устанавливающей, что «общие нормы международного права... имеют преимущество перед законами...». Но как раз эти нормы не допускают применения давности к гитлеровским военным преступникам.

Боннское правительство, следовательно, решившись на применение давности к нацистским преступникам, вошло в противоречие не только с нормами международного права, но и с собственными законами. Статья 139 конституции ФРГ обязывает власти выполнять предписания, содержащиеся в правовых актах об «освобождении немецкого народа от национал-социализма и милитаризма». Характерно, что 24 марта 1920 г. германский рейхстаг в дополнение к закону от 18 декабря 1919 г. о преследовании за военные преступления, совершенные во время первой мировой войны, принял специальный закон о неприменении давности к военным преступникам. Надо ли говорить, что сущность, характер и масштабы гитлеровских преступлений во второй мировой войне тем более требуют специального закона, запрещающего применение срока давности к лицам, виновным в этих преступлениях. Любопытно, наконец, отметить, что проект нового уголовного кодекса ФРГ предусматривает для преступлений, наказуемых пожизненным заключением, 30-летний срок давности. Но презрев и это, боннское правительство сочло возможным настаивать на 20-летнем сроке давности для тяжчайших нацистских военных преступников.

Правительство ФРГ, твердо решив под предлогом давности амнистировать многие десятки тысяч гитлеровских военных преступников, предпочло прикрыть свои действия парламентским одобрением. К моменту передачи этого вопроса в бундестаг кампания общественного протеста во всем мире достигла своего апогея. В ряде стран были приняты специальные законы, запрещающие применение давности к нацистским преступникам (в СССР, Польше, ГДР, Чехословакии, Франции, Австрии и др.).

Военные преступления нацистской Германии носили государственно-организованный характер, и в их совершение различными путями была втянута значительная часть гитлеровского государственного аппарата. После окончания войны гитлеровцы заполонили различные звенья государственного аппарата ФРГ, заняв в нем весьма влиятельные посты. Именно ответом на их требование и явилась акция правительства ФРГ о применении давности.

Западногерманский бундестаг, игнорируя международное право, не считаясь с мировым общественным мнением, отказался сле-

¹⁵⁰ «Конституции буржуазных стран», т. I. Соцэкгиз, 1935, стр. 83.

лать то, что сделали парламенты других стран, — отказался принять закон, запрещающий применение давности к нацистским военным преступникам. Вместо этого он лишь отсрочил применение 20-летнего срока давности на пять лет. Этим своим актом бундестаг еще раз показал, что интересы сохранения и упрочения положения гитлеровских преступников в государственном аппарате ФРГ ему оказались дороже интересов мира и безопасности человечества.

7. Действие Устава Международного Военного Трибунала во времени

Деятельность Международного Военного Трибунала фактически была окончена 1 октября 1946 г., т. е. после оглашения приговора. Это дало некоторым повод для утверждения, что Устав Трибунала — это «*lex in casu*», а сам Трибунал — это суд «*ad hoc*».

Так, Кальвокоресси пишет: «Трибунал был учрежден, чтобы судить лиц, обвиненных в совершении определенных преступлений, но он не мог судить любое лицо, которое могло бы быть обвинено в совершении подобных преступлений. Такими лицами могли быть только немцы, и трибунал мог судить только их»¹⁵¹. Ветцель пишет: «Нет спора по поводу того, что Международный Военный Трибунал был судом „*ad hoc*“. Он был создан для специальной цели суда над германскими военными руководителями и с исполнением этой задачи перестал существовать»¹⁵².

Вряд ли подобные утверждения были лишь плодом поверхностного анализа соответствующих международноправовых актов. Нет, скорее это попытка оправдать срыв западными державами дальнейшей деятельности Трибунала. Утверждение, что с окончанием судебного процесса над главными нацистскими военными преступниками Международный Военный Трибунал исчерпал свою компетенцию, не имеет под собой почвы. И не только потому, что для такого вывода не дает оснований анализ Соглашения от 8 августа 1945 г. и Устава Международного Военного Трибунала, но и потому, что логика борьбы с военными преступниками второй мировой войны не могла ограничить эту задачу судебным преследованием лишь немецких нацистов, и то только небольшой группы главных из них. В Европе в лагере агрессоров наряду с нацистской Германией, главным организатором и исполнителем агрессивных планов, находились и другие государства. Именно поэтому Соглашение от 8 августа 1945 г. говорит не о наказании лишь нацистских военных преступников, а о «судебном преследовании и наказании главных военных преступников евро-

¹⁵¹ Peter Calvocoressi. Op. cit., p. 26.

¹⁵² R. Woetzel. Op. cit., p. 73.

пейских стран оси». В ст. 1 Соглашения указывается: «Учредить после консультации с Контрольным советом в Германии Международный Военный Трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально или в качестве членов организации или групп, или в том и другом качестве»¹⁵³. Соответственно и в ст. 1 Устава говорится, что Трибунал учреждается для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

Даже самый общий анализ Устава Международного Военного Трибунала приводит к выводу, что Нюрнбергский процесс имелся в виду не как единственный, а как начинающий серию судебных процессов над главными военными преступниками второй мировой войны. Именно поэтому п. «b» ст. 4 Устава говорит: «Члены Трибунала до начала судебного процесса договариваются между собой о выборе одного из их числа председателем; председатель выполняет свои обязанности в течение этого судебного процесса или так, как будет решено голосами не менее трех членов Трибунала. Устанавливается принцип очередности председательствования на последующих судебных процессах. Однако, если заседание Трибунала происходит на территории одной из четырех Подписавшихся Сторон, то председательствует представитель этой Стороны в Трибунале»¹⁵⁴.

Вряд ли следует после ознакомления с этой статьей еще доказывать, что Устав МВТ это не «*lex in casu*», что это акт, предусматривающий целую серию судебных процессов, и именно процессов главных военных преступников второй мировой войны.

Что же касается того, должен ли был созданный в 1945 г. Трибунал проводить другие процессы или для этого надо было учредить другие трибуналы, то этот вопрос не может быть существенным для определения характера его Устава. Кстати сказать, ст. 5 облегчает решение и этого вопроса. «В случае необходимости,— говорится в ней,— и в зависимости от количества требующих рассмотрения дел могут быть учреждены другие трибуналы; порядок учреждения, функции и процедура каждого из трибуналов будут тождественны и будут регулироваться настоящим Уставом»¹⁵⁵.

Лучшим ответом тем американским авторам, которые пытаются представить Устав Трибунала как «*lex in casu*», могут служить следующие слова главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе Джексона: «Я хочу разъяснить, что, хотя этот закон применяется впервые против германских агрессоров, он должен осуждать агрессию, совершенную любой другой нацией, включая

¹⁵³ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 64.

¹⁵⁴ Там же, стр. 67.

¹⁵⁵ Там же.

и те, которые представлены сегодня в Трибунале, если только он предназначен для служения истинно полезной цели»¹⁵⁶.

Наконец, можно еще напомнить мысль Потсдамской Декларации о том, что преследование и наказание главных военных преступников второй мировой войны не ограничится одним процессом. В разделе «О военных преступниках» сказано: «Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года»¹⁵⁷.

Не вдаваясь в более подробный анализ Устава, сошлемся лишь на ст. 22, в которой ясно указывается: «Постоянное местонахождение Трибунала — Берлин. Первые заседания членов Трибунала и главных обвинителей состоятся также в Берлине, в том месте, которое будет определено Контрольным советом в Германии. Первый процесс состоится в Нюрнберге, а последующие процессы состоятся в местах по определению Трибунала»¹⁵⁸. Одна эта статья одновременно обнаруживает неосновательность утверждения «*lex in casu*» и «*ad hoc*».

Международный Военный Трибунал в более благоприятной международнополитической обстановке мог бы действовать и дольше, пока он не исчерпал бы полностью своей задачи.

В целом правильно была решена судьба первой группы главных военных преступников, но не был решен вопрос об остальных главных преступниках войны. И случилось это вовсе не потому, что Устав Трибунала был «*lex in casu*», а сам Трибунал — судом «*ad hoc*», а потому, что западные державы по ряду причин, среди которых важнейшая заключалась в политике восстановления германского милитаризма, решили прекратить деятельность Трибунала.

Принципы Устава Международного Военного Трибунала действовали и в других судебных процессах. Обвинение, предъявленное руководителям германских вооруженных сил, СС и гестапо, германских монополий, основывалось также на положениях этого Устава, а, как известно, судебные процессы по обвинению этих военных преступников происходили в течение многих лет после окончания Нюрнбергского процесса. Можно сослаться на судебный процесс Адольфа Эйхмана, проведенный в 1960 г. также в сущности на основе положений Устава Трибунала.

Наконец, решающее значение для определения действия норм Устава Международного Военного Трибунала во времени имеет резолюция Организации Объединенных Наций от 11 декабря 1946 г., подтвердившая принципы международного права, призванные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала. Эта резолюция, принятая именем всех Объединенных Наций, означает, что принципы Устава Международного Военного Трибунала стали отныне общепризнанными принципами международного права.

¹⁵⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 338.

¹⁵⁷ Там же, стр. 42.

¹⁵⁸ Там же, стр. 71.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

1. Историческая и юридическая несостоятельность ссылок на принципы «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*» для утверждения безнаказанности агрессии

После анализа некоторых общетеоретических вопросов Устава Международного Военного Трибунала нам предстоит рассмотреть вопрос о правовой квалификации преступлений против мира.

Из всех преступлений, предусмотренных этим Уставом, агрессивная война как один из составов преступлений против человечества вызвала наибольшие трудности при ее квалификации. Именно в связи с этим вопросом на Нюрнбергском процессе и после него возникли наиболее серьезные политические и юридические споры. Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, а вслед за ним Международный Трибунал для Дальнего Востока, покончив своими приговорами с исторической безнаказанностью агрессии, отнюдь не положили конец теоретическим спорам. Более того, эти приговоры еще более активизировали борьбу на теоретическом фронте. Достаточно отметить, что на последовавших после Международного Нюрнбергского процесса 12 судебных процессах в Нюрнберге защита вновь и вновь оспаривала тезис о противоправности и преступности агрессии.

После процессов над военными преступниками появилась огромная литература, в которой активно ведется теоретическая дискуссия по вопросу о правомерности нюрнбергских принципов об ответственности за агрессию.

Советская доктрина международного и уголовного права принципиально одобряет эти принципы, считая их полностью соответствующими общепризнанным нормам современного международ-

ного права. Что касается буржуазной доктрины международного права, то здесь наряду с полным признанием или полным отрицанием этих принципов высказываются и другие точки зрения. Так, некоторые авторы, признавая противоправность агрессии, отрицают ее преступность. Другие признают то и другое, но отрицают возможность индивидуальной ответственности за агрессию.

Критика положений Устава Международного Военного Трибунала, провозглашающих агрессию международным преступлением, началась буквально в первый же день Нюрнбергского процесса. Защита главных немецких военных преступников в лице д-ра Штамера сделала официальное заявление, смысл которого сводился к тому, что международному праву не известны нормы, устанавливающие ответственность за ведение агрессивной войны. «Человечество добьется,— говорил адвокат,— что в будущем эта идея не будет только требованием, а станет международным законом»¹. Как бы сетуя на довоенных политиков и юристов, д-р Штамер заявил: «Но, к сожалению, многочисленные благие пожелания установить наказуемость агрессии остались пока еще гласом вопиющего в пустыне»². Сославшись также на то, что Нюрнбергский трибунал состоит из судей стран-победительниц, что, по мнению адвоката, исключает беспристрастность суда, д-р Штамер от имени всей нюрнбергской защиты закончил «меморандум» следующими словами: «Трибунал должен собрать мнение признанных авторитетов в вопросах международного права относительно законности этого процесса»³.

Эта попытка сразу же подорвать юридические основы Международного Военного Трибунала была сорвана Нюрнбергским трибуналом, который ответил на юридическую диверсию защиты ссылкой на свой Устав⁴.

Однако дискуссия о законности предъявленного гитлеровскому правительству обвинения в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны вовсе не прекратилась.

Поскольку большинство подсудимых обвинялось в агрессии, каждый адвокат в своих выступлениях, особенно речах⁵, дискутировал по вопросам правовой квалификации агрессии. В концентрированной форме позиция защиты была выражена в специальной речи Ярайсса. Эта речь представляла собой как бы международно-правовую доктрину германской защиты по всем наиболее сложным и важным спорным вопросам международного права, которые возникли в ходе Нюрнбергского процесса. Интерес ее для

¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 1, стр. 105.

² Там же, стр. 106.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Нюрнбергская защита включала в себя наряду с профессиональными адвокатами также и профессоров международного права (Ярайсс, Экспер и др.).

настоящей работы определяется еще и тем, что она послужила научным эталоном для американской защиты на Токийском процессе, а одновременно и для немецкой защиты на 12 судебных процессах в американских военных трибуналах. Эта речь в сущности стала штампом для многих литературно-юридических упреждений реакционных юристов на Западе, не оставивших надежд испровергнуть нюрнбергские принципы.

Позиция Ярайсса вкратце сводится к утверждению следующего:

1. История международного права не знала таких договоров или соглашений, которые с элементарной ясностью устанавливали бы противоправность и преступность агрессии, а следовательно, применение положений Устава Международного Военного Трибунала к главным немецким военным преступникам является грубейшим нарушением общепризнанных принципов «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*».

Смысл этих принципов заключается в том, что не может признаваться наказуемым то действие, которое в момент его совершения не признавалось законом преступным, и что, даже если и принят уголовный закон, он не имеет обратной силы в отношении действий, не считавшихся преступными в момент их совершения.

2. Защита готова признать, что в истории международного права и международных отношений встречались попытки оградить мир от опасности войны, в том числе при помощи системы коллективной безопасности. Однако юридически эти попытки были ничтожны. Что касается коллективной безопасности, то никто не выказал большего неуважения к ней, чем некоторые из тех стран, которые в Нюрнберге выступают в качестве представителей обвинительной власти⁶.

Для доказательства своих доводов профессор Ярайсс пустился в не столь глубокий исторический экскурс. Не столь глубокий потому, что экскурс в сущности был начат и закончен Пактом Бриана — Келлога. Это верно, что и обвинители уделили этому пакту большое внимание, но д-р Ярайсс решил ограничиться им.

Метод критики Пакта состоял в том, что Ярайсс рассматривал этот Пакт изолированно, вне связи с историческим развитием международного права, и в частности тех его актов, которые имели прямое отношение к рассматриваемой проблеме.

Он пишет, что Пакт имел не столько юридическое, сколько политическое значение: «Парижский пакт в своем запрещении войны неоспоримо исходит из политического понятия агрессии».

Подвергнув критике отдельные положения Пакта и придя к выводу о его юридической неполноценности, Ярайсс все же готов признать и некоторое его юридическое значение, но только

⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14962—15017.

в тех пределах, которые опять-таки позволят ему доказать невозможность использовать этот документ для обоснования приговора. Поэтому Ярайсс постепенно сползает с позиции полной юридической ничтожности Пакта до признания его как нормы, устанавливающей противоправность агрессии, но не ее преступность. Вот почему он заключает: «Государство, нарушившее договор (Пакт.— А. П.), совершило деликт против норм международного права, но не проступок, подлежащий наказанию»⁷. Он категорически возражает против такого истолкования понятия деликта, которое позволило бы рассматривать его как основание для уголовного преследования⁸.

Ярайсс согласен с тем, что объективно соответствующие положения Устава Лиги Наций и Пакт Бриана — Келлога были призваны обеспечить мир, но как раз большую часть своей аргументации против тезиса о преступности агрессии он использует для того, чтобы доказать, что эти положения позитивного международного права решительно утратили свое значение в тех конкретных условиях международных отношений, в которых эти акты были подвергнуты испытанию. И здесь усилия Ярайсса были направлены на то, чтобы доказать, что нарушения рядом стран этих договоров в сущности свели на нет их значение. «Конфликт между Италией и Абиссинией в 1935 и 1936 годах стал великим пробным камнем, который решал вопрос о том, быть или не быть системе коллективной безопасности: Лига Наций определила своего члена — великую державу — агрессором и вынесла решение об экономических санкциях, устранившись, однако, военных мер насилия, и мучилась в конце концов после победы Италии... с ответом на вопрос, как можно признать открытое предательство своего Устава и вычеркнуть своего члена, подвергшегося агрессии, малую страну Абиссинию, из списка живых государств и как признать ее частью итальянской империи»⁹.

Вряд ли есть необходимость перечислять общеизвестные факты политики попустительства агрессии, проводившейся западными державами. Но именно эти факты и использовал Ярайсс. Здесь Абиссиния и Манчжурия, Австрия и Чехословакия — одним словом, все страны и территории, которые подверглись агрессии при молчаливом согласии как раз создавших Лигу Наций и Пакт Бриана — Келлога стран. Зачем приводит Ярайсс все эти факты? Может быть, для того, чтобы осудить поведение тех правящих

⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14996. Ярайсс для подкрепления этой своей позиции ссылается также на английского юриста Фишера Вильямса и его работу «Санкции по соглашению» («British Year Book of International Law». London, 1936, p. 230).

⁸ «Каждый юрист знает, что всякое незаконное действие можно назвать деликтом, но от этого оно не становится наказуемым» («Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14990).

⁹ Там же, стр. 14971.

кругов западных держав, которые по существу выступили в роли пособников агрессивной политики Германии, Японии и Италии? Отнюдь нет. Вся эта тщательно подобранная документация и аргументация потребовалась для того, чтобы, скажем, применительно к случаю с Абиссинией сделать следующий вывод:

«Полная дискредитация Лиги Наций и Пакта Бриана — Келлога в Абиссинском конфликте возвратила здесь классическое международное право вновь на его старое место»¹⁰.

Само собой разумеется, что это должно означать лишь одно — война становится для международного права явлением безразличным, а следовательно, непреследуемым. Если в первые моменты после создания Лиги Наций и заключения Парижского договора и существовало в мировом масштабе правовое сознание запрещения агрессии, рассуждает Ярайсс, то оно исчезало и довольно быстро, по мере того как разрасталась «трагедия Пакта Бриана — Келлога».

Подводя итог развитию идей, выраженных в Уставе Лиги Наций и Пакте, Ярайсс утверждает, что еще «до начала второй мировой войны вся система коллективной безопасности, даже в том зачаточном состоянии, которое тогда было достигнуто, распалась», а потому «каждое государство является единственным судьей в том вопросе, ведет ли оно в каждом отдельном случае оборонительную войну или нет. Ни одно государство мира не было согласно принять чужое правосудие по тому вопросу, были ли справедливыми или нет его решения в последнем вопросе, имеющем жизненное значение»¹¹.

Как уже указывалось, аргументация Ярайсса была использована и развита на последующих судебных процессах в Нюрнберге. В частности, представляет интерес речь одного из адвокатов на судебном процессе против руководителей крупнейшей германской монополии «ИГ Фарбениндустри» западногерманского профессора Волла¹². Дополняя Ярайсса, Волл утверждает, что, видимо отдавая себе отчет в слабости юридической конструкции, устанавливающей ответственность за агрессию, «первоначально союзники не намеревались включить преступления против мира в обвинительное заключение и эти преступления не играли никакой роли в предупреждениях, которые союзники направили германскому правительству до перемирия». Однако в действительности такое обвинение было все же предъявлено, и виной тому, оказывается, была советская правовая наука. Но Волл в этом своем утверждении лишь повторяет то, что до него писал Финч. В сущности оба они, и Финч, и Волл, обвиняют профессора Трайнина в том, что он со своими давно разработанными уголовноправовыми концеп-

¹⁰ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14972.

¹¹ Там же, стр. 14981.

¹² Как и Ярайсс, Волл выступал от имени всей защиты по общеправовым вопросам процесса.

циями ответственности за преступления против человечества оказал влияние на представителей других стран в Лондоне в период выработки Устава Международного Военного Трибунала, обратил в свою веру других буржуазных юристов и тем способствовал принятию Устава.

Волл, как и Ярайсс, всячески отстаивает идею применения принципов «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*» к германским военным преступникам. Он критикует приговор Трибунала, который, по его мнению, оказался «особенно подверженным влиянию русской идеологии в борьбе против старых и уважаемых (?!) юридических традиций цивилизованного мира»¹³.

Не стоит объяснять, что под этими традициями имеется в виду прежде всего безнаказанность агрессии.

Волл согласен с тем, что «должно быть сделано все для предотвращения агрессивных войн в будущем. Важнейшей задачей будет создание международной организации, которая силой своей власти будет в состоянии улаживать все международные споры мирными средствами»¹⁴. «Надо отметить, однако,— продолжает он,— что к моменту развязывания второй мировой войны организация такого типа, в которой суверенность различных правительств была бы ограничена существованием наказуемых законом правил относительно агрессивных войн, не была образована»¹⁵. Отсюда вывод Волла — приговор Международного Военного Трибунала незаконен в своей основе: он осудил за те действия, которые в момент их совершения не считались наказуемыми с позиций позитивного международного права. Как и Ярайсс, Волл готов в крайнем случае признать, что международные соглашения установили противоправность агрессии, но отнюдь не преступность ее. Нарушение Пакта Бриата — Келлога, по мнению Волла, не может вызывать иных последствий по сравнению с теми, которые наступают при нарушении любого другого международного договора. Речь может идти о денонсации нарушенного договора, о репарациях как средстве возмещения убытков, причиненных фактом нарушения договора, о репрессалиях — одним словом, о любых последствиях, кроме уголовного наказания за агрессию. «Моральные меры против государства, нарушившего договор, а не наказание отдельных лиц, ответственных за нарушение его», — так резюмирует свои позиции Волл¹⁶.

Ярым противником нюрнбергских принципов выступает в Западной Германии Август фон Книрим. В своей книге «*The Nuremberg Trials*», выпущенной в 1959 г., он, как Ярайсс и Волл,

¹³ «*Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals*», v. VIII. «*The I. G. Farben case*», Nuremberg, 1952, p. 878 (далее — «*Trials of War Criminals...*»).

¹⁴ Там же, стр. 879.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

строит критику пюрибергского приговора на основании тех же принципов «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*».

Книрим делает вывод, что, поскольку Устав Трибунала игнорировал эти ставшие исторически общепризнанными принципы и поскольку история международного права не знала до окончания второй мировой войны таких договоров, которые устанавливали бы преступность и наказуемость ведения агрессивной войны, Международный Военный Трибунал вынес неправосудный приговор, по крайней мере в той части, в которой он осудил за агрессию подсудимых. Одновременно Книрим утверждает, что эти принципы (и соответственно принцип «*nulla poena sine lege*») применимы не только в национальных системах права, но и в международном праве; при этом он ссылается также на мнение французского юриста Шарля Руссо¹⁷.

Аналогичную позицию занимает в Западной Германии и Даам. «Может ли международный договор либо международный суд признать такое действие, которое во время его совершения представляло собой лишь международноправовой деликт, т. е. нарушение права государства, задним числом наказуемым действием в плане индивидуальной уголовной ответственности? Допускает ли, следовательно, международное право придание наказанию обратной силы?»

Для подтверждения своей позиции Даам широко использует аргументацию американских делегатов в созданной версальскими державами комиссии по установлению ответственности виновников первой мировой войны. Американские делегаты, ссылаясь на принципы «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*» высказались против привлечения к суду Вильгельма II. Вывод о возможности наказания германского кайзера казался им сомнительным, пишет Даам, поскольку тогда нужно признать руководителей государства ответственными за агрессию, которая до тех пор была не известной ни национальному, ни международному праву и в отношении которой не установлено ни одного прецедента в современной международной практике¹⁸.

Мнение большинства комиссии, также не отличавшееся определенностью, Даам объясняет тем, что «развязывание агрессии к началу войны хотя и осуждалось в моральном смысле, но не было нарушением позитивного международного права»¹⁹.

Даам критикует то положение приговора Международного Военного Трибунала, в котором утверждается, что осуждение агрессии как преступления сложилось в качестве нормы международного права еще до начала второй мировой войны. Он утверждает: тот факт, что «наказания, установленные в приговорах

¹⁷ Charles Rousseau. *Principes généraux du droit International Public*. Paris, 1944, v. I, p. 486.

¹⁸ G. D a h m. *Zur Problematik des Völkerstrafrechts*. Göttingen, 1956, S. 56.

¹⁹ Там же, стр. 56.

обоих (Нюрнбергского и Токийского) трибуналов, находятся в противоречии с основным принципом „*nullum crimen sine lege*“, не вызывает сомнения»²⁰.

Упомянем и другого западногерманского автора — Эхарда, который в своей статье «Нюрнбергский процесс против главных немецких военных преступников и международное право»²¹ пишет: «Право говорит каждому, что он может и что он не может делать. Тот, кто совершает то или иное действие, должен заранее знать юридические последствия, которые оно способно вызвать. Но это возможно лишь в том случае, если правила поведения заранее известны»²². Эхард далее отмечает, что «юридическая норма, на основании которой обосновывается право наказания, должна установить не только то, что данное действие является незаконным, но и то, что оно является уголовно наказуемым. Одновременно должен быть предписан порядок применения наказания»²³.

Все эти рассуждения потребовались Эхарду для того, чтобы подвести читателя к мысли, что существовавшее до второй мировой войны международное право не рассматривало агрессивную войну как преступление.

Что же касается Пакта Бриана — Келлога, то Эхард категорически отрицает возможность сконструировать на его основании состав уголовно наказуемого деяния агрессии²⁴.

На аналогичной позиции стоят и некоторые другие западногерманские авторы²⁵. Но было бы большим заблуждением думать, что критика в адрес нюрнбергских принципов, в частности с позиций «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*», исходит только или главным образом от западногерманских юристов.

Процесс в Нюрнберге способствовал окончательному и бесспор-

²⁰ G. D a h m. Op. cit., S. 58.

²¹ Hans E c h a r d. The Nuremberg Trial against the Major War Criminals and International Law. «American Journal of International Law», 1949, v. 43, p. 238.

²² Там же, стр. 236.

²³ Там же.

²⁴ По поводу Пакта Бриана — Келлога Эхард пишет, что, пока речь идет о том, что государство, начавшее войну, считается нарушившим свои договорные обязательства, можно говорить об основательности ссылки на этот Пакт. Но автор говорит далее, что он «не нашел ни в обвинительном заключении, ни в приговоре МВТ доказательств того, что тот, кто нарушит Пакт, совершает преступление» (Hans E c h a r d. Op. cit. «American Journal of International Law», 1949, v. 43, p. 238). «В самом договоре, — пишет автор, — война не квалифицируется как преступление... К сожалению, надо признать, что этот договор является „*lex imperfecto*“ — и против этого нельзя спорить» (там же, стр. 238).

²⁵ A. B a l a s z. Die Rechtliche Begründung des Nürnberg Urteils. Friedenswarte, 1946; W. G r e w e und O. K ü s t e r. Nürnberg als Rechtsfrage. Eine Discussion. Stuttgart, 1947; Otto K r a n z b u h l e r. Nürnberg als Rechtsproblem, München, 1956.

ному становлению универсальной договорной нормы международного права, устанавливающей не только противоправность, но и безусловную преступность и наказуемость агрессии. И в этом смысле нюрнбергский приговор правильно рассматривался реакционными кругами во всем капиталистическом мире как удар по империалистической политике. Вот почему нюрнбергские принципы подверглись жесточайшим нападкам в печати западных стран еще раньше, чем на этот путь встали западногерманские реакционные юристы. Многие нюрнбергские адвокаты, в том числе Ярайсс и особенно Волл, черпали свою премудрость из материалов западной печати.

Поток критических высказываний против Устава Трибунала начинается буквально в первые же дни заседания Трибунала. Американский журнал «Нэйшн» уже 1 декабря 1945 г. в передовой статье обрушился на Нюрнбергский процесс, который к тому времени заседал всего лишь 10 дней. В журнале о процессе говорилось: «Это хорошая пропаганда, но пропаганда не есть право». Обвинителям приписывалась неспособность назвать какие-либо юридические акты, на основании которых судят германское правительство в Нюрнберге: «Когда политические акты выдаются за правовые, то право и политика теряют значение»²⁶.

Вновь и вновь журнал варьирует свои ссылки на принцип «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*», вновь и вновь утверждает, что германское правительство, которое исходило из того, что международное право безразлично относится к квалификации агрессивной войны, не могло знать о том, что развязываемые им войны будут юридически наказуемы. А раз это правительство исходило из глубоко укоренившейся традиции безнаказанности войны, говорится в статье, Трибунал, имеющий все основания судить германских лидеров за военные преступления, не имеет никакого права предъявлять им обвинения в агрессивной войне.

Американский профессор уголовного права Рустэм Вамбэри в статье «Право и законность» в критическом пылу, в своем стремлении доказать незаконность Нюрнбергского процесса, дошел до следующего чудовищного утверждения: «К несчастью, обвинительное заключение по делу главных военных преступников, представленное в Международный Военный Трибунал, носит характерные следы гитлеровской юриспруденции»²⁷.

Критикуя Устав Международного Военного Трибунала за то, что он якобы отошел от принципов «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*», Вамбэри пишет: «Никакой закон не может быть установлен путем нарушения элементарных принципов, на которых покоится человечество и право»²⁸.

²⁶ «Nation», 1.XII 1945, p. 573.

²⁷ Там же, стр. 574.

²⁸ Там же, стр. 575.

С этих же позиций критиковали Нюрнбергский приговор Макс Радин²⁹, Ф. Кирхвен³⁰, Чарльз Визанский³¹, Левенталь, Гаррис, Вуллей, Фарр³², Бельджион³³, Гросс³⁴, Г. Кельзен³⁵.

Одним из наиболее откровенных сторонников концепции «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*» является, пожалуй, Могем. В своей книге «Объединенные нации и военные преступления» он пишет, что мир был удивлен, когда прочитал в приговоре, что Устав был «выражением существующего международного права», в то время как ни одно государство никогда ранее не утверждало, что агрессия — преступление³⁶. «Четыре державы, или четверо судей,— пишет Могем,— не имеют права создавать какие-либо правила в области международного права, которые никогда раньше не были известны либо согласованы государствами»³⁷.

Противники нюрнбергских принципов широко использовали в своих целях те разногласия, которые возникли на межсоюзнических совещаниях, посвященных проблеме наказания военных преступников и происходивших во время войны. Как уже указывалось, и в западных странах антигитлеровской коалиции имелось немало реакционеров, выступавших против наказания гитлеровцев за агрессию и предлагавших ограничить судебные процессы обвинением лишь в совершении военных преступлений³⁸.

²⁹ M. Radin. Justice at Nuremberg. «Foreign Affairs», IV 1946, v. XXIV, p. 370. («Я рискну высказать свое мнение,— заключает свою статью Радин,— что значение этого процесса было бы даже большим, если бы суд отказался рассматривать вопрос (об ответственности за агрессию.— А. П.), который мировое общественное мнение не считало правильным ставить перед уголовным судом».)

³⁰ F. Kirchwen. Politics and Justice. «Nation», 12.XII 1946.

³¹ Charles Wisansky. The Dangerous Precedent. «Atlantic», 1946, v. 1, p. 69—70.

³² Levental, Harrice, Woolsey and Farr. The Nuremberg Judgment. «The Harvard Law Review», 1947, v. 60, p. 902—906.

³³ Montgomery Beldgion. Victor's Justice. London, 1948.

³⁴ L. Gross. The Criminality of Agressive War. «American Political Science Review», 1947, N 2, p. 205—225.

³⁵ H. Kelsen. Will the Judgment in the Nuremberg Trial Constitute a Precedent in International Law? «International Law Quarterly», 1947, N 2, p. 153—171.

³⁶ F. H. Mangham. UNO and War Crimes. London, 1951, p. 18.

³⁷ Там же, стр. 51.

³⁸ В частности, в ряде западных изданий приводится официальный меморандум Англии, сформулированный в памятке от 23 апреля 1945 г. Выступив против организации международного публичного судебного процесса над гитлеровской кликой, английское правительство предложило коллективную казнь главных преступников «за их действия, ведущие к войне, и за злодеяния... при ведении войны». Подлинная подоплека такого предложения заключалась не в опасении, что «привлечение их к суду за все преступления против международного права... займет слишком много времени», а в содержавшемся в указанном меморандуме опасении английского правительства, что организация и проведение публичного судебного процесса «может обратиться против союзников», даст «возможность обвиняемым обосновать свои аргументы событиями прошлого» (С. A. Rompre. Aggressive War

В частности, в октябре 1944 г. на заседании Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям делегаты некоторых западных стран выражали сомнение в том, имеются ли с точки зрения позитивного международного права основания квалифицировать агрессивные войны гитлеровской Германии как преступные, и приводили аргументы, вытекающие из принципов «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*»³⁹.

Эти принципы были использованы для критики концепции наказуемости агрессоров второй мировой войны и некоторыми судьями в Токийском Международном Трибунале⁴⁰, хотя в целом Международный Трибунал для Дальнего Востока солидаризовался с Нюрнбергским трибуналом в правовой квалификации агрессивной войны.

Для того чтобы раскрыть всю неосновательность применения ссылок на принципы «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*» для защиты агрессии — этого самого тяжкого международного преступления, надо хотя бы кратко проследить причины зарождения этих принципов.

Принципы «*nullum crimen sine lege*», «*nulla poena sine lege*» и «*ex post facto*» явились реакцией молодой буржуазии на произвол королевской власти, на судейский произвол в XVII в. Идеологи буржуазии требовали покончить с монархической тиранией, покончить с таким положением, когда судья, действующий именем монархии, не будучи связан строгими нормами закона, мог сам законодательствовать, а в сущности — творить произвол. Но именно таким было положение в течение многих десятилетий и даже столетий. И оно соответствовало интересам господствующих сосло-

an International Crime. The Hague, 1953, p. 189). Все эти опасения были навеяны английским (как, впрочем, и американским) правящим кругам воспоминанием о весьма опасных для дела мира зигзагах мюнхенской политики потворства нацистской Германии, что в сущности ставило правящие реакционные круги западных стран в положение пособников гитлеровской агрессии, но вовсе не означало безнаказанности гитлеровцев.

³⁹ См., например, С. А. Р о т т е. *Op. cit.*, p. 181—189.

Английский эксперт в указанной Комиссии Мак Нейр прямо заявил, что только в том случае, «если можно доказать, что государство совершило преступный акт, физические лица, ответственные за это, могут быть обвинены в его осуществлении. Принцип «*lex lata*», на котором концепция наказуемой войны должна обосновываться, предполагает, что нарушение государством норм международного права равносильно нарушению контракта или деликту, но не является преступлением» (там же, стр. 181).

⁴⁰ Так, судья Пал указал в своем особом мнении, что «различие между справедливой и несправедливой войной имеет отношение к теориям философов права» и поэтому для позитивного международного права оно безразлично, а применение наказания к агрессорам «является случаем применения законодательства „*ex post facto*“». Судья Ролинг в своем особом мнении утверждал, что по тем же основаниям «преступления против мира в действительности не являются преступлениями в юридическом смысле слова», хотя и признавал, что агрессоры «могут быть наказаны в качестве меры обеспечения политической безопасности» (цит. по: «*International Conciliation*», 1950, N 465, p. 546).

вий феодального государства. Против широко установленной аналогии уголовного закона, за введение принципа «*nullum crimen...*» активно выступали крупнейшие мыслители шедшей к власти буржуазии, стремившейся установить и оформить свое господство не только экономически и политически, но и юридически.

Постепенно положения, выраженные в лаконичной формуле «*nullum crimen...*», проникли в законодательство ряда стран. Законы в разных странах объединяло стремление ликвидировать режим феодального беззакония и установить определенные гарантии свободы граждан в условиях нарождающегося буржуазного общества. В этом смысле, несомненно, «*nullum crimen...*» был прогрессивным принципом уголовного права, ибо по своей идее он являлся определенной гарантией от необоснованных репрессий.

Из этого принципа вытекает и принцип «*ex post facto*», т. е. недопустимость придания уголовному закону обратной силы в тех случаях, когда он устанавливает наказуемость того или иного действия, которое в момент его совершения было безразличным с точки зрения закона. Само собой разумеется, что нельзя стоять на базе принципа «*nullum crimen...*» и отрицать принцип «*ex post facto*».

Критики нюрнбергского приговора нередко ссылаются на высказывания крупнейших философов и юристов прошлого, считавших недопустимым придание уголовному закону обратной силы, в частности на Блэкстона. Действительно, Блэкстон, как и Бентам и Локк, был противником обратного действия уголовных законов. Но посмотрим, что он писал и какое это может иметь отношение к аргументам нюрнбергских критиков. «Есть способ еще более неразумный, — писал Блэкстон, — называемый изданием законов „*ex post facto*“. Здесь после учинения деяния, безразличного с точки зрения закона, законодатель затем объявляет его преступным и назначает наказание против лица, учинившего его. Человек здесь не в состоянии предвидеть, что его действие, *невинное* (курсив наш. — А. П.) при учинении, впоследствии будет законом превращено в преступление, и потому он не имеет оснований от него воздерживаться»⁴¹. Блэкстон, очевидно, никогда не назвал бы агрессию действием «безразличным» или «невинным» с точки зрения уголовного закона.

Прошла мировая война, в которой гитлеровская клика совершила чудовищные преступления, и ныне эти глубоко демократические принципы используются для достижения цели, грубейшим образом противоречащей самой их идее. Правильно писал Н. Н. Полянский: «Ссылаться на лозунги демократии для защиты агрессора — значит извращать эти лозунги, значит использовать их буквы, игнорируя смысл и подлинное назначение. В свое время

⁴¹ Цит. по кн. М. Д. Шаргородского «Уголовный закон» (Юриздат, 1948, стр. 222).

они родились в борьбе с произволом абсолютизма; теперь из них хотят сделать оплот для тиранов и узурпаторов внутри государства, для насильников в международных отношениях»⁴².

Такое же толкование дал этому вопросу Международный Трибунал в своем приговоре, отвечая критикам Устава: «Прежде всего следует заметить, что принцип „nullum crimen sine lege...“ не означает ограничения суверенности, а лишь является общим принципом правосудия. Совершенно очевидно, что неправильным является утверждение о несправедливости наказания тех, кто вопреки договорам и гарантиям напал без предупреждения на соседние государства. При таких условиях нападающий должен знать, что он совершает неправомерное дело, и не только не будет несправедливостью наказан, но, напротив, будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное им зло»⁴³.

Правильное историческое истолкование рассматриваемых принципов, трактовка их как общих принципов правосудия приводит некоторых авторов к столь же правильному выводу о том, что Международный Трибунал не мог нарушить их своим приговором и не сделал этого⁴⁴.

Международный Трибунал для Дальнего Востока поддержал точку зрения Нюрнбергского трибунала в этом отношении. Сославшись также на то, что принцип «nullum crimen...» является принципом справедливого правосудия, трибунал заключает свои рассуждения: «Поэтому было бы несправедливым не наказывать агрессора. Напротив, было бы гораздо более несправедливым, если бы агрессор остался безнаказанным»⁴⁵.

Но следует указать и на то, что принципы «nullum crimen...» и «ex post facto» зародились как принципы национального уголовного права, т. е. той системы права, где имеется кодифицированное законодательство, где источником права служит закон и только закон. Но как быть с международным правом, которое в значительной мере формировалось как обычное право и источником которого до сих пор наряду с договором и соглашением является обычай?

Не ясно ли, что механическое перенесение этих принципов из национального в международное право было бы в корне неправильным? А как быть с теми странами, законодательство и судебная

⁴² Н. Н. Полянск и й. Суд в Нюрнберге. «Советское государство и право», 1946, № 1, стр. 46.

⁴³ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 364.

⁴⁴ R. Woetzel. The Nuremberg Trials in International Law. London — N. Y., 1960, p. 96—121; Julius Stone. Legal Controls of International Conflicts. N. Y., 1954, p. 368; H. Kelsen. Peace Through Law. University of North Carolina, 1944, p. 87; F. B. Schik. The Nuremberg Trial and the International Law of the Future. «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 770—794.

⁴⁵ «Judgment of the International Military Tribunal for the Far East», 1948, p. 25—26.

практика которых руководствуются судебным прецедентом? Можно ли в таких случаях говорить о применении этих принципов? ⁴⁶

Наконец, в заключение необходимо отметить, что если в XVIII в. молодая, идущая к власти буржуазия выдвинула и защищала принципы «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*», то позднее, в эпоху империализма, эпоху развала буржуазной законности, правящая буржуазия увидела в этих принципах серьезное препятствие в борьбе со своими классовыми противниками, в борьбе с демократией. Эпоха империализма, означающая закат капитализма и буржуазной демократии, неизбежно привела к отрицанию этих подлинно демократических принципов в области уголовного права ⁴⁷. Господство фашизма в Германии обнаружило уже полный отказ от них. Гитлеровский режим, подавив остатки буржуазно-демократических свобод в стране, открыто отказался от этих принципов. И прав был главный французский обвинитель на Нюрнбергском процессе Франсуа де Ментон, когда, отвечая на попытки защиты зацепиться за общедемократические принципы «*nullum crimen...*» и «*ex post facto*», чтобы отвести от гитлеровцев меч правосудия, сказал: «Разве сама национал-социалистская правовая доктрина не допускает в области внутреннего уголовного законодательства того, чтобы даже судья мог и должен был вносить дополнения в закон? Письменный закон впредь перестал быть „великой хартией“ злоумышленника. Судья мог налагать наказание и в случае отсутствия указания на него, и при этом чувство национал-социалистской справедливости не было оскорблено» ⁴⁸.

Тем не менее на Нюрнбергском процессе адвокат Геринга д-р Штамер утверждал, что, несмотря на многие иные несовершенства юридической системы, в Германии никогда не применялась обратная сила закона ⁴⁹. Но это заявление было обоснованным не более, чем многие другие заявления нацистской защиты. В действительности, в практике гитлеровских судов грубейшим образом нарушались как раз те самые принципы, за которые в Нюрнберге ухватилась защита. Во-первых, законом от 28 июня 1935 г. ст. 2 германского уголовного кодекса была переформулирована так, что по существу давала возможность избирать наказание по усмотрению суда, когда инкриминируемое действие не было предусмотрено уголовным кодексом. Достаточно сослаться на то, что все ме-

⁴⁶ Подробнее см. R. Woetzel. Op. cit., p. 113; Julius Stone. Legal Controls of International Conflicts, p. 369; J. A. Appleman. Military Tribunals and International Crimes. Indianapolis, 1954, p. 46.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Я. М. Брайнин. Аналогия и правило «*nullum crimen sine lege*» в истории западноевропейского уголовного права. «Уч. зап. Украинского ин-та юрид. наук». Юриздат, 1940; А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1961, стр. 60—63.

⁴⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 401.

⁴⁹ «Proceedings of International Military Tribunals in Nuremberg», v. XVIII, 1948, p. 504.

ры уголовного наказания по расовым мотивам были законодательством «ex post facto», ибо после своего рождения человек уже был лишен возможности что-либо изменить, чтобы не оказаться в числе преследуемых. Хорошо известно и другое. В период подготовки провокационного судебного процесса в связи с поджогом рейхстага нацистские власти провели в рейхстаге новый закон, устанавливающий за поджог вместо лишения свободы смертную казнь. Цель была явной: применить новый закон к Димитрову и другим подсудимым на Лейпцигском процессе, т. е. сделать как раз то, что понимается под приданием обратной силы уголовному закону. А действия законов на оккупированных территориях? По мере захвата тех или иных стран на их территории вводилось нацистское уголовное законодательство и жители привлекались к уголовной ответственности за действия, совершенные ими до 1939 г., т. е. те, которые по законам этих стран не являлись преступными⁵⁰.

Объяснение «ex post facto» законодательства в гитлеровской Германии надо искать там же, где коренятся причины других нарушений законов и обычаев войны,— в германской империалистической философии войны, в том всеобъемлющем требовании «военной необходимости», которой германские милитаристы уже в течение ряда войн «объясняют» свое преступное поведение.

Но, разумеется, речь не идет о том, что аргументацию критиков нюрнбергского приговора следует отвергнуть ссылкой на то, что сама гитлеровская Германия грубейшим образом нарушила принцип «ex post facto». Это последнее обстоятельство лишь свидетельствует об обычном для буржуазных реакционных юристов оппортунизме и беспринципности. Исходя из своих классовых интересов, они сегодня поклоняются тому, что сжигали вчера. И нельзя соглашаться с иногда высказываемым в литературе положением, согласно которому применение к гитлеровской клике в Нюрнберге законодательства «ex post facto» якобы оправдывается тем, что сама гитлеровская Германия так поступала и действия Международного Трибунала были в сущности своеобразной репрессалией⁵¹. В распоряжении Трибунала, как это будет видно из дальнейшего изложения, были достаточные международноправовые основания, чтобы осудить гитлеровскую клику за агрессию. Но да-

⁵⁰ См. Sheldon Glueck. The Nuremberg Trial and Agressive War. N. Y., 1946, p. 73, 74; G. Freeman. War Crimes by Enemy Nationals Administating Justice in Occupied Territories». «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 579; N. Marsh. Some Aspects of the German Legal System Under National Socialism. «Law Quarterly Review», X 1962, N 62, p. 336—374; D. Bennet. Notes on the German Legal and Penal System. «Journal of Criminal Law and Criminology», 1947, I—III, p. 368—376.

⁵¹ См., например, Н. Kelsen. Op. cit. «International Law Quarterly», 1947, N 2, p. 165. Кельзен пишет: «Неприменение правила против законодательства „ex post facto“ является справедливой санкцией, примененной в отношении тех, кто сам нарушал это правило и таким образом утратил привилегию пользоваться им для защиты».

же если бы их не было, даже если бы Международный Трибунал свое обвинение обосновывал только Уставом, то и в этом случае речь шла бы не о возмездии, а лишь о том, что принцип «ex post facto» как принцип справедливого правосудия не служил бы для этого препятствием.

2. Международная противоправность и преступность агрессии

Уже первая мировая война раскрыла чудовищную опасность для народов современной войны с ее все развивающейся техникой массового истребления. На последнем этапе войны было применено химическое оружие, начала развиваться военная авиация, применение которой позволило перенести военные действия через головы действующих армий на глубокие тылы, на мирные города и села. Первая мировая война стоила человечеству 10 млн. убитых и 20 млн. изувеченных. Эти страшные для человечества итоги неизмеримо активизировали движение народов против войны. Мощным катализатором этого движения явилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Трудно переоценить революционизирующее значение Декрета о мире.

За два десятилетия, отделявших окончание первой мировой войны от начала второй мировой войны, был принят ряд международноправовых актов, посвященных борьбе с агрессией. Р. А. Руденко подчеркивал в своей речи: «С глубоким удовлетворением следует констатировать, что объявляя эти действия (агрессию. — А. П.) преступными, Устав Трибунала облек в правовые нормы те международные принципы и идеи, которые в течение многих лет выдвигались в защиту законности и справедливости в сфере международных отношений»⁵². Они были приняты как в рамках Лиги Наций, так и вне ее. Мы уже видели, что критики нюрнбергских принципов не придают этим актам никакого международноправового значения и приходят к выводу о том, что агрессия к моменту начала второй мировой войны не считалась запрещенной и преступной. Одни акты объявляются юридически ничтожными ввиду того, что хотя они и были подписаны соответствующими правительствами, но не получили достаточного количества ратификаций, другие — потому, что были результатом национального законодательства, третьи — потому, что, провозглашая международную противоправность агрессии, они вовсе не устанавливали, что за противоправностью должно следовать признание агрессии преступной и наказуемой. Правы ли критики нюрнбергских принципов? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть вопрос об источниках международного права. С позиций международноправовой теории должны быть проанализированы взгляды против-

⁵² «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 461.

ников нюрнбергских принципов и те многочисленные акты, которые не признаются ими, но на основе которых международные трибуналы в Нюрнберге и Токио, равно как и некоторые национальные судебные органы, обосновали свои приговоры в части, касающейся обвинений в агрессии.

Наряду с договором и соглашением источником международного права является международный обычай. Почти все критики нюрнбергского приговора анализируют указанные акты с позиций лишь соответствия их требованиям договора и соглашения как источников международного права. Между тем характер этих актов, степень их международноправового оформления и т. д. дает основание сделать вывод, что в течение многих лет происходил процесс «кристаллизации» международноправового обычая, постепенного, незаметного изменения международного права.

Этот процесс происходил под благотворным влиянием советской внешней политики, мирового общественного мнения, которое, выражая чаяния народов, выступило за мир, против войны.

Проблема форм и способов воздействия общественного мнения на развитие международного права — это особая проблема, нуждающаяся в специальном рассмотрении. Но здесь нужно сказать о том огромном влиянии, которое оказало мировое общественное мнение на процесс принятия между двумя мировыми войнами международноправовых актов, направленных на защиту мира и борьбу с агрессией. Прав Б. И. Мелехин, когда он пишет, что «именно борьбе народных масс международное право обязано своими важнейшими нормами и принципами. История международного права свидетельствует о том, как требования общественности становились нормой права...»⁵³

История международных отношений последних десятилетий с несомненностью раскрывает все возрастающую роль общественного мнения как фактора, способствующего прогрессивному развитию международного права. Тем более это относится к проблеме войны и мира. Первая мировая война с полной очевидностью раскрыла перед народами чудовищную опасность агрессивной политики империалистов. Эта опасность увеличивалась по мере развития военной техники и появления средств массового уничтожения мирного населения (воздушная и химическая войны).

Может быть, американский обозреватель Уолтер Липпман преувеличивает, говоря, что «общественное мнение стало господствовать над правительствами западных стран»⁵⁴, но эти его слова несомненно свидетельствуют о росте влияния мирового общественного мнения на международную политику.

⁵³ Б. И. Мелехин. Воздействие мирового общественного мнения на современное международное право. «Советское государство и право», 1964, № 2, стр. 81.

⁵⁴ W. Lippman. Essays in the Public Philosophy. Boston, 1956, p. 14—15.

С каждым годом намерение общественности не допустить повторения войны, добиться запрещения агрессивной войны становится все более твердым. И поскольку современная, разрушительная, война противоречит интересам всего человечества, идея ее уголовно-правового запрещения, родившись как классовая, постепенно становится идеей общечеловеческой, так как она охватывает самые различные слои населения, становится правосознанием большинства людей. Вот почему народы поставили перед собой задачу добиться того, чтобы цель, получившая отражение в общественном сознании, была закреплена в международном праве.

Борьба за мир, против агрессии стала назревшей потребностью общественного развития. «...Всякую систему положительного права можно и должно рассматривать, как продукт сознания,— писал Г. В. Плеханов.— Не сознанием людей вызываются к существованию те интересы, которые право защищает, следовательно, не им определяется содержание права; по состоянию общественного сознания (общественной психологии) в данную эпоху определяется та форма, которую примет в человеческих головах отражение данного интереса. Не приняв в соображение состояния общественного сознания, мы совершенно не могли бы объяснить себе историю права»⁵⁵.

Но как раз общественное сознание, общественное мнение в мире после событий, связанных с первой мировой войной, после Октябрьской социалистической революции было таково, что буржуазные государства, такие международные органы, как Лига Наций, не могли игнорировать его. Оно повлияло на процесс постепенного создания в период между мировыми войнами международно-правовой нормы о запрещении агрессивной войны.

Как это утверждается многими авторами международного права, одной из бесспорных прерогатив государства являлось его право вести войну, любую войну, в том числе и агрессивную. Франц Лист в своем учебнике по международному праву писал: «Самым крайним средством для осуществления действительного или воображаемого права, *ultima ratio* для решения международно-правовых споров остается и в современном международном праве война»⁵⁶. Эту же позицию занимал Холл. В своем курсе он отмечал: «Международное право не располагает другой возможностью, кроме как допускать войну — независимо от законного или незаконного ее происхождения — в качестве отношения, которое стороны могут создать, если пожелают, и заняться лишь регулированием последствий этого отношения»⁵⁷.

⁵⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II. Госполитиздат, 1956, стр. 260.

⁵⁶ Ф. Лист. Международное право. Юрьев, 1917, стр. 381—382.

⁵⁷ W. E. Hall. Treatise on International Law. Oxford, 1924, 8-th ed p. 82.

И тем не менее эти утверждения не столь уж бесспорны, какими они кажутся их авторам. Верно, что до определенного периода международное право с полным безразличием относилось к проблеме ответственности за агрессивную войну. Но верно и то, что международное право не содержало нормы, которая открыто разрешала бы агрессивную войну. И поэтому правы те юристы — специалисты международного права, которые выступают против признания того факта, что отсутствие прямого запрещения означает прямое разрешение агрессивной войны. Считать все действия, не запрещенные и не наказуемые специальными положениями международного права, дозволенными значило бы довести до абсурда международное право, вступить в противоречие со здравым смыслом. М. Я. Раппопорт совершенно правильно пишет: «Никогда, ни на одном этапе своего развития международное право не считало агрессию правомерным актом, не признавало права на агрессию»⁵⁸. На этой же позиции стоит голландский международник Помпе. «Война была фактом, международным феноменом, и классическое международное право проявляло безразличие к ней... „Законность“ войны... не была частью международного позитивного права»⁵⁹.

Таким образом, задача заключалась не в том, чтобы отменять какую-то норму международного права, санкционирующую агрессию, а в том, чтобы установить противоположность и преступность агрессивной войны.

Еще до Октябрьской революции под давлением мирового общественного мнения были сделаны первые робкие попытки если не запретить, то хотя бы в минимальной степени ограничить государства в праве обращаться к войне. Речь идет о Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., принятых по свежим следам ряда захватнических войн: о Конвенции о мирном решении международных столкновений и Конвенции об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам⁶⁰. Так, в ст. 1 Конвенции о мирном решении международных столкновений, принятой в 1899 г. и вновь подтвержденной в 1907 г., провозглашалось: «С целью предупредить, по возможности, обращение к силе в отношениях между Государствами, Договаривающиеся Державы соглашаются прилагать все свои усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных разногласий»⁶¹.

⁵⁸ М. Я. Раппопорт. Международноправовые вопросы суда над главными японскими преступниками войны. «Уч. зап. ЛГУ». Серия юрид. наук, в. 1, 1948, стр. 156—157.

⁵⁹ С. А. Ромре. *Op. cit.*, p. 301—302.

⁶⁰ Ф. Лист. Указ. соч. Приложение, стр. XCIV.

⁶¹ Там же. Другие положения этой конвенции относятся к характеристике мирных способов урегулирования межгосударственных разногласий, а именно: добрых услуг, посредничества, международных следственных комиссий и международного третейского суда.

Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, которая была принята на второй Гаагской конференции мира в 1907 г., предусматривает запрещение применять вооруженную силу против государства-должника в том случае, если оно соглашалось на третейское разбирательство и не уклонялось в дальнейшем от исполнения принятого решения. В случае несоблюдения государством-должником этих условий против него разрешалось применять вооруженную силу, чтобы вынудить к уплате долга.

Конечно, эти конвенции не дают никаких оснований для оптимизма при оценке их значения. И тем не менее даже этот самый небольшой отголосок влияния общественного мнения на буржуазную дипломатию имел определенное значение в международном праве, в формировании принципа мирного разрешения международных разногласий⁶².

Величайшее значение для формирования принципа запрещения агрессивных войн имел программный документ первого в мире социалистического государства — Декрет о мире, в котором, обращаясь к народам и правительствам воевавших стран с предложением немедленно начать переговоры о прекращении войны и заключении справедливого, демократического мира, Советское правительство заявило: «Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества...»⁶³

Именно Декрет о мире стал тем первым и важнейшим документом, который начал решительную борьбу за исключение войны из жизни народов. Он открыл новую эпоху в истории человечества и международных отношений, эпоху решительной борьбы против империализма, борьбы за мир и международную безопасность. И хотя Декрет о мире был государственно-правовым актом, действительное его значение выходило далеко за пределы одной страны. Заключенное в Декрете обязательство об отказе от агрессивной войны и ее квалификация в качестве преступления против человечества, по справедливому замечанию В. А. Романова, «имели международное значение, поскольку Декрет был обращен „к правительствам и народам всех стран“. Это значит, что выдвинутые Советским государством принципы отказа от агрессивной войны и признания ее международным преступлением по самому своему

⁶² Подробнее об этом см. Г. В. Шармазанашвили. Принцип неагрессии в международном праве. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 7—9; R. Woetzel. Op. cit., p. 141; Edward Janeczek. Nuremberg Judgment in the Light of International Law. Geneva, 1949, p. 108; С. А. Ромре. Op. cit.; Н. Н. Поляпский. Международное правосудие и преступники войны. Изд-во АН СССР, 1945, стр. 14.

⁶³ «Документы внешней политики СССР», т. 1. Госполитиздат, 1957, стр. 12.

характеру должны были стать принципами международного права, получив в нем соответствующее закрепление»⁶⁴.

Огромный авторитет Декрета о мире, а также поддержка, которую ему оказали народы всего мира, в значительной мере обусловили появление в последующие годы ряда лигонационных и других актов, посвященных запрещению войны.

Версальский мирный договор принимался в весьма сложных международнополитических условиях. Германия капитулировала, но на Востоке империализм столкнулся с фактом огромного исторического значения — Великой Октябрьской Революцией. Победенный германский милитаризм на этот раз стал союзником версальских держав в борьбе с молодым Советским государством. Кроме того, виднейшие политики Антанты пытались при заключении Версальского договора сдержать крайние предложения Франции, стремившейся к максимальному ослаблению своего традиционного врага — Германии.

В этих условиях работала Комиссия 15-ти, созданная 25 января 1919 г. Парижской мирной конференцией для разработки вопросов, связанных с ответственностью за войну. Комиссия не испытывала никаких затруднений в решении вопроса об ответственности немцев за военные преступления. Более сложным оказался вопрос об ответственности за развязывание мировой войны. Речь при этом шла не об ответственности за агрессию в целом, а конкретно об ответственности за данную войну.

Комиссия 15-ти, сославшись на отсутствие в международном праве норм, запрещающих обращение к войне как к средству международной политики и разрешения межгосударственных споров, пришла к выводу, что Германия не может нести ответственности за войну. Как указала Комиссия в своем заключении, «агрессивная война не может рассматриваться как акт, прямо противоречащий положительному праву»⁶⁵.

Все же под давлением мирового общественного мнения, возмущенного тягчайшими преступлениями германского милитаризма, в Версальский мирный договор были включены статьи, предусматривающие ответственность Германии за преступления в войне. Большое значение имели те положения договора, которые вопреки ранее существовавшей традиции амнистировать в связи с заключением мирного договора лиц, повинных в преступлениях, предусматривали ответственность за военные преступления всех лиц, которые повинны в этом, включая главу государства и других государственных деятелей (ст. 228—230). Вопрос об ответственности Вильгельма II был сформулирован в ст. 227, которая обвиняла его в «тягчайшем преступлении против международной морали и свя-

⁶⁴ В. А. Романов. Исключение войны из жизни общества. Госюриздат, 1961, стр. 29.

⁶⁵ Подробнее об этом см. К. А. Багрян. Агрессия — тягчайшее международное преступление. Изд-во АН СССР, 1955, стр. 5.

тости договоров». Из этой формулы трудно с полной уверенностью определить, включает ли она и ответственность за агрессию, за развязывание мировой войны. Во всяком случае французские делегаты в Комиссии 15-ти, по мнению Помпе, имели в виду, что на судебном процессе над Вильгельмом II будет идти речь и об ответственности за развязывание и ведение войны⁶⁶.

В пользу той точки зрения, что Вильгельму II, если бы над ним состоялся суд, предъявили бы обвинение не только в военных преступлениях, но и в развязывании и ведении войны, свидетельствует и содержание ноты союзников от 15 февраля 1920 г., с которой они обратились к правительствам Голландии и Германии⁶⁷. Суд над Вильгельмом II не состоялся, и Помпе, конечно, прав, что страны Антанты «не хотели признавать никаких перемен в международном праве, которые могли бы обратиться против них самих»⁶⁸.

Комиссия 15-ти отказалась признать агрессивными действия Германии, «которые общественное мнение порицает и которые история осудит как международное преступление». Но важно, что Комиссия признавала, что «история осудит» эти агрессивные действия, а рассуждения Комиссии о «трудностях» юридически установить и доказать обвинение в агрессии лишь раскрывают боязнь правящих кругов империалистических держав организовать публичный судебный процесс над Вильгельмом II⁶⁹. Важно и то, что большинство Комиссии полагало, что «было бы правильным для мирной конференции в таком столь беспрецедентном вопросе (об ответственности за агрессию.— А. П.) выработать специальные меры и даже создать специальный орган для того, чтобы воздать по заслугам авторам таких действий», и провозгласило,

⁶⁶ С. А. Ротпре. *Op. cit.*, p. 169.

⁶⁷ «Как голландское правительство могло забыть,— спрашивали в ней союзники,— что политика и личная деятельность человека, предоставления которого державы требуют для суда пад ним, стоили жизни около десяти миллионов человек, жестоко убитых в цвете лет, имели своим результатом изувечение и расстройство здоровья в три раза большего количества человеческих существ, разорение и опустошение миллионов квадратных километров стран, бывших до того трудолюбивыми, мирными и счастливыми, сотни миллионов долгов,— и что все это обрушилось на людей, которые защищали свою свободу и свободу голландцев, как и всего мира?» (Цит. по кн. Н. Н. Полянского «Международное правосудие и преступники войны», стр. 38).

⁶⁸ С. А. Ротпре. *Op. cit.*, p. 169.

⁶⁹ «Всякое изыскание,— говорится в заключении Комиссии,— по вопросу о том, кто является зачинщиком войны, должно было бы, для того чтобы быть исчерпывающим, охватить события, которые произошли в течение ряда лет в различных европейских странах, и породило бы много трудностей и сложных проблем, которые могли бы быть компетентно исследованы неторопливыми методами историка или ученого, но не трибуналом, призванным судить преступников против законов и обычаев войны» («American Journal of International Law», 1920, Spec. Suppl., p. 120)

что было бы желательным «в будущем предусмотреть для таких тяжелых нарушений элементарных принципов международного права специальные санкции»⁷⁰.

Дальнейшее свое выражение процесс установления противоправности и наказуемости агрессии нашел в Уставе Лиги Наций. Не переоценивая его значения не только с позиций практической деятельности Лиги, но и с позиций толкования положения ее Устава, следует все же признать, что этот Устав был некоторым шагом вперед в решении важнейшего вопроса установления уголовной ответственности за агрессивную войну. Но меньше всего здесь «виноваты» субъективные побуждения организаторов Лиги. Великая Октябрьская социалистическая революция, вызвавшая небывалую политическую активность народных масс во всех странах, резко усилившиеся антивоенные настроения народов, столь пострадавших в результате империалистической мировой войны, решительная борьба первого в мире социалистического государства против войны, разоблачение тайн, в которых рождаются агрессивные войны, — все это вынудило империалистические правительства, организовавшие Лигу Наций, так сформулировать Устав этой организации, чтобы в нем содержалось хоть некоторое осуждение агрессивной войны, а также определенные ограничения для развязывания войны в будущем. Авторы Устава стремились таким путем хоть в какой-то степени нейтрализовать все растущее влияние советской внешней политики мира.

Статья 10 Устава Лиги Наций указывает: «Члены Лиги обязуются уважать и охранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства». Конечно, из этой статьи вовсе не вытекает то, о чем говорилось в докладе 1 комиссии Лиги Наций, а именно, что «исключение актов агрессии в качестве средства изменения территориального статуса и политической независимости государств вытекает из самой природы Лиги Наций»⁷¹.

Анализ ст. 12, 13, 15 показывает, что, так или иначе создавая лазейки для легализации войны, они подрывают значение ст. 10⁷². Было бы неправильным утверждать, что буржуазная международно-правовая литература одним елеем покрывает Устав. Такая оцен-

⁷⁰ «American Journal of International Law», 1920, v. 1, p. 120.

⁷¹ «Сборник документов по международной политике и международному праву», в. XI. Изд. НКВД, 1937, стр. 47.

⁷² Подробнее см. К. А. Багрянцев. Указ. соч., стр. 6, 7; Г. И. Тункин. Вопросы теории международного права. Госюриздат, 1962, стр. 28; А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 79—80; Д. Б. Левин. Основные проблемы современного международного права. Госюриздат, 1958, стр. 150.

ка была характерна для первых лет существования Лиги. Но по мере того как раскрывались несовершенства Устава, росло число его критиков⁷³.

И все же среди многих международноправовых актов, ставящих определенные затруднения на пути развязывания агрессии, следует назвать и Устав Лиги Наций. Анализируя Устав и сознавая его многие пороки, нельзя сводить на нет его значение из-за того, что на практике Лига Наций оказалась неспособной предотвратить войну. Ведь наряду с указанными выше статьями Устав содержал и ст. 16 о применении санкций к агрессору. Заложен ли был в этой статье достаточный потенциал для подавления агрессора или эта статья носила чисто декларативный характер и на практике не могла быть реализована? В сущности Лига получила на вооружение мощное средство реального воздействия на агрессора. М. М. Литвинов, выступая на Ассамблее Лиги Наций в 1936 г., заявил:

«Я утверждаю, что ст. 16 снабдила Лигу Наций столь мощным орудием, что в случае полного пуска его в ход всякая агрессия может быть сломлена. Более того, одно убеждение в возможности пуска его в ход может отбить у агрессора охоту привести в исполнение свои преступные замыслы». И далее М. М. Литвинов, говоря о том, что многие члены Лиги отказались участвовать в применении санкций против Италии, отметил, что отсюда «отнюдь не следует, что сама ст. 16 оказалась несостоятельной»⁷⁴.

Статья 16 не ограничивалась лишь применением экономических санкций, а предусматривала и военные средства подавления агрессии. «Совет (Лиги Наций.— А. П.) обязан,— указывалось в этой статье,— предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав военной морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут по принадлежности участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги».

Наряду с Уставом Лиги Наций и другими международноправовыми документами, свидетельствующими о постепенном формировании нормы международного права, ставящей агрессию вне закона и провозглашающей ее международным преступлением, необходимо также упомянуть подготовленный Временной смешанной комиссией Лиги Наций для сокращения вооружений проект договора о взаимной помощи от 28 сентября 1923 г. Кроме мероприятий по коллективной борьбе с агрессией этот проект предусматривал обязательства его участников и правовую квалификацию агрессии.

«Высокие Договаривающиеся Стороны,— устанавливала ст. 1 Проекта,— утверждают, что агрессивная война составляет между-

⁷³ См. С. А. Ромре. *Op. cit.*; Edward Janeszek. *Op. cit.*

⁷⁴ «Правда», 21 июля 1936 г.

народное преступление, и принимают торжественное обязательство не совершать этого преступления»⁷⁵.

Хотя понятие «агрессивная война» явно недостаточно охватывало различные виды агрессии и потому в определенной мере ослаблялось значение всего проекта, не вызывает сомнения, что этот проект был еще одним шагом вперед после Устава Лиги Наций на пути формирования международноправового запрета и криминализации агрессивной войны⁷⁶.

Здесь, в отличие от Устава Лиги Наций, являющегося выражением позитивного международного права, мы все же имеем дело с проектом, а не с соответствующим образом утвержденным договором. Но при оценке его важно учитывать, что он был представлен 29 государствами и что около половины из них высказалось в пользу его принятия.

«Основное возражение, — как указывается в приговоре Международного Военного Трибунала, — очевидно, заключается в трудности определения тех актов, которые должны составить агрессию, скорее, нежели в каких-либо сомнениях в самом факте преступности агрессивной войны»⁷⁷.

2 октября 1924 г. 51 государство, представленное на Ассамблее Лиги Наций, приняло Женевский протокол о мирном разрешении международных споров. «Подписавшиеся государства, — указывается в ст. 2 Протокола, — соглашаются, что они ни в коем случае не должны прибегнуть к войне ни между собой, ни против всякого государства, которое приняло бы все определенные ниже обязательства, за исключением случаев сопротивления актам нападения или когда они действуют в согласии с Советом или собранием Лиги Наций, согласно постановлениям статута и настоящего протокола». Протокол, «признавая солидарность членов международного сообщества», торжественно провозглашает: «Агрессивная война представляет собой нарушение этой солидарности и является международным преступлением»⁷⁸. Ряд других статей Протокола был посвящен мирным способам разрешения международных споров.

Таким образом, этот международноправовой документ от имени большого числа государств провозглашал агрессию международным преступлением. Сравнивая Женевский протокол со всеми другими предыдущими документами, необходимо отметить более последовательную и четкую формулировку преступности агрессивной войны⁷⁹.

⁷⁵ «Сборник документов по международной политике и по международному праву», в. XI, стр. 81.

⁷⁶ Г. И. Тункин справедливо подчеркивает, что в «проекте Договора о взаимной помощи... уже более отчетливо звучали мотивы советского Декрета о мире» (Г. И. Т у н к и н. Указ. соч., стр. 28).

⁷⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 336.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Говоря о значении Женевского протокола, представитель Греции По-

Несмотря на то, что Протокол был принят единогласно и никто из членов Лиги не возразил ни против принятия протокола в целом, ни против отдельных его положений, он не вступил в действие. Пришедшее в то время в Англию на смену лейбористскому консервативное правительство отказалось утвердить Женевский протокол. И тем не менее этот документ — еще одно свидетельство того, что в международном праве под благотворным влиянием советской внешнеполитической практики, под давлением народов успешно продолжался процесс формирования обычной международно-правовой нормы, устанавливающей запрет и преступность агрессивной войны.

Характеризуя юридическое значение Женевского протокола, Международный Военный Трибунал указал в своем приговоре: «Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться как убедительное доказательство намерения заклеить агрессивную войну как международное преступление»⁸⁰.

24 сентября 1927 г. на VIII собрании Лиги Наций была единогласно принята Декларация об агрессивных войнах. «Собрание, — указывалось в Декларации, — признавая солидарность, связывающую международное сообщество, одушевленное твердым желанием обеспечить сохранение всеобщего мира, констатируя, что война никогда не должна служить средством разрешения споров между государствами и что вследствие того она составляет международное преступление, считая, что торжественный отказ от всякой агрессивной войны был бы в состоянии создать атмосферу общего доверия, благоприятную для успеха работ, предпринятых в видах разоружения, заявляет: 1) всякая агрессивная война является и остается запрещенной; 2) все мирные средства должны употребляться для разрешения какого бы то ни было спора, возникающего между государствами. Собрание заявляет, что государства — члены Лиги Наций обязаны сообразоваться с этими двумя принципами»⁸¹.

Нетрудно заметить, что приведенная Декларация в отличие от Статута Лиги Наций отвергает деление агрессивных войн на законные и незаконные и в этом смысле является значительным шагом вперед в деле формулирования четко выраженного принципа:

«Отныне всякая агрессивная война не будет терпима... Она должна рассматриваться как международное преступление, которое должно вызывать меры предупреждения, а в случае надобности — меры пресечения» (цит. по кн. А. Н. Трайнина «Защита мира и уголовный закон». Юридиздат, 1937, стр. 37).

⁸⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 367.

⁸¹ «Сборник документов по международной политике и международному праву», в. XI, стр. 213.

на уголовной ответственности за агрессию. Декларацию в числе других стран подписали Германия, Италия и Япония.

Характеризуя значение этого документа, Шелдон Глюк пишет: «Как из красноречивых выступлений в поддержку этой Декларации, так и из преамбулы к ней видно, как сильно было убеждение, видно, что настало время в отношениях между государствами и их народами называть вещи своими именами»⁸². Помпе считает, что главное значение Декларации и предшествовавших ей актов заключалось во внесении ими в международное право общечеловеческих моральных принципов, за которые решительно выступили различные движения за мир и за объявление войны вне закона. «Это упорство общественности привело к тому, что в пактах и резолюциях, ограничивающих свободу объявления войны, стали употребляться термины „осуждение“ и „международное преступление“»⁸³. Таким образом, Помпе говорит о той главной движущей пружине, которая вынуждала консервативную и реакционную по своей сущности Лигу Наций время от времени принимать такие международноправовые акты.

В 1925 г. происходила Межпарламентская конференция, которая выдвинула вопрос об установлении уголовной ответственности за агрессию⁸⁴. После этого к проблемам уголовной защиты мира обратилась и Международная ассоциация уголовного права. В том же 1925 г. на Брюссельском конгрессе Ассоциации был поставлен вопрос об организации международного трибунала по уголовным делам. Для разработки положения об этом трибунале в начале 1928 г. была создана специальная комиссия. Разработанный ею проект был одобрен Советом Международной ассоциации.

Статья 36 проекта к компетенции трибунала, в частности, относилась к преступлениям и проступкам, совершаемые в мирное время и способные поколебать мирные отношения между государствами». Таким образом, проект прямо предусматривал меры уголовноправовой борьбы с агрессией.

В этот же период, предшествовавший еще заключению Пакта Бриана—Келлога, различные движения за мир решительно выступали за то, чтобы установить уголовную ответственность за агрессивную войну. Так, Всеобщий конгресс мира в Афинах в 1927 г. указал в принятой им резолюции: «Считая, что война есть бедствие, которое создает тяжелую опасность не только для воюющих стран, но и для материальных и моральных интересов всего мира; что поэтому всякое *подстрекательство к войне* подобно пиратству, рабовладению и другим аналогичным действиям, подпадающим под удары интернациональных конвенций, является международным преступлением,— конгресс обращает внимание правительств

⁸² Sheldon G l u e c k. Op. cit., p. 30.

⁸³ С. А. P o m p e. Op. cit., p. 156.

⁸⁴ «Revue international de droit penal», 1936, N 4.

на необходимость ввести в уголовный кодекс каждой страны постановление об уголовной ответственности за преступление против мира...»⁸⁵

В таком же плане неоднократно высказывал свое мнение Межпарламентский союз на конгрессах в 1924, 1928, 1930 и 1932 гг. Юридическая комиссия Союза признала необходимым установление уголовной ответственности «за прямое публичное подстрекательство какими бы то ни было средствами к вторжению или всякой иной вооруженной агрессии одного государства на территорию другого государства»⁸⁶.

За такое же решение вопроса выступили и другие международные общественные организации. Международный союз адвокатов, например, признал в своей резолюции необходимым, чтобы законодательства отдельных стран ввели уголовную ответственность за публичный призыв к агрессивной войне.

В таких условиях и различные межгосударственные органы не считали возможным оставаться в стороне. Так, шестая Гаванская конференция 18 февраля 1928 г. приняла Декларацию 21 американской республики, объявляющую, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого»⁸⁷.

На Международной конференции американских государств по мирному разрешению споров и арбитражу в декабре 1928 г. представители 20 государств подписали Генеральную конвенцию о мирном разрешении споров между американскими странами, в преамбуле которой говорилось: «Желая продемонстрировать, что осуждение войны в качестве инструмента национальной политики в их взаимных отношениях составляет одну из основ межамериканских отношений...»⁸⁸

Большое значение в общей цепи международноправовых актов, направленных на запрещение и осуждение агрессивной войны, имел Пакт Бриана—Келлога. В ноте Советского правительства от 31 августа 1928 г. указывалось, что этот Пакт, несмотря на все его несовершенство, «объективно накладывает известные обязательства на державы перед общественным мнением и дает Советскому правительству новую возможность поставить перед всеми участниками Пакта важнейший для дела мира вопрос — вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны...»⁸⁹.

В преамбуле подписавшиеся стороны объявили, что они, «глу-

⁸⁵ Цит по кн. А. Н. Трайнина «Защита мира и уголовный закон» (стр. 130).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ «Papers Relating to Foreign Relations of the United States». Department of State Publications, 1839, 1928, p. 13.

⁸⁸ «Bulletin of the Pan-American Union 1929», p. 114.

⁸⁹ «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III. М., 1945, стр. 269.

боко чувствуя лежащий на них торжественный долг оказания содействия благополучию человечества;

Будучи убеждены, что наступил момент для откровенного отречения от войны как орудия национальной политики для того, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие в настоящее время между их народами, были увековечены;

Будучи убеждены, что всяких изменений в их взаимных отношениях можно добиваться только мирными средствами... объединяя, таким образом, цивилизованные нации мира в общем отречении от войны как орудия их национальной политики...»

Первые две статьи Пакта устанавливают:

«Статья 1-я. Высокие договаривающиеся стороны торжественно заявляют от имени своих народов, что они осуждают метод обращения к войне для урегулирования международных конфликтов и отказываются в своих взаимоотношениях от войны в качестве орудия национальной политики.

Статья 2-я. Высокие договаривающиеся стороны признают, что урегулирование или разрешение всех разногласий или конфликтов независимо от характера их происхождения, которые могут возникнуть между ними, должны осуществляться только мирными средствами»⁹⁰.

Для того чтобы ускорить реализацию принципов Пакта в международных отношениях, Советское правительство совместно с правительствами Румынии, Польши и других стран 9 февраля 1929 г. подписало протокол о немедленном введении его в действие.

Является ли Пакт Бриана—Келлога юридическим основанием для признания противоправности и преступности агрессивной войны,— вот вопрос, который, как никакой другой, вызывал и продолжает в теоретической литературе по международному праву вызывать различные оценки. Оценки эти нередко диаметрально противоположны. В одних случаях он квалифицируется как первый и единственный довоенный акт, который дает все основания рассматривать агрессивную войну не только противоправной, но и преступной. В других случаях, ссылаясь на отсутствие категоричности в формулировках, в частности на отсутствие слов «незаконность» и «преступность», юридическое значение Пакта для криминализации агрессивной войны сводят к нулю.

Как переоценка, так и недооценка Пакта Бриана—Келлога происходит потому, что этот документ рассматривается изолированно от всех предшествующих международноправовых актов, также посвященных проблеме осуждения агрессивных войн.

Еще Ярайсс на Нюрнбергском процессе, не касаясь этих актов, сосредоточивал все свое внимание на Пакте Бриана—Келлога, считая его единственным источником международного права,

⁹⁰ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 270.

который может быть противопоставлен действующему, по мнению Храйсса, праву на войну.

Даже некоторые буржуазные авторы международного права, стоящие на правильных, прогрессивных позициях, давая юридическую квалификацию агрессивной войны, все же неосновательно переоценивают Пакт Бриана—Келлога и недооценивают ранее принятые акты. Это можно сказать о Ветцеле, Яшичке, Помпе⁹¹.

Переоценка Пакта Бриана—Келлога допускается иногда и в советской международноправовой литературе. В недавно вышедшем учебном курсе международного права в специальном параграфе «Международноправовое запрещение агрессивной войны» из всех перечисленных выше актов упоминаются Устав Лиги Наций и Пакт Бриана—Келлога⁹². В учебном пособии международного права, изданном Всесоюзным заочным юридическим институтом, также говорится о Декрете о мире, а затем сразу же о Пакте 1928 г.⁹³ Аналогично поступает в своем учебном пособии по международному праву В. И. Лисовский⁹⁴.

Г. В. Шармазанашвили⁹⁵, исследуя процесс становления международноправовой нормы, поставившей агрессивную войну вне закона и объявившей ее преступлением, гиперболизирует роль Пакта Бриана—Келлога. Для определения юридических последствий Парижского договора он ссылается на следующее утверждение в приговоре Международного Военного Трибунала: «По мнению Трибунала, торжественный отказ от войны как от инструмента национальной политики с необходимостью предполагает, что такая война является незаконной в соответствии с международным правом и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление».

Г. В. Шармазанашвили отрицательно характеризует международноправовые акты 1923, 1924 и 1927 гг., считая, что «эти документы не имеют юридической силы», а Женевский протокол 1924 г. «был бесславно похоронен, не вступив в силу»⁹⁶. При этих условиях приведенная им единственная цитата из приговора Международного Трибунала должна служить доказательством того, что именно Пакт Бриана—Келлога сам по себе является достаточным юридическим основанием для признания агрессивной войны противоправной и преступной.

⁹¹ R. Woetzel. Op. cit., p. 230; Edward Janeszek. Op. cit., p. 110; C. A. Rompe. Op. cit., p. 157.

⁹² «Международное право». Учебный курс. Изд-во «Международные отношения», 1964, стр. 605.

⁹³ «Международное право». Учебное пособие, Изд. ВЮЗИ, 1960, стр. 291.

⁹⁴ В. И. Лисовский. Международное право. Изд-во «Высшая школа», 1961, стр. 407.

⁹⁵ Г. В. Шармазанашвили. Право мира. Тбилиси, Изд-во «Заря Востока», стр. 35.

⁹⁶ Там же, стр. 29, 31.

Такая переоценка никак не оправдывается не только политическим смыслом и целями Пакта, но и его буквой. Нельзя забывать и юридические несовершенства Пакта, отсутствие в нем даже указания на юридическое понятие агрессии; нельзя забывать о том ударе, который нанесли ему английские оговорки. Эти оговорки, как отмечалось в ноте НКВД СССР от 31 августа 1928 г., нельзя было рассматривать иначе, как «попытку использовать самый пакт в качестве орудия империалистической политики». Не удивительно поэтому, что Международный Трибунал в своем приговоре, давая высокую юридическую оценку Пакта Бриана — Келлога, акцептирует внимание на то, что «та точка зрения, которой придерживается Трибунал в отношении правильного толкования пакта, подкрепляется историей международных отношений, предшествовавших этому пакту»⁹⁷.

И здесь же Трибунал раскрывает то, что он подразумевает под «историей международных отношений, предшествовавших этому Пакту», указывая на проект Договора Лиги Наций о взаимной помощи 1923 г., Женевский протокол 1924 г., Резолюции Лиги Наций 1927 г. и др. Перечислив эти акты, Трибунал записал в приговоре: «Все эти выражения мнений, так же как и другие, которые могли бы быть процитированы, сделанные столь торжественно, усиливают то значение, которое Трибунал придает Парижскому пакту...»⁹⁸.

Таким образом, следует согласиться с Г. В. Шармазанавили, что «юридические постановления Пакта по вопросу о войне значительно четче и определеннее по сравнению с аналогичными постановлениями Статута Лиги Наций, не предусматривавшего по существу запрещение агрессивных войн»⁹⁹, но он не прав, не замечая ущербности формулировок Пакта по сравнению с формулировкой Женевского протокола 1924 г. и Резолюций Лиги Наций 1927 г., хотя сам пишет о недостаточной определенности ст. 1 Пакта о запрещении войны и подробно вскрывает сущность этого недостатка¹⁰⁰.

Однако чаще в литературе можно встретиться с недооценкой правового значения и юридических последствий Пакта. Мы уже говорили о критике этого документа Ярайссом на Нюрнбергском процессе. Ярайсс перечеркивал юридическое значение Пакта, который, по его словам, «исходит из политического значения агрессии»¹⁰¹. Вряд ли нужно доказывать порочность противопоставления политического значения Пакта его юридической ценности. Несмотря на некоторое юридическое несовершенство, он содержит

⁹⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 366.

⁹⁸ Там же, стр. 367.

⁹⁹ Г. В. Шармазанавили. Принцип ненападения в международном праве, стр. 17.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14999.

ясное указание на запрещение войны как средства национальной политики и в этом смысле имеет и политическое (как орудие обеспечения мирной внешней политики), и юридическое (как акт, ставящий войну вне закона) значение.

Волл критиковал Пакт Бриана — Келлога с тех же позиций. Он не так примитивен, чтобы отрицать какое бы то ни было значение Пакта. Он готов согласиться с тем, что этот документ «способствовал» развитию процесса установления незаконности агрессивной войны, но далек от мысли о том, что из Пакта можно вывести преступность агрессии. Поэтому он пишет, что «намерение отцов Пакта Келлога состояло в том, чтобы навязать агрессору лишь определенные моральные обязанности, а в случае агрессии отдать его под суд общественного мнения»¹⁰². Волл ссылается также на мнение Вильгельма Грeve, выступившего в статье «Нюрнберг с точки зрения права» против «расширительного толкования» значения Пакта, считавшего его таким же международным договором, как и многие другие, и полагавшего поэтому, что нарушение Пакта не может влечь за собой более значительных последствий, чем нарушение любого другого договора.

На такой же позиции недооценки юридического значения Пакта Бриана — Келлога стоят и некоторые другие, особенно американские, авторы (Финч¹⁰³, Радин¹⁰⁴, Вамбери¹⁰⁵ и др.). Английский юрист Могем ловко использует некоторые несовершенства формулировок Пакта и делает следующий парадоксальный для данного случая вывод: «Для таких документов, смысл отдельных положений которых не ясен или сомнителен, установлено, что предпочтительным является то значение, которое менее обременительно для стороны, принимающей на себя обязательства»¹⁰⁶. Под такой стороной Могем имеет в виду агрессора. А затем для подкрепления своей позиции полного испровержения Пакта приводит высказывания американских государственных деятелей, которые были ими сделаны уже после заключения Пакта. В частности, он ссылается на оценку этого договора, данную самим Келлогом в комиссии по иностранным делам палаты представителей. По мнению Келлога, Пакт не накладывает на его участников обязанности вести борьбу с агрессией. «Какая может существовать моральная обязанность для США направиться в Европу с целью наказания агрессора или государства, готовящего войну, — ведь во время переговоров по поводу Пакта никаких предложений подобного рода не было сделано и никто на это не согласился бы... Это выше моего понимания. Как мне представляется, не существует никакой обя-

¹⁰² «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 882.

¹⁰³ G. Finch. The Nuremberg Trial and International Law. «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 26.

¹⁰⁴ M. Radin. Op. cit. «Foreign Affairs», IV 1946, v. XXIV, p. 380—381.

¹⁰⁵ «Nation», 12X 1946, p. 400.

¹⁰⁶ F. H. Maughan. Op. cit., p. 64.

зности наказывать кого-либо за нарушение антивоенного договора (Пакта Брнана — Келлога. — А. П.)¹⁰⁷.

Комментируя эти слова Келлога, Могем пишет, что, таким образом, для США, как и для других стран — участниц Пакта, не существует никаких обязательств в случае нарушения его какой-либо страной. И одним из доказательств правильности этого утверждения Могем считает отсутствие (и неслучайное) в договоре санкции за его нарушение.

Лорд Хенки, также оценивая этот документ, ссылается на свой собственный опыт: «Как человек, несущий особую ответственность на всех стадиях координации, планирования и всего, что касается этого Пакта в период между войнами, я утверждаю, что со времени его подписания до тех пор, пока я не прочитал приговора Нюрнбергского трибунала, я никогда даже не слышал, что Парижский пакт может быть использован как основа при предъявлении обвинений в преступлениях войны, таких, как планирование, подготовка или ведение войны»¹⁰⁸.

Общий смысл приведенных высказываний может быть сведен к тому, что в лучшем случае агрессивная война противоправна, незаконна, но отнюдь не преступна. Поэтому в случае агрессии речь может идти лишь об общепризнанных формах ответственности государства, совершившего фактом агрессии международноправовой деликт, но не преступление.

Итак, незаконность войны — это одно, преступность — это совершенно другое. Попробуем разобраться в вопросе о допустимости такого противопоставления.

Действительно, и в национальном и в международном праве имеется немало случаев, когда нельзя ставить знак равенства между незаконностью и преступностью. Одностороннее нарушение контрагентом своих обязательств по торговому договору незаконно, но не преступно. Нарушение, скажем, режима рыболовства в специальных зонах тоже незаконно, может повлечь за собой определенную ответственность государства, но не может квалифицироваться как международное преступление. Следовательно, совершенно очевидно различие терминов «незаконность» и «преступность».

Но можно ли столь изолированно рассматривать эти понятия применительно к такой области международных отношений, как война?

Самое большое благо для человечества — мирные отношения между народами. Хорошо известно, во что обходятся народам войны. Статистика показывает, что с каждой новой войной растет число человеческих жертв, разрушений и опустошений. По масштабам истребительных войн эпоха капитализма не может сравниться ни с какой из предшествовавших эпох. Темпы роста людских по-

¹⁰⁷ F. H. M a u g h a m. Op. cit., p. 64.

¹⁰⁸ Цит. по F. H. M a u g h a m. Op. cit., p. 65.

ть в войнах значительно обогнали темпы роста населения. Причем наибольший рост потерь наблюдается среди не участвующего на полях сражения, гражданского, населения.

В общей сложности с учетом косвенных потерь от болезней, голода и т. п. две мировые войны унесли более 100 млн. человеческих жизней, притом из среды наиболее активной и производительной части населения¹⁰⁹. Но все эти цифры бледнеют перед возможными перспективами ракетно-ядерной войны.

Поэтому если в определенных областях правоотношений, в том числе международных, и можно различать понятие противоправности и преступности, то применительно к агрессивной войне такое противопоставление недопустимо. Нельзя назвать действие лишь противоправным или незаконным, если оно заведомо предпринимается в целях убийства сотен тысяч, а в иных случаях миллионов людей, в целях разорения и опустошения целых стран и народов. Для характеристики такого действия понятия противоправности и преступности суть синонимы.

Но значит ли это, что, составляя текст Пакта Бриана — Келлога, можно было на этом основании пренебречь ясностью и четкостью формулировки самого запрета войны и юридических последствий нарушения Пакта? Конечно, нет: любой международноправовой документ, а тем более посвященный столь важному вопросу, должен отличаться исключительной ясностью мысли и ни в коем случае не должен давать возможность для столь полярного его истолкования, как это делается в отношении Пакта Бриана — Келлога.

На первый взгляд может даже показаться парадоксальным, что усилия по запрещению агрессивной войны, по ее криминализации начали активно осуществляться как раз в период активного обострения межимпериалистических противоречий. Определенное значение для обеспечения этих усилий имела политика стран Антанты, которая, навязав Германии Версальский договор, стремилась на некоторое время обеспечить статус-кво. Но главная причина, обусловившая лигонационную активность, — это победа Октябрьской социалистической революции, Декрет о мире, повсеместное усиление революционного, демократического движения. Огромное влияние принципов мирной советской внешней политики и давление народов на свои буржуазные правительства, — вот что в каждом отдельном случае заставляло эти правительства идти на принятие тех или иных миротворческих актов.

При этих условиях нельзя рассматривать тот или иной акт изолированно от международной обстановки, его порождавшей, а следовательно, от других актов. Вот почему Пакт Бриана — Келлога, несмотря на то, что по своей юридической завершенности он стоит

¹⁰⁹ Б. Урланис. Войны и народонаселение Европы. Соцэкгиз, 1960 стр. 404—405.

неизмеримо выше ряда предшествовавших ему актов, нельзя отрывать от всего предшествующего международноправового развития рассматриваемой проблемы. Парижский пакт был не случайным единичным фактом, а выражением «длительной, основной демократической линии в этом вопросе»¹¹⁰. «Парижский пакт возобновил и утроил предыдущие усилия по искоренению войны»¹¹¹.

Чтобы закончить вопрос о Пакте Бриана — Келлога, следует хоть несколько слов сказать по поводу той части его критики, которая сводится к утверждению, что Пакт так грубо и цинично нарушался до второй мировой войны, что в сущности потерял свое значение. Именно об этом говорил Ярайсс на Нюрнбергском процессе. Именно об этом говорят и многие другие критики нюрнбергского приговора, желая сделать юридически несостоятельным Пакт Бриана — Келлога. Об этом говорили Волл, Финч и ряд других критиков. М. Радин писал: «Если нарушение пакта Бриана — Келлога... составляет преступление либо для нации в целом, либо для лиц, инсценировавших это нарушение, тогда поведение всех держав, которые в то время присоединились к созданию Трибунала в Нюрнберге, выставляет их в весьма невыгодном свете, поскольку они по существу признали то, что они теперь называют преступлением». Радин, конечно, делает вывод о полном уничтожении при таком положении Пакта Бриана — Келлога¹¹² и вместе с Ярайссом и другими своими единомышленниками считает, что нарушение Пакта Келлога означало возврат к старым международным отношениям, в условиях которых фиксировалось при помощи права то, что было достигнуто при помощи силы.

Неосновательность подобной аргументации против Пакта Бриана — Келлога совершенно очевидна. Самые грубые нарушения закона не могут служить бесспорным свидетельством его несовершенства или несправедливости. Уголовные кодексы всех стран мира рассматривают убийство как тяжкое преступление, но никому ведь не придет в голову отменять соответствующие положения кодексов лишь на том основании, что совершаются убийства. Никто, вероятно, не будет сомневаться в огромном значении положений Устава ООН о борьбе с агрессией лишь на том основании, что и эти положения в ряде случаев нарушаются (агрессивное нападение, например, Англии, Франции и Израиля на Египет или США на Вьетнам).

Точно так же обстояло дело и с Пактом Бриана — Келлога. «Тот факт, что за короткий срок, прошедший со времени подписания пакта, его постановления неоднократно нарушались,— пишет Лаутерпахт,— не может служить достаточным основанием, для

¹¹⁰ М. Я. Раппопорт. Указ. соч. «Уч. зап. ЛГУ». Серия юрид. наук, в. 1, стр. 157.

¹¹¹ С. А. Ромре. *Op. cit.*, p. 258.

¹¹² М. Радин. *Op. cit.* «Foreign Affairs», IV 1946, v. XXIV, p. 381.

того чтобы считать юридическую силу пакта поколебленной»¹¹³. В этом же духе высказывается Помпе¹¹⁴.

Этот Пакт, возникший под влиянием мировой общественности, в свою очередь не мог не повлиять на дальнейшую активизацию деятельности общественных организаций, и даже тех из них, которые в прошлом далеко не отличались прогрессивной деятельностью. Так, Международная ассоциация уголовного права в 1929 г. на Бухарестском конгрессе приняла резолюцию, где говорилось:

«Учитывая, что война поставлена вне закона Парижским пактом августа 1928 г., признавая необходимым обеспечить интернациональный порядок и гармонию путем применения эффективных санкций к государствам, ответственным за нарушение названного пакта, конгресс постановил:

Компетентные органы, призванные изучать средства сделать более действенными принципы Парижского пакта и согласовать их с положениями Лиги Наций, рассмотрят постановление первого интернационального конгресса уголовного права на предмет организации интернациональной уголовной юрисдикции и установления случаев ответственности государств и физических лиц, которые эту юрисдикцию должны признать»¹¹⁵.

Насколько всеобъемлющими были усилия мировой общественности добиться уголовноправового запрещения агрессии, можно судить по тому, что в октябре 1929 г. Всемирный конгресс мира специальным постановлением приглашал «правительства и народы всех стран, подписавших пакт Лиги Наций, изменить национальные конституции и внести в них обязательства — разрешать интернациональные конфликты мирным путем»¹¹⁶.

Пакт Бриана — Келлога подытожил определенный период в развитии идеи международной протиправности и преступности агрессии, но не исчерпал усилий в этой области.

Говоря о периоде, следовавшем после введения в действие этого Пакта, следует кратко остановиться хотя бы на некоторых актах, имевших большое значение. Прежде всего это Лондонские конвенции об определении агрессии от 3—5 июля 1933 г., заключенные по инициативе Советского правительства. Эти конвенции были подписаны Советским Союзом с рядом соседних с СССР государств, содержали прямую ссылку на Пакт Бриана — Келлога и по идее должны были служить цели его конкретизации, превращения его в более действенный инструмент борьбы с агрессией. Лондонские конвенции включали разработанное Советским Союзом определение агрессии, раскрывавшее наиболее типичные ее виды, и,

¹¹³ Л. Оппенгейм. Международное право, т. II, полутом 1. ИЛ, 1949, стр. 217.

¹¹⁴ С. А. Ромре. *Op. cit.*, p. 248.

¹¹⁵ Цит. по кн. А. Н. Трайнина «Защита мира и уголовный закон» (стр. 55).

¹¹⁶ Там же, стр. 74.

таким образом, способствовали формированию состава преступления агрессивной войны. Это определение было одобрено большинством Комитета по вопросам безопасности при Лиге Наций, состоявшего из представителей 17 государств ¹¹⁷.

«Можно утверждать,— писал Калояни в „Межпарламентском бюллетене“ в 1934 г.,— что лондонские конвенции создают основу нового юридического порядка, существенные условия всякого прочного мира». «Эти конвенции,— признал Пелла,— представляют значительную ценность как для определения условий законной обороны в международном праве, так и для установления уголовной ответственности за наиболее серьезные действия, которые совершаются государством и которые должны быть предусмотрены во всемирном уголовном кодексе» ¹¹⁸. Именно поэтому Пелла в свой план всемирного уголовного кодекса включил формулу агрессии, предложенную советской делегацией в феврале 1933 г. Генеральной комиссии конференции по разоружению. Необходимо отметить, что проект конвенции по борьбе с агрессией, разработанный Юридическим комитетом Лиги Наций 12 июня 1933 г. и предусматривающий обязанность «Высоких Договаривающихся Сторон» внести в национальное законодательство постановление об уголовной ответственности за пропаганду агрессии, также воспринимает эту формулу агрессии ¹¹⁹.

В опубликованных в 30-х годах проектах Всемирного уголовного и Международного уголовного кодексов содержались специальные статьи об уголовной ответственности за агрессию, причем об ответственности не только государств, но и физических лиц ¹²⁰.

Идея установления уголовной ответственности за агрессию хотя и робко, но начала проникать и в новые уголовные кодексы ряда стран еще до второй мировой войны.

В 1936 г. в Афинах был созван конгресс Международной ассоциации уголовного права. В это время приход к власти фашизма в Германии и открытая подготовка гитлеровской кликой новой войны вызвали тревогу не только в народных массах, но и в правящих кругах буржуазных стран. Это наложило отпечаток и на деятельность некоторых международных организаций.

Не удивительно, что повестка дня конгресса была дополнена вопросами, связанными с защитой мира. Был поставлен, например, такой вопрос: «В какой форме национальное законодательство может прийти на помощь защите международного мира?» ¹²¹. В пояснении к нему говорилось: «В некоторых кодексах и проек-

¹¹⁷ Подробнее см. «Борьба Советского Союза за разоружение. 1946—1960 годы». Изд-во ИМО, 1961, стр. 29—32.

¹¹⁸ Цит. по кн. А. Н. Трайпина «Защита мира и уголовный закон» (стр. 120).

¹¹⁹ Там же, стр. 134.

¹²⁰ Подробнее см. там же. Приложение, стр. 190—214.

¹²¹ См. там же, стр. 56, 57.

тах уголовных кодексов наблюдается все более и более заметная тенденция к установлению наказуемости таких деяний, которые вносят расстройство в международные отношения...»¹²² И далее перечислялись такие действия, которые могут поставить международный мир перед лицом опасности, в частности, специально указывалась пропаганда агрессии; ставился вопрос, каким образом внутренний уголовный закон может быть использован в борьбе против опасности войны.

Надо полагать, что это пояснение имело в виду, в частности, уголовный кодекс Польши, принятый, кстати сказать, в 1932 г., т. е. еще до того, как ее правящие круги роковым образом связали себя союзом с нацистской Германией. В кодексе были статьи, устанавливающие уголовную наказуемость действий, ставящих в опасность мирные отношения: так, согласно ст. 113, тюремным заключением караются призывы к агрессии.

Международный авторитет советского определения понятия агрессии подтверждается и тем, что обвинители на Нюрнбергском процессе широко ссылались на него, а главный обвинитель от США Джексон назвал его «одним из наиболее авторитетных источников международного права по данному вопросу»¹²³.

В 1933 г. международное право обогатилось новым свидетельством дальнейшего развития идеи криминализации агрессивной войны. 10 октября 1933 г. в Рио-де-Жанейро был подписан Договор о ненападении и согласительной процедуре. Статья 1 этого Договора, участниками которого были 25 американских государств, включая Соединенные Штаты, устанавливала, что договаривающиеся стороны осуждают агрессивные войны в своих взаимных отношениях или против других государств. В преамбуле к Договору указывалось, что стороны вступают в соглашение «с целью осуждения агрессивных войн и территориальных приобретений, которые могут быть осуществлены путем вооруженного захвата, делая их невозможными и устанавливая их недействительность»¹²⁴.

Для утверждения принципа международной противоправности и преступности агрессии большое значение имели советские двусторонние договоры о ненападении. Такие договоры впервые появились во внешнеполитической практике Советского Союза. Уже в 20-х годах СССР заключил свои первые договоры о ненападении с Турцией (1925 г.) и с Афганистаном (1926 г.). В договоре с Афганистаном устанавливалось, что стороны обязаны воздерживаться от всякого нападения друг на друга и не предпринимать таких шагов, которые причинили бы той или другой стороне политический или военный ущерб. Договаривающиеся стороны обязались

¹²² См. А. Н. Трайнин. Защита мира и уголовный закон, стр. 56, 57.

¹²³ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 331; см. также стр. 358.

¹²⁴ «*Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements Between the United States and Other Powers* (Sen. doc., N 134, 75-th cong., 3d sess., 1938).

взаимно воздерживаться от всякого вооруженного или невооруженного вмешательства, а также от содействия и участия в какой-либо интервенции со стороны одной или нескольких третьих держав¹²⁵. В последующие годы Советский Союз заключил договоры, содержавшие взаимные обязательства о ненападении: с Германией (1926 г.), Ираном (1927 г.), Финляндией (1932 г.), Польшей (1932 г.), Францией (1932 г.), Италией (1933 г.), Китаем (1937 г.) и др.

Примерно аналогичные меры предусматривались принятым в 1933 г. уголовным кодексом Дании. В нем имелась специальная глава XXVII «Посягательства против мира ... и чести лица». Можно сослаться и на проекты уголовных кодексов в других странах — в этих проектах содержались статьи, устанавливавшие наказуемость действий, могущих привести к агрессивной войне¹²⁶.

Итак, мы привели международноправовые документы, подчеркивающие стремление народов поставить агрессивную войну вне закона, признать ее развязывание и ведение преступным и наказуемым. Мы проследили и за тем влиянием, которое оказала советская внешнеполитическая практика на формирование международноправового сознания необходимости запрещения агрессивной войны, в частности Декрет о мире.

Ф. Мартенс писал, что «часто те начала, которые мало-помалу утверждаются в международной практике в качестве обычного права, первоначально провозглашаются... каким-либо выдающимся юристом или замечательным политическим деятелем»¹²⁷. Таким выдающимся политическим деятелем и замечательным юристом был автор Декрета о мире Владимир Ильич Ленин.

Анализ приведенных выше актов дает возможность сделать вывод о том, что еще до 1939 г., т. е. до начала второй мировой войны, в международном праве сложилась норма, ставящая агрессивную войну вне закона и провозглашающая ее международным преступлением. Но каков характер этой нормы? Носила ли она конвенционный характер или была результатом постепенно сложившегося обычая? Выше уже указывалось, что из большого числа принятых в период между двумя мировыми войнами актов, посвященных проблеме борьбы с агрессией, ни один акт, взятый сам по себе, изолированно от других, не может быть признан достаточным, чтобы сформировать необходимую норму международного права. И наоборот, взятые вместе, с учетом дополнения друг друга, их повторяемости, они создают все основания для вывода о сложившемся международноправовом обычае, поставившем агрессию вне закона.

¹²⁵ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 32, 78.

¹²⁶ Подробнее об этом см. А. Н. Трайнин. Защита мира и уголовный закон, стр. 80, 83, 84, 131, 132.

¹²⁷ Цит. по кн. П. И. Лукина «Источники международного права» (Изд-во АН СССР, 1960, стр. 82).

Обычные нормы международного права формируются в международной практике постепенно¹²⁸. Именно так в условиях борьбы и сотрудничества государств, в условиях международноправовой практики постепенно складывался обычай считать агрессию противоправной и преступной.

В теории международного права считается бесспорным, что обычная норма международного права появляется в итоге повторяющихся действий государств. «Элемент повторения,— пишет Г. И. Тункин,— является исходным моментом формирования правила поведения. В большинстве случаев именно повторение определенных действий в аналогичных ситуациях может привести к закреплению такой практики в качестве правила поведения»¹²⁹. По мнению Оппенгейма, речь идет об обычае в том случае, если ясная и длительная практика совершения определенных действий сложилась под знаком уверенности в том, что такие действия согласно международному праву являются обязательными или правильными¹³⁰. Именно этим критериям соответствует процесс образования обычной международноправовой нормы о преступности агрессии. Сами же акты, в совокупности своей приведшие к образованию обычной нормы, соответствуют и требованию всеобщности: многие из них были приняты и декларированы от имени огромного большинства государств, а что касается Пакта Бриана — Келлога, то по составу участников (63 страны) он уступал лишь Всемирному почтовому союзу.

Немалая часть актов, объявивших агрессию преступлением, была принята в рамках Лиги Наций. Трудно спорить против того, что постановления и резолюции Лиги или ее органов, направленные на поддержание мира и международной безопасности, имеют определенное значение для процесса формирования норм международного права. Приведенные выше акты Лиги выражают согласованную волю значительного числа государств, объявивших агрессивную войну противоправной и преступной. Поскольку принятие таких резолюций вытекало из Устава Лиги Наций, они представляли собой стадии в развитии соответствующей обычной нормы международного права. Интересно, что, хотя лигонационные документы (1923, 1924, 1927 гг.) и не получили необходимой ратификации, никто из участвовавших в их обсуждении членов Лиги не выступал против них с позиций их несоответствия международному праву. Бросается в глаза и другой характерный признак постепенно вырабатывающейся обычной нормы международного права: от раза к разу, от одного акта к другому становилась все более совершенной их терминология, о чем уже говорилось выше.

¹²⁸ Подробнее об этом см. Г. И. Тункин. Указ. соч., стр. 85.

¹²⁹ Г. И. Тункин. Указ. соч., стр. 85. См. также Д. Б. Левин. Дипломатический иммунитет. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 146.

¹³⁰ Л. Оппенгейм. Указ. соч., т. I, полутом 1. ИЛ, 1948, стр. 46.

Еще Карл Маркс писал: «Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»¹³¹.

Сложившийся обычай был грубо нарушен гитлеровскими агрессорами, но в конечном итоге этот обычай восторжествовал как положительный закон, будучи отражен в Уставах Организации Объединенных Наций и Международного Военного Трибунала.

Критики нюрнбергского приговора утверждают, правда, как мы уже видели, совершенно необоснованно, что принятие такого приговора стало возможным лишь при полном игнорировании общепризнанных принципов «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*». Отсюда они делают следующий вывод: раз не было закона, придававшего агрессии криминальный характер, то и у подсудимых не было сознания противоправности своих действий. Не было вины, ибо вина есть психическое отношение обвиняемого к содеянному, а раз обвиняемый не признавал преступности своих деяний, то суд не имел решительно никакого права судить и наказывать его. Вина есть необходимый элемент состава преступления — нет вины, значит нет состава самого преступления.

Даже обывателю может показаться странной в наши дни дискуссия о том, действительно ли виноваты Геринг, Риббентроп и другие. Но, к сожалению, события самых последних дней показывают, что стремление реабилитировать германский милитаризм и его преступных руководителей в лице нацистской клики настолько велико в определенных кругах Запада, что дело уже дошло до попыток оправдать самого Гитлера¹³².

На Нюрнбергском процессе Ярайсс, говоря о том, что агрессия не признавалась в международном праве преступлением, а потому у нюрнбергских подсудимых не могло и существовать преступного умысла, заявил: «Во всяком случае с точки зрения континентально-европейской правовой мысли недостаточное сознание неправомерности является обстоятельством, которое суд не может не учесть». Ярайсс требовал от суда специально заслушивать каждого подсудимого, который мог показать, что он «не признавал, что своими действиями нарушал правовые нормы». Обобщая свои доводы, Ярайсс заявил: «Никто не может быть осужден за совершение преступления, если он чувствовал, что во время совершения своего действия, он просто выполнял свой долг»¹³³. Профессор Экснер, адвокат Иодля в Нюрнберге, поддерживая ту же мысль, привел следующий пример: «Любой человек, который берет часы другого, будучи уверенным, что это его собственные, не является вором. Вот почему если Иодль верил в то, что агрессия не является

¹³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 357.

¹³² «Правда», 9 мая 1964 г.

¹³³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 15051.

преступлением, то соответственно нельзя обвинять его в нарушении мира»¹³⁵.

В послевоенной международноправовой литературе в той или иной форме повторяются аргументы немецкой защиты на Нюрнбергском процессе. Правда, делается это более осторожно, но не более убедительно. Утверждается опять-таки, что агрессия до второй мировой войны не считалась преступлением, а одним из доказательств этого объявляется то, что союзники в своих предупреждениях и нотках вели речь лишь о военных преступлениях, а отнюдь не об агрессии. Так, Финч пишет, что «обвинение в агрессии не фигурировало в предупреждениях союзников в период войны»¹³⁶. На такой же позиции стоят Эхард¹³⁷ и Волл¹³⁸.

Подобные утверждения содержатся в ряде других работ и имеют своей целью доказать неправосудность нюрнбергского приговора, осудившего за агрессию людей, которые якобы в момент совершения своих действий по развязыванию агрессивных войн не могли (и не должны были) сознавать, что они тем самым нарушают международное право.

Прежде всего, ответом на все эти попытки дискредитировать нюрнбергский приговор и представить его как месть победителя побежденному является тот неоспоримый факт, что подсудимые в Нюрнберге хорошо знали о всех договорах и соглашениях, включая Пакт Бриана — Келлога, поставивших агрессивную войну вне закона, равно как они знали, что ни одно государство не вправе односторонне расторгать международные договоры, тем более те из них, которые стоят на страже мира и безопасности народов.

Но, может быть, само поведение подсудимых, когда они находились у власти, свидетельствовало об отсутствии у них сознания противоправности своих действий? Наконец, может быть, являясь людьми, грубо растоптавшими все законы морали и справедливости, они просто не знали, не подозревали о существовании международного права, международных конвенций, законов и обычаев войны?

Попробуем ответить на эти вопросы, пользуясь материалами того же Нюрнбергского процесса.

Гитлеровская клика, борясь за власть в Германии, не скрывала, что ее программа во внешнеполитической области — это программа агрессии. Уже «Майн кампф» содержала достаточное количество признаний этого.

¹³⁵ «Proceedings of the Nuremberg Trial against the Mayor War Criminals», t. XIX, p. 24 (далее — «Proceedings...»).

¹³⁶ G. Finch. Op. cit. «American Journal of International Law», 1947, v. 41, p. 28.

¹³⁷ Hans Echar d. Op. cit. «American Journal of International Law», 1949, v. 43, p. 239.

¹³⁸ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 484.

Широкая программа агрессии была разработана гитлеровским правительством на совещании 5 ноября 1937 г., выступив на котором, Гитлер заявил: «Речь идет не о захвате народов, а о захвате пространства, пригодного для сельского хозяйства. Будет также рациональнее искать территории, производящие сырье, в Европе, в непосредственной близости к империи... История всех времен — история Римской империи и Британской империи — доказала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территории без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем»¹³⁹.

Надо ли говорить, что подобная внешнеполитическая философия, будучи сопоставлена, с одной стороны, с официальными речами о мире в рейхстаге и, с другой, с официальными обязательствами Германии по Пакту Бриана — Келлога и другим договорам, никак не создает того впечатления, которое стремятся создать критики нюрнбергского приговора сегодня, — впечатления «неосведомленности» и «неосознанности» гитлеровцами противоправности своих действий. Еще меньше об этом говорят следующие слова, содержащиеся в протоколе указанного совещания: «Проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой... Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну является завоевать Чехословакию и Австрию одним ударом, для того чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного продвижения на Запад»¹⁴⁰.

После того как Австрия и Чехословакия были захвачены и наступил черед Польши, поведение гитлеровского правительства опять-таки не свидетельствовало о непонимании им того, что оно грубо нарушает международное право и совершает международное преступление. 23 мая 1939 г. на секретном заседании Гитлер, имея в виду нападение на Польшу, заявил: «Для разрешения этой проблемы нужна смелость. Принцип уклонения от разрешения проблемы путем приспособления к обстоятельствам недопустим. Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность»¹⁴¹.

А сознавало ли германское правительство, что такой политикой нарушается международное право? На этот вопрос ответил тот же Гитлер: «Я дам пропагандистский повод для начала войны, — сказал он на секретном совещании 23 августа 1939 г., — не важно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорил ли он правду. В начале и ходе войны важно не право,

¹³⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 331.

¹⁴⁰ Там же, стр. 332.

¹⁴¹ Там же, стр. 343.

а победа...»¹⁴² Столь же несложная мысль была выражена при подготовке нападения на Норвегию и Данию. Иодль записал в своем дневнике: «Фюрер еще не решил, какой повод найти для осуществления „варианта Везер“»¹⁴³ (план нападения на Данию и Норвегию). «Вопрос о нарушении нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения; никто не будет говорить об этом после нашей победы»¹⁴⁴, — так говорил Гитлер. Подобные установки вряд ли указывали на то, что Гитлер и его ближайшие подручные не осознали преступности своих действий.

Мы ссылались в основном на установки Гитлера. А как обстояло дело с теми членами германского правительства, которым пришлось прибегнуть к фальшивой версии об отсутствии у них сознания неправомочности своих действий? Имели ли Кейтель и Кальтенбруннер, Иодль и Геринг какое-нибудь представление о международном праве, о его требованиях, о законах и обычаях ведения войны?

Геринг, например, в своих показаниях Трибуналу сообщал, что в начале военных действий он читал правила ведения сухопутной войны, изложенные в IV Гаагской конвенции. Он сожалел, что не прочитал «эту Гаагскую конвенцию» раньше, так как в этом случае он бы смог проинформировать Гитлера о том, что нельзя вести современную войну в соответствии с правилами этой конвенции¹⁴⁵. Риббентроп признал, что «агрессивная война противна духу Лиги Наций, членом которой являлась Германия», что он «был знаком с пактом Бриана — Келлога»¹⁴⁶. Позднее он признал, что так называемое соглашение Гитлер — Гаха от 15 марта 1939 г., по которому целая страна перестала существовать, «было подписано в результате давления»¹⁴⁷. Риббентроп говорил о «изменяющихся концепциях международного права в период с Версаля до настоящего времени»¹⁴⁸. Фон Нейрат настаивал на том, что, пока он был министром, средства, которые не были общепринятыми и допустимыми в международном праве, не применялись германским министерством иностранных дел¹⁴⁹. Шпеер утверждал, что все нарушения международного права уже были к тому моменту, когда он пришел к власти¹⁵⁰.

Кейтель, говоря о массовых расстрелах английских «коммандос» и пытаясь избежать возмездия, заявил на суде: «Я считаю, что Гаагская конвенция о порядке ведения сухопутной войны

¹⁴² «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 345.

¹⁴³ Там же, стр. 350.

¹⁴⁴ Там же, стр. 353.

¹⁴⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 9, стр. 4000.

¹⁴⁶ Там же, т. 10, стр. 4461.

¹⁴⁷ Там же, стр. 4486.

¹⁴⁸ Там же, т. 22, стр. 10268.

¹⁴⁹ Там же, т. 16, стр. 7187.

¹⁵⁰ Там же.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко

Главный обвинитель от США Роберт Джексон

исключает всякую поддержку подобных диверсионных действий... Всякая такая поддержка является нарушением Гаагской конвенции...»¹⁵¹ Кейтель обнаружил просто замечательное знание законов и обычаев войны, когда искал способ скрыть тягчайшее преступление, связанное с расстрелом бежавших из плена английских летчиков. Он рассуждал о «неудобствах» судебного производства в отношении этих летчиков, которых все равно надо приговорить к расстрелу: расстрел по суду означал, что, как цинично показал Кейтель, «нужно было через державу, представляющую интересы государства, ведущего с нами войну, сообщить о приговоре этому государству и ждать три месяца, в течение которых государство может опротестовать приговор. Таким образом, было невозможно в наикратчайший срок достичь необходимого устрашающего действия»¹⁵². Иодль заявил на суде, что в 1944 г. он вопреки ранее существовавшим директивам издал приказ, по которому партизан впредь следовало рассматривать как законных комбатантов (солдат). Иодль пояснил, что вынужден был пойти на эту меру, поскольку после расстрела английских пленных летчиков Гитлер «больше не заботился о человеческих понятиях права». А так как, по словам Иодля, он «чувствовал себя ответственным за вопросы международного права»¹⁵³, то он и принял тогда решение не допускать более нарушений законов и обычаев войны.

Перечень подобных ссылок на международное право в показаниях подсудимых, обнаруживавших знание конвенций даже в деталях, можно было бы продолжить. Но уже приведенные примеры показывают, сколь неосновательно предположение о том, что эти люди могли не знать о существовании Пакта Бриана — Келлога и других договоров и соглашений, поставивших агрессивную войну вне закона, что они могли не сознавать преступного характера своего поведения.

Анализируя материалы процесса, Р. А. Руденко имел поэтому все основания заявить, что «фашистские агрессоры, подсудимые, знали, что, совершая хищнические нападения на другие государства, они совершают тягчайшие преступления против мира, знали и знают и поэтому пытались и пытаются маскировать преступную агрессию лживыми словами об обороне»¹⁵⁴.

Чтобы закончить с этим вопросом, надо ответить еще на одно неосновательное утверждение, которое мы уже выше привели: в течение всей войны руководящие деятели союзных держав в своих официальных выступлениях ограничивались лишь обвинением гитлеровской Германии в военных преступлениях, не предъявляя ей обвинения в развязывании агрессивных войн и не ставя вопроса об ответственности за агрессию.

¹⁵¹ Там же, т. 18, стр. 8086.

¹⁵² Там же, стр. 8089.

¹⁵³ Там же, т. 27, стр. 12643.

¹⁵⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 462.

В общей форме на это следовало бы ответить, что существование в любом государстве уголовных кодексов, где перечисляются составы преступлений и устанавливаются соответствующе наказания за них, освобождает государство от необходимости предупреждать каждого гражданина в отдельности о грозящей ему ответственности, если он совершит действие, предусмотренное этим кодексом. Аналогично положение об ответственности за агрессию и военные преступления. Предполагается, что ответственные государственные деятели, которым хорошо знакомы важнейшие международные договоры, заключенные их страной, не нуждаются в специальных напоминаниях, тем более о таких договорах, как Пакт Брнана — Келлога.

Но даже помимо этого история международных отношений во время второй мировой войны знает достаточное количество официальных предупреждений стран антигитлеровской коалиции в адрес гитлеровской Германии и ее сателлитов об ответственности не только за военные преступления, но и за развязанную агрессию.

Уже в первый день нападения на Советский Союз народный комиссар иностранных дел СССР заявил, что «это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством». В этом выступлении специально подчеркивалось, что «вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей»¹⁵⁵.

Можно сослаться также на речь главы советского правительства от 6 ноября 1943 г., где он, определяя задачи Советского Союза и его союзников, в частности, указал на необходимость «...принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание...»¹⁵⁶

Аналогичные предупреждения делались и со стороны руководителей США и Англии, причем в отношении как гитлеровской Германии, так и империалистической Японии. 21 августа 1942 г. президент США в ответ на Сент-Джемскую декларацию заявил о решимости Америки, когда победа будет достигнута, «произвести расследование и выдвинуть обвинение» против «завоевателей в Европе и Азии», а 1 декабря 1943 г. главы правительств — участников Каирской конференции торжественно заявили, что их страны «ведут эту войну в целях прекратить агрессивные действия Японии и наказать виновных в ней»¹⁵⁷.

Таким образом, совершенно очевиден и ложный характер ссы-

¹⁵⁵ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. Госполитиздат, 1946, стр. 127.

¹⁵⁶ Там же, стр. 118.

¹⁵⁷ «Правда», 3 декабря 1943 г.

ки на то, что союзные державы, сами якобы не считая агрессию преступлением, не предупреждали об ответственности гитлеровскую Германию. Наконец, последний аргумент. Защитники нацистской агрессии утверждают, что германское правительство не было предупреждено об ответственности за агрессию, но не спорят о том, что это правительство в течение войны неоднократно предупреждалось об ответственности за тяжчайшие военные преступления, в частности Декларацией союзников от 18 декабря 1942 г., которая была вызвана тем, что немецкие власти истребляли в Европе еврейские меньшинства¹⁵⁸. Но ведь подсудимые на Нюрнбергском процессе не ссылались на то, что, получив такое предупреждение и производя необходимую проверку, они прекратили подобные преступные действия. Напротив, как это было документально установлено на Нюрнбергском процессе, массовое уничтожение еврейского населения началось как раз вскоре после этого предупреждения. Следует ли говорить о лицемерном и фальшивом характере ссылок критиков нюрнбергского приговора на то, что главные гитлеровские военные преступники не получали соответствующих предупреждений об ответственности за агрессию?

Исторический опыт учит, что о характере той или иной войны следует судить по тем целям, которые она преследует. Хорошо известны слова Клаузевица, часто приводимые Лениным, о том, что война есть продолжение политики иными средствами. Вот почему, когда мы называем ту или иную войну преступной, мы не можем ограничиваться лишь констатацией того, что то или иное государство первым напало на другое. Факт такого нападения сам по себе, конечно, свидетельствует о том, что такая война со стороны нападающего государства является агрессивной. Но для того чтобы вскрыть глубинные причины такой войны, нужно вскрыть подлинные цели, которые преследует агрессор в такой войне.

Исторический опыт учит, что социальная опасность агрессивных войн вовсе не ограничивается самим фактом нападения, нарушения территориальной суверенности другого государства. Сущность этих войн такова, что они не обходятся без нарушения общепризнанных законов и обычаев ведения войны, без военных преступлений.

Исторический опыт учит, что всякая несправедливая война вызывает сопротивление народов, ставших жертвой агрессии, и чем сильнее это сопротивление, тем к большим зверствам прибегает агрессор для его подавления. Принципиально новое, привнесенное гитлеровской Германией в эту практику, заключается в том, что грубейшие нарушения общепризнанных законов и обычаев войны были возведены на уровень государственной политики: само государство, самые различные звенья механизма нацистского режима в официальном, приказном порядке предписывали совершение

¹⁵⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 444—445.

тягчайших военных преступлений. Причем речь идет не только о военных преступлениях, совершавшихся для подавления сопротивления народов агрессору, но и о таких преступлениях, которые должны способствовать главной цели агрессии. Вот почему эти меры, выражающиеся в грубейших нарушениях законов и обычаев войны, чтобы служить реализации основных целей агрессора, должны планироваться заранее, еще до начала военных действий.

Опыт второй мировой войны, материалы Нюрнбергского процесса как раз и свидетельствуют о том, что военные преступления гитлеровской Германии были одним из средств достижения антинародных целей агрессора и именно поэтому планировались заранее, составляя неотъемлемую часть общего военно-стратегического плана.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками вскрыл эти цели. Нацистская партия вела борьбу за захват власти в Германии, располагая уже планом агрессивной внешней политики. Еще до прихода к власти Гитлер говорил: «Мы хотим произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать, слоя, который сумеет установить и сохранить без колебаний свое господство над широкой массой»¹⁵⁹. Эта расовая теория как раз и была положена в основу агрессивной гитлеровской политики.

Еще более конкретно Гитлер выразил эту мысль в беседе с президентом данцигского сената Раушнинггом: «Мы должны развить технику обезлюдивания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюдиванием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача»¹⁶⁰.

Особую ненависть нацисты питали к славянским народам. «После столетий хныканья о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных против низших. Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы. Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их»¹⁶¹. Как раз эта установка («не только завоевывать, но и уничтожать»), как мы увидим из дальнейшего анализа документов Нюрнбергского процесса, и стала основной в определении целей нацистских агрессивных войн.

Уже готовясь к войне против Польши, гитлеровцы четко определили преступные задачи по массовому уничтожению польского

¹⁵⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 464—465.

¹⁶⁰ Там же, стр. 483.

¹⁶¹ Там же, стр. 503.

народа, в котором они всегда видели врага. 22 августа 1939 г. на последнем совещании, окончательно определившем задачи войны, Гитлер сказал своим приближенным: «Главная цель в Польше заключается в уничтожении врага, а не в достижении определенной географической границы»¹⁶². Германизировать польское население, лишить его государственности, подавить его культуру либо уничтожить — такова была программа. Таким образом, с самого начала война против Польши должна была стать важнейшим средством для достижения этой чудовищно преступной цели. Беспрецедентное по своим масштабам и откровенному цинизму воплощение политики массового уничтожения и «биологического ослабления» европейских народов имело место во время нацистской агрессии против СССР.

На совещании в Везельсбурге Гиммлер сказал, что целью похода на Россию является истребление 30 млн. славян¹⁶³. Ярким свидетельством преступности целей агрессии против СССР служит генеральный «План Ост».

В своих замечаниях и предложениях по этому плану ведомство Розенберга (министерство по делам восточных оккупированных территорий) в документе от 27 апреля 1942 г. указывало следующие возможности решения «Восточной проблемы»: «...Или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы... Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»¹⁶⁴.

Мы привели лишь некоторые документы, предъявленные на Нюрнбергском процессе и с полной очевидностью устанавливающие преступные цели, которые гитлеровская Германия преследовала в развязанных ею агрессивных войнах. Изучение доказательств Нюрнбергского процесса показывает, что этими целями, кроме задач территориальной экспансии, было покорение и обращение в рабство целых народов, массовое уничтожение многих десятков миллионов людей, установление на оккупированных территориях крепостного режима принудительного труда, массовое убийство военнопленных, повсеместное ограбление населения оккупированных стран. Определяющим и главным орудием достижения этих целей была сама агрессивная война. Вот почему нельзя пытаться дать полную юридическую квалификацию гитлеровским войнам без учета тех конкретных целей, которые ими преследовались.

¹⁶² «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 319.

¹⁶³ Там же, т. 3, стр. 357—358.

¹⁶⁴ Впервые этот документ был опубликован польскими историками в 1949 г. («Biuletyn Główny Komisji», Bd. V. Warszawa, 1949, S. 209). Цит. по кн. Л. А. Безыменского «Германские генералы — с Гитлером и без него» (изд-во «Мысль», 1964, стр. 214, 215).

Гитлеровская агрессия, даже если бы она могла существовать «в чистом виде» (т. е. свободном от военных преступлений), и то была бы тягчайшим преступлением, ибо она стоила человечеству миллионов жертв. Но в том, то и дело, что нацистский режим породил такую агрессивную войну, которая стала орудием и источником совершения многих других преступлений — военных преступлений, преступлений против человечности. Война стала средством, с помощью которого достигается преступная цель — уничтожение целых народов.

Организаторы агрессии шли на войну, имея единый всеобъемлющий военно-стратегический план, лишь частью которого, начальным моментом была агрессия, само нападение. Пункт «а» ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала говорит о четырех стадиях агрессивной войны — планировании, подготовке, развязывании, ведении. Мы уже убедились в том, что почти все эти стадии включают совершение тягчайших преступлений общеуголовного характера. Именно в стадии планирования были разработаны все директивы о совершении чудовищных преступлений против народа — жертв агрессии, в стадии подготовки в числе прочего формировались специальные подразделения для массового убийства людей (эйнзатцкоманды), специальные части для повсеместного грабежа («Штаб Ольденбург»), а ведение войны уже каждодневно было связано с реализацией преступного плана.

Не случайно поэтому обвинительное заключение вменило в вину подсудимым на Нюрнбергском процессе кроме преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности еще и заговор для совершения всех этих преступлений.

Вот почему, даже абстрагируясь от того, признавало ли международное право агрессию преступлением или нет, Международный Военный Трибунал имел все основания считать агрессивные войны гитлеровской Германии преступными.

3. Стадии развития преступлений против мира

Статья 6 Устава Международного Военного Трибунала гласит:

«Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий».

Изучение этой в целом бесспорно правильной и имеющей огромное политическое и юридическое значение формулировки все же приводит к выводу, что в ней есть одна неточность: вольно или

невольно создается впечатление, что авторы Устава видят какое-то существенное отличие агрессивной войны как таковой от войны, развязываемой «в нарушение международных договоров, соглашений или заверений».

Между тем известно, что договоры о взаимных гарантиях были подписаны Германией в Локарно в 1925 г. с Бельгией, Францией, Великобританией и Италией с заверением о соблюдении территориального статус-кво; договоры об арбитраже также были заключены Германией в Локарно с Чехословакией, Бельгией и Польшей; конвенции об арбитраже и согласительной процедуре — между Германией, Нидерландами и Данией в 1926 г. и между Германией и Люксембургом — в 1929 г.; Германия заключила договоры о ненападении с Данией и Советским Союзом в 1939 г. и, наконец, Германия была в числе стран, подписавших Пакт Бриана — Келлога. Само собой разумеется, что войны, которые она развязала и вела в Европе, были агрессивными — ведь они нарушали международное право, международные обязательства Германии по заключенным ею договорам.

Как мы уже видели, Устав МВТ предусматривает четыре стадии развития преступлений против мира. Возникает вопрос о роли каждой из четырех стадий агрессивной войны и основаниях ответственности за предварительную преступную деятельность по подготовке и развязыванию агрессии. Как и всякое тяжкое преступление, преступление против мира начинается с создания преступного замысла и проходит почти такие же стадии, которые характерны для любого тяжкого преступления.

Существует ли уголовная ответственность только за оконченное преступление, т. е. когда планирование и подготовка закончились развязыванием агрессии, или ответственность может возникнуть за участие в любой из указанных стадий развития преступлений против мира?

Волл считает, что «Парижский пакт объявлял войну вне закона как таковую, но не ее планирование и подготовку»¹⁶⁵. С такой точкой зрения нельзя согласиться и исходя из общетеоретических уголовноправовых понятий и с точки зрения анализа Устава Международного Военного Трибунала.

Конечно, не любая подготовительная деятельность к совершению преступления карается уголовным законом. Но во всяком случае, как правильно отмечает профессор А. Н. Трайнин, «приготовление к тяжким преступлениям карается уголовными кодексами всех стран»¹⁶⁶.

Общественная опасность приготовительных к агрессии действий не вызывает сомнений. Сами по себе они объективно опасны для мира и международной безопасности. Важнейшим элементом

¹⁶⁵ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 889.

¹⁶⁶ А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества, стр. 69.

таких действий является гонка вооружений, которая, будучи начата одной страной, быстро охватывает другие страны, ибо усиливает атмосферу недоверия между государствами. Одно из подготовительных к агрессии действий — ведение пропаганды войны. Цель ее — вызвать отчуждение народов, вражду между ними, оправдать перед народными массами путем различных исторических фальсификаций подготовляемую агрессию.

Подготовка войны, как правило, включает в себя создание агрессивных блоков, что также усиливает международную напряженность, всегда чреватую взрывом. Не приходится говорить, сколь опасна подготовительная деятельность к агрессии в условиях обладания агрессором ракетно-ядерным оружием.

В теории уголовного права существует правильный взгляд на то, что приготовление к преступлению есть такое уголовно наказуемое деяние, при котором начатая умышленная преступная деятельность, достигнув стадии создания условий для совершения преступления, прерывается затем до начала исполнения самого преступления, по не зависящим от лица обстоятельствам¹⁶⁷.

История международных отношений, история войн показывает, что агрессор, предпринявший ряд подготовительных действий, добровольно не отказывается от своих агрессивных намерений. Сам характер этих действий существенно отличается от характера таких же действий по обычным уголовным преступлениям. Государство-агрессор, вставшее на путь подготовки войны, логикой событий втягивается в осуществление столь значительных в политическом и экономическом отношении мер, что уже не может остановиться и не завершить преступление. И если в одной из стадий такой подготовки ему все же приходится отказаться от своих планов, то это происходит по причинам, от агрессора не зависящим. Можно сослаться на пример с Японией, которая в течение второй мировой войны провела значительную подготовку к нападению на СССР, но под давлением ряда от нее не зависящих обстоятельств так и не решилась начать агрессию.

Говоря об ответственности за подготовительные к агрессии действия, важно установить объект преступного посягательства и субъективную сторону преступления. В отличие от общеуголовного преступления, где объект не обязательно четко обозначен (преступник приобретает огнестрельное оружие для грабежей, хотя он еще не наметил конкретных жертв своей преступной деятельности), подготовительные действия к агрессии обязательно означают наличие точно установленного объекта. Что же касается субъективной стороны преступления, то она здесь та же, как и при окончанном преступлении.

¹⁶⁷ Н. Ф. Кузнецова. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. Изд. МГУ, 1958, стр. 47.

Таким образом, учитывая характер подготовительных к агрессивным действиям, их общественно опасный характер, нельзя сомневаться в наказуемости подготовки к агрессии. Национальный законодатель, конструируя состав того или иного тяжкого преступления, никогда не указывает на порядок ответственности по отдельным стадиям этого преступного деяния (подготовка, покушение, ответственность за неоконченное или оконченное преступление), имея в виду, что этот вопрос решается на основании общих принципов уголовного права. В этом смысле надо трактовать и Пакт Бриана — Келлога, в отношении которого Международный Военный Трибунал справедливо указал в приговоре: «При толковании формулировки Пакта следует помнить, что международное право не является продуктом международного законодательства и что такие международные соглашения, как Парижский пакт, должны рассматривать общие принципы, а не формальные вопросы процедуры»¹⁶⁸. Поэтому ссылка Волла на Пакт Бриана — Келлога не имеет оснований.

Что же касается самого Устава Трибунала, то из него прямо вытекает наказуемость каждой из стадий агрессивной деятельности. В ст. 6 Устава говорится: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность...» И после этого перечисляются все стадии агрессивной деятельности: планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны. В этой же статье предусмотрена ответственность за участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из перечисленных действий.

Прежде чем перейти к характеристике каждой из стадий, представляется необходимым остановиться еще на одном вопросе, имеющем общее значение. Речь идет об определении субъекта ответственности за преступления против мира. Кто может и должен быть субъектом этого преступления, каков критерий для определения такого субъекта? Можно ли сказать, что главные военные преступники по смыслу Московской Декларации 1943 г. и Устава Международного Военного Трибунала обязательно являются субъектом ответственности за агрессию? Хотя, как об этом свидетельствуют приговоры Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов, большинство подсудимых в той или иной форме было признано ответственными за агрессию¹⁶⁹, вряд ли это обстоятельство может служить точным критерием. В Нюрнберге и в Токио некоторые главные военные преступники были оправданы по обвинению в со-

¹⁶⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 366.

¹⁶⁹ Трибунал обратил особое внимание на деятельность Геринга по подготовке агрессивных войн («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 466), на роль Деница в ведении агрессивной войны (там же, стр. 474), в отношении Редера — на его деятельность в двух стадиях: в планировании и ведении агрессивной войны (там же, стр. 481).

вершении преступлений против мира, а некоторым такое обвинение и вовсе не предъявлялось. И наоборот, субъектом ответственности за преступления против мира может быть лицо, которое формально, казалось бы, не подпадает под понятие «главный военный преступник».

В судебной практике международных военных трибуналов, а также национальных трибуналов союзных стран выработался определенный подход к решению этого вопроса. Два критерия выдвигаются для определения субъекта ответственности за преступления против мира:

1. Субъект ответственности должен знать, что планируется, подготавливается или ведется именно агрессивная война.

2. Субъект должен занимать такое положение в механизме государственной власти, которое позволяет ему влиять на формирование и осуществление агрессивной политики¹⁷⁰.

Если первый критерий не вызывает сомнений, то второй бесспорен лишь частично. Лицо, знающее о запланированной агрессивной войне и занимающее такое ответственное положение, при котором оно может влиять на внешнюю политику государства, является субъектом ответственности за агрессию. Но может ли лицо, сознающее агрессивный характер войны и действующее в направлении ее подготовки и развязывания или участвующее в ее ведении, не быть признано субъектом ответственности лишь на том основании, что занимаемое им положение не позволяет влиять на политику агрессии в целом?

Лицо могло не иметь возможности влиять на решение правительства встать на путь войны, но то же лицо могло иметь влияние на ход подготовки этой войны (после того как решение о ней уже было принято) или на ее практическое ведение. Некоторые из крупных нацистских чиновников не могли оказывать влияния на внешнюю политику в целом, но располагали достаточной властью, чтобы, зная об агрессивном характере затеваемой войны, влиять на ход и темпы подготовки ее или на ее ведение.

Вывод, который необходимо сделать, заключается в том, что оба приведенных критерия должны приниматься во внимание, не в целом вопрос об определении субъекта ответственности за агрессию — это не столько вопрос права, сколько вопрос факта, решаемый судом в каждом конкретном случае. Дальше мы подробнее рассмотрим этот вопрос, а теперь вернемся к характеристике отдельных стадий преступлений против мира.

Первая стадия — планирование агрессивной войны.

Авторы Устава выделили планирование агрессии в самостоятельную стадию, исходя из той фактической роли, которую оно играло во всей предварительной преступной деятельности, предшествовавшей развязыванию и ведению агрессивных войн гитле-

¹⁷⁰ С. А. Ромре. *Op. cit.*, p. 230; F. H. Maughan. *Op. cit.*, p. 95.

ровской Германией. Если цели нацистской агрессивной политики были сформулированы Гитлером еще задолго до прихода фашизма к власти, и особенно в библии фашистов — «Майн кампф», то конкретное планирование агрессивных войн началось в Германии с 1937 г. Нюрнбергский приговор выделяет «планирование агрессии» в специальный параграф, связывая его в основном с четырьмя секретными совещаниями, в ходе которых сформировался общий план или заговор нацистской Германии против мира. Эти совещания проходили 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа и 23 ноября 1939 г. В целом агрессивный план был сформулирован на совещании 5 ноября 1937 г., а на последующих совещаниях он уже конкретизировался применительно к складывавшейся международной обстановке¹⁷¹.

Следующей стадией планирования было составление конкретных планов агрессии против отдельных стран: «Плана Грюн» (нападение на Чехословакию), «Плана Вейсс» (нападение на Польшу), «Плана Везер» (нападение на Норвегию), «Плана Марита» (нападение на Грецию), «Плана Барбаросса» (нападение на СССР) и др. Но планирование агрессии не ограничивалось только чисто военно-стратегической областью. Оно осуществлялось и в области экономической и идеологической подготовки войны. Примерами экономического планирования мог служить четырехлетний план, являвшийся в целом для всей Германии планом экономической подготовки страны к осуществлению всей агрессивной программы, а применительно к конкретной агрессивной войне, например «План Ольденбург», — планом экономической эксплуатации и разграбления Советского Союза.

В общем же следует сказать, что провести сколько-нибудь четкую грань между планированием и подготовкой агрессии нельзя. В сущности своей планирование есть одна из форм подготовки агрессии. И действительно, процесс планирования, как это показывают материалы Нюрнбергского и Токийского процессов, тесно переплетаются с конкретными мерами по подготовке агрессии. Достаточно сослаться на пример с агрессией против СССР. Общее указание о подготовке к нападению на СССР было дано Гитлером еще летом 1940 г. Во исполнение этого указания был принят ряд мер, связанных с постепенной передислокацией войск, проведением маневров и т. д. Самый же «План Барбаросса» был подписан и утвержден только 18 декабря 1940 г.¹⁷²

Таким образом, подготовка началась раньше, чем был составлен общий план войны. Международный Трибунал не особенно разграничивал планирование и подготовку, подчас применяя эти термины к однопорядковым явлениям. Так, конструируя формулу

¹⁷¹ Подробнее см. «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 565—593; т. 7, стр. 329—333.

¹⁷² Там же, т. 2. Госюриздат, 1958, стр. 559 и сл.

обвинения Редера, главнокомандующего германским военно-морским флотом, Трибунал привел ряд фактов его активного участия в подготовке агрессивных войн. Мотивировочную часть приговора в отношении этого подсудимого Трибунал заключил: «Из этих доказательств явствует, что Редер принимал участие в планировании и ведении агрессивной войны»¹⁷³.

Из материалов Токийского процесса известны случаи, когда планирование агрессии не сопровождалось реальными мероприятиями по ее осуществлению. Так, еще в начале 30-х годов составлялись планы нападения на СССР. В 1931 г., например, был разработан «План Оцу»¹⁷⁴, который предусматривал оккупацию Советского Приморья. Еще более конкретный план был разработан в японском генеральном штабе в 1939 г.¹⁷⁵, затем он подвергся различным модификациям. Но все эти планы остались лишь на бумаге, ибо сложившееся положение на фронтах и мощная оборона советских границ не позволили японским милитаристам начать агрессивную войну против СССР, хотя в течение всей советско-германской войны Япония в любых формах, несмотря на Пакт о нейтралитете, оказывала поддержку гитлеровской Германии.

Весьма существенное значение в процессе предварительной преступной деятельности в преступлениях против мира имеет подготовка агрессии.

В национальном праве, как правило, приготовительные действия к преступлению не ставят еще непосредственно в опасность охраняемые законом общественные отношения, создавая лишь условия для возможности достижения в дальнейшем преступного результата¹⁷⁶. В международном праве, как уже указывалось, многие приготовительные действия к совершению международных преступлений не только ставят в опасность международный

¹⁷³ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 481.

¹⁷⁴ Приговор Токийского трибунала, стр. 00861.

¹⁷⁵ Там же, стр. 00866. По этому плану Квантунская армия «должна была оккупировать советские города Ворошилов, Владивосток, Иман и затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку... Японские руководители считали этот захват советских территорий в такой степени осуществимым, что в генеральном штабе и в штабе Квантунской армии были выработаны конкретные планы по управлению этими территориями. С июля по сентябрь 1941 г. специальная группа офицеров генерального штаба занималась изучением вопроса об оккупационном режиме для советских территорий, которые должны быть оккупированы японскими войсками».

Как далее указывается в приговоре, одним из примеров является совершенно секретный «план управления территориями, входящими в сферу процветания Великой Восточной Азии», разработанный военным министерством по делам колоний в декабре 1941 г. В дальнейшем был разработан «временный план, касающийся границ и структуры сферы процветания Великой Восточной Азии», от 18 февраля 1942 г., в частности предусматривавший меры для предотвращения «концентрации в Сибири славян, которые изгоняются из Европейской части России» (Приговор Токийского трибунала, стр. 00867).

¹⁷⁶ Подробнее см. А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 508.

мир, но в некоторых случаях и сами по себе составляют международное преступление, например пропаганда войны.

В национальном праве приготовлениями к преступлению признается прискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления. Именно так определяет приготовление ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответственно ст. 15 УК РСФСР.

В международном преступлении понятие приготовления неизмеримо шире в связи с характером современной войны, усилившимся значением экономического фактора в этой войне, необходимостью мобилизации всех военно-экономических, политических и моральных сил государства-агрессора для ведения войны. А все это требует привлечения к подготовке агрессии многих звеньев механизма государственной власти и аппарата империалистических монополий.

В национальном праве приготовления к преступлению могут быть не во всех преступлениях. Например, не существует приготовления к преступлению, совершаемому по неосторожности, ибо приготовление есть стадия в совершении умышленного преступления. Приготовление не может быть при так называемых формальных преступлениях, т. е. совершаемых путем бездействия.

Но в таком преступлении, как агрессия, приготовления обязательны. Война вообще, а тем более современная немыслима без более или менее длительной подготовки.

Подготовка агрессии как стадия предварительной преступной деятельности проводится по различным направлениям. Одно из самых существенных — экономическое направление. Речь идет прежде всего о переводе всей экономики государства на военные рельсы, о подчинении ее интересам осуществления агрессивных планов. Разумеется, военная экономика может развиваться и в государствах, проводящих мирную политику. Естественно поэтому, что вопрос о криминальном или некриминальном характере военно-экономических мероприятий решается в зависимости от тех целей, в которых они осуществляются, а выяснение этого — уже не вопрос права, а вопрос факта. Прямая связь между агрессивными целями политики гитлеровской Германии и четырехлетним планом развития экономики страны и была исчерпывающим образом установлена на Нюрнбергском процессе. Признав этот факт, Международный Военный Трибунал осудил ряд подсудимых именно за деятельность, имевшую своей целью экономическую подготовку войны.

Возникает, однако, вопрос: можно ли считать субъектом ответственности за преступления против мира лицо, действия которого ограничились лишь экономической или иной формой подготовки к войне и которое не участвовало в развязывании и ведении этой войны? Ответ на этот вопрос может быть только положительным.

Знание агрессивного характера планируемой войны и личное участие в экономической подготовке ее несомненно составляет преступление против мира. На это могут возразить, что и делали адвокаты на судебных процессах монополий, что подобная конструкция может теоретически обосновать самое расширительное толкование понятия субъекта ответственности в связи с тем, что в процессе экономической подготовки войны участвуют значительные массы людей. Подобное возражение следует отвести по двум основаниям:

1. Речь идет о лицах, которые действуют с полным сознанием того, что они способствуют подготовке не войны вообще, а именно агрессивной войны.

2. Речь идет не вообще о людях, а о таких, которые занимают определенное положение, дающее им возможность оказывать влияние на ход дел. При этом мы имеем в виду не такое положение, которое обязательно позволяет оказывать влияние на политику государства в области войны и мира, а то положение, которое позволяет лицу оказывать существенное влияние на ход подготовки (экономической, дипломатической и т. д.) войны. Что же касается определения понятия «существенное влияние», то опять-таки это вопрос не права, а вопрос факта, решаемый компетентными судебными органами. Именно с таких позиций решали этот вопрос международные трибуналы в Нюрнберге и Токио, а также некоторые национальные трибуналы, рассматривавшие дела о военных преступниках второй мировой войны.

Примером может быть дело Вальтера Функа на Нюрнбергском процессе. Функ, после ухода в отставку Шахта, стал в 1937 г. министром экономики, а с 1939 г. — президентом имперского банка. Трибунал признал его виновным в экономической подготовке агрессивной войны. Трибунал одновременно рассмотрел и вопрос о том, занимал ли Функ такой пост, на котором он мог бы оказывать существенное влияние на ход подготовки к войне. В приговоре говорилось: «Функ не принадлежал к числу руководящих лиц, создавших нацистские планы агрессивной войны. Его деятельность в области экономики в качестве агента генерального уполномоченного по четырехлетнему плану протекала под контролем Геринга»¹⁷⁷. Тем не менее Трибунал счел его вклад в экономическую подготовку агрессии достаточно существенным, чтобы признать его виновным «в экономической подготовке некоторых из агрессивных войн, особенно против Польши и Советского Союза...»¹⁷⁸.

В связи с анализом вопроса о субъекте преступления представляет также интерес дело по обвинению Ялмара Шахта на Нюрнбергском процессе. Его обвинение ограничивалось лишь одним из четырех элементов полной формулы агрессии — лишь подготовкой агрессии; он обвинялся в экономической подготовке

¹⁷⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 466.

¹⁷⁸ Там же.

войны¹⁷⁹. Ни планирование, ни развязывание, ни ведение войны ему не инкриминировалось. Шахт обвинялся в том, что, будучи министром экономики, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики и президентом имперского банка, он обеспечивал финансирование гигантской программы вооружений, которая за короткое время (1933—1939 гг.) позволила подготовить большую войну. Но Ялмар Шахт был оправдан Международным Военным Трибуналом¹⁸⁰, что было широко использовано реакцией для того, чтобы, ссылаясь на этот факт, добиться оправдания и других лиц, обвиненных в экономической подготовке агрессивной войны, особенно руководителей монополий.

Не вникая в подробности этого дела¹⁸¹, рассмотрим его только в рамках поставленного выше вопроса.

Международный Военный Трибунал признал в приговоре: «Совершенно ясно, что Шахт был центральной фигурой в германской программе перевооружения и что предпринятые им шаги, в особенности в первые дни нацистского режима, дали нацистской Германии возможность быстро стать военной державой»¹⁸². Следовательно, Трибунал признал, что Шахт существенно способствовал экономической подготовке войны. Осталось только установить, что Шахт сознавал, что он способствует не просто войне, а агрессивной войне, что именно этой цели служила финансируемая им гонка вооружений. Но как раз этого буржуазное большинство Трибунала, вопреки мнению советского судьи¹⁸³, не признало.

Итак, Трибунал признал, что подготовка (в частности, экономическая) агрессивной войны может составить самостоятельный деликт против международного права, что для того, чтобы такая подготовка считалась с точки зрения международного права криминальной, должны быть доказаны как раз те два обстоятельства, о которых говорилось выше: участие в экономической подготовке к войне и знание агрессивного характера этой войны. Одновременно Трибунал указал на положение привлекаемого к ответственности (был «центральной фигурой»), на его возможность оказать влияние на осуществление подготовки агрессии. Признав Шахта лицом, существенно способствовавшим вооружению Германии и могущим оказывать влияние на ход подготовки войны, Трибунал тем не менее отказался признать связь между этой деятельностью Шахта и нацистским планом агрессии.

В экономической подготовке агрессивной войны были признаны виновными не только лица, преданные суду Международного

¹⁷⁹ Там же, т. 1, стр. 471.

¹⁸⁰ Там же, т. 7, стр. 742.

¹⁸¹ Подробнее см. там же, т. 1, стр. 662—667; т. 7, стр. 468—472, 516—523; А. И. Полтораки. От Мюнхена до Нюрнберга. Изд-во ИМО, 1961, стр. 286—309.

¹⁸² «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 471.

¹⁸³ Особое мнение члена Международного Военного Трибунала от СССР на приговор МВТ. «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 516—541.

Трибунала и, как правило, занимавшие положение членов германского правительства. Там же, в Нюрнберге, национальными военными трибуналами союзных держав были признаны виновными и осуждены за участие в экономической подготовке гитлеровской агрессии Вильгельм Кешлер — советник Гитлера по вопросам экономики и статс-секретарь германского министерства иностранных дел по особым поручениям, Пауль Кернер — ближайший экономический помощник Геринга, руководитель концерна «Герман Геринг»¹⁸⁴.

Международный Трибунал для Дальнего Востока признал виновным крупного чиновника японского министерства финансов Кайя в том, что он принимал участие в финансовой, экономической и промышленной подготовке Японии к осуществлению агрессивной политики¹⁸⁵.

Большое значение для подготовки агрессии имеет деятельность дипломатических органов агрессивного государства.

Нюрнбергский процесс раскрыл многообразные формы такой деятельности нацистской дипломатии. Основной вывод, который можно сделать о целях и задачах германской дипломатии в период господства нацистского режима, заключается в том, что эта дипломатия целиком поставила себя на службу германского генерального штаба и свою главную задачу видела в том, чтобы создать наиболее благоприятные внешнеполитические предпосылки для каждого подготовляемого акта агрессии.

В арсенале дипломатических средств подготовки агрессии — и заключение агрессивных союзов и блоков вроде Антикоминтерновского пакта (трех держав), и насаждение и поддержка с целью агрессии пятых колонн в странах — объектах агрессии (поддержка австрийских и судетских национал-социалистов и руководство их деятельностью со стороны германского министерства иностранных дел¹⁸⁶, и вмешательство с агрессивными целями во внутренние дела стран¹⁸⁷, и всяческое усыпление намеченной жертвы агрессии путем заключения договоров о ненападении и различных заверений¹⁸⁸ и т. д.

Как и экономическая, дипломатическая подготовка агрессии может быть самостоятельным составом преступления против мира и может рассматриваться как оконченное преступление.

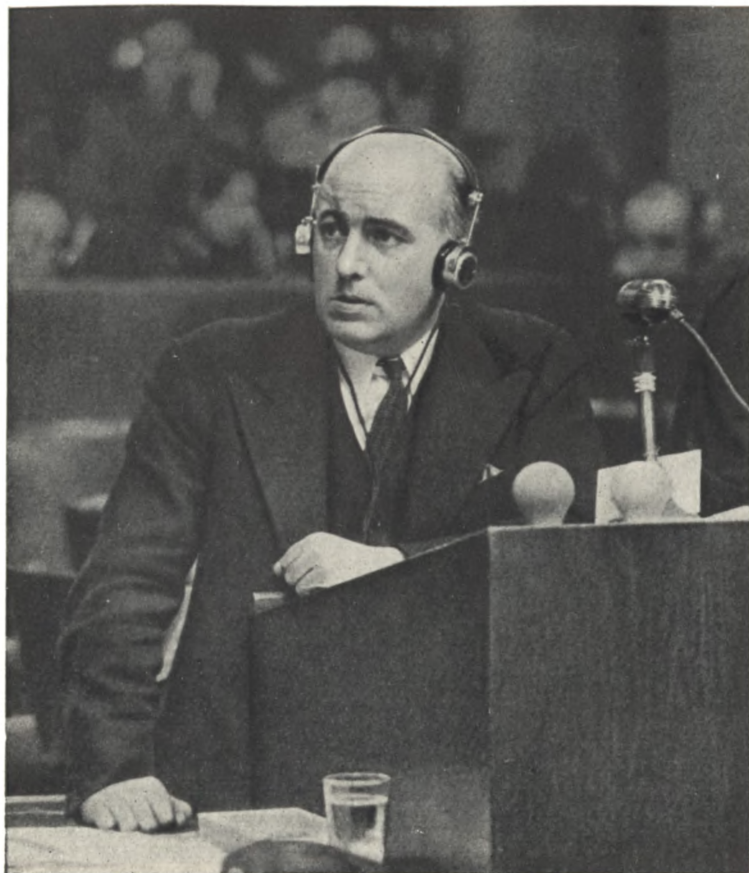
¹⁸⁴ J. A. Appleman. Op. cit., p. 201.

¹⁸⁵ Приговор Токийского трибунала, стр. 01245.

¹⁸⁶ Трибунал записал в приговоре: «Начиная с марта 1938 г. (Риббентроп.— А. П.)... поддерживал тесный контакт с партией судетских немцев и инструктировал их, с тем чтобы судето-немецкий вопрос оставался актуальным, что могло послужить предлогом для нападения, которое Германия планировала против Чехословакии» («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 442).

¹⁸⁷ Примером такого дипломатического вмешательства может служить деятельность фон Папена на посту германского посла в Австрии («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 523—525).

¹⁸⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 334, 337, 347, 354.

**Заместитель Главного обвинителя от Великобритании
Дэвид Максвелл Файф**

Главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон

Вопрос об определении субъекта этого преступления должен решаться, как уже указывалось, не по раз данной схеме, не по какому-либо табелю о дипломатических рангах, а на основании приведенных выше критериев. Совершенно очевидно, что субъектами ответственности за дипломатическую подготовку войны могут быть не только лица, состоящие на службе в дипломатических ведомствах агрессивного государства. Давно прошли времена исключительной кастовости дипломатической профессии. По мере усложнения внешнеполитических задач дипломатической деятельностью стали заниматься далеко не только профессиональные дипломаты. Так, в гитлеровской Германии такой деятельностью занимались наряду с министрами иностранных дел Нейратом и Риббентропом такие крупные нацисты, как Геринг¹⁸⁹, Розенберг (в качестве руководителя внешнеполитического отдела национал-социалистической партии). Одно время в Германии параллельно с министерством иностранных дел, возглавляемым Нейратом, действовало так называемое Бюро Риббентропа, нечто вроде партийного министерства иностранных дел, причем оно было более активно в осуществлении агрессивной внешней политики, чем официальное министерство иностранных дел.

Поэтому вопрос о субъекте ответственности за дипломатическую подготовку агрессии должен также решаться в зависимости от занимаемого положения и конкретной деятельности того или иного лица. Может ли, например, посол быть субъектом ответственности за подготовку агрессивной войны? И на этот вопрос нельзя ответить односложно. Риббентроп до назначения на пост министра иностранных дел был послом в Англии. Даже находясь в Лондоне, он по-прежнему продолжал возглавлять «Бюро Риббентропа» и плести агрессивные интриги против ряда стран Европы. Хотя он был лишь послом, Гитлер придавал ему столь большое значение, что, когда надо было вести переговоры по заключению агрессивного пакта трех держав, Риббентропа неизменно вызывали из Лондона в Берлин.

Осима был японским послом в Берлине до и во время второй мировой войны. Он был столь же агрессивной фигурой в японской дипломатии. Вот что записано о нем в приговоре Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока: «Веря в успех гитлеровского режима, Осима со времени своего первого назначения в Берлин (на пост военного атташе.— А. П.) прилагал все усилия для того, чтобы осуществить планы японской военщины. Иногда через голову посла он непосредственно вел переговоры с министром иностранных дел Риббентропом в попытке связать Японию

¹⁸⁹ В нюрнбергском приговоре сказано: «...Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру. Он был составителем плана и его главным исполнителем во время военной и дипломатической подготовки к войне, к которой стремилась Германия» («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 436).

с Германией полностью военным союзом. Будучи назначен послом, он продолжал прилагать усилия к тому, чтобы заставить Японию принять договор, который объединял бы Японию, Германию и Италию... В осуществление агрессивной политики военной группировки он неоднократно проводил политику, противоречащую политике министра иностранных дел и игнорировавшую ее»¹⁹⁰. Из этих нескольких фраз вырисовывается образ активного и опасного врага мира. Осима был осужден Трибуналом к пожизненному заключению.

Аналогичной фигурой в японской дипломатии был Сираторы Тосио, посол Японии в Риме¹⁹¹. Большинство послов нацистской Германии и империалистической Японии были активными проводниками агрессивной политики и всей своей деятельностью способствовали подготовке агрессии. Но совершенно очевидно, что это не основание для вывода о том, что после капитуляции Германии и Японии можно было всех послов этих стран считать военными преступниками. Этот вопрос также должен был решаться в зависимости от фактических обстоятельств дела.

Германский дипломат фон дер Шуленбург, тот самый, который несколько лет был послом в Москве, который занимал пост посла как раз в годы самой активной подготовки Германией войны против СССР, был противником этой войны. Разумеется, нет нужды говорить о том, что Шуленбург не был другом Советского Союза. Просто он лучше знал советскую страну, ее военную и экономическую мощь, патриотизм ее народа и, занимая позицию противника войны, прежде всего беспокоился о судьбе империалистической Германии. Так или иначе объективно позиция Шуленбурга принципиально отличается от позиции таких послов, как Риббентроп, Осима, Папен¹⁹².

¹⁹⁰ Приговор Токийского трибунала, стр. 01265.

¹⁹¹ По поводу Тосио в приговоре Токийского трибунала записано: «Когда начались переговоры о союзе между Японией, Германией и Италией, он с сентября 1938 г. был назначен послом в Риме. Во время этих переговоров он сотрудничал с послом в Берлине, подсудимым Осима, оказывая поддержку заговорщикам, которые настаивали на заключении общего военного союза между этими странами. Он зашел так далеко, что отказался выполнить инструкции министра иностранных дел, который хотел только более ограниченного союза. Он и Осима угрожали, что в случае невыполнения желаний заговорщиков они уйдут в отставку» (Приговор Токийского трибунала, стр. 01277—01278).

¹⁹² Материалами Нюрнбергского процесса было установлено, что Шуленбург направлял правдивую информацию о позиции СССР, о его намерении лояльно придерживаться своих обязательств по договору о ненападении («Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 555—556), а когда узнал о намерении Германии напасть на СССР, направил Гитлеру специальный меморандум, предупреждающий его о всей опасности затеваемой авантюры. Не получив никакого ответа на меморандум, Шуленбург в конце апреля 1941 г. специально выехал в Берлин для встречи с Гитлером, которая также ничего не дала. Впоследствии Шуленбург примкнул к заговору против Гитлера и в 1944 г. был расстрелян.

Интересно также дело Вейцеккера, статс-секретаря германского министерства иностранных дел. Вейцеккер был признан виновным и осужден только по одному обвинению — в дипломатической подготовке агрессии против Чехословакии. Дело Вейцеккера, рассмотренное в Военном трибунале США в Нюрнберге, — еще один пример того, что дипломатическая подготовка агрессии сама по себе может быть самостоятельным составом преступления против мира.

Подготовка войны как самостоятельная стадия не исчерпывается изложенными формами. Мы уже говорили о том, что в подготовку современной агрессивной войны втягиваются самые различные органы государственной власти, в том числе министерства. Нюрнбергский приговор отметил это обстоятельство. Так, Рудольф Гесс, будучи имперским министром без портфеля, был признан виновным, в частности, в следующем: «В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они могли войти в силу в качестве утвержденных законов»¹⁹³. Через руки Гесса проходили многочисленные законы, цель которых заключалась в мобилизации всех сил в области экономики и внутренней политики страны для форсирования подготовки агрессии. По аналогичным обвинениям был осужден начальник имперской канцелярии, государственный министр Ламмерс, деятельность которого в области подготовки агрессии тоже сосредоточивалась в административно-правовой области.

Совершенно особую область подготовки агрессии составляет преступная деятельность национал-социалистской партии и гитлеровского государства по ликвидации внутри страны оппозиционных элементов, выступавших против агрессивной политики нацизма. В сущности это была также одна из форм подготовки агрессии, которая, может быть, предшествовала по времени иным формам. Именно поэтому Международный Военный Трибунал, формулируя ответственность некоторых подсудимых, прямо признал такую деятельность подготовкой агрессивной войны. Можно сослаться в качестве примера на формулировку ответственности гитлеровского министра внутренних дел Фрика. В разделе приговора, озаглавленном «Преступление против мира», Трибунал записал: «Фрик, как ярый нацист, ответствен в значительной степени за то, что немецкий народ оказался в полной власти НСДАП... Многочисленные законы, которые он разрабатывал, подписывал и проводил в жизнь, ликвидировали все оппозиционные партии и подготовили почву для того, чтобы гестапо и его концентрационные лагеря могли уничтожать всякое сопротивление со стороны отдельных лиц. Он в значительной степени несет ответственность за законо-

¹⁹³ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 439.

дательство, направленное на подавление профсоюзов, церкви и евреев. Он безжалостно и эффективно осуществлял эту задачу»¹⁹⁴. Аналогично формулируется и обвинение Геринга¹⁹⁵.

Одной из важных форм подготовки агрессии является пропаганда войны. Цель ее — содействовать агрессору в создании необходимой моральной атмосферы для подготавливаемой агрессивной войны; объект — мирные и дружественные отношения народов. Пропаганда войны как форма подготовки агрессии не ограничивается лишь призывом к войне. Учитывая возросшее политическое сознание народов, их глубокое стремление к миру и отвращение к войне, правящие круги империалистических государств понимают, что, для того чтобы заставить народ воевать против другого народа, нужна длительная и упорная пропаганда, распространение всякого рода лживых сообщений с целью сначала возбудить подозрение к народу, намеченному в качестве жертвы агрессии, а потом и ненависть, приписать этому народу и его государству враждебные намерения по отношению к государству-агрессору вплоть до намерения обрушиться войной на это государство. Именно так поступила нацистская пропаганда, к тому же широко используя расовую теорию, стремясь доказать «право» немцев покорять другие народы.

На Нюрнбергском процессе с помощью обширного доказательственного материала было вскрыто огромное значение, которое имела пропаганда как средство подготовки нацистской агрессии. В приговоре по делу Ганса Фриче, руководителя всей германской прессы и радио, ближайшего помощника Геббельса, Трибунал записал: «Перед каждым большим актом агрессии проводилась энергичная пропагандистская кампания»¹⁹⁶.

Как правильно указывается в Особом мнении советского судьи, «распространение провокационных измышлений и систематический обман общественного мнения были необходимы гитлеровскому режиму для осуществления его замыслов в такой же степени, как производство вооружения и разработка военных планов. Без пропаганды, основанной на полном упразднении свободы печати и слова, германский фашизм не смог бы претворить в жизнь планы агрессии»¹⁹⁷.

Не случайно в показаниях на суде, определяя три фактора, обуславливающие возможность успешного ведения войны, Геринг выделял: собственно военные усилия вооруженных сил, экономическую войну и пропаганду. «Пропаганда имеет очень большое значение... — говорил он, — и Германия по опыту это знает лучше, чем кто-либо другой»¹⁹⁸.

¹⁹⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 459.

¹⁹⁵ Там же, стр. 435.

¹⁹⁶ Там же, стр. 506.

¹⁹⁷ Там же, стр. 526.

¹⁹⁸ Там же, стр. 526—527.

К сожалению, Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, вернее, его буржуазное большинство явно неудовлетворительно подошли к решению вопроса об ответственности за пропаганду войны. Наиболее колоритная в этом смысле фигура — Фриче был неосновательно оправдан, против чего советский судья вынужден был протестовать в своем Особом мнении. При обсуждении этого вопроса в Трибунале взяли верх те мотивы, которые как до войны в рамках Лиги Наций, так и после войны в ООН сводились к ханжеским утверждениям, что всякое преследование пропаганды есть посягательство на пресловутые «свободу слова», «свободу печати».

Впрочем, доказательственный материал в этой области был столь убедителен и столь многочислен, что судьи, которые были в принципе настроены против признания пропаганды преступной, временами делали весьма характерные признания в приговоре. Так, заключая мотивировку оправдания Фриче, Трибунал указал, что Фриче «ставил своей целью возбудить у народа стремление оказывать поддержку Гитлеру и германским военным усилиям»¹⁹⁹.

Гитлеровская программа агрессии в значительной мере формулировалась лозунгами преступного расизма. Поэтому особое значение приобретала расистская пропаганда, стремление оправдать в глазах немецкого народа преступные войны, поскольку они имели целью уничтожение так называемых неарийских народов. Трибунал записал в приговоре по делу Штрейхера: «Уже в 1938 г. он начал призывать к уничтожению еврейской расы. В качестве доказательства были представлены 23 статьи из газеты „Дер штюрмер“ за период с 1938 по 1941 г., в которых проповедовалась доктрина уничтожения и содержались призывы „вырвать с корнем“ еврейскую расу»²⁰⁰. По делу Шираха, руководителя организации гитлеровской молодежи, Трибунал в разделе «Преступления против мира» записал: «„Гитлеровская молодежь“ уделяла особенно большое внимание воспитанию боевого духа, ее программа военного обучения подчеркивала важность возвращения колоний, необходимость „жизненного пространства“...»²⁰¹

Но в первом случае со Штрейхером Трибунал поместил это обвинение в разделе «Преступления против человечности», тем самым показывая, что эта пропаганда не имеет отношения к преступлениям против мира (Штрейхер оправдан по обвинению в заговоре против мира). Во втором случае, поместив в приговоре приведенное выше утверждение, Трибунал оправдал Шираха по обвинению в преступлениях против мира.

Таким образом, с одной стороны, на Нюрнбергском процессе при помощи огромной массы документов и свидетельских показаний была раскрыта огромная опасность пропаганды как одного

¹⁹⁹ Там же, стр. 508.

²⁰⁰ Там же, стр. 463.

²⁰¹ Там же, стр. 483.

из средств подготовки агрессии, а с другой — в приговоре Трибунала была проявлена недооценка опасности такой преступной деятельности.

Определить субъект ответственности за пропаганду войны значительно проще, чем определить субъекты других форм подготовки агрессии. В этом смысле следует согласиться с мнением колумбийского юриста Переса, считающего, что ответственность за пропаганду войны должны нести все прибегающие к такой пропаганде. Он не устанавливает никаких изъятий из этого принципа, считая необходимым подвергать тюремному заключению всех виновных в совершении этого преступления. В качестве квалифицирующего обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, он указывает на «высокое должностное положение преступника, влияние, которое он может оказывать на общественное мнение»²⁰².

Что касается такой стадии агрессии, как развязывание войны, то она весьма редко может иметь самостоятельное значение: это действие тесно связано и практически немыслимо без подготовки или ведения агрессивной войны. Не случайно международные трибуналы в Нюрнберге и Токио, формулируя виновность каждого из подсудимых в агрессии, указывают на их участие в «планировании», «подготовке» или «ведении» войны, но ни разу не инкриминируют «развязывание войны», которое является лишь результатом планирования и подготовки.

На Нюрнбергском процессе высказывалось мнение, что под развязывание войны могут подойти специально провоцируемые инциденты, которые служат поводом для начала войны, например инцидент в Глейвице, ибо именно там прозвучали первые залпы второй мировой войны. Но ведь этому, как и другим подобным инцидентам, предшествовала определенная подготовка, и, таким образом, сам инцидент есть результат этой общей подготовки агрессивной войны.

Остается рассмотреть последнюю из четырех стадий агрессии, а именно ведение агрессивной войны. На первый взгляд кажущаяся наиболее простой из всех четырех стадий, она и в теории и в судебной практике вызвала наибольшие трудности. Критики нюрнбергского приговора в сущности выставили один довод против того, чтобы считать ведение войны самостоятельным составом преступления против мира. При отсутствии в Уставах международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио более точных определений понятия отдельных стадий агрессивной войны этот довод на первый взгляд представляется убедительным. В наиболее простой форме он выражен Могемом: «Если простое ведение войны должно рассматриваться Трибуналом как преступление, то

²⁰² Цит. по статье Г. И. Морозова «К вопросу об ответственности за пропаганду войны» («Советский ежегодник международного права, 1959». Изд-во АН СССР, 1960, стр. 322).

совершенно очевидно, что половина германского мужского населения является преступной»²⁰³. Могем пишет, что этот состав преступления сформулирован настолько неопределенно, что при применении его достаточно малейшего судебного предубеждения, чтобы смешать в одну кучу виновных и невиновных²⁰⁴.

Постараемся разобраться в этом сложном понятии и увидеть, насколько основательно опасение Могема, кстати говоря, вообще выступающего против нюрнбергского приговора и нюрнбергских принципов. По поводу этого определения возникла полемика и на Нюрнбергском процессе. И Трибунал не уходил от возникавшего спора, давая возможность сторонам представлять свою интерпретацию этого понятия. Вот почему председательствующий на процессе лорд Лоуренс обратился однажды к адвокату со следующими словами: «Председатель: Вам следовало бы, когда это Вам будет удобно, доктор Флекснер, рассмотреть вопрос о значении слов „ведение агрессивной войны“ в п. „а“ ст. 6 Устава. Я не хочу прерывать Вашу речь и просить Вас сделать это в данный момент, но Трибунал хотел бы, чтобы в удобное для Вас время Вы изложили свое толкование этих слов»²⁰⁵.

Проанализировав материалы Нюрнбергского и Токийского процессов, мы можем прийти к определенным выводам в этом вопросе.

Прежде всего речь идет о различных формах участия в ведении войны, с объективной стороны — о различных формах способствования ведению агрессивной войны. Поэтому нельзя ограничивать субъект этого преступления лишь лицами, находящимися в составе вооруженных сил государства-агрессора. Анализ приговоров международных трибуналов показывает, что под категорию лиц, которые могут быть признаны виновными в ведении агрессивной войны, подпадают и военные в соответствующем ранге и положении, и чиновники дипломатического ведомства, и лица из состава оккупационных властей, и организаторы и руководители военной промышленности, которые всей своей деятельностью способствовали ведению агрессивной войны.

Рассмотрим отдельные категории субъектов этого преступления. Начнем с военных.

На Нюрнбергском и Токийском процессах по обвинению в ведении агрессивной войны осужден ряд крупных руководителей вооруженных сил Германии и Японии. Но большинство осуждено одновременно за планирование и подготовку агрессивной войны. Опять возникает вопрос: может ли ведение войны составлять самостоятельный состав преступления при условии, что в отношении конкретного подсудимого установлено, что он не имел ничего общего с самим заговором против мира, с планированием,

²⁰³ F. H. M a u g h a m. Op. cit., p. 30.

²⁰⁴ Там же, стр. 47.

²⁰⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 33, стр. 16430.

подготовкой и развязыванием войны и виноват лишь в том, что на определенном этапе участвовал в определенном качестве в ведении агрессивной войны?

Практика международных трибуналов отвечает на этот вопрос положительно. Убедительный пример в этом отношении — дело бывшего главнокомандующего германским военно-морским флотом гросс-адмирала Деница. Дениц до войны занимал такой пост в военно-морских силах, который не позволял ему стать активным заговорщиком в гитлеровской клике. Трибунал указал, что он не был участником различных совещаний, где формулировались цели и планы подготовляемых войн, и поэтому не может быть причислен к тем, кто должен нести ответственность за подготовку агрессии. Трибунал установил лишь одно: Дениц в течение всех лет войны, будучи командующим сначала подводным флотом, а затем — всем военно-морским флотом, активно участвовал в ведении агрессивной войны на море.

Конечно, в этих условиях суд должен был установить, признавал ли Дениц, что он участвует в ведении агрессивной войны, и позволял ли занимаемый им пост существенно влиять на ход ведения этой войны. На оба эти вопроса Трибунал на основании конкретных материалов ответил положительно.

Допустимы случаи, когда Трибунал может признать, что то или иное лицо участвовало в ведении войны, но не знало о ее агрессивном характере. Так было, например, с японским генералом Мацуи — подсудимым на Токийском процессе. В приговоре о нем сказано: «Мацуи был старшим офицером Японской армии и в 1937 г. стал генералом. Он имел большой военный опыт, включая службу в Квантунской армии и в Генеральном штабе.

Нельзя рассматривать его военную службу в Китае в 1937—1938 гг. как ведение агрессивной войны. Для того чтобы обосновать осуждение его по пункту 27, обвинение должно было бы представить доказательства в обоснование вывода о том, что он знал о преступном характере этой войны. Это не было сделано»²⁰⁶.

Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока в этом смысле оказался в положении более тяжелом, чем Нюрнбергский трибунал, ибо ему приходилось рассматривать более длительный период ведения Японией агрессивных войн. Определяя виновность в ведении войны, Трибунал должен был конкретно разбираться, обладал ли тот или другой подсудимый генерал достаточной властью в каждой данной войне, чтобы оказывать влияние на ведение войны. Так, по делу генерала Муто Трибунал записал в приговоре:

«В октябре 1944 г. Муто был назначен начальником штаба генерала Ямасита на Филиппинских островах. Он занимал этот

²⁰⁶ Приговор Токийского трибунала, стр. 01256.

пост до капитуляции. В то время его положение значительно отличалось от того, которое он занимал во время так называемой панкинской резни, когда он был в состоянии оказывать влияние на политику»²⁰⁷.

Аналогичная формула содержится и по делу подсудимого Сато: «В 1937 г. Сато, будучи сотрудником Бюро военных дел, получил звание подполковника. В феврале 1941 г. он был назначен начальником отдела в Бюро военных дел». А далее Трибунал приходит к выводу: «Только после 1941 г. Сато занял пост, который позволял ему оказывать влияние на формулирование политики ведения войны»²⁰⁸.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что международные трибуналы были далеки от механического подхода к определению субъектов ответственности за участие в ведении агрессивной войны.

На Нюрнбергском процессе было определено, что к таким субъектам среди военных относятся лица, занимающие посты не менее командующего армией (обербефельсхабер). Трибуналу в связи с рассмотрением дела о преступных организациях, в частности генерального штаба, был предъявлен список таких лиц — 131 человек. Уже само по себе это число ярко свидетельствует о неосновательности опасений, что установление ответственности за «ведение агрессивной войны» может открыть шлюз для массовых репрессий. Правда, этот список не лишает возможности привлекать к ответственности других лиц, не занимавших такого положения. Разница, однако, состоит в том, что любое лицо — от командующего армией и выше — может быть привлечено к ответственности за один факт участия в ведении войны, в то время как иные, не достигшие такого командного положения лица могут быть привлечены к ответственности не за участие в ведении войны, а только за совершение военных преступлений в ходе войны.

Разумеется, ни один заранее установленный должностной критерий не может быть непререкаемым. Жизнь может подсказать необходимость определенных коррективов. Кстати говоря, сам Международный Военный Трибунал считал необходимым сделать такое исключение для Деница. До 1943 г. Дениц не занимал поста обербефельсхабера, а Трибунал считал, что Дениц должен быть признан виновным в ведении агрессивной войны с первого дня войны. «Правильно,— указывает Трибунал в приговоре,— что до его назначения в январе 1943 г. главнокомандующим он не был командующим (обербефельсхабером). Однако такого рода утверждение недооценивает значения поста, который занимал Дениц. Он не был просто командующим армией или командиром дивизии. Подводный флот был важнейшей частью германского флота,

²⁰⁷ Приговор Токкийского трибунала, стр. 01262.

²⁰⁸ Там же, стр. 01268.

а Дениц был его руководителем... Основной ущерб противнику был нанесен почти исключительно подводными лодками Деница...»²⁰⁹

Такие и подобные им модификации устанавливаемых критериев возможны в отношении тех стран, где милитаризм составляет сердцевину государственного механизма. В некоторых случаях Международный Трибунал для Дальнего Востока так и не мог установить, действовали ли японские генералы, развязывая военные конфликты и военные действия, всегда по указанию своего правительства или генерального штаба или по своей инициативе. Так, по поводу событий на Холхин-Голе в приговоре Трибунала было записано:

«Несомненно, что подготовка к конфликту проводилась Квантунской армией, но не было представлено никаких доказательств, которые дали бы нам основание сказать, санкционировал ли генеральный штаб или правительство начало этих военных действий, и самое большое, что может сказать Трибунал, сводится к тому, что мало вероятно, что военные действия такого широкого масштаба могли проводиться без ведома по крайней мере японского генерального штаба и военного министерства. Вскоре после начала конфликта Итагаки, бывший тогда военным министром, сообщил об этом премьер-министру Хиранума. Хиранума, как он заявил в своих показаниях, потребовал, чтобы Итагаки приостановил военные действия, но „не мог давать приказа“, ибо военные круги придерживались другого мнения»²¹⁰.

Подобная агрессивная «автономия» японской военщины требует особого, но каждый раз конкретного подхода к оценке роли того или иного милитариста в ведении агрессивной войны.

Выше уже говорилось о той роли, которую может играть — и в действительности играла — дипломатическая служба нацистской Германии и империалистической Японии в подготовке агрессивной войны. Опыт второй мировой войны показывает, что дипломатия агрессивных государств активно вторгается и в стадию ведения агрессивной войны. Судебные процессы в Нюрнберге и Токио раскрыли многообразие таких видов участия дипломатии в ведении агрессивной войны. В самой общей форме деятельность дипломатии сводится к тому, чтобы создать наиболее благоприятные внешнеполитические условия для ведения войны. Нюрнбергский приговор отмечает такую деятельность Риббентропа, заключавшуюся в попытках расширить во время войны состав участников Антикоминтерновского пакта²¹¹, привлечь новых союзников для ведущихся войн²¹², в организации шпионажа через дипломатические каналы для снабжения разведывательных органов своих

²⁰⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 473.

²¹⁰ Приговор Токийского трибунала, стр. 00892.

²¹¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 443.

²¹² Там же.

вооруженных сил информацией²¹³. Международный Трибунал для Дальнего Востока признал виновными в ведении войны крупных японских дипломатов, таких, как Хирота и Сигемицу²¹⁴.

При определении объекта и субъекта ведения агрессивной войны возникают и некоторые более сложные вопросы. Мы уже говорили о том, сколь широко втягиваются различные органы власти агрессивного государства в процесс подготовки войны. Аналогично положение и в ходе ведения агрессивной войны.

В заключение остановимся на вопросе о том, следует ли рассматривать преступления, совершенные агрессором на оккупированной территории, лишь как военные преступления, или они могут одновременно рассматриваться как преступления против мира, и в частности как элемент ведения агрессивной войны. Приведенные выше документы Нюрнбергского процесса свидетельствуют именно о двуединой задаче нацистского оккупационного режима.

Во-первых, он служит орудием достижения преступных целей войны (массового уничтожения населения, повсеместного ограбления, колонизации захватываемой территории) и в этом своем качестве представляет собой цепь чудовищных военных преступлений. Во-вторых, он имеет своей целью содействовать успешному ведению агрессором войны. Этому способствовали многочисленные приказы о подавлении партизанского движения на захватываемых территориях, о ликвидации всевозможных очагов сопротивления агрессору, различные террористические меры, для того чтобы удерживать в повиновении население оккупированной территории и таким образом обеспечивать существование «умиротворенного» тыла, и т. д.

Повсеместное ограбление, принудительный вывоз населения оккупированных территорий в сущности представляют собой идеальную совокупность международных преступлений. С одной стороны, повсеместное ограбление преследовало цель обогащения агрессора, создания колониального режима и режима голода, в условиях которого можно достичь главной цели агрессии — биологического ослабления целых народов, а то и полного их уничтожения. В этом смысле мы имеем дело с не знающими исторических прецедентов военными преступлениями. С другой стороны, этими же действиями обеспечивается старый агрессивный принцип «война кормит войну», обеспечивается снабжение армии и всего государства-агрессора, без чего немислимо ведение войны.

Массовый угон мирного населения, рабский изнуряющий труд был одним из средств массового уничтожения народов захватываемых стран. («Мысль о том, чтобы уничтожить путем непосиль-

²¹³ См. приговор Токийского трибунала, стр. 00878. Риббентроп организовал сотрудничество с японскими дипломатическими органами и при помощи их получал разведывательные данные в отношении СССР от «нейтральной» Японии.

²¹⁴ Приговор Токийского трибунала, стр. 01270, 01271.

ного труда,— лучшая мысль»,— сказал Геббельс в беседе с министром юстиции Тираком.) В то же время принудительный труд миллионов людей в Германии имел и более близкую, более непосредственную задачу — поддержку военных усилий агрессора, без чего в условиях тотальной мобилизации в Германии и необходимости каждый раз обеспечивать замену немецких рабочих иностранными немислимо было ведение агрессивной войны. В этом смысле деятельность по принудительному набору рабочей силы на оккупированных территориях была не только военным преступлением, но и формой соучастия в ведении агрессивной войны, а следовательно, преступлением против мира.

Эта особенность военных преступлений нашла свое отражение в нюрнбергском приговоре. Министр внутренних дел нацистской Германии Фрик, находясь в Берлине и на месте не осуществляя оккупационной политики, участвовал в разработке принципов этой политики, в учреждении на оккупированных территориях германской администрации, назначении германских чиновников на оккупированные территории для осуществления деятельности, которая способствовала ведению войны. И Трибунал, подчеркивая связь между действиями Фрика и ведением войны, поместил обвинение его в разделе приговора «Преступления против мира»²¹⁵. Еще более четко мысль о тесной связи некоторых форм оккупационной политики с ведением агрессивной войны выражена Международным Военным Трибуналом в формулировке обвинения Зейсс-Инкварта.

«12 октября 1939 г.,— говорится в приговоре,— Зейсс-Инкварт был назначен заместителем генерал-губернатора в польском генерал-губернаторстве и поставлен в непосредственное подчинение Франку. 18 мая 1940 г. Зейсс-Инкварт был назначен имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам. Занимая эти посты, он нес ответственность за управление территорией, которая была оккупирована в результате агрессивных войн и управление которой имело первостепенное значение для успеха агрессивных войн, которые вела в то время Германия»²¹⁶.

Аналогичная формулировка содержится и в обвинении Розенберга. «Розенберг,— говорится в приговоре,— несет главную ответственность за создание и проведение в жизнь оккупационной политики на оккупированных восточных территориях». И эта обобщающая формула помещена именно в разделе «Преступления против мира»²¹⁷.

Что Трибунал именно так понимал цели программы каторжного труда, видно из следующего его указания в разделе приговора «Политика рабского труда»: «...немецким оккупационным

²¹⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 460.

²¹⁶ Там же, стр. 496.

²¹⁷ Там же, стр. 453.

властям удалось заставить большую часть населения оккупированных территорий помогать военным усилиям Германии...»²¹⁸

«Идеальная совокупность преступлений, — пишет А. А. Понтоковский, — имеет место в том случае, когда в результате одного действия лицо совершает два или более разнородных преступления»²¹⁹. Именно так обстоит дело с организацией принудительного труда на оккупированных территориях. Действие одно — принудительный угон мирного населения в Германию для рабского труда. А преступления два: преступление против мира в форме незаконного использования рабского труда для ведения агрессивной войны и массовое уничтожение людей путем непосильного каторжного труда, что было также прямой целью системы принудительного труда.

Тем не менее Международный Трибунал, признав в полной мере Заукеля — генерального уполномоченного по использованию рабочей силы — виновным в этом двуедином преступлении, оправдал его в обвинении в преступлениях против мира²²⁰, ограничив его ответственность лишь военными преступлениями. Аналогичный дефект имеется в юридической квалификации по делу Франка — генерал-губернатора оккупированной гитлеровцами Польши²²¹.

Таким образом, Трибунал непоследовательно проводил эту связь между оккупационной политикой и ведением агрессивной войны. В связи с этим представляет значительный интерес вопрос об ответственности германского министра вооружений Альберта Шпеера. Вряд ли стоило бы останавливаться на судьбе этого гитлеровца, на квалификации его действий, если бы этот вопрос не приобрел принципиального юридического значения. Шпеер был осужден за совершение военных преступлений, главным образом за варварское обращение с насильственно угнанными рабочими. Он занимал пост имперского министра вооружений и военной промышленности, под его руководством действовала вся военная промышленность Германии. Ясно, что всей своей деятельностью в масштабе Германии Шпеер больше, чем кто-либо другой, способствовал ведению агрессивных войн. Его адвокат Флекснер, пытаясь подвести юридическую базу для оправдания Шпеера в преступлениях против мира, говорил: «Когда подсудимый занял пост министра вооружений, германская империя находилась уже в состоянии войны со всеми государствами, перед которыми она капитулировала в мае 1945 г. Следовательно, когда подсудимый занял свой пост в правительстве, обстоятельства,

²¹⁸ Там же, стр. 392.

²¹⁹ А. А. Понтоковский. Указ. соч., стр. 617. См. также Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступлений по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1955, стр. 163; А. М. Яковлев. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1960, стр. 56.

²²⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 485.

²²¹ Там же, стр. 456—459.

упомянутые в п. „а“ ст. 6 Устава, имелись уже налицо и деятельность подсудимого Шпеера не внесла ни малейшего изменения в фактически существовавшее положение»²²².

В сущности эту мотивировку воспринял и приговор Трибунала в отношении Шпеера, оправдавший его в преступлениях против мира. Приговор в этой части был широко использован на последующих судебных процессах в Нюрнберге, особенно против руководителей германских монополий, ибо интерпретировался как яркое свидетельство невинности монополистов. Если Международный Трибунал, рассуждали адвокаты на процессах монополий, нашел невинным человека, руководившего всей промышленностью вооружений и таким путем внесшего большой вклад в военные усилия по ведению войны, то как можно после этого судить отдельного промышленника, чей вклад в ведение войны был, конечно, неизмеримо меньше²²³.

Мы уже видели, что Международный Трибунал не ограничивает понятия «ведение агрессивной войны» лишь деятельностью на фронтах, деятельностью лишь тех, кто командует на полях сражения. Трибунал сам в приговоре называет субъектами этого преступления министра внутренних дел Фрика, министра по делам восточных оккупированных территорий Розенберга, крупного чиновника оккупационной администрации Зейсс-Инкварта. Может быть, деятельность министра вооружений и военной промышленности принципиально отличалась от деятельности этих лиц? Если и отличалась, то только тем, что была целиком сосредоточена на обеспечении всем необходимым военного механизма гитлеровской агрессии.

Если Дениц был признан виновным в использовании на поле боя лишь одного вида оружия, поставлявшегося ему тем же Шпеером (морские корабли), то Шпеер как человек, который на протяжении войны обеспечивал все рода войск всем оружием, тем более должен был быть признан виновным в ведении агрессивной войны. Кроме того, нужно учесть, что своих результатов по обеспечению агрессивных вооруженных сил он достигал, в частности, с помощью таких незаконных средств, как использование принудительного труда, труда военнопленных на военных предприятиях.

Нет сомнения в том, что руководители монополий, зная об агрессивном характере гитлеровских войн, должны были отвечать за содействие в ведении этих войн. Не может быть сомнения и в том, что Шпеер как главный государственный координатор деятельности монополий также подлежал ответственности за соучастие в ведении войны. Сам Трибунал в приговоре подчеркивает особую роль Шпеера в военных усилиях гитлеровской Гер-

²²² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 33, стр. 16428.

²²³ Подробнее об этом см. гл. IV.

мании во время войны: «В качестве имперского министра вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по вооружению в системе четырехлетнего плана Шпеер пользовался широкими полномочиями в области контроля над производством. Первоначально его полномочия охватывали строительство и производство вооружения для ОКХ. Затем его полномочия были постепенно расширены таким образом, что они стали включать морское вооружение, продукцию гражданской промышленности... вооружение для ВВС»²²⁴.

Утверждение Трибунала о том, что Шпеер «возглавил промышленность вооружения уже много позже того, как войны были начаты и велись», не меняет положения. Шпеера не обвиняли в участии в планировании, подготовке и развязывании агрессивных войн, его обвиняли лишь в ведении войны. Но, между прочим, Дениц также не участвовал в планировании, подготовке и развязывании войны и достиг служебного положения, дававшего ему возможность влиять на политику, во время войны, уже после того как она была развязана. Именно поэтому Трибунал и признал его виновным в ведении агрессивной войны, т. е. сделал то, что соответствовало фактам и от чего он безмотивно отказался в отношении Шпеера.

Теперь понятно, почему было необходимо столь подробное изложение дела Шпеера. Когда мы подойдем к рассмотрению вопроса об уголовной ответственности руководителей германских монополий за преступления против мира, то убедимся, что все они были незаконно оправданы по этому обвинению и аргументом для этого было непризнание Шпеера виновным в ведении войны. Этот факт стал, наряду с оправданием Шахта, как бы судебным прецедентом. Может быть именно поэтому, бросив ретроспективный взгляд на это дело, следует признать, что инцидент со Шпеером должен был быть оговорен в Особом мнении советского судьи, как это было сделано при оправдании Шахта.

В целом же следует признать, что международные военные трибуналы в Нюрнберге и Токио правильно, исторически и юридически справедливо разрешили вопрос об ответственности германских и японских главных военных преступников второй мировой войны за преступление против мира, в том числе применительно к отдельным стадиям этого преступления.

4. Агрессивная война и агрессивный акт

Агрессия гитлеровского государства получила на Нюрнбергском процессе в целом правильную юридическую квалификацию. Ни в одном случае защите не удалось убедить Трибунал в необоснованности предъявляемых обвинений в отношении агрессии про-

²²⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 499.

тив ряда стран Европы. И тем не менее обращает на себя внимание некоторая терминологическая пестрота в характеристике политики гитлеровской Германии.

В отношении Чехословакии Трибунал применяет термин «захват»²²⁵, в отношении Австрии — «захват» и «вторжение», в отношении Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга — «вторжение», в отношении Польши, Югославии и Греции — «агрессия» и, наконец, в отношении СССР и США — «агрессивная война».

Но изучение текста приговора показывает, что во всех случаях, кроме случая с Австрией и Чехословакией, Международный Военный Трибунал квалифицировал нападение Германии как агрессивную войну. Что же касается Австрии и Чехословакии, то нападение на эти страны приговором не квалифицируется как «акт агрессии», «агрессивный акт»²²⁶. При этом Трибунал в некоторых местах приговора подчеркивает, что он не ставит знака равенства между агрессивной войной и агрессивным актом. Так, при формулировке ответственности Кальтенбруннера указывается в приговоре: «Аншлюс, хотя он и был актом агрессии, не инкриминируется как агрессивная война...»²²⁷ В другом месте говорится в отношении Шахта: «Его участие в оккупации Австрии и Судетской области (ни одно из этих действий не вменяется в вину как агрессивная война)...»²²⁸ И далее: «Первым актом агрессии, который инкриминируется подсудимым согласно обвинительному заключению, является захват Австрии и Чехословакии, а первая агрессивная война... это война против Польши...»²²⁹

Основной признак, отличающий агрессивную войну от агрессивного акта, Трибунал видел в том, что в первом случае агрессия осуществляется с применением вооруженных сил, а во втором — без их применения.

Как отмечается в меморандуме генерального секретаря ООН, «вполне вероятно, что Трибунал, решив не признавать захват Австрии и Чехословакии агрессивной войной, оказался под влиянием того факта, что правительства этих стран дали, можно сказать, в некотором роде формальное согласие (на оккупацию. — А. П.), что в действительности было воспринято другими странами как совершившийся факт»²³⁰.

Однако такая интерпретация не находит основания ни в материалах Нюрнбергского процесса, ни в самом приговоре. Автор этой интерпретации прав лишь в том смысле, что западные дер-

²²⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 333, 336.

²²⁶ Там же, стр. 327, 333.

²²⁷ Там же, стр. 449—450.

²²⁸ Там же, стр. 472.

²²⁹ Там же, стр. 327.

²³⁰ «The Charter and Judgement of the Nuremberg Tribunal History and Analysis». N. Y., 1949, p. 48.

жавы, включая США, в 30-е годы активно проводили политику умиротворения гитлеровских агрессоров, стремились путем предательства интересов народов Австрии и Чехословакии направить агрессию нацистов на Восток — против Советского Союза. Поэтому будет лишь полуправдой сказать, что эти державы встретили захват Германией Австрии и Чехословакии как «совершившийся факт». Запад сознательно санкционировал этот захват и даже, более того, оказал давление на эти страны, с тем чтобы побудить их не оказывать сопротивления гитлеровским агрессорам²³¹.

По существу же юридический анализ материалов обвинения, представленных на Нюрнбергском процессе, показывает, что у Международного Военного Трибунала не было оснований квалифицировать аннексию Австрии и Чехословакии иначе, как агрессивную войну.

Мы останавливаемся подробно на этом, казалось бы, терминологическом споре («агрессивный акт», «агрессивная война») потому, что за этим различием скрываются два важных обстоятельства: 1) признание захвата Австрии и Чехословакии агрессивным актом, а не агрессивной войной прямо повлияло на степень ответственности ряда подсудимых на Нюрнбергском процессе; 2) такое признание как бы снижает ответственность агрессора в том случае, если агрессию удастся осуществить без применения вооруженной силы.

Гитлеровская Германия имела и с Австрией, как и с другими странами, на которые она напала, договор, признававший полный австрийский суверенитет. Статья 2 германо-австрийского договора от 11 июля 1936 г. декларировала: «Каждое из двух правительств рассматривает внутренний политический порядок (в том числе вопрос об австрийском национал-социализме), существующий в другой стране, как внутреннее дело этой другой страны, на который оно не будет оказывать ни прямого, ни косвенного влияния»²³².

Однако, как это установлено Трибуналом, гитлеровская Германия уже задолго до аншлюса вела тщательную подготовку к нападению на Австрию. Для этого Германия активизировала деятельность своей агентуры в лице австрийских национал-социалистов, по существу руководила этой деятельностью, что вело к внутренним беспорядкам, к попыткам парализовать государственную власть в стране. Одновременно германский генеральный штаб, у которого был разработан конкретный военный план захвата Австрии, начал концентрацию сил вермахта на австрийских границах. Как отмечается в приговоре, германское правительство, вызвав к себе австрийского канцлера Шушница, оказало на него

²³¹ Подробнее об этом см. А. И. Полторака. Указ. соч., стр. 27—93.

²³² «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 334.

прямое военное давление, угрожая немедленным вторжением германских войск, если австрийское правительство будет сопротивляться «мирному» аншлюсу. Был предпринят и ряд других мер по оказанию военного и политического давления; германские агенты в Вене добились устранения австрийского правительства (с последующим его арестом), назначения нового правительства из числа национал-социалистов. Кульминационным моментом был ввод германских войск в страну 12 марта 1938 г.

Еще характернее картина захвата Чехословакии. История этого захвата широко известна. Поэтому необходимо лишь обратить внимание на следующие обстоятельства, которые имеют значение для рассматриваемого вопроса и которые фигурируют в нюрнбергском приговоре.

1. Агрессивная война против Чехословакии была заранее запланирована гитлеровским правительством и германским командованием. На секретном совещании 5 ноября 1937 г. гитлеровская клика приняла решение о нападении на Австрию и Чехословакию и о захвате их ²³³.

2. Для подготовки нападения и осуществления агрессии германским командованием был составлен «План Грюн» («Зеленый план»). В директиве, разработанной в соответствии с этим планом, Гитлер говорил: «Я принял окончательное решение разбить Чехословакию путем военных действий в ближайшем будущем» ²³⁴. 28 мая 1938 г. Гитлер приказал сделать приготовления для начала военных действий против Чехословакии, причем был точно определен день начала агрессивной войны — 2 октября 1938 г. В июне 1938 г. — налицо тщательно разработанный план использования СД в Чехословакии.

31 августа 1938 г. Гитлер утвердил меморандум Йодля о времени издания приказа о вторжении в Чехословакию. Этот меморандум содержал следующее: «„Зеленый план“ будет приведен в действие при помощи инцидента в Чехословакии, который даст Германии повод для военной интервенции» ²³⁵.

Можно было бы привести и некоторые другие доказательства преднамеренного планирования вооруженного нападения гитлеровской Германии на Чехословакию, но уже и приведенных достаточно для того, чтобы заключить, что со стороны Германии были проведены все необходимые подготовительные мероприятия для осуществления агрессии. Гитлеровская клика сделала все, чтобы

²³³ На этом совещании Гитлер заявил: «Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первоочередной задачей... является завоевать Чехословакию и Австрию одним ударом... Аннексия этих двух государств Германией в военном и политическом отношении даст нам значительное облегчение благодаря тому, что мы получим более короткие и более удобные границы, освободив войска для других целей...» («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 332).

²³⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 261.

²³⁵ Там же, т. 7, стр. 338.

реализовать тщательно разработанный «План Грюн». Жертва агрессии стремилась оказать сопротивление готовившемуся нападению, но группа пособников третьей империи в решающий момент оказала поддержку агрессору и давление на жертву, вынудив ее принять условия капитуляции.

Вслед за Мюнхенским соглашением, по которому у Чехословакии была отторгнута Судетская область, последовала ликвидация остальной части Чехословакии. И в этом случае были применены методы агрессора. Вот как Трибунал описывает переговоры гитлеровской клики с чехословацким президентом Гаха: «Он (Гаха.— А. П.) был поставлен в известность, что германские войска уже получили приказ выступить и что любое сопротивление будет сломлено физической силой. Подсудимый Геринг добавил к этому угрозу полностью уничтожить Прагу с воздуха. Поставленные перед этой страшной альтернативой, Гаха и его министр иностранных дел в 4 час. 30 мин. утра подписали соглашение, которое от них требовали»²³⁶.

Меняется ли что-нибудь в квалификации действий агрессора только потому, что жертву в последний момент вынудили капитулировать без сопротивления?

Преступные намерения Германии были установлены Трибуналом, были установлены конкретные подготовительные действия к совершению агрессии. Наконец, что самое важное, агрессия была совершена — дотоле независимая страна подверглась вооруженному нападению, оккупации, ее независимость была ликвидирована и она в значительной мере стала частью территории государства-агрессора.

Что же касается так называемого согласия потерпевшего, о чем особенно любит распространяться Книрим (да и не только он), то здесь можно лишь сказать, что общеизвестные и общепризнанные положения уголовного права в числе других условий, делающих такое согласие обстоятельством, исключающим ответственность, требуют, чтобы согласие относилось к посягательствам только на те права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении лица, давшего согласие на их нарушение, и было действительным. Ни один государственный деятель никогда не располагает полномочиями на отказ от свободы и независимости представляемого государства, в чем, собственно, состоял смысл указанных выше договоров. Одним из признаков действительности согласия является то, что оно должно быть выражено добровольно, а не вынуждено путем обмана либо физического или психического насилия²³⁷. Это же согласие было исторгнуто с применением самого грубого насилия как физического, так и психического.

²³⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 340.

²³⁷ Подробнее см. А. А. Поповтковский. Указ. соч., стр. 474.

Международный Военный Трибунал в данном случае допустил неосновательное отклонение при юридической квалификации гитлеровской агрессии против Австрии и Чехословакии.

Природа агрессии не меняется от того, что в том или ином случае агрессору удастся добиться своих преступных агрессивных целей без применения вооруженной силы. В этом смысле уместно напомнить следующее: 22 августа 1938 г. германский посол в СССР Шуленбург по указанию Риббентрона нанес визит наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову. Шуленбург заявил, что «Германия вторгнется в Чехословакию лишь в случае какой-либо провокации со стороны чехов». Отлично сознавая цель подобного заявления, М. М. Литвинов парировал: «Провокация со стороны чехов — вещь немыслимая, и в любом могущем возникнуть конфликте немцы, несомненно, явятся агрессором». Обнажая действительные цели германских агрессоров, М. М. Литвинов продолжал: «Вы хотите уничтожить Чехословакию, вы хотите завоевать эту страну. Естественно, вы предпочитаете достичь своей цели мирными средствами. Война — это всегда риск. Всякий попытался бы избежать войны, если бы он мог добиться своей цели без нее»²³⁸.

Ясно, Германия, в условиях еще не завершенных приготовлений к большой войне, предпочла при помощи мюнхенских кругов на Западе осуществить агрессию без войны. Но природа действий гитлеровской Германии осталась неизменной — агрессивной. Агрессия была совершена — обе страны, Австрия и Чехословакия, перестали существовать, и в обе страны были введены войска агрессора. Поэтому вывод Трибунала о том, что захват Австрии и Чехословакии не должен инкриминироваться как агрессивная война и что ни одно из этих действий «не вменяется в вину как агрессивная война»²³⁹, представляется нам неосновательным с позиций как анализа фактического материала, которым располагал Трибунал, так и общепризнанных положений уголовного права.

Да и сам Международный Трибунал признал наличие войны между Германией, с одной стороны, и Австрией и Чехословакией — с другой.

В своем приговоре он указал: «...Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала, как это определяется ст. 6 Устава». И далее — в отношении Чехословакии: «Оккупацию Богемии и Моравии поэтому следует рассматривать как военную оккупацию, предусмотренную правилами ведения войны»²⁴⁰.

²³⁸ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». Third series, v. II. London, 1949, p. 140—141.

²³⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 472.

²⁴⁰ Там же, стр. 483, 504.

Неправильный взгляд и юридическая оценка заключаются в том, что в данном случае Трибунал ограничительно толковал агрессию, считая ее лишь первым шагом на пути реализации большой программы агрессии. По поводу Австрии, например, Трибунал писал: «Вторжение в Австрию явилось преднамеренным агрессивным актом с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран»²⁴¹. Это, конечно, правильно, как правильно и то, что последующее нападение на Польшу должно было содействовать осуществлению агрессии против СССР, как нападение на Бельгию и Люксембург имело своей целью облегчение реализации агрессивного плана против Франции, а нападение на СССР и успешное осуществление агрессии против Советского Союза должно было способствовать дальнейшим планам продвижения на юго-восток, включая Индию, как это было установлено в одном из документов, представленных Трибуналу. И тем не менее агрессия против Австрии и Чехословакии имела и свои самостоятельные цели — ликвидацию национального суверенитета этих стран, захват и аннексию их территорий.

5. Нюрнбергский приговор и доктрина превентивной войны

Международный Военный Трибунал, постановляя приговор, должен был значительное внимание уделить рассмотрению доктрины так называемой превентивной войны. Почти по всем агрессивным войнам, развязывание и ведение которых вменялось в вину гитлеровскому правительству, подсудимые и их защита выдвинули в качестве аргумента ссылку на то, что эти войны якобы носили превентивный характер: Германия оказывалась вынужденной прибегать к войне против того или другого государства лишь потому, что со стороны этого государства готовился удар против нее и она в порядке необходимой обороны вынуждена была каждый раз нанести упреждающий (превентивный) удар.

К ссылке на превентивные мотивы агрессии противники мира прибегали еще задолго до Гитлера, но Гитлер — наиболее часто.

Доктрина превентивной войны, к сожалению, не закончила своего существования после разоблачения гитлеровской Германии. Агрессивные круги империалистических держав в поисках средств маскировки агрессивной политики решили «гальванизировать» эту доктрину, которая после второй мировой войны получила еще более ярко выраженный антисоветский характер.

В реакционной печати делаются многочисленные попытки опровергнуть исторические факты ответственности гитлеровской Германии за агрессию и вновь и вновь пропагандируется версия

²⁴¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 333.

превентивной войны. Как и в период развязывания гитлеровских агрессивных войн, утверждается, что не Германия проявила инициативу нападения на Польшу, а напротив, Польша сама спровоцировала эту войну. Чаще всего пытаются приписать превентивный характер гитлеровской агрессии против СССР. Об этом пишут бывшие гитлеровские генералы, стремясь реабилитировать себя²⁴².

В условиях широко проводимой фальсификаторской деятельности, в условиях, когда и после войны делаются попытки легализовать в международном праве опасную для мира теорию превентивной войны²⁴³, особый интерес, исторический и юридический, представляют итоги разоблачительной деятельности Международного Военного Трибунала, раскрывшего подлинный смысл этой доктрины в практике крупнейшего европейского империалистического государства. Эти итоги сегодня служат благородной цели борьбы с агрессией. Деятельность Международного Трибунала в этой области является, кроме того, значительным вкладом в создание правдивой истории второй мировой войны.

Как уже говорилось, почти во всех агрессивных войнах, которые вела гитлеровская Германия, выдвигался превентивный мотив. Так было и в войне против Польши. Гитлеровское правительство вечером 31 августа 1939 г., т. е. накануне начала второй мировой войны, сделало официальное сообщение о том, что польская армия напала на германский город Глейвиц и начала военные действия против Германии, что сделало неизбежным германопольскую войну. Но находившийся в распоряжении Трибунала документ 2751 — PS, обнаруженный в секретных германских архивах, а также показания ряда видных руководителей гитлеровской армии и СС полностью раскрыли теперь уже общезвестный факт — гитлеровцы, переодев своих людей в польскую форму, инсценировали «нападение» на радиостанцию немецкого города Глейвиц, чем и был создан необходимый «инцидент» для выдвижения версии о превентивном характере войны.

Более поучительна для разоблачения доктрины превентивной войны история германской агрессии против Норвегии.

Защита на Нюрнбергском процессе утверждала, что Германия была вынуждена напасть на Норвегию, чтобы опередить вторжение союзников, и поэтому ее действия были превентивными²⁴⁴. Она утверждала, что уже в марте 1941 г. германское командова-

²⁴² «Итоги мировой войны». ИЛ, 1957, стр. 17, 25.

²⁴³ В Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН (шестая сессия) при обсуждении вопроса об определении агрессии греческий юрист заявил: «Перед лицом непосредственной угрозы агрессии, даже если и не имеется еще определенного акта агрессии, государство имеет право напасть первым, чтобы обеспечить свою собственную защиту и воспрепятствовать агрессивным замыслам другого государства» (цит. по кн. В. А. Романова «Исключение войны из жизни общества», стр. 190).

²⁴⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 349.

ние располагало данными о намерении англичан произвести высадку в Норвегии. Именно поэтому в директиве ОКВ от 1 марта 1940 г. относительно нападения на Данию и Норвегию указывалось, что операция «должна предотвратить вторжение Англии в Скандинавию и в Балтику».

Норвегия была нейтральным государством, и ни Англия, ни Германия не имели права вмешательства в ее внутренние дела, а тем более подвергать ее нападению и оккупации. Но даже при всем том фальшивое утверждение гитлеровской клики, что оккупация ею Норвегии была превентивной мерой ввиду якобы неожиданно выявившейся опасности английской высадки, было разоблачено на процессе. Было установлено, что еще 3 октября 1939 г. гитлеровским главнокомандующим военно-морским флотом Редером был составлен меморандум «О захвате баз в Норвегии». «В октябре и ноябре 1939 г. Редер продолжал разрабатывать планы возможной оккупации Норвегии совместно с „организацией Розенберга“»²⁴⁵.

В меморандуме не было и речи об опасности английской высадки как мотива для германской агрессии против Норвегии. Более того, там говорилось лишь о «цели улучшения... стратегических и оперативных позиций»²⁴⁶. Иодль записал 13 марта 1940 г. в свой дневник: «Фюрер еще не дает приказа о начале „В“ („вариант Везер“)». 14 марта 1940 г. он вновь записал: «Фюрер еще не решил, какой повод найти для осуществления „варианта Везер“»²⁴⁷.

Таким образом, меньше чем за месяц до нападения германское правительство еще не имело оснований так называемую английскую высадку считать причиной так называемой превентивной войны. Характерно, что в день, когда были даны окончательные приказы о германском вторжении в Норвегию, 23 марта 1940 г., в дневнике военно-морского оперативного штаба было записано: «Не следует ожидать в настоящее время массового вторжения англичан в норвежские территориальные воды»²⁴⁸.

Суммируя собранные доказательства, Трибунал указал в приговоре: «Из всего этого ясно, что, когда составлялись планы нападения на Норвегию, они не были составлены с целью предупреждения грозившей высадки союзников... Норвегия была оккупирована Германией для того, чтобы обеспечить Германию базами, с которых можно было бы проводить более эффективные налеты на Англию и Францию согласно планам, подготовленным задолго до того, как появились какие-либо планы у союзников, на которые теперь ссылаются при попытке поддержать теорию самообороны»²⁴⁹.

²⁴⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 348.

²⁴⁶ Там же, стр. 350.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же, стр. 350—351.

²⁴⁹ Там же.

Так была разоблачена версия о том, что война против Норвегии якобы носила превентивный характер.

Главные немецкие военные преступники в Нюрнберге выдвинули аналогичную версию в связи с обвинением в агрессивной войне против Бельгии и Нидерландов, Греции и Югославии: эти страны необходимо было оккупировать, так как германское правительство располагало тогда сведениями о том, что Англия и Франция собираются захватить эти страны в качестве плацдармов для нападения на Германию. И этот довод был разбит на процессе.

Особое место на процессе заняло раскрытие фальсификаторского довода гитлеровцев о том, что нападение Германии на СССР якобы тоже носило превентивный характер. «От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том,— указывается в приговоре,— что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому»²⁵⁰.

Именно этот довод был выдвинут официально германским правительством в ноте Советскому Союзу об объявлении войны. В ноте провокационно указывалось, что якобы «концентрация советских войск у германской границы достигла таких размеров, каких уже не может терпеть германское правительство».

Последовательно и убедительно Международный Трибунал вскрыл фальсификаторский характер версии о превентивной войне, показал, как рождаются в международных отношениях мифы о так называемой самообороне как мотиве агрессии.

В ходе рассмотрения этого вопроса были предъявлены убедительные свидетельства того, что планирование и подготовка агрессии начались еще летом 1940 г., когда и разговоров даже не было о каких-то мифических концентрациях советских войск на границе. Были предъявлены подлинные документы из германских архивов, воспроизводящие выступления и записи руководящих гитлеровских генералов (Иодля, Гальдера и др.), которые подтверждали факт заблаговременной, длительной подготовки агрессии против СССР. Большое значение имели показания Варлимонта и Паулюса²⁵¹.

Паулюс сообщил, что в начале сентября 1940 г. он уже видел в германском генеральном штабе проект оперативного плана нападения на СССР, в дальнейшей разработке которого он участвовал лично. В декабре 1940 г. план уже был полностью готов «Примечательным является то,— показал Паулюс,— что тогда ничего не было известно о каких-либо приготовлениях со стороны России»²⁵².

Трибуналу были предъявлены и другие доказательства — все

²⁵⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 359.

²⁵¹ Подробнее об этом см. там же, т. 2, стр. 600—621, 632—640.

²⁵² Там же, стр. 602.

они вскрывали фальсификаторский характер нацистской версии о превентивном характере войны против СССР.

Исследовав все документы, Трибунал заключил свой вывод словами о том, что нападение гитлеровской Германии на СССР началось «без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия»²⁵³.

Большая заслуга Международного Трибунала состоит в том, что впервые в истории международных отношений он раскрыл перед всем миром на основе документальных и иных бесспорных доказательств всю опасность и фальшь теории превентивной войны. В свете исследований, проведенных Трибуналом, и его выводов врагам мира стало неизмеримо труднее вести пропаганду этой империалистической агрессивной теории.

В основе всех рассуждений современных апологетов этой теории лежит требование приравнять «непосредственную угрозу нападения», «неминуемую угрозу» и т. п. к факту агрессии и при таких ситуациях считать «ответные меры», т. е. агрессию, законной. Они даже требуют, чтобы определение агрессии включало в себя не только акты вооруженной агрессии, но и любую из таких ситуаций («неминуемую угрозу» и т. п.).

Материалы Нюрнбергского процесса ярко показывают агрессивный смысл таких требований, которые имеют своим главным назначением прикрыть агрессию фальшивым мотивом самообороны. Материалы процесса на опыте подготовки и развязывания ряда агрессивных войн показывают, что в определении понятий «угроза» и «неминуемая опасность» нападения единственным судьей оказывался сам агрессор. А это дает широкие возможности для опаснейшего произвола в международных отношениях.

Таким образом, Нюрнбергский процесс еще и еще раз подтверждает, как неправы те, кто отказывается считать, что агрессором может рассматриваться лишь государство, которое первым применяет свои вооруженные силы против другого государства. Нюрнбергский процесс обнаружил всю опасность недооценки, игнорирования этого признака агрессии, на конкретных исторических примерах развязывания агрессивных войн он показал, сколь велика и принципиальна разница между законной самообороной и превентивной войной²⁵⁴.

Вооружение современных армий ракетно-ядерным оружием с его чудовищными возможностями разрушения и уничтожения делает в наши дни всякие попытки легализации превентивной войны чрезвычайно опасными для мира, для безопасности не только одного или нескольких государств, а для всех стран мира. «Мир неделим!» — этот тезис советской дипломатии звучит теперь, как никогда, убедительно.

²⁵³ Там же, т. 7, стр. 359.

²⁵⁴ Подробнее см. В. А. Ромашов. Указ. соч., стр. 187—198.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

1. Характерные особенности нарушений законов и обычаев войны германским милитаризмом во второй мировой войне

Развязывая войну с откровенно разбойничьими целями, гитлеровская клика отдавала себе отчет и в том, что такая война вызовет самое ожесточенное и решительное сопротивление народов.

Исторический опыт показывает: государство, ведущее несправедливую войну, неизменно нарушает общепризнанные законы и обычаи войны, поскольку они становятся препятствием для достижения захватнических целей такой войны. Тем более должны были стать неизбежными грубейшие нарушения международного права в агрессивных войнах гитлеровской Германии. Концепция тотальной войны, разработанная германским генеральным штабом, начисто исключила концепцию правового регулирования.

Анализ материалов Нюрнбергского процесса дает возможность не только установить прямую связь между несправедливыми целями войны и военными преступлениями, но и вскрыть характерные особенности нарушений законов и обычаев войны, свойственные германскому милитаризму во второй мировой войне.

4. Эти нарушения не были результатом эксцессов со стороны отдельных военнослужащих германской армии, а явились следствием выполнения ими специальных приказов верховного командования, которые самым скрупулезным образом предписывали совершение тех или иных военных преступлений.

Так, 16 декабря 1942 г. верховное командование вооруженными силами издало приказ «О борьбе с бандами». Именно этот приказ содержал основные установки по зверскому истреблению советского гражданского населения под видом борьбы с партиза-

нами: «Войска... имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху»¹.

Подробнейшую регламентацию грубейших нарушений международного права содержало распоряжение ОКВ от 8 сентября 1941 г. «Об обращении с советскими военнопленными». В этом распоряжении содержалась основная установка, обусловившая массовое истребление советских военнопленных².

Наряду с приказами верховного командования или других центральных военных инстанций приказы с подробной регламентацией военных преступлений издавались отдельными командующими. Поскольку они вытекали из общей установки верховного германского командования и соответствовали ей, их рассылали войскам как «образцовые». Примером может служить приказ командующего 6-й германской армии генерала Рейхенау «О поведении войск на Востоке».

Издаваемые германским командованием приказы давали общее направление преступному поведению гитлеровской армии, на них воспитывался офицерский корпус нацистской армии, а подобное «воспитание» обуславливало уже и собственную инициативу и рвение в совершении военных преступлений.

2. Военные преступления были одним из средств достижения антинародных целей агрессивной войны, а потому в значительной мере они планировались заранее, еще до начала войны и составляли неотъемлемую часть военно-стратегического плана войны.

Как показала гитлеровская программа агрессии, преступные цели ее не могли быть достигнуты только на полях сражения. Наиболее тяжкие и массовые преступления были совершены на оккупированных территориях. Материалы Нюрнбергского процесса свидетельствуют о том, что если практическое осуществление оккупационной политики следует за военными действиями, то в период планирования агрессии принципы оккупационной политики намечаются одновременно с подготовкой военных действий и вместе с ними составляют единый агрессивный план.

Ярким примером в этом отношении является «План Барбаросса» — план нападения гитлеровской Германии на СССР. Анализ документов этого «плана» показывает, что наряду с чисто военно-стратегическими разработками он содержал подробные инструкции о совершении военных преступлений против советского народа. Коль скоро при нападении на СССР были поставлены широкие задачи по массовому уничтожению советского населения, по разграблению советских территорий, колонизации страны, преднамеренная и заблаговременная разработка таких инструкций стала неизбежной.

¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 3, стр. 347.

² Там же, т. 7, стр. 376.

Выше уже говорилось о «Плане Ост», в котором ставилась задача «разгромить русских как народ» («или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы»).

Один из документов «Плана Барбаросса» называется «Об особой подсудности в районе „Барбаросса“ и об особых мероприятиях войск». Подписан этот документ начальником ОКВ Кейтелем 13 мая 1941 г., т. е. за полтора месяца до нападения на СССР, и предусматривает самые разнообразные способы и методы уничтожения советского гражданского населения.

Директива ОКВ от 12 мая 1941 г. об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками, составляющая часть «Плана Барбаросса», прямо предусматривала «устранение» (уничтожение) ответственных политических работников и политических руководителей (комиссаров) в войсках³.

Предпринимая агрессию против СССР, гитлеровская клика решила подвергнуть Советский Союз тотальному разграблению. Именно поэтому органической частью военно-стратегического «Плана Барбаросса» был также всеобъемлющий план экономической эксплуатации Советского Союза. Этот план был разработан во всех деталях и утвержден 29 апреля 1941 г., т. е. за два месяца до нападения на СССР.

План экономического разграбления Советского Союза получил наименование «План Барбаросса — Ольденбург». Это указывает на прямую связь и органическое единство его с «Планом Барбаросса», на то, что в практике германского милитаризма воедино слилось военно-стратегическое планирование с планированием военных преступлений, ставшим одним из средств достижения военно-политических целей самой войны.

Заблаговременно планировались и другие военные преступления. Выше уже приводился приказ о преступлениях против советских военнопленных. Основные его установки также были разработаны еще до войны, о чем свидетельствуют показания на Нюрнбергском процессе генерал-лейтенанта гитлеровской армии Курта фон Эстеррейха, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа. Эстеррейх показал, что еще в марте 1941 г. он был участником секретного совещания, которое происходило в ставке верховного главнокомандующего вермахтом и которым руководил генерал-лейтенант Рейнке — начальник управления по делам военнопленных при ставке. На этом совещании заблаговременно были разработаны меры по массовому уничтожению советских военнопленных⁴.

Для объединения усилий армии и карательных органов при реализации этой задачи, как показал видный гестаповский чинов-

³ «Нюрнбергский процесс...», т. 3, стр. 94.

⁴ Там же, стр. 22, 23.

ник Олендорф, между ОКВ и главным управлением имперской безопасности до войны велись переговоры, завершившиеся подписанием специального соглашения: «Переговоры велись несколько недель. Соглашение было заключено примерно за неделю или за две до начала похода в Россию»⁵.

3. Логическим следствием того, что военно-стратегическое планирование переплетается с планированием военных преступлений, которые становятся одним из средств реализации военно-стратегического плана, служит провозглашение германским верховным командованием полной безнаказанности этих преступлений еще до их совершения.

В распоряжении ОКВ от 13 мая 1941 г. было прямо предусмотрено: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок»⁶.

Предписывая самые преступные методы борьбы с партизанами, которых гитлеровское командование именовало в своих приказах «бандами», ОКВ в директиве от 16 декабря 1942 г., озаглавленной «О борьбе с бандами», указывало, что «ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке»⁷.

Можно было бы привести и многие другие аналогичные приказы германского командования, но уже приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что заранее обещанная безнаказанность наряду с угрозой за невыполнение преступных приказов явилась одним из средств заставить миллионы немцев стать активными соучастниками чудовищных преступлений германского фашизма. Наличие таких приказов — еще одна яркая иллюстрация государственно-организованного характера военных преступлений германского милитаризма.

4. Характерная черта отношения к законам и обычаям войны со стороны германских милитаристов — политическая дискриминация: самые варварские нарушения этих законов предписывалось совершать в отношении советских людей.

Еще до нападения на Советский Союз Гитлер на совещании с командующими вермахта заявил, что борьба между Россией и Германией — это борьба между двумя идеологиями. Сущность этого заявления раскрыл начальник ОКВ Кейтель. Получив доклад начальника разведки Канариса, содержащий факты грубейшего варварского обращения с захватываемыми в плен советскими

⁵ Там же, т. 4, стр. 624.

⁶ Там же, т. 3, стр. 339.

⁷ Там же, стр. 242.

солдатами и офицерами и ссылки на существующие нормы международного права, Кейтель написал на нем: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель»⁸. Эта «установка» и предопределяла применение наиболее варварского обращения на советских оккупированных территориях.

Гитлеровский генерал Лахузен, заместитель начальника разведывательного управления ОКВ, на Нюрнбергском процессе показал, что начальник управления по делам военнопленных генерал Рейнеке говорил: «Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, т. е. как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению»⁹.

Международное право запрещает применение наказания за попытку военнопленных к побегу. Имеется в виду, что попытка вернуться в строй своих войск — проявление патриотического долга военнопленного. Командование германских сухопутных войск издало декрет «Кугель» («Пуля»), согласно которому, в отличие от военнопленных Англии и Америки, советские военнопленные подлежали расстрелу при попытке к бегству¹⁰. Для предотвращения побегов военнопленных германское командование отдало приказ о клеймении исключительно советских военнопленных¹¹.

Не случайно поэтому Международный Военный Трибунал записал в своем приговоре:

«Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств»¹².

5. Государственно-организованный характер военных преступлений гитлеровской Германии находит свое выражение и в том, что в совершении этих преступлений участвовал *весь* механизм государственной власти страны.

Основная масса преступных приказов была издана германским военным командованием. В ряде случаев такие приказы издавались карательными органами — гестапо, СС и СД. Нередко координация в совершении военных преступлений находила свое выражение в том, что германское командование и карательные органы издавали совместные приказы.

⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, Госюриздат, 1960, стр. 119.

⁹ Там же, т. 3, стр. 114.

¹⁰ Там же, т. 7, стр. 375.

¹¹ Там же, т. 3, стр. 110, 111.

¹² Там же, т. 7, стр. 375.

Активную роль играли и другие звенья государственного аппарата. Так, министерство внутренних дел Германии, начав с подготовки и формулирования расовых законов еще в мирное время, продолжило свою деятельность изданием и во время войны подобных «декретов». В частности, в 1943 г. был издан декрет, поставивший вне закона евреев на Востоке и предусматривавший передачу их в гестапо для уничтожения. «Эти законы,— указывается в приговоре Международного Военного Трибунала,— расчистили путь для „окончательного решения“ еврейского вопроса и были распространены Фриком (министром внутренних дел.— А. П.) на присоединенные и на некоторые оккупированные территории»¹³. Именно германское министерство внутренних дел издало ряд декретов о германизации Австрии, Судетской области, Мемеля, Данцига, захваченных французских территорий, ввело для оккупированных территорий нацистские законы, нацистские суды, полицию и обязательную военную службу.

Особенно большую роль в преступном нарушении предусмотренного международным правом режима оккупации играло гитлеровское министерство экономики и рейхсбанк. Именно эти учреждения самым активным образом участвовали в экономическом разграблении оккупированных территорий; именно они захватывали золотые фонды и дивизы в банках оккупированных стран. Карательные органы гитлеровской Германии осуществляли массовое уничтожение людей в таких лагерях смерти, как Освенцим, Трешлинка, Дахау и др. Перед уничтожением у жертв отбирались все ценности, даже выламывались золотые зубы. Между СС и рейхсбанком было заключено соглашение о хранении этих ценностей и их реализации. Таким образом, министерство экономики и рейхсбанк соучаствовали в самых тяжчайших военных преступлениях гитлеровской Германии.

Активную роль в подготовке и совершении этих преступлений играл и дипломатический аппарат нацистской Германии. В ряде оккупированных стран, таких, как Франция, Дания и др., высшим должностным лицом, отвечавшим за проведение оккупационной политики, был представитель германского министерства иностранных дел. Министр иностранных дел Риббентроп или его представители неизменно участвовали в совещаниях, разрабатывавших преступные приказы. Так, германское министерство иностранных дел требовало от командования нацистским флотом усилить пиратские методы морской войны, санкционировало «с точки зрения международного права» линчевание захватываемых в плен союзных летчиков. 11 января 1942 г. в Ванзее состоялось совещание, которое наметило пути «окончательного решения еврейского вопроса», проще говоря, уничтожения 11 млн. евреев, проживавших в Европе¹⁴. В работе этого совещания участвовал

¹³ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 461.

¹⁴ Там же, т. 4, стр. 692, 695.

представитель министерства иностранных дел, а Риббентроп впоследствии, ведя переговоры с правительствами Италии, Венгрии и других стран, находившихся в орбите нацистского влияния или оккупированных нацистами, применял любые средства, чтобы ускорить эвакуацию на Восток (т. е. в лагеря смерти) евреев, проживавших на территории этих стран¹⁵.

В ходе агрессивных войн оккупационные органы гитлеровской Германии наряду с экономическим грабежом занимались на оккупированных территориях изъятием ценнейших предметов искусства, особенно живописи. Министерство иностранных дел не только способствовало этой преступной деятельности, но даже создало так называемый батальон Риббентропа, принимавший непосредственное участие в разграблении этих ценностей.

В осуществлении преступной оккупационной политики участвовал такой орган, как аппарат специального уполномоченного по четырехлетнему плану, издававший в течение всей войны директивы по экономическому разграблению захваченных нацистами европейских стран.

Для реализации программы рабского труда был создан государственный орган — аппарат генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, опиравшийся в своей деятельности на действовавших на местах гаулейтеров нацистской партии.

Особую роль в общем механизме государственной власти, втянутом в планирование, подготовку и совершение военных преступлений, играло германское министерство юстиции. Именно оно заключило соглашение с главным управлением имперской безопасности об уничтожении без суда и следствия «антисоциальных элементов», о массовом использовании принудительного труда и т. д.

Таким образом, в гитлеровской Германии в совершенне чудовищных военных преступлений были втянуты все важнейшие органы власти. Это еще раз свидетельствует о том, что нарушения законов и обычаев войны не были в нацистской Германии результатом эксцессов, а совершались путем тщательно продуманного, во многом заблаговременно составленного плана и носили государственно-организованный характер¹⁶.

¹⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 444.

¹⁶ «Государственные преступления, совершенные кем-либо из тех, кто контролировал одно из главных учреждений,— сказал в своей заключительной речи главный французский обвинитель де Риб,— могли быть совершены только потому, что этому содействовали все руководители всех прочих основных учреждений и оказывали этому поддержку. Если бы некоторые учреждения уклонились от этого, это вызвало бы крушение государства, уничтожение его преступной мощи и в итоге положило бы предел газовым камерам или сделало технически невозможным их создание. Но ни одно из учреждений не хотело уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами» («Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 176).

2. Доктрина тотальной войны и международное право

Идеологи милитаризма, анализируя практику нарушений общепризнанных законов и обычаев войны, стремятся представить эти нарушения как неизбежные, доказать, что между условиями современной войны и требованиями международного права лежит непроходимая пропасть, что условия этой войны делают абсолютно нереальной всю систему законов и обычаев войны. Они разработали доктрину тотальной войны, которая и должна служить обоснованием грубейших нарушений международного права во время войны. Эта доктрина не прекратила своего существования и после того, как один из главных ее изобретателей и носителей — германский милитаризм потерпел поражение и в первой, и во второй мировых войнах. Напротив, появление ядерного оружия как бы вдохнуло новую жизнь в эту теорию, и современные ее апологеты всячески пропагандируют ее в тех же целях оправдания военного разбоя империалистических государств.

Термин «тотальная война» был пущен в оборот одним из виднейших представителей германского милитаризма, Людендорфом, который в 1935 г. издал книгу под названием «Тотальная война». Книга эта содержала детально разработанную программу тотальной войны как орудия реванша Германии за проигрыш в первой мировой войне, как средства реализации новой германской агрессивной программы.

Тотальная война — весьма широкое понятие. Людендорф, бывший начальник генерального штаба кайзеровской армии, рассматривает ее как понятие чисто военное и как понятие политическое. Но она, естественно, имеет и юридическое значение.

Основной постулат доктрины тотальной войны заключается в том, что в отличие от войн прежней эпохи, эпохи, скажем, Клаузевица, когда та или иная война могла отличаться степенью охвата ею гражданского населения, современная война с неизбежностью вовлекает в свою орбиту народ воюющей страны в целом, делает его и субъектом и объектом этой войны. Людендорф пишет: «Теперь поле битвы в собственном смысле этого слова простирается на всю территорию воюющих народов. Гражданское население будет испытывать на себе прямое действие войны так же, как армия. Оно будет испытывать на себе и не прямое действие средств войны, материальных и моральных, голодную блокаду и пропаганду врага, совсем как прежде их испытывали обитатели осажденной крепости, которых принуждали к сдаче нужда и истощение. Тотальная война имеет в виду не только армию, но и народы. «„Око за око, зуб за зуб“ — таков будет истинный девиз тотальной войны. Это создаст ужасающее напряжение у всех воюющих народов»¹⁷.

¹⁷ E. L u d e n d o r f. Der totale Krieg. Berlin, 1935, S. 14.

Нельзя спорить против той характеристики, которую Людендорф дает войнам империалистических держав. Войны эпохи империализма действительно получили небывалый размах и отличаются исключительной напряженностью и опустошительностью. Каждый империалистический хищник стремится довести своего врага до полного истощения, применяя для этого всевозможные средства.

Но констатируя тот факт, что с каждой новой войной резко увеличиваются жертвы не участвующего в ней и находящегося под охраной международного права гражданского населения, идеологи тотальной войны прибегают к различным факторам, которые должны объяснить этот международно-правовой феномен.

В частности, утверждается, что ликвидация грани между воюющими и гражданским населением объясняется резким увеличением роли экономического фактора в современной войне. Отсюда делается вывод о том, что понятие «военный объект», против которого международное право позволяет принимать меры военного воздействия, настолько расширяется, что лишает смысла еще формально сохранившиеся конвенционные ограничения. На Нюрнбергском процессе представитель немецкой защиты прямо заявил: «Гаагские правила ведения сухопутной войны составлялись на основе другого понимания войны и не могли предвосхитить условий, создаваемых экономической войной»¹⁸.

Наряду с этим делается еще и другая ссылка со все той же целью оправдать грубейшие нарушения законов и обычаев войны. И реакционные буржуазные юристы, и реакционные социологи нередко утверждают, что источники международных конфликтов коренятся в прогрессе самой техники. Смысл этих утверждений заключается в том, что технический прогресс привел к созданию таких разрушительных средств ведения войны, которые в силу масштабов своего уничтожающего действия устраняют практическую возможность соблюдения законов и обычаев, провозглашающих неприкосновенность мирного населения.

Так, Огборн пишет, что нации становятся агрессивными от все возрастающего производства стали и машин. Япония и Германия, например, говорит он, «сделались агрессивными нациями после того, как они стали в широких масштабах применять паровой двигатель»¹⁹.

Стремясь переложить вину за ужасы и разрушения войн на военную технику, Д. Дьюи пишет, что «столкновения, конфликты, которые непосредственно ведут к войне, обусловлены усилившимися близкими и частыми контактами между народами, которые в свою очередь являются прямым результатом технического про-

¹⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 856.

¹⁹ W. O g b u r n. Introductory Ideas on Inventions and the State. «Technology and International Relations», Chicago, 1949, p. 3.

гресса»²⁰. На таких же позициях стоит Ф. Айала, который в прогрессе военной техники уже прямо видит основную причину «превращения вооруженных конфликтов между государствами в тотальные войны»²¹.

В несколько смягченной форме эта же мысль приводится и Оппенгеймом в его «Курсе международного права». Хотя он и говорит о важности сохранения градации между воюющими и мирным населением, но при этом добавляет: «Однако очевидно, что гражданское население не может быть защищено от нарушений международного права в случае применения такого оружия, радиус действия которого не всегда легко установить». В четвертом издании этого курса говорилось, что «освященное временем различие между вооруженными силами и мирными жителями стоит перед угрозой ввиду развития военного дела...»²².

Подобная же переоценка роли военной техники в объяснении причин тотальной войны встречается и в работах Спэйта²³, Гарнера²⁴ и др.

К ссылкам на развитие военной техники как на причину тотальной войны не раз прибегали подсудимые на Нюрнбергском процессе и их адвокаты. «Вторая мировая война,— заявил представитель защиты,— должна была, учитывая усовершенствование военной техники, окончательно разрушить рамки, предусмотренные для ведения войны Гаагскими правилами...»²⁵ Геринг заявил на процессе, что когда уже во время войны он ознакомился с текстом Гаагской конвенции о законах и обычаях войны, то сразу же хотел заявить Гитлеру, что «вследствие совершенствования военной техники уже невозможно соблюдать Гаагские правила»²⁶.

К таким же аргументам прибегал и германский профессор Волл в речи на судебном процессе против руководителей «ИГ Фарбениндустри»²⁷.

Было бы непозволительной вульгаризацией утверждать, что военно-технический прогресс, появление и применение новых средств и методов ведения войны не оказывают влияния на стратегию и тактику современной войны, на возможность соблюдения законов и обычаев войны.

Ф. Энгельс и В. И. Ленин неоднократно подчеркивали прямую связь между развитием военной техники и военной стратегией,

²⁰ J. Dewey. The Public and its Problems. Chicago, 1946, p. VII.

²¹ F. Ayala. Liberty, Security and Modern Technology. «International Social Science Bulletin», 1950, N 3, p. 328.

²² L. Oppenheim. International Law, v. II. London, 1949, p. 171.

²³ J. M. Spaight. Air Power and War Rights. London, 1931, p. 28—29

²⁴ J. W. Garner. Proposed Rules for the Regulation of Aerial Warfare. «American Journal of International Law», 1924, v. XVIII, p. 69.

²⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 716.

²⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 16, стр. 6935.

²⁷ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 907.

методами ведения войны. «...Успехи техники,— писал Ф. Энгельс,— едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же — почти насильственно... вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя...»²⁸. В. И. Ленин также подчеркивал то обстоятельство, что «военная тактика зависит от уровня военной техники...»²⁹.

Исторический опыт войн свидетельствует о том, что появление новых видов оружия или существенное усовершенствование старого не только влечет за собой постепенное изменение военного искусства, но способно — при определенных условиях — породить глубокий переворот в тактике и стратегии. Изобретение нового оружия вызывает к жизни новые способы вооруженной борьбы.

Уже появление бомбардировочной авиации и применение ее как средства ведения войны неизбежно означало причинение (в тех или иных масштабах) вреда не участвующему в войне гражданскому населению. Бомбардировки городов — даже если они ограничиваются законными военными объектами — неизбежно приводят к потерям и среди гражданского населения. Развитие артиллерийских средств, в частности увеличение дальности полета снарядов и их взрывной силы, также неизбежно таило в себе опасность для гражданского населения, даже если воюющий добросовестно стремился бы придерживаться законов и обычаев войны. Нечего уже говорить об умышленном использовании новейших средств вооружения в целях, противных международному праву; поступающее на вооружение современных армий ракетно-ядерное оружие в случае его применения вообще положило бы конец какому бы то ни было правовому регулированию военных действий, означало бы полный отказ от международного права и превращение войны в народоубийство.

На Нюрнбергском процессе защита делала особый упор на устарелость Гаагских правил ведения войны. «Изложенные в них принципы,— говорил представитель защиты д-р Кауфман,— основаны на опыте войн XIX в. Эти войны отражались в основном только на непосредственно участвовавших в них вооруженных силах...»

Вторая мировая война должна была в связи с усовершенствованием военной техники окончательно разрушить рамки, предусмотренные Гаагскими правилами ведения сухопутной войны. Если все же остаются какие-либо сомнения, то они, безусловно, устраняются последствиями взрыва двух атомных бомб, которые сравнивали с землей Хиросиму и Нагасаки и убили сотни тысяч людей»³⁰.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 176.

²⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 374.

³⁰ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 32, стр. 15492.

Какой же вывод сделала нюрнбергская защита из такой оценки Гаагских конвенций? «При этих обстоятельствах, — заключил д-р Кауфман, — положения Гаагских правил ведения сухопутной войны не могут быть использованы для обоснования индивидуальной уголовной ответственности»³¹.

Такая оценка Гаагских конвенций и в целом законов и обычаев войны была характерна не только для реакционных германских теоретиков, но и для ряда юристов США и Англии. Так, Фейльченфельд в своей монографии, посвященной международноправовым проблемам оккупации, пишет: «Гаагские правила — последняя юридическая кодификация, принятая в атмосфере либерализма XIX столетия. Эти правила отражали основную философию той эпохи и были составлены в соответствии с условиями либерального мира. Их следовало применить вскоре же после их принятия, в мире, в котором все в большей и большей степени начинали уже появляться в корне различные мысли и условия»³².

Август фон Книрим, вторя Фейльченфельду, также пишет, что «техника XX в. дала враждующим государствам такое оружие, которое не было доступно даже воображению авторов Гаагских правил сухопутной войны»³³. Ссылаясь на возросшую роль экономического и технического факторов, он делает уже более далеко идущие выводы: стремится оправдать не только уничтожение гражданского населения, но и его ограбление, использование для каторжного труда и т. п. «Это развитие техники, — пишет Книрим, — привело не только к полному изменению вооруженной борьбы, но также и к неслыханному расширению военной промышленности, которая в свою очередь придала особое значение таким проблемам, как поставка сырьевых материалов (читай — ограбление оккупированных территорий. — А. П.), использование потенциала рабочей силы (т. е. организации принудительного труда. — А. П.) и др.» Книрим заключает: «С точки зрения приведенных соображений большая часть положений Гаагских правил сухопутной войны сейчас выглядит для нас, как память о давно ушедшем мире»³⁴. Чтобы убедить читателя в правоте своих выводов, он ссылается на приговор Международного Военного Трибунала и цитирует из него следующие слова: «Это (международное. — А. П.) право не является неизменным, но путем постоянного приспособления оно применяется к пущам изменяющегося мира»³⁵.

Эта вырванная из контекста фраза, по мысли Книрима, должна доказать, что Трибунал считает Гаагские конвенции безнадеж-

³¹ «Степнографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 32, стр. 15492.

³² E. H. Feilchenfeld. The International Economic Law of Belligerent Occupation. Washington, 1942, p. 73.

³³ August Knieriem. The Nuremberg Trials. Chicago, 1959, p. 298.

³⁴ Там же, стр. 299.

³⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 366.

по устаревшими, в связи с чем законы и обычаи войны должны приспособляться к новым условиям и средствам ведения войны. Заметим, однако, что придать такое значение приведенной выдержке из приговора можно, лишь став на путь сознательного извращения и фальсификации смысла этого документа. Фраза взята Кпиримом из того раздела приговора («Правовое обоснование, вытекающее из Устава»), который целиком посвящен обоснованию ответственности подсудимых за агрессию и содержит обстоятельную критику доводов нюрнбергской защиты, пытавшейся доказать, что к 1939 г. международное право не содержало запрета агрессивной войны. Анализируя один за другим международноправовые акты периода между мировыми войнами, Трибунал и записал в приговоре ту фразу, которую совсем неуместно использовал затем Кпирим.

Попытки обосновать право воюющих произвольно выбирать формы и методы ведения войны были сделаны не только в теории, но и в судебной практике по делам военных преступников. Так, Военный трибунал США по делу крупнейшего германского промышленника Флика, обвинявшегося в совершении тяжчайших военных преступлений, указал в своем приговоре: «Они (Гаагские правила ведения войны. — А. II.) составлены в те дни, когда армии еще передвигались пешком, на лошадях или поездах. Использование самолетов в качестве средства ведения войны было просто мечтой. Атомную бомбу не могли даже себе представить. Еще только начиналась концентрация промышленности в огромные организации, превосходящие национальные границы. Тотальная война стала реальностью только в последнем конфликте». Указывая на «особые» условия тотальной войны, Трибунал записал, что эти условия «явно объясняют необходимость оценки поведения подсудимых в соответствии с обстоятельствами и условиями, в которых они действовали. Вину или степень вины нельзя определить теоретически и абстрактно. Следует принять во внимание разумные и практические выводы новой обстановки»³⁶. И Трибунал сделал эти выводы, исключив ряд справедливых обвинений и назначив подсудимым чрезвычайно мягкие наказания.

Итак, основной постулат идеологов тотальной войны: прогресс в развитии военной техники свел к нулю значение Гаагских конвенций. Но порок таких рассуждений апологетов тотальной войны заключается в том, что процесс развития военной техники рассматривается ими как самодовлеющий, неизбежный, оторванный от политики. Между тем направление технического прогресса в военное русло, в сторону реализации новых видов разрушительного оружия — это результат преднамеренной политики империалистических государств, а отнюдь не что-то фатальное. Несмотря на общую тенденцию к задержке технического прогресса, развитие

³⁶ «Trials of War Criminals...», v. X, p. 11003.

военной техники, «человекоубойной промышленности» всячески стимулируется империалистическими государствами. Особенно поощряется изобретение таких разрушительных средств войны, которые в ходе вооруженных конфликтов могут быть использованы именно как орудия массового уничтожения.

Но существуют ли при современном уровне развития военной техники средства для предотвращения военных преступлений? Конечно, существуют. И это прежде всего запрещение агрессивных войн. Но как раз наиболее последовательными противниками такого запрещения являются реакционные правящие круги империалистических государств. Нет необходимости ссылаться на многочисленные примеры решительного отказа этих кругов принять неоднократные предложения Советского Союза, направленные на реальное предотвращение агрессивных войн. Но политический реализм требует учитывать и такую ситуацию, когда независимо от усилий подлинных друзей мира война может стать фактом, как результат империалистической политики.

Означает ли это, что в такой войне должно быть дозволено применение самых варварских средств ведения войны? Нет, конечно. И именно поэтому в довоенных условиях Советский Союз пытался предотвратить варварство в будущей войне, если она стала бы неизбежной как результат империалистической политики. Достаточно вспомнить советские предложения на Генуэзской конференции 1922 г., на V сессии Комиссии по разоружению в 1928 г. Советские предложения о частичном разоружении прямо предусматривали запрещение применения бомбардировочной авиации, чтобы «ослабить грозящие мирному населению опасности»³⁷. Основной идеей советских предложений о разоружении, как это указывалось в советском проекте 1928 г., было «в максимальной мере оградить мирное трудовое население от непосредственной опасности его жизни и достоянию в случае возникновения вооруженного столкновения...»³⁸. В ст. 6 советского проекта было прямо предусмотрено: «Все средства войны, особо угрожающие мирному населению, не принимающему непосредственного участия в вооруженной борьбе (орудия воздушной и химической войны), подлежат уничтожению»³⁹.

Но правящие милитаристские круги решительно отвергли эти предложения Советского Союза, ибо они, будучи принятыми, исключали бы возможность тотальных войн. Говоря о причинах отказа Англии принять советское предложение о запрещении бомбардировочной авиации, английский военный идеолог Лиддель Гарт в своей книге «Революция в ведении войны» писал: «Это про-

³⁷ Подробно об этом см. В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 192—212; А. В. Богданов. Всеобщее и полное разоружение. Изд-во «Международные отношения», 1964, стр. 59—80.

³⁸ «В борьбе за мир». Советская делегация на V сессии Комиссии по разоружению. Изд. НКВД, 1928, стр. 45.

³⁹ Там же, стр. 49.

тиворечило бы британской доктрине 'воздушной войны'. Говоря о роли техники в современной войне, он заявил: «...изобретение авиации привело к тому, что воюющие стали направлять свои усилия в значительной мере на подавление воли мирного населения и заботились об этом больше, чем о причинении ущерба вооруженным силам»⁴⁰. Как бы подытоживая деятельность конференций по разоружению, Спэйт заметил: «...любая попытка запретить оружие, применение которого считалось целесообразным с военной точки зрения, терпела провал»⁴¹.

Такую же позицию занимали крупнейшие империалистические державы и после второй мировой войны, отвергая советские предложения об эффективном запрещении средств массового уничтожения.

Таким образом, не сам по себе процесс развития военной техники, не сам факт появления все более и более чудовищных средств уничтожения и опустошения свидетельствует об изменении характера войны и превращении ее в тотальную. Об этом говорит политика империалистических государств, сначала направляющих все свои усилия на развитие орудий массового истребления и создающих этим предпосылки для тотальной войны, затем отказывающихся встать на путь запрещения их применения и, наконец, ссылающихся на самый факт существования таких орудий как на обстоятельство, делающее переальными существующие нормы международного права. Сначала, таким образом, человеческая мысль направляется империалистами на изобретение наиболее разрушительных средств войны, а затем наличие этих средств объявляется одной из основных причин тотальной войны. В этом смысле весьма характерно то обстоятельство, что, принимая в Женеве в 1949 г. новые конвенции о защите жертв войны, империалистические государства наотрез отказались от принятия советского предложения о запрещении атомного оружия, хотя не могли не понимать, что отсутствие такого запрещения наносит ущерб всей системе законов и обычаев войны.

Нюрнбергский процесс раскрыл всю неосновательность и лицемерный характер ссылок апологетов тотальной войны на возросшую роль экономического фактора в современной войне и на прогресс военной техники. Конечно, вследствие указанных обстоятельств было множество жертв во второй мировой войне. Но опыт этой войны ярко свидетельствует о том, что самые тяжкие военные преступления были совершены империалистами злонамеренно и их совершение не находилось ни в какой связи со ссылками на экономику и военную технику.

Гитлер, касаясь подготовляемых агрессивных войн, методов и целей их ведения, указывал своим сообщникам: «Нам придется

⁴⁰ Liddell H a r t. Revolution in Warfare. London. 1946, p. 71.

⁴¹ J. M. S p a i g h t. Op. cit., p. 28—29.

развить технику истребления населения⁴². В одной из инструкций командования армейской группы «Центр», действовавшей на территории СССР, варварское обращение с мирным населением «объяснялось» тем, что оно «имеет своей целью ослабление военной мощи вражеского государства и сокращение его биологического потенциала»⁴³.

Не ясно ли после приведения таких документов, что человеконенавистнические установки германских милитаристов не имели ничего общего со ссылками на развитие военной техники?

Многочисленные документы Нюрнбергского процесса свидетельствуют о таких чудовищных орудиях массового уничтожения народов, как «План Ост», согласно которому были совершены чудовищные преступления против советского и польского народов, «План Ванзее», по которому было уничтожено около 6 млн. евреев, как приказы «Мрак и Туман», «Кугель» и др. Густая сеть гитлеровских лагерей смерти стала основным орудием умерщвления миллионов людей. Все это не имело никакого отношения к «экономике» и «прогрессу военной техники». Чтобы создать «тысячелетнюю империю», нацистам необходимо было уничтожить или максимально ослабить другие народы Европы.

Материалы Нюрнбергского процесса раскрывают всю нелепость стремления теоретиков доктрины тотальной войны свести все причины такой войны лишь к возросшей роли экономического фактора и прогрессу военной техники. Нетрудно заметить в таком стремлении намеренную фальсификацию.

В век ядерной энергии, как никогда раньше, человечество стоит перед дилеммой — либо принять меры для эффективного запрещения агрессивной войны, для чего наиболее радикальным средством является всеобщее и полное разоружение, либо поставить народы перед реальной опасностью огромных жертв и разрушений современной ракетно-ядерной войны. Вот почему Советский Союз, опираясь на поддержку мировой общественности, ведет такую решительную и самоотверженную борьбу за мир, за разоружение.

3. Доктрина военной необходимости и законы и обычаи войны

Военные преступники в поисках обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, зачастую ссылались на так называемую военную необходимость, объясняя ею ряд грубейших нарушений законов и обычаев войны. При этом один и тот же смысл вкладывался в различные по своему внешнему выражению формулы: «военная необходимость», «крайняя военная необходимость», «крайняя необходимость», «бедственное положение» и т. п.

⁴² «Нюрнбергский процесс...», т. 3, стр. 337.

⁴³ Документы Нюрнбергского процесса, док. 031—ПС.

Смысл подобных ссылок, если исходить из судебной практики по делам о военных преступлениях, заключается в том, что воюющий, оказавшись перед неизбежной опасностью, устранить которую невозможно легальным путем, вправе прибегнуть к любым другим средствам устранения опасности.

К ссылкам на военную необходимость воюющие чаще всего прибегали для легализации грубейших нарушений международного права.

Сингх пишет о трех аспектах доктрины военной необходимости. Ссылка на нее делается в целях: а) развития военного успеха, б) сохранения военного потенциала и в) преодоления военной опасности. При этом, по его словам, последняя ссылка «имеет ограниченное применение, выражающееся в том, что допускает при известных обстоятельствах ссылку на военную необходимость, выдвигаемую отдельным военнослужащим или военным подразделением, когда им угрожает уничтожение»⁴⁴.

Исходя из опыта войн, предшествовавших второй мировой войне, все эти три аспекта были актуальны. Но если говорить об опыте второй мировой войны, подытоженном судебной практикой, то это будет главным образом случай применения доктрины военной необходимости как средства преодоления грозившей воюющей опасности.

Может быть, поэтому к интерпретации этой доктрины все чаще стали подходить с уголовноправовых позиций крайней необходимости. Именно так рассматривает понятие «военная необходимость» Книрим⁴⁵. Гринспен пытается разделить доктрину военной необходимости на две категории. В одном случае он ведет речь о доктрине военной необходимости⁴⁶, а в другом — о доктрине необходимости вообще⁴⁷. (К последней он относит действия, совершенные «под принуждением».) Однако он так и не сумел объяснить различие между этими двумя доктринами. В конечном итоге приводимые им примеры и рассуждения все же относятся к тем случаям, когда воюющие для оправдания своего противоправного поведения ссылались на то, что они действовали в состоянии крайней необходимости («under duress and coercion»). И в приговорах военных трибуналов, рассматривавших после войны дела о военных преступлениях, зачастую говорится не просто о военной необходимости, а о крайней необходимости⁴⁸. А. А. Пионтковский справедливо пишет: «Идеологи немецкой империалистической буржуазии перенесли понятие крайней необходимости как состояния, при котором можно не считаться с нормами права, из

⁴⁴ Н. Сингх. Ядерное оружие и международное право. ИЛ, 1962, стр. 121.

⁴⁵ August Knieriem. Op. cit., p. 261.

⁴⁶ M. Greenspan. The Modern Law of Land Warfare. Los Angeles, 1959, p. 278—281.

⁴⁷ Там же, стр. 496.

⁴⁸ См., например, «Law Reports of Trials of War Criminals...», v. X, p. 69.

области уголовного права в область международных отношений. Цинично ссылаясь якобы на состояние крайней необходимости, они оправдывали любое вероломство немецких империалистов в международной политике, превращавших в „клочок бумаги“ свои международные обязательства»⁴⁹.

Уголовное право знает ряд обстоятельств, исключающих противоправность совершенного деяния. К ним относятся: необходимая оборона, крайняя необходимость, согласие потерпевшего, осуществление общественно полезных профессиональных функций, исполнение законного приказа и др.⁵⁰

Поскольку на судебных процессах военных преступников и в литературе использовался институт крайней необходимости, мы именно на нем и остановимся.

«Крайняя необходимость,— пишет А. А. Пионтковский,— есть такое положение лица, в котором оно только путем совершения какого-либо по внешнему характеру преступного действия, не заключающего в себе признаков необходимой обороны, может предотвратить грозящую опасность для каких-либо охраняемых законом интересов»⁵¹.

Теория уголовного права и судебная практика выработали ряд условий правомерности ссылки на крайнюю необходимость, относящихся как к грозящей опасности, так и к защите от нее⁵². Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к грозящей опасности, сводятся к следующему: а) источник опасности может быть разнообразным и выражаться в действия и человека, и стихийных сил природы (А. А. Пионтковский подчеркивает, что в тех случаях, когда источником опасности являются действия человека, разумеются лишь действия противоправные⁵³; поэтому неосновательной будет ссылка на крайнюю необходимость при защите от правомерных действий); б) опасность должна быть наличной; как будущая, так и уже миновавшая опасность не может создать состояние крайней необходимости; в) опасность должна быть действительной, т. е. реально существующей, а не мнимой.

Что касается условий правомерности крайней необходимости, относящихся к защите, то они сводятся в основном к следующему: а) акт, совершенный в состоянии крайней необходимости, может быть совершен для защиты любого, своего или чужого, индивидуального или коллективного правомерного интереса; б) крайняя

⁴⁹ А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1961, стр. 471—472.

⁵⁰ Подробнее об этом см. там же, стр. 410—482; В. Ф. Киряченко. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. Изд-во АН СССР, 1948; И. И. Слуцкий. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Изд. ЛГУ, 1956.

⁵¹ А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 455.

⁵² Там же, стр. 458—463; С. А. Домашин. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1955.

⁵³ А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 458.

необходимость устраняет общественную опасность совершенного действия лишь в тех случаях, когда грозящая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами; в) крайняя необходимость устраняет общественную опасность совершенного деяния лишь в тех случаях, когда причиненный им вред менее того возможного вреда, который был предотвращен⁵⁴.

На Нюрнбергском процессе защита не раз ссылалась на институт крайней необходимости как на обстоятельство, которое должно было исключить международную противоправность действий подсудимых. Эта ссылка делалась чаще всего для того, чтобы снять ответственность гитлеровцев за такие преступления, как разрушение городов, разграбление оккупированных территорий, применение рабского труда. Адвокат Геринга д-р Штамер говорил о «бедственном положении» Германии в ходе войны, что, по его мнению, оправдывало совершаемый практически тотальный грабеж захваченных вермахтом стран. В условиях такого «бедственного положения», по мнению Штамера, «во время войны разрешаются такие действия, которые в принципе и не соответствуют военному праву, т. е. сами по себе противоречат международному праву»⁵⁵. «Путем ссылки на бедственное положение, — говорил он, — оправдываются такие действия, которые были необходимы для устранения опасности и которые не могли быть устранены каким-либо другим способом. Здесь Трибунал должен будет учесть в пользу подсудимого особые обстоятельства и условия военного времени, о которых трудно составить себе полное представление»⁵⁶.

Эта позиция Штамера своими историческими корнями уходила в многолетнюю практику агрессивного германского милитаризма. Еще в «Правилах сухопутной войны» («Kriegsbrauch im Landkriege»), изданных германским генеральным штабом в 1902 г., широко применялась доктрина военной необходимости. Правила без всякого стеснения поставили «военную необходимость» над общепризнанными законами и обычаями войны; в них получила полное признание германская милитаристская доктрина, согласно которой *Kriegsraison* (военная необходимость) стоит выше *Kriegsmanier* (законов и обычаев войны). В тех случаях, когда *Kriegsraison* требует принять те или иные меры для достижения военного успеха или предотвращения опасности, *Kriegsmanier* должен отступить. Еще Гольцендорф писал: «Соблюдение законов войны перестает быть обязательным при таких обстоятельствах, когда соблюдение ограничений, налагаемых законами войны, является помехой для достижения целей войны или избежания чрезвычайной опасности»⁵⁷.

⁵⁴ А. А. Понтковский. Указ. соч., стр. 458—462.

⁵⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 15066.

⁵⁶ Там же, стр. 15070.

⁵⁷ Franz von Holtzendorf. Handbuch für internationalen Recht. Hamburg, 1889, Bd. 4, S. 255.

И тогда, когда были изданы германские «Правила сухопутной войны», и тем более тогда, когда немецкая защита выступала на Нюрнбергском процессе, доктрина военной необходимости, особенно в том виде, как ее преподносили адвокаты германского милитаризма, грубейшим образом противоречила общепризнанным нормам международного права.

Прежде всего, нетрудно было заметить, что защитники этой доктрины в сущности ставят самих военных преступников на положение судей международного права. Поскольку ссылающийся на военную необходимость сам становится судьей, определяющим условия ее применения, постольку это не может не означать полного произвола, полного отрицания международного права.

Германия, как и другие государства, подписала Гаагскую конвенцию 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, ст. 22 которой устанавливает: «Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». Гаагская конвенция в преамбуле содержит указание на то, что она уже составлена с учетом законных требований военной необходимости («Постановления эти, внушенные желанием уменьшить бедствия войны, насколько позволят военные требования...»). Вывод, который отсюда следует, таков: доктрина военной необходимости может выдвигаться лишь в тех пределах, в которых ссылка на эту необходимость делается в конкретных статьях Конвенции. В значительной своей части Гаагская конвенция содержит абсолютно воспретительные нормы, и исключение составляют лишь те нормы, в которых содержатся оговорки о военной необходимости. Примером абсолютно воспретительной нормы может быть п. «а», «b» и др. ст. 23 Конвенции («...воспрещается... употреблять яд или отравленное оружие... убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался»). Но в той же статье имеется и п. «d», который является примером нормы ограниченно воспретительной («Истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват действительно вызывается военной необходимостью»).

Таким образом, совершенно очевидно, что, если бы военная (крайняя) необходимость имела отношение ко всей Конвенции, не было бы нужды включать ее в отдельные статьи.

Опыт ссылок на «военную необходимость» со стороны военных преступников гитлеровской Германии лучше всего свидетельствует о том, что такие ссылки стали средством избавиться себя от обязанности соблюдать международное право.

Материалы судебных процессов над военными преступниками показывают, что доктрина крайней необходимости была взята на вооружение для оправдания не только военных преступлений, но и преступлений против мира. И здесь мы наблюдаем, как эта доктрина поставлена на службу откровенно агрессивной доктрине пре-

вензивной войны. Когда главных преступников второй мировой войны обвиняли в агрессивных актах против ряда стран Европы, их защита выдвинула доктрину превентивной войны, а мотивом их оправдания стала доктрина крайней необходимости. Именно такая юридическая конструкция была преподнесена Международному Военному Трибуналу в Нюрнберге в связи с обвинением некоторых подсудимых в агрессии против Норвегии. «Опасность была очевидной,— заявила защита. Она заключалась в прекращении всякого подвоза... из Скандинавии, в частности в прекращении подвоза железной руды, а также и в том, что союзники получили бы, таким образом, удобную базу для воздушных налетов и в конце концов в том, что германский военно-морской флот находился бы под угрозой с фланга и был бы, следовательно, ограничен в своих операциях»⁵⁸.

Таким образом, основанием для агрессии против нейтральной страны стала военная необходимость создания наиболее благоприятных стратегических условий для ведения агрессивной войны. Между тем, как уже указывалось, материалами Нюрнбергского процесса было установлено, что, когда началось планирование норвежской операции, у германского командования не было никаких опасений насчет возможной высадки англичан в Норвегии. В записках адмирала Асмана от 26 марта 1940 г. говорилось: «Угроза высадки англичан в Норвегии не считается серьезной»⁵⁹. Международный Военный Трибунал признал нападение на Норвегию и ее оккупацию Германией агрессивной войной.

Аналогичный мотив превентивных мер в условиях крайней военной необходимости был выдвинут Германией для нападения на нейтральные Бельгию и Голландию.

Можно сослаться также на агрессию гитлеровской Германии против Югославии. Пронацистское правительство Стоядиновича в Югославии 24 марта 1941 г. заявило о своем присоединении к Пакту трех держав. Но через несколько дней под давлением народных масс это правительство пало, и новое правительство Югославии денонсировало договор о присоединении к Пакту трех держав. В этом факте, имеющем отношение лишь к внутренним делам самой Югославии, гитлеровское правительство узрело для себя опасность, которую сочло достаточной для применения доктрины крайней военной необходимости. Кроме того, как объяснила защита на Нюрнбергском процессе, тогдашний союзник Германии Италия вела в то время неудачную для себя войну против Греции и Гитлер решил, что нападением на Югославию он «устранит серьезную опасность, угрожавшую итальянскому союзнику»⁶⁰.

Так еще и еще раз немецкая защита на Нюрнбергском процессе пыталась доктриной крайней военной необходимости оправдать

⁵⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 792

⁵⁹ Там же, т. 7, стр. 351.

⁶⁰ Там же, т. 5, стр. 639.

открыто агрессивную политику гитлеровской Германии. Усилия немецкой защиты были продолжены затем и в западногерманской международноправовой литературе. Книрим, в частности, прибегает к весьма любопытному способу защиты. Ссылаясь на данные германского командования о подготовке Англией минирования норвежских территориальных вод, для того чтобы воспрепятствовать германскому вывозу руды, Книрим считает, что такие действия, если бы они совершались, не могли бы вызвать возражений со стороны Германии, ибо они в этом случае были бы «продиктованы неизбежной военной необходимостью». А раз это можно было бы Англии, то и Германию нельзя порицать за нападение на Норвегию и оккупацию ее. Британский флот после капитуляции Франции подверг бомбардировке французский флот в Орне. Правительство Петена — союзник гитлеровской Германии — заявило протест. Теперь, стремясь оправдать другие агрессивные акты Германии, Книрим пишет: «Сам по себе этот факт, безусловно, составил бы нарушение международного права, но при тех обстоятельствах он, очевидно, был оправдан необходимостью войны»⁶¹. Книрим пишет, что Франция в то время, несмотря на капитуляцию, все еще была союзницей Англии. Но он сознательно проходит мимо того, что тогдашнее правительство Петена уже было гитлеровской марионеткой и фактически поставило остатки своих вооруженных сил на службу гитлеровской Германии. Но продолжая избранную им тактику «оправдания» некоторых законных актов союзных стран, придавая им характер действий в состоянии крайней необходимости, Книрим заключает свои рассуждения весьма прозрачным выводом: «В соответствии с непоколебимым и древним принципом основой справедливости служит подход равным стандартом и равное рассмотрение одинаковых явлений. Победитель, который оправдывает свои действия, ссылаясь на военную необходимость, но не принимает это в качестве защиты для побежденных, ведет дела, пользуясь не законом, а силой, и чинит не правосудие, а произвол»⁶².

Итак, все упражнения «в защиту» союзников Книрим подчинил единственной цели — оправданию гитлеровской агрессии. Нетрудно заметить, что он легко подменяет понятия «агрессор» и «жертва агрессии» понятиями «победитель» и «побежденный».

Доктрина крайней военной необходимости была широко использована на судебных процессах по делам о преступлениях против человечества и для оправдания военных преступлений.

Наиболее активно ею пользовались для оправдания повсеместного грабежа на оккупированных территориях и массового угона мирного населения на каторжный труд в Германию. В данном случае защита опять-таки ссыталась на то, что в условиях сильно

⁶¹ August Kniegerm. Op. cit., p. 306.

⁶² Там же, стр. 307—308.

возросшего значения экономического фактора в войне Германия стояла перед чрезвычайной опасностью, устранение которой возможно было только путем принятия экстраординарных мер по экономической мобилизации ресурсов оккупированных территорий. «Там, где жизненные интересы государства поставлены под такую угрозу, как бедственное положение государства,— заявил адвокат Геринга д-р Штамер,— нельзя, по-моему, считать, что государство нарушает нормы права, если оно прибегает к методам, необходимым для предотвращения угрожающей опасности»⁶³.

Продолжая свою мысль и пытаясь оправдать применение доктрины крайней военной необходимости, д-р Штамер сказал: «Нельзя не учитывать, что речь идет о войне такой трудности, такого размаха, такой продолжительности и такой тотальности, о которых творцы Гаагских правил ведения сухопутной войны определено не только не имели, но и не могли даже иметь хотя бы малейшего представления. Эта война была войной, во время которой борьба шла за существование или гибель народов. Это была война, во время которой переоценивались все ценности»⁶⁴.

Очевидная неосновательность и юридическая нелепость подобной аргументации устанавливается сопоставлением хотя бы двух следующих обстоятельств.

1. Войны, которые вела гитлеровская Германия, были открыто агрессивными войнами, каждый раз готовившимися задолго до самого акта нападения. Сами по себе они были грубейшим нарушением основ международного права, а поэтому преступлением. Таким образом, если в ходе таких войн для агрессора и создавалось «бедственное положение», «серьезная угроза», то это была угроза, созданная самим агрессором для себя. Попытка же устранить эту угрозу новыми нарушениями международного права не может означать ничего иного, кроме нагромождения на одно преступление многих новых преступлений. Не могут налетчики сослаться на то, что их жертвы оказали им сопротивление и потому они вынуждены были совершить не только ограбление, но и убийство. Гитлеровская Германия, сама развязавшая агрессивные войны против других стран, не могла для себя считать сопротивление своих жертв «войной, во время которой борьба шла за существование или гибель народов».

2. Приведенную аргументацию нюрнбергская защита пыталась использовать для оправдания массового грабежа оккупированных территорий. Но как уже указывалось, германские оккупационные власти приступили к грабежу оккупированных территорий не в связи с «особыми обстоятельствами» той или иной войны, возникшими для Германии в какой-то степени неожиданно. Грабеж оккупированных территорий, как и другие военные преступления, планировался задолго до начала войны и был составной частью

⁶³ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 593.

⁶⁴ Там же, стр. 593—594.

военно-стратегического плана агрессии. Грабеж стал одной из целей самой агрессии и становился орудием колонизации захватываемых стран и создания условий для массового вымирания населения.

Стратегия германского милитаризма заключалась в ведении молниеносных войн, рассчитанных на самые короткие сроки. И действительно, все войны до нападения на Советский Союз носили именно такой характер. Готовя нападение на СССР, гитлеровские агрессоры также рассчитывали на молниеносную войну. «Немецкие вооруженные силы,— указывалось в варианте „Плана Барбаросса“,— должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстрой военной операции Советскую Россию»⁶⁵.

В условиях такой молниеносной войны, конечно, не предусматривались какие-либо экономические затруднения, которые вызвали бы «бедственное положение». И тем не менее германское верховное командование, как уже указывалось, задолго до нападения разработало тщательно, до деталей план повсеместного разграбления Советского Союза. В рамках «Плана Барбаросса» был создан штаб «Ольденбург» по руководству ограблением советских территорий. «Оккупация территории Советского Союза,— указывается в приговоре Международного Военного Трибунала,— характеризуется преднамеренным и систематическим грабежом. Перед нападением на Советский Союз был создан специальный экономический штаб — «Ольденбург» — для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации территории Советского Союза»⁶⁶.

Таким образом, уже этот один пример раскрывает всю юридическую неосновательность ссылок на крайнюю военную необходимость как основание, якобы могущее оправдать массовые грабежи на оккупированных территориях.

Нюрнбергский трибунал отверг ссылку на военную необходимость как средство оправдания преступлений против человечества⁶⁷. И в судебных процессах национальных военных трибуналов ссылка на военную необходимость часто подвергалась основательной критике.

Так, Военный трибунал США, рассматривавший дело по обвинению Флика, указал в приговоре, что ссылка на доктрину необходимости не исключается международным правом, в частности Законом Контрольного совета № 10. Трибунал в этой связи цитирует следующее положение курса уголовного права Вартона: «Доктрина необходимости может быть использована, если доказано, что инкриминируемое действие было совершено с целью предотвратить зло более серьезное и невозместимое, что не существовало других мер для его предотвращения, что причиненный вред менее

⁶⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 559.

⁶⁶ Там же, т. 7, стр. 389.

⁶⁷ Там же, стр. 351—352, 354, 356, 359 и др.

того, который избегнут»⁶⁸. Это же положение, с которым Трибунал солидаризируется, приводится и в приговоре по делу Круппа⁶⁹.

Трибунал, рассматривавший дело Флика, констатирует в приговоре, что подсудимые не вправе ссылаться на доктрину военной необходимости для оправдания своих действий по использованию принудительного труда, ибо, как это было установлено материалами дела, сами подсудимые (Флик и Вейсс) проявили инициативу в деле увеличения правительственной квоты производства и устройства лагеря русских заключенных вблизи завода. Эти «активные шаги», как указал суд, «были предприняты не в результате давления или страха, но сознательно и добровольно в целях поддержания производства на самом высоком уровне»⁷⁰. В приговоре по делу «ИГ Фарбениндустри» указывается, что подсудимые лишили себя возможности ссылаться на доктрину необходимости, так как сами они проявили инициативу по строительству своего завода на территории небезызвестного концлагеря Освенцима с совершенно определенной целью использования заключенных этого лагеря⁷¹.

Военный трибунал в приговоре по делу Круппа указал на два случая, когда доктрина необходимости не применима. «Дилемма, с точки зрения подсудимых, заключалась в следующем: для того чтобы избежать потери должности или контроля над собственностью, я оправдываю использование многих тысяч депортированных, военнопленных и узников концлагерей, применяю принуждение к ним каждодневно, подвергая их смерти или опасности телесных повреждений, содержа их в условиях, которые своим результатом часто имеют смерть многих из них, заставляю их работать в ужаснейших условиях, чтобы производить вооружение, которое будет использовано против их будущих освободителей и даже против их собственного народа». Трибунал приходит к выводу: «Страх утраты собственности не может оправдать применения доктрины необходимости». Но подсудимые настаивали на том, что если бы они, отказавшись использовать рабский труд, сорвали выполнение квот производства, то им угрожала бы не только потеря контроля над собственностью, но и водворение в концлагерь (по словам допрошенного в качестве свидетеля по делу германских монополий бывшего германского министра вооружений Шпера, максимум, что угрожало промышленнику, если бы он даже сознательно не принимал мер для выполнения производственных квот, — это временная, на период войны, потеря контроля над управлением предприятия). По этому поводу Трибунал указывает в приговоре: «Даже в случае, если опасение подсудимых было бы

⁶⁸ «Trials of War Criminals...», v. VI, p. 1200.

⁶⁹ Там же, т. IX, стр. 1443.

⁷⁰ Там же, т. VI, стр. 1202.

⁷¹ Там же, т. VIII, стр. 1187.

реальным, они оказались бы не в худшем положении, чем многие тысячи беспомощных жертв, которых они каждодневно ставили перед опасностью смерти и больших мучений из-за голода и непрерывных бомбежек объектов военной промышленности»⁷².

Весьма убедительно такое указание в приговоре Военного трибунала по делу Липста и др. («дело о заложниках»): «Они (немецкие генералы. — А. П.) ссылаются на военную необходимость, на термин, который они смешивают с потребностями и интересами стратегии... Из показаний обвиняемых явствует, что они рассматривали военную необходимость как понятие, подлежащее определению только ими, и как основу для полного оправдания их действий. Мы не согласны с точкой зрения, что правила ведения войны представляют нечто менее значительное, чем они должны быть на самом деле. Военная необходимость или целесообразность не могут служить оправданием нарушения позитивных норм. Международное право — запретительное право»⁷³.

Этот же Военный трибунал указал в приговоре, что соблюдение Гаагских правил обязательно и что содержащиеся в них запрещения не могут быть отменены путем ссылки на военную необходимость самого чрезвычайного характера, за исключением тех случаев, когда сами Гаагские правила специально обуславливают иное⁷⁴.

Итак, судебная практика по делам о военных преступлениях на основе ярких и убедительных фактов раскрыла реакционную сущность доктрины военной необходимости, показала, что ссылка на нее милитаристов имеет лишь одну цель — оправдать преступления против человечества.

Советская доктрина международного права, отражающая в вопросах права войны советский гуманизм, разоблачает империалистическую практику нарушений законов и обычаев войны, и в частности доктрину военной необходимости, как орудие тотальной войны. Е. А. Коровин еще во время войны подверг разоблачению правовые теории германского милитаризма, в том числе доктрину военной необходимости. То же сделали и другие советские юристы⁷⁵.

В буржуазной науке международного права нет единого мнения по рассматриваемому вопросу. Те из ученых юристов-международников, которые посвятили свою деятельность юридическому оправданию международного беззакония, естественно, выступают в поддержку доктрины военной необходимости. В силу известных

⁷² «Trials of War Criminals...», v. IX, p. 1444—1446.

⁷³ «Law Reports of Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 34, 66.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Е. А. Коровин. Краткий курс международного права, ч. II. Изд. ВЮА, 1944, стр. 13, 14; Ф. И. Кожевников. Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права. Изд. МГУ, 1954, стр. 76, 111; Д. И. Бараташвили. Американская теория международного права. Госюриздат, 1956, стр. 108.

условий германская буржуазная наука международного права больше других изобиловала авторами, выступавшими в поддержку этой доктрины. Это Гольцендорф, Мойер, Лист, Луедер. А ныне в ФРГ — это Кширим, Латеризер, Кранцбюллер и др. Но вместе с тем доктрина военной необходимости подвергалась справедливой и убедительной критике в работах других буржуазных авторов.

Так, Кастрен в специальной монографии, посвященной праву войны, говорит о доктрине военной необходимости как об «опасной и вводящей в заблуждение». Германская точка зрения на счет «гибкости законов войны должна быть безусловно отвергнута, поскольку она не может быть юридически оправдана и поскольку последствия ее практического применения чрезвычайно опасны», — пишет он ⁷⁶.

Противниками этой доктрины являются и Хиггинс, Колумбос, Дауней ⁷⁷. Ветцель считает, что «военная необходимость никогда не являлась достаточным извинением за нарушения международного права. Очевидно, ни договоры, ни конвенции, посвященные законам и обычаям войны, ни практика государств не разрешают ссылаться на военную необходимость как оправдание для совершения военных преступлений» ⁷⁸.

Гринспен в работе «Современное право сухопутной войны» критикует доктрину военной необходимости, сравнивая ее с проблемой исполнения приказа: «Трудно представить себе случаи, когда лицо подвергается большему принуждению, чем солдат на военной службе, который получает приказ от своего начальника. Солдат обычно находится в таком положении, что не может избежать выполнения приказа путем апелляции к другим властям. Имея в виду такую ситуацию, трудно настаивать на том, что ссылка на необходимость составляет достаточную защиту для обвинения в преступлении против законов и обычаев войны» ⁷⁹.

Исторический опыт вооруженных конфликтов показал, что доктрина военной необходимости использовалась неизменно с одной целью — оправдать нарушения законов и обычаев войны, легализировать эти нарушения.

4. Принцип «tu quoque» и ответственность за военные преступления

В материалах судебных процессов по делам о преступлениях против человечества, а также в послевоенной буржуазной литературе международного права часто приходится сталкиваться

⁷⁶ Erik Castren. The Present Law of War and Neutrality. Helsinki, 1954, p. 65.

⁷⁷ «American Journal of International Law», 1953, v. 47, p. 251—262.

⁷⁸ P. Woetzel. The Nuremberg Trials in International Law. London — N. Y., 1960, p. 120.

⁷⁹ M. Greenspan. Op. cit., p. 501.

со ссылками на принцип «*tu quoque*», как на еще одно основание для освобождения от ответственности военных преступников.

Иногда «*tu quoque*» сравнивают с институтом репрессалий, но между этими понятиями имеется разница, хотя в сущности оба они используются для одной и той же цели — незаконного оправдания военных преступников.

Репрессалии — это ответное действие, осуществляемое в форме, которая при других условиях была бы незаконной, одной воюющей стороной против неприятельских лиц или имущества в ответ на совершение другой воюющей стороной актов войны, нарушающих законы войны⁸⁰. Назначение репрессалий — понуждение другой или других сторон к соблюдению общепризнанных правил ведения войны, средство заставить неприятеля отказаться от того или иного запрещенного международным правом средства или способа войны.

Опыт второй мировой войны показал, как провокационно использовались агрессорами репрессалии в качестве орудия тягчайших преступлений против человечества. И Женевские конвенции 1949 г. значительно ограничили права воюющих в применении репрессалий.

Но наряду с репрессалиями практике второй мировой войны было известно явление, близко напоминающее репрессалии и тем не менее отличающееся от них получившее в международно-правовой литературе название принципа «*tu quoque*» («как и другой»).

В ряде случаев военные трибуналы, в том числе даже и Международный Военный Трибунал, оправдывали германских военных преступников на том основании, что инкриминируемые им действия совершались и вооруженными силами некоторых союзных стран.

Можно ли поставить в один ряд действия, совершаемые в порядке репрессалий, и действия по принципу «*tu quoque*»? Видимо, нет. Принцип «*tu quoque*» лишь напоминает репрессалии, так как действия, совершаемые в том и другом случае, предполагают отход от норм международного права. Но различие между ними заключается в том факте, что принцип «*tu quoque*» применяется не с целью вынудить противника отказаться от своего незаконного поведения, а в целях отвода возможного протеста противника, который захотел бы поставить под сомнение законность такого же поведения другой стороны.

Чтобы практически разобраться в этом вопросе, используем в качестве примера дело Деница.

Ему инкриминировалось на Нюрнбергском процессе ведение неограниченной подводной войны в нарушение Морского протокола 1936 г. Обвинение на процессе представило ряд убедительных

⁸⁰ Л. Оппенгейм. Международное право, т. II, полутом 2. ИЛ, 1950, стр. 118.

доказательств того, что 3 сентября 1939 г. германский подводный флот начал вести неограниченную подводную войну в отношении всех торговых судов, как вражеских, так и нейтральных, цинично пренебрегая правилами Протокола. При этом незаконным атакам подвергались в открытом море не только вооруженные, но и невооруженные торговые суда⁸¹.

Согласно директиве германского командования от 30 декабря 1939 г., командирам подводных лодок предписывалось топить все суда без какого-либо предупреждения в тех водах вблизи берегов врага, в которых могут находиться мины. В этом случае для оправдания предлагалось ссылаться на мины.

Германские подводные лодки не только топили торговые суда без всякого предупреждения, не только не принимали мер для спасения пассажиров, что предписывается Лондонским протоколом, но, более того, уничтожали огнем пулеметов всех, кто после потопления судна пытался спастись.

Приказ Деница (№ 154) гласил: «Не подбирайте спасшихся и не берите их с собой. Не заботьтесь о спасательных лодках торговых судов. Условия погоды и расстояние от земли не играют никакой роли. Заботьтесь только о своем собственном судне и боритесь только за то, чтобы достичь следующего успеха так скоро, как возможно. Мы должны быть жестокими в этой войне...»⁸² Допрошенные на Нюрнбергском процессе свидетели Хейзиг и Мелле подтвердили, что Дениц дал прямой и недвусмысленный приказ топить без предупреждения не только торговые корабли, но и людей, которые после торпедирования корабля пытались спастись⁸³.

Виновность Деница в грубейшем нарушении правил Протокола 1936 г. не вызывала никаких сомнений. И тем не менее защита его на Нюрнбергском процессе прибегла к одному приему, в результате которого Дениц был оправдан по обвинению в незаконном ведении подводной войны. Защита утверждала на процессе, что современная тотальная война не допускает иного метода ведения боевых действий, чем тот, которым пользовался Дениц. Защита, неофициально проинформированная американским командованием, сослалась на то, что американский подводный флот на Тихом океане в войне с Японией прибегал к тем же методам борьбы, что и германский в Атлантике. С разрешения Международного Военного Трибунала защита направила запрос командующему американским флотом на Тихом океане адмиралу Нимицу, и тот официально ответил, что американский подводный флот вел боевые действия против торгового судоходства противника теми же средствами и методами тотальной войны, что и германский. Нимиц сослался при этом на специальный приказ начальника опе-

⁸¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 4, стр. 836—848.

⁸² Там же, стр. 844.

⁸³ Там же, стр. 850, 854—855.

ративного штаба военно-морского флота США от 7 декабря 1941 г. «О ведении неограниченной подводной войны против Японии». Обращает на себя внимание дата этого документа — 7 декабря 1941 г. Это первый день войны между США и Японией. Совершенно очевидно, что речь идет о мобилизационном приказе, т. е. об одном из тех приказов, которые заготавливаются еще в мирное время, но рассчитаны на войну. Таким образом, появление такого приказа не могло объясняться как репрессалии на аналогичные меры противника, хотя хорошо известно, что японские вооруженные силы действовали на море с не большим уважением к международному праву.

Кроме того, защита Деница представила Трибуналу некоторые приказы английского адмиралтейства, изданные в 1940 г. и предусматривавшие такие методы ведения морской войны, которые также не укладывались в общепризнанные нормы международного права.

Рассмотрев все представленные доказательства, Нюрнбергский трибунал в приговоре записал:

«Учитывая все доказанные факты, и в особенности приказ британского адмиралтейства, объявленный 8 мая 1940 г., о том, что все суда, появившиеся в Скагерраке ночью, должны быть потоплены, а также ответы адмирала Нимица на опросный лист, которые гласят, что Соединенные Штаты вели в Тихом океане неограниченную морскую войну с первого дня вступления этого государства в войну, мера наказания Деницу не определяется на основании нарушения им международного права в области подводной войны»⁸⁴.

Таким образом, Международный Военный Трибунал, к сожалению, и в этом частном случае отошел от правильной квалификации действий отдельных подсудимых. В сущности линия приговора Трибунала в данном вопросе оказалась линией взаимопрощения, взаимной индальгенции.

Западногерманский профессор международного права Волл, выступая на судебном процессе по делу «ИГ Фарбениндустри», сказал по поводу оправдания Деница: «Этот приговор не имеет в виду ничего иного, кроме того, что нарушение международного права не может быть наказано, если бывшие страны-противники совершили аналогичные нарушения»⁸⁵. Волл подчеркнул большое значение решения по делу Деница для этого процесса еще и потому, что защита по делам о монополиях ухватилась за принцип «*tu quoque*» для оправдания руководителей германских монополий.

Пример с Деницем был далеко не единственным, раскрывающим сущность ссылки на принцип, который иногда рассматривают как принцип «чистых рук».

⁸⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 477.

⁸⁵ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 893.

Вот еще один пример. В данном случае речь пойдет о воздушной войне. Германская авиация с первых же дней войны прибегла к самым террористическим методам ведения воздушной войны. Бомбардировки мирных городов и расстрелы из пулеметов гражданского населения стали обычными. Появилось в терминологии войны понятие «ковентрировать»⁸⁶.

И тем не менее ни в приговоре Международного Военного Трибунала, ни в приговорах национальных военных трибуналов западных держав не содержится осуждения гитлеровских преступных методов воздушной войны.

Волл в своей речи, комментируя приговор Международного Военного Трибунала, отметил, что «никаких обвинений не было предъявлено в связи с бомбардировками незащищенных городов... никого не обвинили в разрушении больниц и т. д., т. е. все действия, совершенные в войне на море и в воздухе в осуществление плана тотальной войны, не были включены в обвинительное заключение, ибо союзники совершали те же действия»⁸⁷. Действительно, в ряде случаев американская и английская авиация на последнем этапе войны прибегала к таким массированным бомбардировкам германских городов (Дрездена, Кельна), в которых, конечно, не было никакой военной необходимости. На последнем этапе войны были случаи, когда англо-американская авиация и бомбардировку военных объектов подчиняла таким интересам, которые ничего общего не имели с целями и задачами войны (например бомбардировки заводов Шкода в Чехословакии и румынских нефтяных промыслов). Учитывая американско-английскую практику бомбардировок, главный американский обвинитель на нюрнбергских процессах после 1946 г. генерал Тэйлор признал, что «воздушная война велась с обеих сторон с величайшими нарушениями и поэтому этот вопрос не включен ни в один из приговоров»⁸⁸.

Видимо, поэтому в приговоре Международного Военного Трибунала нет и упоминания о тотальной воздушной войне и несомненным недостатком приговора является то, что Герингу, командовавшему военно-воздушными силами, не было поставлено в вину ведение преступной по своим методам воздушной войны. Трибунал просто прошел мимо этого обвинения.

Любопытно, однако, что это умолчание не осталось незамеченным. Военный трибунал США рассматривал дело верховного германского командования, и на скамье подсудимых по этому делу находились в числе других фельдмаршал Шперле и адмирал Шни-

⁸⁶ Английский город Ковентри подвергся в начале войны варварской бомбардировке нацистской авиации. Под выражением «ковентрировать» имелось в виду преднамеренное уничтожение с воздуха мирных городов и гражданского населения. Слово «ковентрировать» стало синонимом разбойничьих, тотальных воздушных бомбардировок.

⁸⁷ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 895.

⁸⁸ «Telford Taylor. The Nuremberg Trials. War Crimes and International Law. «International Conciliation», IV, 1949, N 450, p. 341.

видт. Первый обвинялся в грубейшем нарушении законов и обычаев воздушной войны, в тотальных бомбардировках мирных городов, второй — в ведении разбойничьей подводной войны на море. Оба были оправданы американским трибуналом, сославшимся в качестве основания на приговор Международного Трибунала, оправдавшего Деница и не осудившего за воздушную войну Геринга⁸⁹.

В сущности и в этом случае был применен принцип «*tu quoque*», но столь же необоснованно, как и в первом случае. Необоснованно потому, что общепризнанным принципам уголовного права глубоко чужд этот принцип, провозглашающий безнаказанность одного за совершение преступления, если такое же преступление совершил другой. Уголовное право — это не имущественный спор между людьми, где возможны любые расчеты, перерасчеты и учет взаимных претензий.

К тому же, фактические обстоятельства уголовных дел немецких военных преступников, обвинявшихся в преступных методах воздушной войны, не давали решительно никаких оснований для какого-либо «зачета» ответственности. Основные преступные действия германской авиации происходили в первые годы второй мировой войны — 1940—1941, т. е. тогда, когда сами они не имели оснований жаловаться на какие-либо нарушения правил воздушной войны со стороны западных держав. Поэтому совершенно очевидно, что германское командование односторонне и сознательно пошло на грубейшие нарушения международного права, за что и должно было понести ответственность независимо от последующих действий других участников войны.

Таким образом, принцип «*tu quoque*» становится принципом безнаказанности военных преступлений, принципом, разваливающим международное право.

Но указанными примерами дело не ограничилось. Защита на процессах военных преступников пошла дальше в своих попытках самого расширительного его толкования. Она решила доказать, что бомбардировка англо-американской авиацией германских городов и англо-американский способ ведения войны на море преследовали цель подавить моральный дух населения и уничтожить военно-экономический потенциал Германии. «Если тотальная война, — заявил в своей речи Волл, — сделала этот вид уничтожения человеческих жизней и собственности методом ведения войны, применяемым обеими сторонами, то тогда, по-моему, нельзя заявлять о том, что использование экономического потенциала оккупированных Германией территорий является преступным нарушением Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Если государственный деятель видит, что военный потенциал его страны разрушается нападением с воздуха и подобное разрушение произво-

⁸⁹ «Trials of War Criminals...», v. XII, p. 12.

дится с грубым нарушением международного права, его нельзя на законном основании обвинить в использовании в своих интересах какой бы то ни было части промышленного потенциала в странах противника, находящихся в его руках. Начало и постепенная интенсификация германской политики на оккупированных территориях происходили одновременно с интенсификацией методов тотальной войны другой стороной. Наименьшее, что может быть сказано в этом случае, это то, что в соответствии с принципом „tu quoque“ тот, кто проводил военные действия против гражданского населения такими ужасными методами, должен быть лишен права судить»⁹⁰.

Мы сознательно столь подробно процитировали речь Волла, чтобы показать не только лживый характер поведения германской защиты, но и как далеко может завести применение принципа «tu quoque». Итак, ссылка на «tu quoque» должна уже, оказывается, оправдать и тотальную воздушную и морскую войну, и грабительскую оккупационную политику нацистской Германии. Волл считает, что американские бомбардировки с воздуха Германии вполне оправдывают нацистские грабежи на оккупированных территориях СССР и Франции, Югославии и Чехословакии. «Использование труда жителей,— продолжает он,— только песчинка по сравнению с их уничтожением». Так делается попытка оправдать чудовищную систему рабского труда, охватившую все оккупированные страны Европы и в общей сложности многие миллионы людей.

Лишь одно обстоятельство тщательно скрывают те, кто оправдывает нацистские преступления ссылкой на «tu quoque», — разрыв во времени. Материалами Нюрнбергского процесса установлено, что планы экономического разграбления, вытекающие из общего плана аннексии ряда государств Европы, были разработаны нацистскими властями до начала каждой агрессии, т. е. когда не было налетов американской авиации на Германию, больше того, как раз в разгар разбойничьих действий в воздухе германской авиации. И ни в одном из документов, содержащих директивы по грабежу, и речи не было о том, что эти меры осуществляются в порядке ответных мер. Таким образом, уже одним этим фактом вскрывается заведомая ложь, окутывающая историю с принципом «tu quoque». Надо отдать справедливость Международному Военному Трибуналу и некоторым национальным трибуналам: в применении указанного принципа они не пошли столь далеко, чтобы оправдать всю оккупационную политику гитлеровской Германии.

Однако аргумент «tu quoque» оставил довольно-таки глубокий след в послевоенных теориях, авторы которых стремились не только оправдать гитлеровских военных преступников, но и узаконить режим беззакония в международных отношениях, особенно в период войны.

⁹⁰ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 896.

Так, Книрим пишет, что в результате применения принципа «*tu quoque*» «складывается положение, при котором в конечном счете ни одно государство больше не уважает законы международного права и при котором, как говорил Пейджет, английский защитник по делу Манштейна, закон теряет свою силу в отношениях между двумя государствами на период конкретной ситуации, обычно на период войны»⁹¹.

Рассуждая далее о последствиях применения принципа «*tu quoque*», Книрим считает, что то, что вчера было еще незаконным, становится законным сегодня. Он пишет о создании «исключений» в международном праве и в качестве основания для таких «исключений» предлагает принцип «*tu quoque*». Книрим окончательно раскрывает карты, когда делает следующее заключение: «Постольку, поскольку эти исключения постоянно применяются, необходимо будет рассмотреть вопрос, не привели ли они уже к изменению самой нормы»⁹².

Вот к этому-то и вел он все свои рассуждения. Впрочем, еще раньше, до второй мировой войны, в аналогичном смысле высказался американский юрист-международник Фридмэн, который пришел к выводу, что нарушение законов войны при современной военной технике представляет собой совершенно нормальное явление. Более того, утверждает Фридмэн, эти нарушения свидетельствуют не о злой воле империалистических государств, а об устарелости прежних международноправовых норм, из чего он делает вывод о необходимости замены их новыми, соответствующими новой обстановке. Как же должны создаваться эти новые нормы международного права? Законы и обычаи войны должны, по мнению Фридмэна, вытекать из практики отдельных воюющих государств и соответствовать ей⁹³.

Если практика последних войн, как известно, дала многочисленные примеры нарушения общепризнанных законов и обычаев войны, то, по Фридмэну, новые нормы должны рождаться из этих нарушений, т. е. нарушения должны стать нормами права. «Как бы то ни было,— заявляет Фридмэн,— можно с уверенностью сказать, что современные нужды войны обычно превалируют над гуманитарными мотивами»⁹⁴.

В послевоенных условиях другой американский юрист Лестер Нурик в статье, озаглавленной «Различие между комбатантами и некомбатантами в праве войны», опять-таки вопрошает: можно ли игнорировать «новые методы ведения войны», даже если они находятся в резком противоречии с общеустановленными законами и обычаями войны? И отрицательно отвечает на этот вопрос. Иначе, объясняет он, международное право очень скоро может порвать с

⁹¹ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 313.

⁹² Там же, стр. 314.

⁹³ «American Journal of International Law», 1939, v. I, p. 177.

⁹⁴ Там же.

действительностью и потому утратить всякое значение. Поэтому Нурик в сущности рекомендует при рассмотрении вопроса о том, что является законом войны, исходить не столько из международных конвенций, сколько из практики воюющих государств⁹⁵.

Нетрудно заметить полное сходство в позициях Фридмана, Нурика и Книрима — все приходят к одному выводу, что практика воюющих государств корректирует систему законов и обычаев войны и именно эта практика грубейших нарушений должна стать главным источником формирования международноправовых норм, должна заменить самое право произволом воюющих.

Но еще Маркс, разоблачая поправки буржуазией законности, писал, что вообще «нельзя допустить, чтобы нарушения права заменили само право»⁹⁶.

Судебная практика по делам о военных преступлениях, вставшая на путь применения принципа «*tu quoque*», не может быть признана законной. Этот принцип изобретен лишь для одной цели — взаимной индульгенции нарушителей международного права, для разрушения его.

5. Доктрина покорения (*debellatio*) и ответственность за преступления, совершенные на оккупированной территории

Доктрина покорения широко использовалась официальными и неофициальными нацистскими защитниками на судебных процессах по делам о военных преступлениях, чтобы снять ответственность с нацистов за злодеяния, совершенные ими на оккупированных территориях. Эта доктрина выдвигалась для узаконения таких преступлений, как ограбление оккупированных территорий, массовые депортации населения на каторжный труд в Германию, принуждение населения оккупированных территорий к различным формам участия в военных действиях против своей страны, и других грубейших нарушений оккупационного режима.

Доктрина покорения была сконструирована путем извращения общепризнанных положений международного права о режиме оккупированных территорий, и в частности того положения, согласно которому военная оккупация есть временное занятие вооруженными силами неприятельской территории и судьба ее решается обычно мирным договором. По доктрине покорения судьба оккупированных территорий решается самим оккупантом, особенно в случаях полного завоевания одним государством другого.

В прежние времена так практически и складывались отношения между воюющими. Как отмечает Оппенгейм, «неприятельская территория, занятая воюющим, безоговорочно считалась его госу-

⁹⁵ Lester Nurick. *The Distinction Between Combatants and Noncombatants*. «*American Journal of International Law*», 1945, v. X, p. 689.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 408.

дарственной собственностью. Воюющий мог поступать с ней и с ее населением по своему усмотрению. Он мог уничтожать огнем и мечом все, находившееся на занятой им территории, обращать в свою пользу всю имеющуюся там государственную и частную собственность, убивать жителей, брать их в плен или приводить к присяге на верность»⁹⁷. Оппенгейм отмечает, что, не ожидая окончательного исхода войны и прочного закрепления своего положения на оккупированной территории, воюющий мог даже распорядиться этой территорией и уступить ее третьему государству. Воюющий считал себя вправе понуждать жителей оккупированной им территории служить в его собственной армии и участвовать в вооруженной борьбе против своей страны. Оккупант не был связан никакими законами, ограничивавшими его права на оккупированной территории. Оккупация превращалась в средство безудержного грабежа и насилия.

Однако в XVIII в. положение постепенно стало меняться. Приход к власти буржуазии в основных странах Европы привел к изменению взгляда на юридический характер оккупации. Буржуазия, заинтересованная в обеспечении основного принципа капиталистического общества — неприкосновенности частной собственности, — не могла мириться с системой, при которой войны ведутся по принципу «*bellum omnium contra omnes*» («война всех против всех»). Буржуазия в период прихода ее к власти была заинтересована в создании условий для дальнейшего развития нарождающихся капиталистических производительных сил. Принципы защиты права частной собственности и ряда других присущих буржуазной эпохе институтов должны были вызвать к жизни новые взгляды на войну вообще и военную оккупацию в частности. Оккупация стала рассматриваться как временное занятие территории, оккупант стал считаться обязанным принимать определенные меры охраны общественного порядка, жизни и имущества населения и особенно защиты частной собственности.

Постепенно складываются обычные, а затем и конвенционные нормы, закрепляющие новый режим военной оккупации. Наиболее полное выражение этот режим нашел в IV Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. Согласно нормам этой конвенции, воюющему запрещается принуждать население занятой области давать сведения об армии другого воюющего или о его средствах обороны. Оккупант не имеет права принуждать население занятой области к присяге на верность неприятельской державе.

Эти и некоторые другие правила Гаагской конвенции, таким образом, подчеркивают то обстоятельство, что оккупация есть временное занятие территории, что факт оккупации свидетельствует лишь о временной замене одной власти другой, но отнюдь не озна-

⁹⁷ Л. Оппенгейм. Указ. соч., т. II, полутом 1. ИЛ, 1949, стр. 413.

чает ликвидацию суверенитета государства над той частью территории, которая подверглась оккупации.

Однако практика войн, особенно конца XIX в., а затем и XX в., когда капитализм перешел в империалистическую стадию своего развития, сопровождающуюся все большим отходом буржуазии от ею же созданной законности, в том числе в области международного права, показывает, что воюющие государства не считаются с этими нормами Гаагской конвенции. Неоднократно в ходе последних войн воюющие рассматривали факт оккупации как достаточное основание для инкорпорации оккупированной территории в состав своего государства.

Немало примеров незаконного присоединения оккупантом таких территорий дали мировые войны. В ходе второй мировой войны гитлеровская Германия оккупировала Польшу, Норвегию, Данию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию, Югославию, Грецию, часть советской территории. В нарушение требований Гаагской конвенции, значительная часть оккупированной территории подверглась инкорпорации, а по существу аннексии, т. е. включению в состав Германии. 18 мая 1940 г. гитлеровское правительство издало декрет, по которому оккупированные немецкими войсками Эйпен, Мальмеди и Морене включались в состав германской территории. Не дожидаясь окончания войны, германское правительство объявило о присоединении к Германии французской территории — Эльзаса и Лотарингии. Также было объявлено об инкорпорации в состав Германии Познани, Верхней Силезии, Тешина, Померании, Лодзи и других польских территорий.

Исходя из того, что оккупация с точки зрения международного права рассматривается как временное явление, оккупант не имеет права упразднить на оккупированной территории действовавшие до оккупации законы. Он вправе приостановить действие тех местных законов, которые не отвечают интересам безопасности его армии или оккупационной власти, а также издавать временные административные акты, поскольку, как это предусмотрено ст. 43 IV Гаагской конвенции, это может быть необходимым для восстановления и обеспечения общественного порядка. Общий же принцип, выраженный в этой статье, заключается в том, что оккупант должен уважать существующие в стране законы.

Однако гитлеровские власти на всех оккупированных территориях отменяли действие местных законов и вводили законодательство, соответствующее их интересам.

На процессах в Нюрнберге защита для оправдания нацистской оккупационной политики прибегла к доктрине покорения. «Утверждалось также, — говорится в приговоре Международного Трибунала, — что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав германской империи; это обстоятельство

якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии»⁹⁸.

После Нюрнбергского процесса этот тезис стал господствующим в выступлениях многих западногерманских реакционных теоретиков международного права. Наиболее полно выразил его Книрим. «Побежденное государство,— пишет он,— не обладает чертами, которые присущи суверенной стране. Оккупирующее государство становится хозяином положения в покоренной стране. Оно обладает исключительным правом распоряжаться будущим населения этой страны и самого государства»⁹⁹. Вывод, вытекающий из этого, заключается в том, что любые меры, предпринимавшиеся гитлеровскими властями на оккупированных территориях в отношении населения, были законными мерами суверенного германского государства, внутренним делом Германии, которая в отношении таких территорий не была уже связана нормами международного права.

Даже отвлекаясь от положений Гаагской конвенции о юридическом статусе оккупированных территорий, нетрудно установить, что здесь полностью игнорируется характер войны, которая велась гитлеровским государством в Европе. Война эта была агрессивной, а при таких условиях доктрина покорения может рассматриваться лишь как средство легализации преступных результатов войны.

Но Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, подвергая критике эту доктрину, сослался не только на факт агрессивного характера войны. «По мнению Трибунала,— указывается в приговоре,— в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта „доктрина покорения“, в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г.»¹⁰⁰

Военный трибунал, рассматривавший дело «ИГ Фарбениндустри», полностью солидаризировался с мнением Международного Военного Трибунала в этом вопросе. «Доктрина покорения,— указывается в приговоре по этому делу,— считается неприменимой в тех случаях, когда все еще происходили военные действия, стремящиеся восстановить за оккупированной страной ее собственность. Гаагские соглашения не становятся неприменимыми, потому что рейх «аннексировал», или «присоединил», части оккупированной территории к Германии, так как... продолжались военные действия,

⁹⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 404.

⁹⁹ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 318.

¹⁰⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 404.

направленные на возвращение оккупированным странам их владений... Таким образом, становится совершенно излишним, рассматривая вопрос о грабежах в Польше, Эльзасе и Лотарингии, принимать во внимание аргументы, которые выдвинуты защитой»¹⁰¹.

Следовательно, и Международный Трибунал, и Военный трибунал по делу германских монополий выдвинули два тезиса в опровержение доктрины покорения.

1. Агрессивная война — международное преступление, поэтому любые акты, в результате которых происходит присоединение территории стран — жертв агрессии к территории государства-агрессора, с точки зрения современного международного права ничтожны. Отсюда очевидный вывод о противоправности ссылки на доктрину покорения.

2. Захваченные в ходе войны территории противника не могут быть инкорпорированы до тех пор, пока не закончена война, пока продолжаются военные действия и существует вооруженное сопротивление¹⁰².

Книрим рассматривает конкретные ситуации применительно к отдельным странам, чьи территории были оккупированы германскими войсками, и в каждом случае пытается доказать, что были основания считать, что война в отношении этих стран была закончена. Так, Польшу он считает захваченной, поскольку организованное сопротивление польских вооруженных сил прекратилось. В отношении Франции Книрим в сущности ограничивается ссылкой на капитуляцию войск и соглашение о перемирии. Но в обоих случаях он не может отрицать того очевидного факта, что мирного договора не было ни с той, ни с другой страной, а окончательная судьба территорий, захваченных во время войны, решается именно в таком договоре.

Мы уже говорили о том, что лишены всякого юридического основания претензии, вытекающие из результатов агрессивной войны, которая, не создавая никаких прав для агрессора, влечет строжайшую ответственность ее зачинщиков.

Но попробуем на минуту отвлечься от характера второй мировой войны, сделаем то, к чему неоднократно призывала защита на судебных процессах и на чем настаивают некоторые реакционные буржуазные юристы типа Книрима,— встанем на позицию того «классического» международного права, которое, зная уже Гаагские конвенции, еще не знало постулата о преступности агрессивной войны. Можно ли, находясь на такой позиции, оправдать действия гитлеровской Германии, аннексировавшей во время второй мировой войны ряд занятых территорий и потому считавшей, что все ее действия по экономической эксплуатации этих территорий,

¹⁰¹ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 137.

¹⁰² Georg Schwarzenberger. *Manual of International Law*. London, 1947, p. 50—51; M. Green span. *Op. cit.*, p. 600—601.

использованию принудительного труда и т. д. были вполне законными? На этот вопрос можно ответить только отрицательно.

Порок рассуждений Книрима, вобравшего в свою аргументацию мнение всей германской защиты на процессах, заключается в том, что он рассматривает вооруженный конфликт нацистской Германии с каждой страной как изолированную войну. Между тем возникшая в 1939 г. война с самого начала была войной двух коалиций. Исторический опыт показывает, что страны, вступающие в коалицию, как правило, связывают себя обязательством не заключать в военное время сепаратных договоров с противником и не считать войну законченной, пока не прекратится сопротивление всех участников коалиции. Независимо от подлинных мотивов англо-французской политики Англия и Франция сразу же стали союзниками Польши. Англия 25 августа 1939 г. подписала с Польшей Пакт о взаимопомощи. То, что война против Польши будет всевропейской войной, Германии стало еще понятнее после англо-французского ультиматума 3 сентября 1939 г.¹⁰³

Сложившаяся со вступлением Советского Союза в войну антигитлеровская коалиция сразу же поставила своей целью коллективную борьбу за свободу и независимость народов, подпавших под гитлеровское господство. Что же касается Советского Союза, то он определил своей целью в войне «не только ликвидацию опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»¹⁰⁴.

Уже в первые дни войны Советское правительство заключило договоры с правительствами ряда государств, чьи территории оказались оккупированными германскими войсками, и участники договоров взаимно обязались оказывать друг другу помощь в борьбе с германской агрессией¹⁰⁵. Были подписаны соглашения о совместных военных действиях против гитлеровской Германии. На территории СССР и других стран — участниц антигитлеровской коалиции создавались национальные воинские части стран (Польши, Чехословакии)¹⁰⁶, оказавшихся оккупированными Германией. В Декларации Советского правительства на Межсоюзнической конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г. было указано: «Советское правительство вместе с тем считает необходимым с особой силой подчеркнуть, что основная задача, стоящая в настоящее время перед всеми народами, признавшими необходимость разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма, заключается в том, чтобы сконцентрировать все экономические и военные

¹⁰³ В этом ультиматуме указывалось, что Англия и Франция будут считать себя в состоянии войны с Германией, если последняя немедленно не прекратит боевые действия против Польши и не выведет оттуда свои войска.

¹⁰⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. Госполитиздат, 1946, стр. 34.

¹⁰⁵ Там же, стр. 49, 131.

¹⁰⁶ Там же, стр. 138.

ресурсы свободолюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнетом гитлеровских орд»¹⁰⁷.

Атлантическая хартия, к которой присоединился и Советский Союз, характеризуя цели антигитлеровской коалиции, указала, что участники ее «не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», что «они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»¹⁰⁸.

Таким образом, с первых дней второй мировой войны для гитлеровской Германии должно было быть ясно, что она вместе со своими союзниками по агрессии вступает в коалиционную войну, результаты которой нельзя определять по успехам или неудачам на том или ином ее участке. А раз это так, гитлеровская Германия, не располагавшая ни одним мирным договором, который может подвести итоги войны (и в частности, решить судьбу территории воюющих государств), продолжавшая военные действия против коалиции в целом, не имела решительно никаких оснований применять доктрину покорения к тем или иным странам, которые на том или ином этапе войны оказывались полностью или частично оккупированными ее войсками.

Но дело не только в этом. Доктрина покорения не могла применяться еще и потому, что не было в Европе ни одной страны, которая, будучи полностью или частично оккупированной, не продолжала бы оказывать сопротивление германской агрессии.

Трудно оспорить тот факт, что в июле 1941 г. на всем протяжении советско-германского фронта, от Баренцова моря до Черного, шли кровопролитные бои между Советскими вооруженными силами и германской армией. Тем не менее 16 июля 1941 г. на секретном совещании в германской ставке было принято уже решение об аннексии ряда советских территорий. Вот выдержка из решения этого совещания: «Крым должен быть освобожден от чужаков и заселен немцами... австрийская Галиция должна стать областью германской империи... вся Прибалтика должна стать областью империи...» Совещание решило также присоединить к Германии Кольский полуостров. «На Ленинградскую область претендуют финны,— значит в протоколе совещания.— Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей, с тем чтобы затем отдать его финнам»¹⁰⁹.

Как уже говорилось, защита на процессах в Нюрнберге объясняла аннексию Германией французских территорий тем, что Франция выбыла из войны, что она была покорена, а поскольку эта ан-

¹⁰⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 166.

¹⁰⁸ Там же, стр. 167.

¹⁰⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 582, 584.

нексия была произведена, то Германия не обязана была, во всяком случае, на присоединенных территориях, которые стали частью рейха, считаться с нормами международного права. В этих новых условиях, утверждала защита, к вывозу «собственного» населения не применимо слово «допортация», собственность этого населения уже находится под защитой нового государства, а отнюдь не международного права.

Порочность подобных рассуждений раскрывается прежде всего тем фактом, что война в Европе не закончилась, не закончилась война и с Францией. Мирного договора не было, а соглашение о перемирии — явно недостаточный юридический титул для аннексии территории.

Но дело не только в том, что не было мирного договора. Важнее та причина, по которой Германия не решалась навязать марионеточному режиму Петена такой договор. А причина эта заключалась в том, что Франция продолжала сражаться как внутри страны, так и вне ее. Все более и более активизирующееся движение Сопротивления свидетельствовало о растущем внутреннем фронте борьбы с агрессией. Создание же вне Франции Французского национального комитета, руководившего военными действиями против Германии в заморских департаментах и других французских территориях, свидетельствовало о создании внешнего фронта вооруженной борьбы с гитлеровской агрессией. Французский национальный комитет (с 1942 г. он стал именоваться «Сражающаяся Франция») по его собственному определению был «совокупностью французских граждан и территорий, которые не признают капитуляции и которые всеми имеющимися в их распоряжении средствами способствуют, где бы они ни находились, освобождению Франции через совместную победу союзников над гитлеровской Германией и над всеми ее сообщниками в Европе»¹¹⁰.

Страны антигитлеровской коалиции, связанные с Французским национальным комитетом договорами и ведущие войну против нацистской Германии, ставили одной из целей этой войны освобождение Франции.

В этих условиях гитлеровская Германия тем более не имела никаких оснований прибегать к доктрине покорения и считать себя свободной от международноправовых обязательств на незаконно аннексированных территориях.

6. Законы и обычаи войны и ответственность за преступное бездействие (*delictum omissionis*)

В процессе рассмотрения судебных дел о военных преступлениях зачастую обвинение сводилось не только, а иногда и не столько к преступным действиям, сколько к преступному бездей-

¹¹⁰ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 312.

ствию — «*delictum ommissionis*». Речь шла о таких ситуациях, когда обвиняемый, занимая положение, обязывающее его принимать меры к точному исполнению законов и обычаев войны, проявлял преступное бездействие, допуская совершение тяжчайших военных преступлений. Некоторые строевые командиры германских вооруженных сил (командующие армиями, группами армий, фронтами) обвинялись в том, что на соответствующей территории, где располагались подчиненные им войска, совершались военные преступления. Иногда, получив приказ вышестоящей инстанции, исполнение которого неизбежно означало совершение военных преступлений, эти командиры передавали такие приказы нижестоящим инстанциям. Например, ОКВ издало приказ об уничтожении комиссаров Советской Армии. Отдельные командующие, как они утверждали на судебных процессах в Нюрнберге, заявили своим вышестоящим начальникам о несогласии с этим приказом, но, получив его, передали нижестоящим военным инстанциям. Приказ издали не эти командующие, но они объявили его своим подчиненным. Должны ли они нести ответственность за последствия исполнения такого приказа?

Этот вопрос встал перед Международным Трибуналом, а также в значительно большей мере — перед национальными военными трибуналами, рассматривавшими дела по обвинению командующих армиями, фронтами и флотами.

Обобщив судебную практику, Книрим выступает против установления ответственности за то, что он называет «упущением»: «...упущение не составляет в действительности преступления, если ожидаемые действия не были возможными, если они не могли предотвратить результат и, более того, если не существовало юридического обязательства действовать»¹¹¹. А далее он уже прямо говорит, что у германских командующих не было юридической обязанности противодействовать полученным ими приказам. «Нигде в международном праве нельзя обнаружить правила, — пишет Книрим, — по которому простая передача преступного приказа рассматривается как военное преступление»¹¹².

Но подобное утверждение не выдерживает никакой критики. Известно, что особенная часть уголовного кодекса предусматривает различные составы конкретных преступлений, а общая часть — принципы ответственности за совершенные преступления. Именно общая часть предусматривает ответственность за различные виды соучастия в преступлении. Передача преступного приказа в сущности и есть одна из форм соучастия, а сами преступления могут быть различными — и убийство, и грабеж, и незаконные аресты и т. д.

Таким образом, ссылка на то, что в нормативных актах, опре-

¹¹¹ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 197.

¹¹² Там же, стр. 426—427.

деляющих конкретные составы военных преступлений, нет передачи преступного приказа, не может быть признана убедительной.

Книрим готов признать, что «международное право налагает моральные обязательства на командующего, которые он нарушил бездействуя». Но «нарушение морального обязательства заслуживает порицания, так как не является нарушением закона»¹¹³.

Выступавший на Нюрнбергском процессе в защиту германского генерального штаба как преступной организации д-р Латернзер проводил ту же линию. «Лишь чисто военное руководство военными операциями входило в компетенцию вермахта...» — заявил он¹¹⁴.

Очевидная неосновательность таких утверждений видна даже при беглом ознакомлении с Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны.

Конвенция содержит специальный раздел «О военной власти на территории неприятельского государства», прямо адресованный военной власти, т. е. тем командующим, войска которых оккупируют территорию противника. Общий принцип обязанностей этой власти изложен в ст. 43: «С фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится непреодолимого препятствия»¹¹⁵.

Далее в Конвенции следуют конкретные нормы, обязывающие оккупационные власти соблюдать определенные правила поведения, которые в основном и главным сводятся к охране жизни, семейных прав, частной собственности (ст. 46), к запрещению грабежей (ст. 47), к недопущению незаконных поборов (ст. 48, 49, 50), запрещению заложничества (ст. 50) и т. д.

Гаагская конвенция предусмотрела, что участники ее «дадут своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к настоящей Конвенции Положением о законах и обычаях сухопутной войны».

Командующий войсками, согласно любому военному уставу, является единоличным руководителем войск и отвечает в условиях войны за все, что происходит в районе расположения подчиненных ему войск.

Можно ли при всех изложенных обстоятельствах утверждать, как это по существу делают Книрим и Латернзер, что у командующих нет обязанности предотвращать на подконтрольной им территории действия, идущие в разрез с общепризнанными законами и обычаями ведения войны?

¹¹³ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 200.

¹¹⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 537.

¹¹⁵ «Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции». Юриздат, 1942, стр. 14.

Понимали ли гитлеровские генералы значение передачи приказа нижестоящим инстанциям для исполнения? Понимали. И это признает Латернзер, который относительно одного из приказов ОКВ, требовавшего расстрела политработников, заявил на Нюрнбергском процессе: «...главнокомандующие армией и войсковых групп или вообще не доводили его до сведения своих частей или со своей стороны давали распоряжения, которые делали невозможным выполнение этого приказа»¹¹⁶.

Для нас в данном случае не столько важно указать на ложность этой ссылки, что устанавливается документальными доказательствами Нюрнбергского процесса, сколько обратить внимание на то, что защита, найдя оправдывающее обстоятельство в распоряжениях, направленных на саботаж этих приказов, тем самым косвенно признала деликт в факте их передачи.

И Книрим, и Латернзер находят еще одно основание для снятия с командующих ответственности за передачу преступных приказов. Книрим ссылается на приговор Военного трибунала США, рассматривавшего дело верховного германского командования, и полностью поддерживает его¹¹⁷. В приговоре указывается: «Утверждается, что любой командир становится уголовно ответственным за передачу любым путем приказа, имеющего преступное содержание. Такая передача является функцией, которую во многих инстанциях выполняет начальник штаба, не привлекая внимания командира. Такой командир не может проводить различия и делать заключения относительно законности приказов, изданных его командирами. Он имеет право предположить, при отсутствии специфических сведений, что законность таких приказов была тщательным образом определена при их издании. Он не может быть признан уголовно ответственным за простую ошибку при решении спорных юридических вопросов»¹¹⁸.

В сущности ту же позицию занял на Нюрнбергском процессе Латернзер. «Разве они (главнокомандующие.— А. П.),— говорил он,— не должны были считать, что приказ перед его изданием был приведен в соответствие с нормами международного права?»¹¹⁹.

Доводы эти, конечно, более чем неубедительны. В условиях, когда главные приказы, на основании которых совершались чудовищные военные преступления, были разработаны и подписаны еще до войны, любой командующий имел возможность сразу же установить, что война будет сопровождаться открытыми нарушениями законов и обычаев войны, которые заранее объявляются безнаказанными. Каждый командующий еще до нападения на СССР получил подписанное 13 мая 1941 г. распоряжение ОКВ, которое, как уже указывалось, прямо предусматривало совершение военных

¹¹⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 539.

¹¹⁷ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 374.

¹¹⁸ «The Trial Against German High Command English Record», p. 10063

¹¹⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 540.

преступлений и открыто устанавливало полную безнаказанность немецких военнослужащих за эти преступления¹²⁰.

Совершенно очевидно, что после такого распоряжения у любого командующего гитлеровской армией уже не было нужды сверять получаемые приказы с соответствующими международными конвенциями. Так, в цитированной выше части директивы от 16 декабря 1942 г. «О борьбе с бандами» указывалось, что войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху. Вряд ли какой-либо командующий, получивший такой приказ и передавший его для исполнения низшим инстанциям, мог усомниться в его грубом противоречии международному праву.

Изложенное, таким образом, свидетельствует о том, что, во-первых, международное право, в частности Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, возлагает на соответствующих командующих ответственность за соблюдение во время боевых действий на оккупированных их войсками территориях законов и обычаев войны и, во-вторых, что, передавая для исполнения приказы германского верховного командования, эти командующие сознавали их противоправность и преступный характер.

Как Международные Военные Трибуналы в Нюрнберге и Токио, так и национальные военные трибуналы сталкивались с рассматриваемой проблемой и отразили свое мнение в соответствующих приговорах.

Международный Трибунал в Нюрнберге прямо признал преступной передачу преступного приказа для исполнения. В частности, касаясь приказа ОКВ о расстреле участников отрядов командос, Трибунал признал Редера виновным в передаче этого приказа «по команде своим подчиненным» и в том, что он «не высказал Гитлеру никаких возражений»¹²¹.

Военный трибунал США по делу гитлеровских генералов Листа и др. («Юго-Восток») справедливо указал в приговоре, что командующий, несмотря на приказы свыше, несет ответственность за соблюдение в районе действия его войск законов и обычаев войны и, если последние нарушаются, подлежит наказанию за это. Формулируя ответственность одного из подсудимых генералов, трибунал записал в приговоре: «Неспособность подсудимого прекратить эти незаконные убийства и предпринять необходимые меры для предотвращения их повторения представляет серьезное нарушение обязанностей или долга и предполагает уголовную ответственность. Подсудимый указывает далее, что многие из этих казней были проведены подразделениями СС, СД, местными полицейскими подразделениями, которые тактически не подчинялись ему. Свидетельские показания подтверждают это заявление, но нужно

¹²⁰ Там же, т. 3, стр. 339.

¹²¹ Там же, т. 7, стр. 482.

иметь в виду, что в своей власти командующего на оккупированных территориях он был облечен долгом и ответственностью поддерживать порядок и безопасность, защищать жизнь и собственность населения и наказывать преступников»¹²².

В связи с делом другого генерала трибунал указал: «Приказ (об уничтожении комиссаров.— А. П.) был, очевидно, незаконным, и это было признано самим подсудимым. Но подсудимый утверждает, что ни один из плененных комиссаров не был расстрелян войсками, находившимися под его командованием. Это, несомненно, является смягчающим обстоятельством, но не освобождает его от ответственности за то, что, зная о преступном характере приказа, он передал его нижестоящим инстанциям»¹²³.

Еще более широкую трактовку преступного бездействия дал в приговоре Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока. Трибунал признал виновными подсудимых и в тех случаях, когда лично они никаких действий, выражающихся в нарушении законов и обычаев войны, не совершали, но, зная о таких нарушениях в районе действия подчиненных им войск, не приняли решительных мер по их предотвращению или пресечению.

Поскольку аргументация приговора Токийского трибунала имеет принципиальное значение, приведем в подробном изложении три примера.

Первый пример касается командующего фронтом Кимура.

«Будучи осведомлен о масштабах зверств, совершенных японскими войсками на всех театрах военных действий,— указывается в приговоре,— Кимура в августе 1944 г. принял командование Бирманским фронтом. С момента его прибытия в штаб, находившийся в Рангуне, и позднее, когда его штаб был переведен в Муолмейн, войска продолжали совершать зверства в тех же масштабах. Он не принимал никаких мер дисциплинарного взыскания и не предпринимал других шагов, для того чтобы предотвратить совершение зверств войсками, находившимися под его командованием».

Защита по делу Кимура в его оправдание выдвинула утверждение, что, «когда он прибыл в Бирму, он отдал приказ войскам, находившимся под его командованием, вести себя как подобает солдатам». Трибунал не признал достаточным этот аргумент и указал в приговоре: «Ввиду размеров и характера плохого обращения с военнопленными, которое во многих случаях имело место в широких масштабах на расстоянии нескольких миль от его штаба, Трибунал считает, что Кимура пренебрег своим долгом проводить в жизнь правила ведения войны. При подобных обстоятельствах долг командующего армией не считается выполненным, если он издал просто обычные приказы, даже если считать, что эти приказы действительно были изданы. Его долгом было принять такие

¹²² «Trials of War Criminals...», Case 7, English Record. Nuremberg, 1949, p. 10477.

¹²³ Там же, стр. 10510.

меры и издать такие приказы, которые предотвратили бы совершение военных преступлений в последующем, и он должен был убедиться в том, что подобные приказы выполнялись. Этого он не сделал. Следовательно, он преднамеренно пренебрег своим официальным долгом принять должные меры для предотвращения нарушений законов войны»¹²⁴.

Далее в приговоре устанавливаются факты чудовищных зверств, совершенных японскими войсками в 1938 г. в Нанкине. В самый разгар этой оргии преступлений в Нанкин прибыл генерал Мацуи, командующий армией. Мацуи не обвиняли в том, что он лично отдал приказ о совершении этих зверств. И тем не менее он был осужден как военный преступник на основании следующей констатации приговора: «На основе своих собственных наблюдений и на основе сообщений работников своего штаба он должен был знать о том, что происходило. Он был командующим армией, которая несет ответственность за эти зверства. Он знал о них. Он обладал достаточной властью, для того чтобы установить контроль над своими войсками и защитить несчастных жителей Нанкина. И это было его долгом. Он должен нести уголовную ответственность за то, что он не выполнил этого долга»¹²⁵.

Приговор Международного Трибунала для Дальнего Востока установил уголовную ответственность и применил наказание за преступное бездействие (*delictum omissionis*) не только военных, но и высокопоставленных гражданских чиновников, которые по долгу службы обязаны были контролировать выполнение законов и обычаев войны. Так, в отношении японского министра иностранных дел Сигемицу Трибунал записал в приговоре: «Мы не совершим несправедливости по отношению к Сигемицу, если мы будем считать, что обстоятельства в том виде, в котором они были известны ему, заставляли его подозревать, что обращение с пленными не было таким, каким ему надлежало быть. Действительно, один свидетель, вызванный Сигемицу, давал такие показания. После этого Сигемицу не принял никаких надлежащих шагов, для того чтобы было проведено расследование, хотя он в качестве члена правительства нес главную ответственность за благосостояние пленных. Он должен был настаивать на этом расследовании и в случае необходимости даже уйти в отставку, для того чтобы снять с себя обязанность, которая, как он подозревал, не выполнялась»¹²⁶.

Основываясь на требованиях международного права, судебная практика, таким образом, установила:

1. Обязанность соответствующих должностных лиц воюющих государств, в частности командующих армиями, принимать меры к неуклонному исполнению всех законов и обычаев войны.

¹²⁴ Приговор Токийского трибунала, стр. 01252.

¹²⁵ Там же, стр. 01257—01258.

¹²⁶ Там же, стр. 01272—01273.

2. Уголовную ответственность даже в тех случаях, когда такие лица не отдавали приказов о совершении военных преступлений или являлись исполнителями таких приказов, но вследствие бездеятельности их нарушались законы и обычаи войны или когда, установив такие нарушения, они не приняли эффективных мер по их пресечению.

3. Даже самый факт передачи по инстанции преступного приказа — военное преступление; он должен рассматриваться как подстрекательство к совершению военных преступлений.

4. Субъектами ответственности за преступное бездействие, способствовавшее совершению военных преступлений, являются не только лица, занимающие военные командные посты, но и соответствующие гражданские чиновники государственного аппарата, если они не выполнили возлагаемый на них положением долг по предотвращению или пресечению военных преступлений.

7. Оговорка «*si omnes*» в судебной практике по делам о военных преступлениях

Для того чтобы избежать ответственности за нарушения законов и обычаев войны, подсудимые и их защита на процессах по делам о военных преступлениях нередко ссылались на содержащуюся в Гаагских конвенциях оговорку «*si omnes*». Эта ссылка делалась главным образом тогда, когда обвинения касались преступлений, совершенных против Советского Союза.

«Выдвигалось утверждение, — говорится в приговоре Международного Военного Трибунала, — о том, что Гаагская конвенция здесь неприменима в соответствии с пунктом о распространении действия Конвенции в ст. 2 Гаагской конвенции 1907 г. Этот пункт предусматривал: „Положения, содержащиеся в правилах ведения войны на суше, упомянутых в ст. 1, так же как и правила настоящей Конвенции, распространяются только на подписавшие стороны и только в том случае, если все воюющие стороны являются участниками данной Конвенции“»¹²⁷.

Таким образом, подсудимыми и их защитой делался вывод, что по крайней мере в отношении Советского Союза Германия не обязана была придерживаться законов и обычаев войны, поскольку СССР не подписал Гаагскую конвенцию 1907 г. и в то же время не стал участником Женевской конвенции 1929 г. о режиме военнопленных; следовательно, при всех условиях германские вооруженные силы не обязаны были придерживаться международноправовых норм в войне с Советским Союзом, и в особенности с советскими военнопленными.

Известно, что Гаагские конвенции, в частности IV Конвенция (о законах и обычаях сухопутной войны), были заключены с уча-

¹²⁷ «Июрибергский процесс...», т. 7, стр. 403.

ствием России и, более того, по ее инициативе. Советское правительство еще 30 мая 1918 г. в Обращении к Международному Комитету Красного Креста и правительствам государств, признавших Женевскую конвенцию, довело до сведения, что «эта Конвенция, как в ее первоначальной, так и во всех ее позднейших редакциях, а также и все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 г., признаются и будут соблюдаемы Российским Советским Правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях»¹²⁸.

Советский Союз в первый же период Отечественной войны официально заявил о своем присоединении к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны¹²⁹. Но фактически Советский Союз еще раньше присоединился к ней. Он доказал это в годы гражданской войны, применяя в своей освободительной борьбе против иностранных интервентов самые гуманные методы ведения войны, полностью соответствующие Гаагской конвенции. В Положение о военных преступлениях 1927 г. были включены такие нормы, которые установили уголовную ответственность за нарушение законов и обычаев ведения войны, и в частности предусмотренных Гаагской конвенцией 1907 г. Эти нормы Положения были затем инкорпорированы в Уголовные кодексы союзных республик. Так, УК РСФСР 1926 г. содержал ст. 193²⁸ и 193²⁹, первая из которых устанавливала ответственность за «разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий». Вторая предусматривала ответственность за «дурное обращение с пленными, имевшее место неоднократно или сопряженное с особой жестокостью или направленное против больных и раненых, а равно небрежное использование обязанностей в отношении указанных больных и раненых лицами, на которых возложены их лечение и попечение».

Эти уголовные диспозиции, свидетельствующие об уважении Советским государством общепризнанных законов и обычаев войны, ставящие неисполнение их под угрозу уголовного наказания, предусматривают строжайшие санкции вплоть до расстрела.

В ноте от 27 апреля 1942 г. Советское правительство уже прямо напомнило Германии о том, что Советский Союз считает себя связанным правилами Конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны.

¹²⁸ «Документы внешней политики СССР», т. I. Госполитиздат, 1957, стр. 333.

¹²⁹ Нота Советского правительства от 27 апреля 1942 г. о чудовищных злодеяниях, зверствах и насильях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 268).

Но критики нюрнбергского приговора ссылаются на то, что, даже если признать Советский Союз участником Гаагской конвенции 1907 г., он все равно не является участником более поздней конвенции, специально посвященной военнопленным, т. е. Женевской конвенции о режиме военнопленных 1929 г. На этом основании они считают, что германские вооруженные силы были свободны от необходимости соблюдать международноправовые ограничения в обращении с советскими военнопленными¹³⁰.

Неосновательность подобной ссылки обнаруживается при сравнении Женевской конвенции 1929 г. с Гаагской конвенцией 1907 г. Гаагская конвенция посвящена всем основным законам и обычаям сухопутной войны, Женевская — только законам военного плена. Гаагская конвенция содержит специальный раздел, посвященный характеристике норм о режиме военнопленных. Но как раз сравнение Женевской конвенции с соответствующим разделом Гаагской конвенции показывает, что в основных своих положениях они принципиально идентичны, хотя, конечно, Женевская конвенция более подробно регламентирует нормы режима военнопленных и развивает эти основные общие положения. Таким образом, нельзя стоять на базе Женевской конвенции и не признавать Гаагской. Если Советский Союз — участник Гаагской конвенции, то гитлеровская Германия не имела оснований отказываться от применения в отношении советских военнопленных тех положений Женевской конвенции, которые лишь воспроизводят основные положения Гаагской конвенции.

Книрим, оправдывая нарушения Германией общепризнанных норм международного права об обращении с советскими военнопленными, пишет: «Совершенно иное положение с Женевской конвенцией 1929 г. Она никогда не была подписана Советским Союзом. Кроме того, она содержит столь значительное число нововведений, что не может рассматриваться в целом как выражение обычного права, уже существовавшего в момент подписания этой (Женевской.— А. П.) Конвенции»¹³¹.

Это утверждение о нововведениях не может рассматриваться иначе, как попытка фальсифицировать текст Женевской конвенции. К чему сводились основные грубейшие нарушения германскими властями международного права в отношении советских военнопленных? Международный Трибунал указал в приговоре: «Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийства»¹³². Разве это не было грубейшим нарушением IV Гаагской конвенции 1907 г.,

¹³⁰ См., например, August K n i e r i e m. Op. cit., p. 491.

¹³¹ Там же, стр. 420.

¹³² «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 375.

которая провозглашала, что с военнопленными надлежит обращаться человеколюбиво? Трибунал приводит в своем приговоре письмо Розенберга Кейтелю, в котором констатируется: «Участь советских военнопленных в Германии, напротив, является величайшей трагедией... Бóльшая часть из них умерла от голода...»¹³³ Между тем согласно Гаагской конвенции, «военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен». Совершенно очевидно поэтому, что режим голода, установленный германскими властями в отношении советских военнопленных, был грубейшим, преступным нарушением Гаагской конвенции.

Трибунал указывает в приговоре на то, что в отношении советских военнопленных применялся приказ «Кугель» («Пуля»), предусматривавший расстрел военнопленных при попытке к бегству¹³⁴. Между тем, как уже говорилось, именно Гаагская конвенция в ст. 8 предусматривает лишь дисциплинарную ответственность за попытки побега из плена («Лица, бежавшие из плена и задержанные ранее, чем... покинут территорию, занятую армией, взявшей их в плен, подлежат дисциплинарным взысканиям. Военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег»).

Таким образом, обвинения гитлеровских военных преступников были основаны именно на тех положениях Гаагской конвенции, которые полностью соответствовали Женевской конвенции 1929 г. Следовательно, ссылка Книрима на Женевскую конвенцию и его попытка доказать, что в отношении советских военнопленных она не применима, решительно ничего не меняет, так как обвинения, адресованные германским военным преступникам, полностью вытекают из той и другой конвенции.

Но защита на Нюрнбергском процессе все же считала, что Советский Союз нельзя рассматривать как законного участника Гаагской конвенции 1907 г., поскольку он формально не присоединился к ней к началу второй мировой войны, в 1939 г.

Попробуем встать на позицию защиты. Но, как правильно отмечает Сингх, «даже если оговорка всеобщности и затрагивает обязательную силу Гаагских конвенций, в случае, когда государство вступает в войну, не являясь участником ни одной из них, следует считать, что, поскольку конвенция воспроизводит принципы обычного права, последние сохраняют силу независимо от конвенции и являются обязательными для соблюдения, несмотря на оговорку всеобщности»¹³⁵. Сингх далее правильно указывает, что в этих условиях, поскольку дело касается законов войны, основанных на обычае, их существование независимо от конвенций, по-видимому, не может быть поставлено под сомнение.

¹³³ Там же, стр. 377.

¹³⁴ Там же, стр. 375.

¹³⁵ Н. Сингх. Указ. соч., стр. 89—90.

На такой же позиции стоит Ветцель, который пишет, что «правила Гаагской конвенции стали частью общего международного права, и поэтому они связывают все государства, независимо от того, были ли они участниками Конвенции»¹³⁶. Аналогичной точки зрения придерживается Кальвокоресси¹³⁷.

Военный трибунал США, рассматривавший дело руководителей СС, также указал в своем приговоре, что «Гаагская конвенция обязывает не только государства, подписавшие ее, но также и те государства, которые ее не подписали, поскольку правила этой Конвенции стали выражением общего международного права»¹³⁸. Подобная же точка зрения была выражена военными трибуналами по делу РСХА¹³⁹, по делу фельдмаршала Листа и др.¹⁴⁰ и, наконец, по делу верховного германского командования¹⁴¹.

Любопытно отметить, что сама Германия стояла на такой же позиции, о чем забыли главные военные преступники в Нюрнберге. В 1940 г. в Берлине был издан сборник международноправовых актов, в разделе которого, озаглавленном «Нормы права, касающиеся военнопленных. Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.», имеется замечание о том, что предписания ст. IV—XX этого положения обязательны сами по себе и без Женевской конвенции 1929 г. После этого идет перечень государств, в отношениях между которыми применяется это положение. Среди них Боливия, Финляндия, Гватемала, Гаити, Япония, Куба, Либерия, Люксембург, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Сиам и Россия¹⁴². В этом же сборнике есть прямое указание (в разделе «Конвенция Красного Креста 1929 г.»), что действие Женевской конвенции распространяется и на СССР¹⁴³.

Раскрывая необоснованность ссылки немецкой защиты на то, что преступления против советских военнопленных не могут вменяться подсудимым, так как Советский Союз не был участником Женевской конвенции 1929 г., Международный Военный Трибунал сослался на мнение адмирала Канариса, который по соображениям, в коих было заинтересовано возглавляемое им центральное разведывательное управление (Абвер), писал Кейтелю по поводу распоряжения ОКВ от 8 сентября 1941 г. «Об обращении с советскими военнопленными»: «*Правовое положение следующее: Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения*

¹³⁶ R. Woetzel. Op. cit., p. 148.

¹³⁷ Peter Calvo Corressi. Nuremberg: The Facts, the Law and the Consequences. London, 1947, p. 46.

¹³⁸ «Trials of War Criminals...», v. IV, p. 459—460.

¹³⁹ Там же, т. V, стр. 153. РСХА — Главное управление имперской безопасности гитлеровской Германии.

¹⁴⁰ Там же, т. XI, стр. 1240.

¹⁴¹ Там же, стр. 533—535.

¹⁴² Ш. Датнер. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. ИЛ, 1963, стр. 21.

¹⁴³ Там же.

общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились с XVIII столетия в том направлении, что военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях воззрениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения»¹⁴⁴.

Канарис в заключение указывает, что обращение, диктуемое распоряжением ОКВ от 8 сентября 1941 г. в отношении советских военнопленных, «противоречит военной традиции» и «базируется на совершенно противоположной точке зрения». Этот документ, в котором правильно излагалось положение вещей с точки зрения права, был игнорирован¹⁴⁵.

Подвергая критике ссылку защиты на оговорку «*si omnes*», Трибунал указывает в приговоре: «По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в Конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но Конвенция определенно устанавливает, что это была попытка „пересмотреть общие законы и обычаи войны“, которые она, таким образом, признавала существующими. Однако в 1939 г. эти правила, изложенные в Конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава»¹⁴⁶.

Аналогичные взгляды выразил Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока в приговоре по делу главных японских военных преступников¹⁴⁷.

Таким образом, судебная практика по делам о военных преступлениях, опираясь на теорию международного права, решительно отвергла оговорку «*si omnes*» как средство оправдания тяжчайших преступлений войны.

8. Некоторые вопросы правовой квалификации военных преступлений

В ходе Нюрнбергского и других судебных процессов военных преступников возникали споры по отдельным вопросам юридической квалификации военных преступлений. Наиболее важны-

¹⁴⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 3, стр. 103.

¹⁴⁵ Там же, т. 7, стр. 378—379.

¹⁴⁶ Там же, стр. 403—404.

¹⁴⁷ Приговор Токийского трибунала, стр. 231.

ми были вопросы правовой квалификации заложничества, гражданского плена, партизанского движения, о режиме военнопленных и режиме собственности.

Конечно, можно было бы назвать и другие вопросы, вызывавшие споры на судебных процессах. Но мы берем лишь те, которые были в центре внимания на судебных процессах военных преступников, именно те, которые благодаря дискуссиям были решены иначе в последующих международных конвенциях.

Поскольку вопросы гражданского плена (депортация гражданского населения и использование принудительного труда) и режима собственности тесно связаны с преступной деятельностью германских монополий, они будут рассмотрены ниже, в главе об ответственности руководителей германских монополий.

Здесь же рассмотрим прежде всего вопрос о практике заложничества.

Взятие заложников было широко распространено и в войнах прошлого. В новое время широко прибегали к этой практике Германия (франко-прусская война), Великобритания (англо-бурская война). В значительно больших размерах Германия прибегала к взятию заложников в первой мировой войне.

В буржуазной теории международного права наряду с авторами, осуждающими взятие заложников, имеются и такие, которые находят этой практике оправдание.

Оппенгейм не может не признать, что «эта мера сурова и что она причиняет страдания людям за те действия, за которые они не являются ответственными»¹⁴⁸. И тем не менее он выступает за то, чтобы легализовать практику взятия заложников: «Однако в подобных случаях на карту поставлена безопасность войск и коммуникаций оккупирующей воюющей стороны и поэтому сомнительно, чтобы даже самые гуманные начальники могли при всех обстоятельствах воздерживаться от применения подобной меры, если только она одна оказывается эффективной»¹⁴⁹.

Вряд ли надо вскрывать причины того, что в защиту практики заложничества выступает Книрим¹⁵⁰. Следует, однако, указать, что он без труда находит союзников в своей попытке подвести юридическое основание для оправдания практики взятия заложников и расправы с ними. Книрим ссылается на § 452 и 454 Британского наставления по военному праву, легализующие заложничество¹⁵¹, и на американские законы, в частности на Правила ведения военных действий на суше (Полевой устав 1940 г.)¹⁵². Кроме того, Книрим ссылается на мнение американских авторов Хаммера и Сэлвина, стоящих на позиции законности практики заложничества.

¹⁴⁸ Л. Оппенгейм. Указ. соч., т. II, полутом 2, стр. 132.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ August Knieriem. Op. cit., p. 379.

¹⁵¹ Там же, стр. 380. См. также W. E. Hall. Treatise on International Law, 8-th ed. Oxford, 1924, p. 425.

¹⁵² «Rules of Land Warfare», 1940.

Суммируя взгляды Книрима, можно сказать: он доказал, что на позициях признания законности практики заложничества стоят военные уставы США и Англии, но он отнюдь не доказал, что от увеличения числа нарушителей международного права само нарушение становится законным.

Вопрос о соотношении практики заложничества и международного права дебатировался в ходе судебных процессов над военными преступниками. Так, американский трибунал, рассматривавший дело германских генералов, совершивших чудовищные преступления в период оккупации Югославии и Греции («дело Юго-Восток»), в приговоре высказал точку зрения, которая оказалась столь же далекой от прогрессивных принципов международного права, как и точка зрения самих гитлеровских генералов. В приговоре по этому делу суд заявил: «Мысль о том, что невиновный человек может быть убит за преступления, совершенные другими, является несовместимой со всеми естественными законами. Мы осуждаем несправедливость каждого такого действия, как варварский пережиток прошлого. Но не в нашей компетенции создавать международное право таким, каким мы хотели бы его видеть,— мы должны применять его законы такими, какие они есть»¹⁵³.

Хотя, казалось бы, трибунал такой констатацией обнаруживает отрицательное отношение к практике заложничества, из приговора видно, что американские судьи по существу полностью сочувствовали гитлеровской практике взятия заложников и их уничтожения. «Тщательный анализ имеющихся доказательств по этому вопросу,— пишут судьи в приговоре,— убеждает нас в том, что можно брать заложников для того, чтобы гарантировать мирное поведение населения на оккупированной территории. Когда существуют определенные условия и предварительные меры были предприняты, захваченные заложники в качестве крайней меры могут быть расстреляны»¹⁵⁴.

Приведенная цитата ярко раскрывает все фарисейство американских судей, которые пытались выставить себя сочувствующими жертвам гитлеровского террора, но бессильными что-либо сделать перед лицом суровых законов международного права. Единственное, на что отважился американский трибунал, это высказать свое отрицательное мнение по поводу того, что германское командование требовало расстрела 50 заложников за каждого раненого германского солдата и 100 заложников за каждого убитого: «Репрессалии, предпринятые согласно приказу Гитлера, были абсолютно чрезмерными. Расстрел 100 невиновных лиц за каждого германского солдата... не может быть оправдан»¹⁵⁵.

¹⁵³ J. A. Appleman. Military Tribunals and International Crimes. Indianapolis, 1954, p. 191.

¹⁵⁴ Там же, стр. 192.

¹⁵⁵ August Kniegerm. Op. cit., p. 392.

И американские военные трибуналы, и Книрим полностью игнорируют тот неоспоримый факт, то общепризнанное положение уголовного права, что единственным основанием для уголовной ответственности является вина, личная вина. Между тем — и этого не отрицают ни сами гитлеровцы, ни американский трибунал, ни Книрим — ни один из взятых заложников не был в чем-либо виноват лично.

Для оценки позиции Военного трибунала США, может быть, следовало бы сослаться на то, что 25 октября 1941 г. президент Рузвельт и премьер-министр Англии Черчилль в совместной декларации осудили как преступную практику взятия заложников. Рузвельт заявил: «Цивилизованные народы уже давно признали тот основной принцип, что ни один человек не может быть наказан за действия другого»¹⁵⁶.

Казалось бы, такая декларация глав союзных держав, такое заявление, под которым стоит подпись президента США, тем более основанные на общепризнанных принципах международного права, должны были учитываться Военным трибуналом США. Но этот трибунал больше руководствовался потребностями американских милитаристов, нежели основными положениями международного права. Американский трибунал рассматривал дело германских генералов в 1948 г., как раз тогда, когда американская военщина совершала чудовищные преступления на земле Греции, против греческих патриотов, сражавшихся с американскими интервентами. Американское командование само прибегало к взятию заложников. Естественно поэтому, что оправдание германских генералов по обвинению в заложничестве в сущности было легализацией подобных же действий американского командования.

Приговор военного трибунала США прозвучал как грубейшее нарушение международного права, и это нарушение было тем более серьезным, что приговор был вынесен уже после того, как был принят Устав Международного Военного Трибунала, ст. 6 которого признает практику заложничества грубейшим нарушением законов и обычаев войны и военным преступлением. Не только Устав Международного Военного Трибунала, но и Закон № 10 Контрольного совета в Германии также осуждает практику заложничества как тягчайшее военное преступление¹⁵⁷.

В отличие от Военного трибунала США оккупационные суды других стран признали практику взятия заложников незаконной. Так, ярким контрастом решению американского трибунала послужила практика французских судов, которые признали заложничество военным преступлением и осудили за него виновных¹⁵⁸. На такой же позиции стоял и голландский специальный трибунал,

¹⁵⁶ «History of the U. N. War Crimes Commission». London, 1948, p. 88.

¹⁵⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 67, 68, 80.

¹⁵⁸ «Trial of Holstein, et al. (1947), French Military Tribunal», France Law Reports of Trials of War Criminals, v. VIII, p. 26—29.

осудивший практику взятия заложников как преступную¹⁵⁹. Аналогично поступил английский суд по делу германского фельдмаршала Манштейна. В приговоре сказано: «Расстрел заложников... является нарушением законов и обычаев войны и должен рассматриваться как уголовное преступление — убийство»¹⁶⁰.

Незаконность практики заложничества, прежде всего, раскрывается общими положениями международного права о режиме мирного населения. Оно рассматривается как не участвующее в войне, и в отношении него недопустимо применение каких бы то ни было репрессий. По общему смыслу IV Гаагской конвенции 1907 г., особенно ст. 46 («Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц... должны быть уважаемы») и ст. 50 («Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния отдельных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения»), заложничество считается недопустимым, поскольку недопустимо возлагать ответственность за действия, совершенные одним лицом, на другое лицо (объективное вменение).

Международный Военный Трибунал осудил, как противоправную и преступную, практику заложничества¹⁶¹.

Это осуждение содержится как в том разделе приговора Международного Трибунала, который называется «Военные преступления и преступления против человечности», так и в том, где формулируется персональная ответственность соответствующих подсудимых¹⁶².

Среди спорных вопросов квалификации военных преступлений, совершенных во время второй мировой войны, были такие, которые возникли впервые. Но были и такие, спор по поводу которых тянется уже многие десятилетия. Это, в частности, вопрос о закономерности партизанского движения. По нему уже имеется обширная международноправовая литература, в том числе советская¹⁶³. Если мы тем не менее остановимся на этом вопросе в настоящей работе, то только для того, чтобы дополнить известное уже некоторыми деталями, судебной практикой по делам, связанным с правовой квалификацией партизанского движения.

После второй мировой войны вопрос об ответственности за преступления против участников партизанского движения рассматривался на судебных процессах военных преступников. Защита как

¹⁵⁹ Подробнее об этом см. M. Green span. Op. cit., p. 416.

¹⁶⁰ «Law Reports of Trials of War Criminals...», v. XIV, 1949, p. 157—158.

¹⁶¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 381.

¹⁶² Там же, стр. 448.

¹⁶³ Ф. И. Кожевников. Указ. соч.; Л. А. Моджорьян. Институт оккупации и народная война. Докт. дисс. М., 1953; Л. И. Савинский. Вопросы партизанской войны в международном праве. Канд. дисс. М., 1949; А. С. Бахов. Законы и обычаи войны в современном международном праве. Канд. дисс. М., 1950; А. И. Полтораки. Понятие вооруженных сил в международном праве (комбатанты). Канд. дисс. М., 1949.

на один из доводов для оправдания преступной расправы с участниками движения Сопротивления ссылались на то, что эти расправы были неизбежны, ибо являлись ответной мерой на якобы совершаемые противником нарушения законов и обычаев войны. При этом особенно акцентировалось внимание на событиях на советско-германском фронте. Однако этот довод полностью опровергается доказательствами, представленными на Нюрнбергском процессе. Так как приказы о массовых расправах с участниками партизанского движения были подготовлены гитлеровским командованием заблаговременно, до начала агрессии, довод о так называемых ответных действиях несостоятелен.

Характерно, что само верховное командование Германии признавало преступность этих приказов. Выше мы уже частично ссылались на приказ Иодля «О борьбе с бандами», изданный в 1944 г. Этот приказ предписывал впредь рассматривать партизан как обычных солдат и предоставлять им режим военного плена после захвата. «Я не представил этой памятки ни фельдмаршалу Кейтелю, ни фюреру, — сказал Иодль, — так как она противоречила всем приказам, которые были изданы до этого времени... Я предпринял этот необычный шаг, так как мне стало ясно после расстрела английских офицеров — летчиков из лагеря Саган, что фюрер, начиная с этого момента, больше не заботился о человеческих понятиях права, и так как я, начиная с мая 1944 г., чувствовал себя ответственным за вопросы международного права в связи с тем, что с 1 мая управление Канариса (начальник абвера. — А. П.) было упразднено, а отдел разведки с группой референтов по вопросам международного права перешел в мое подчинение. Я принял тогда решение не допускать более нарушений международного права такого характера с нашей стороны. С этого дня и до окончания войны я так и действовал. В памятке я заявил о том, что все банды и их сообщники, даже те, которые были захвачены в гражданской одежде, должны рассматриваться как регулярные войска, как военнопленные»¹⁶⁴.

В приведенной выдержке нет ни грама правды. Иодль действительно издал указание — памятку. Но уже дата ее издания говорит сама за себя: новый приказ был издан тогда, когда по существу вся территория Советского Союза была очищена от гитлеровцев и уже практически нацистам не приходилось встречаться с партизанами, которые с честью и до конца выполнили свой долг. В таких условиях не трудно было издать приказ, который в сущности ничего не изменял. Но нам эти показания Иодля важны потому, что он в них признает незаконность ранее изданных приказов, направленных против партизан. Это признание начальника генерального штаба Германии — лучшее свидетельство того, что германское

¹⁶⁴ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 27, стр. 12643—12644.

командование признавало преступность своих действий против участников движения Сопротивления.

В свете признания Иодля не выдерживает критики попытка Книприма доказать, что массовые расправы над захваченными в плен партизанами вызывались якобы военной необходимостью¹⁶⁵. Разумеется, никаких оснований ссылаться на военную необходимость у германского командования не было, ибо военную необходимость нельзя заранее планировать, а приказы об уничтожении партизан издавались еще до начала военных действий.

Международный Военный Трибунал признал преступными эти приказы гитлеровского командования, особенно распоряжение об особой подсудности в районе «Барбаросса», оправдывавшее преступления против участников движения Сопротивления.

Однако, несмотря на это, американские военные трибуналы, разбиравшие дела по обвинению германских генералов в преступлениях против партизан, заняли позицию, резко противоречащую международному праву, Уставу и приговору Международного Трибунала. Например, по делу «Юго-Восток» Военный трибунал США указал в приговоре: «Так же как действия шпиона могут быть оправданы законом в его собственной стране и в то же время быть военным преступлением у противника, так и действия партизан могут приносить большую пользу для их страны, и в случае успеха они могут стать даже героями; для противника они остаются военными преступниками, и с ними могут обращаться как с таковыми. Партизаны не являются законно воюющей стороной, и с ними не надлежит обращаться как с военнопленными при захвате»¹⁶⁶.

И это осуждение американские судьи сделали в период, когда преступления, аналогичные гитлеровским, совершались американской военщиной против греческих партизан.

Что касается других военных трибуналов США, то они, рассматривая вопрос о преступлениях гитлеровцев против участников партизанского движения, недалеко ушли от приведенного выше приговора. Разница лишь в том, что были внесены некоторые оговорки, которые мало что изменили в принципиальном подходе к юридической квалификации таких военных преступлений. Так, на одном из судебных процессов спор шел не по поводу того, законно или незаконно партизанское движение (в незаконности его судьи не сомневались), а по поводу того, допускается ли расстрел захваченных в плен партизан без суда, или для этого требуется судебная процедура. В приговоре по делу Манштейна, например, указывалось: «Что русские позволяли себе в широких масштабах использовать партизанские приемы ведения войны — очевидно. Что это представляло постоянную угрозу немецким войскам — тоже ясно. Никто, относительно кого могло быть доказано, что он действовал в качестве флангера, не мог претендовать на статус воен-

¹⁶⁵ August Kniegerm. Op. cit., p. 369.

¹⁶⁶ J. A. Appleman. Op. cit., p. 192.

попленного. Но должна существовать какая-то форма суда, точно так же, как она существует, когда имеют дело со шпионажем; и мы не можем считать убедительным ответ, когда командующий заявляет, что у него не было времени для проведения судов. Нельзя пренебрегать законами войны только потому, что их неудобно соблюдать»¹⁶⁷.

В приговоре по делу гитлеровского генерала фон Лееба Военный трибунал США, имея в виду, что во многих случаях вместо партизан задерживались гражданские лица и только на основе подозрения подвергались репрессиям, указал: «Подозрение отражает умонастроения обывателя, но не умонастроения или действия обвиняемого. Это чудовищное предположение, допускающее возможность чистейшего произвола, когда состояние ума обывателя при отсутствии доказательств виновности может стать определяющим фактором при решении, будет ли обвиняемый немедленно казнен или нет»¹⁶⁸.

Таким образом, в решении основного вопроса о законности партизанского движения американские и английские военные трибуналы встали на точку зрения германского командования, и в этом несомненная противоположность их позиции.

Значительные усилия защита на судебных процессах военных преступников приложила для освобождения германского генералитета от ответственности за тягчайшие военные преступления. Но не имея возможности практически оспорить факты совершенных преступлений, она стремилась возложить всю ответственность за эти преступления только на карательные органы третьей империи — на СС, СД, гестапо. Разоблачение этой линии защиты на Нюрнбергском процессе имело огромное значение, ибо вчерашняя позиция защиты сегодня в ФРГ является одной из основных линий милитаристской пропаганды, имеющей целью реабилитировать нацистскую военщину и тем самым оправдать ее широкое привлечение к руководству агрессивным бундесвером.

IV Гагская конвенция 1907 г. устанавливает, что военнопленные находятся во власти неприятельского правительства и что с ними надлежит обращаться человеколюбиво. Конвенция запрещает убийство военнопленных. Германские милитаристы грубейшим образом и систематически нарушали положения этой Конвенции, особенно зверски обращаясь с советскими военнопленными.

Попытка защиты на Нюрнбергском процессе возложить всю ответственность за эти преступления только на СС и гестапо¹⁶⁹ не удалась, ибо доказательства, представленные Международному Военному Трибуналу, ясно свидетельствовали о том, что основные приказы, предписывавшие совершение преступлений против воен-

¹⁶⁷ Цит. по: Ч. О. Диксон, О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. ИЛ, 1957, стр. 119—120.

¹⁶⁸ «U. S. War Crimes Trial Against F. M. von Leeb et al», p. 96.

¹⁶⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 674, 675 и др.

нопленных, издавались германским командованием. Именно верховное германское командование в лице Кейтеля 8 сентября 1941 г. издало Правила об обращении с советскими военнопленными, в которых говорилось: «Большевистский солдат потерял ... право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником в соответствии с правилами Женевской конвенции...»¹⁷⁰.

Даже некоторые германские генералы, понимая все беззаконие в обращении с советскими военнопленными и страшась наказания, официально обращались с предупреждениями по этому поводу к начальнику штаба верховного командования, т. е. в тот орган, который издавал все приказы (меморандум Канариса, например).

В одном из наиболее преступных приказов об обращении с советскими военнопленными — директиве ОКВ об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками от 12 мая 1941 г. — предусматривалось:

«1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны *устраняться*.

2. Поскольку они будут *захватываться войсками*, решение о том, должны ли они *устраняться*, принимается *офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания*. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители *в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться* самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются»¹⁷¹.

Таким образом, приказ об уничтожении офицеров-политработников был также издан военной инстанцией и притом еще за полтора месяца до нападения на Советский Союз.

Значительное внимание на Нюрнбергском процессе было уделено рассмотрению обвинения германского верховного командования в убийствах захваченных в плен коммандос. Коммандос — это солдаты в армиях Англии и США, которые выполняли во время войны особые задания в тылу противника, главным образом задания диверсионного характера. Их правовое положение как комбатантов не должно было вызывать сомнений, ибо они действовали в военной форме. Тем не менее германское командование рассматривало их как незаконно воюющих и по захвате в плен подвергало физическому уничтожению.

9. Преступления против человечности

Характеристика международных преступлений включает в себя, наряду с преступлениями против мира и военными преступлениями, также и преступления против человечности. Пункт «с»

¹⁷⁰ Там же, т. 7, стр. 376.

¹⁷¹ Там же, т. 3, стр. 94.

ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала дает следующее описание объективных признаков этого преступления: «*преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Характеристика преступлений против человечности содержится также и в Законе № 10 Контрольного совета в Германии о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. Пункт «с» § 1 ст. II Закона дает следующую формулу: «*преступления против человечности*. Зверства и враждебные действия, включая (но не ограничиваясь этим): убийства, истребление, обращение в рабство, высылку, заключение в тюрьмы, пытки, изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения, преследование на политической, расовой или религиозной почве, независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет».

Анализ приведенных текстов с учетом судебной практики по делам о военных преступниках дает основание сказать о недостатках в формулировке объективных признаков этого преступления. Самый существенный из них — нет четкого отграничения преступлений против человечности от военных преступлений. Бросается в глаза ряд совпадений, конкурирующих положений. Пункт «с» ст. 6 Устава Трибунала по периоду совершения делит преступления против человечности на совершенные во время войны и до ее начала. К вопросу о преступлениях против человечности, совершенных до войны, мы еще вернемся. А теперь попытаемся разобраться в объективных признаках этих преступлений, совершенных во время войны. При их сравнении с объективными признаками военных преступлений мы во многом обнаруживаем совпадение. Пункт «b» ст. 6 Устава к военным преступлениям относит «убийства, истязания... гражданского населения». Пункт «с» ст. 6 подтверждает: «...убийства, истребление... гражданского населения». Формулировки в сущности идентичны, и Устав не дает никакого разграничивающего признака, поскольку речь идет о преступлениях, совершаемых во время войны.

Пункт «b» ст. 6 Устава причисляет к военным преступлениям «увод в рабство... гражданского населения». Пункт «с» этой же статьи говорит о «порабощении» гражданского населения.

Как же все-таки следовало квалифицировать совершаемые во исполнение приказов верховного германского командования преступления против гражданского населения на оккупированных

территориях? Что это — военные преступления или преступления против человечности? Статья 46 IV Гаагской конвенции 1907 г. запрещает воюющим применять какие бы то ни было меры насилия в отношении не участвующего в войне гражданского населения. Следовательно, убийства гражданских лиц на оккупированных территориях — грубейшее нарушение основных требований Гаагской конвенции, военное преступление. В то же время убийства и истребление гражданского населения по смыслу п. «с» ст. 6 Устава являются преступлением против человечности.

Массовые убийства в концлагерях, совершенные по приказам германских властей, были чудовищными преступлениями, попранием законов и обычаев войны, а следовательно, военными преступлениями. В то же время по смыслу п. «с» ст. 6 — это и преступления против человечности.

Применение рабского труда гражданского населения — это грубейшее нарушение Гаагской конвенции. А как квалифицировать рабский труд с учетом тех специфических целей, которые он преследовал в условиях гитлеровской Германии, и установки Геббельса о том, что увод в рабство создает наилучшие возможности для истребления людей путем непосильного труда?

Автору этих строк памятна дискуссия между судьями Международного Военного Трибунала. Высказывалось мнение, что в тех случаях, когда речь идет об использовании рабского труда как средства массового истребления, эти действия нужно квалифицировать как преступления против человечности; в тех же случаях, когда практика принудительного труда свободна от этого квалифицирующего признака, она должна рассматриваться как военное преступление.

Гаагская конвенция 1907 г. устанавливает определенный режим собственности на оккупированных территориях. Нарушение этого режима — незаконное присвоение имущества (как частного, так и государственного) — нарушение Конвенции, а следовательно, военное преступление. Но материалы Нюрнбергского процесса свидетельствуют о том, что преступления против собственности параллельно имели своей целью создание голода на оккупированных территориях и, таким образом, условий для вымирания населения. Не случайно 6 августа 1942 г. Геринг на совещании гаулейтеров оккупированных областей потребовал от них усиления грабительской деятельности и при этом заключил: «Мне совершенно безразлично... что ваши люди будут обречены на голодную смерть». Приговор Трибунала, характеризуя цель нацистской экономической политики на оккупированных территориях, указывает, что эта политика должна была неуклонно и безжалостно осуществляться, даже если «многие миллионы людей будут обречены на голодную смерть»¹⁷². Поэтому было бы, вероятно, неправильно игно-

¹⁷² «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 387, 389.

вать этот аспект политики нацистов, аспект, который требует квалификации этих действий как преступлений против человечности.

Где же водораздел между военными преступлениями и преступлениями против человечности? Можно сказать, что обычные военные преступления перерастают в преступления против человечности, если они совершаются по заранее составленным приказам и носят поэтому государственно-организованный характер, а также имеют своей целью массовое уничтожение людей. Здесь получается, что количество переходит в новое качество.

Военный трибунал США, рассматривавший дело по обвинению высших судебных чиновников гитлеровской Германии, сделал попытку установить необходимый критерий. В приговоре он указал: «Мы считаем, что преступления против человечности, как они были сформулированы в Законе № 10 Контрольного совета, должны быть точно сконструированы так, чтобы исключить изолированные случаи зверств или преследований, совершаемых частными лицами либо правительственными инстанциями»¹⁷³. Такая позиция имеет определенные основания. Но опять-таки, учитывая опыт современных войн, особенно второй мировой войны, трудно утверждать, что среди нарушений международного права не преобладают именно такие, о которых ведет речь американский трибунал, т. е. по существу государственно-организованные, совершаемые в больших масштабах преступления. Получается, что, признав основные преступления в силу их государственно-организованного характера преступлениями против человечности, мы вообще не оставляем места для военных преступлений.

И обвинители, и судьи в Международном Военном Трибунале встретились с трудностями разграничения военных преступлений и преступлений против человечности. Однако они по-настоящему и не пытались устранить эти трудности. Вот что говорил в заключительной речи главный английский обвинитель на Нюрнбергском процессе Шоукросс: «Убийства миллионов мирных жителей, совершаемые по приказу германского правительства... производимые на территориях, оккупированных военными частями... были ли они совершены в ходе осуществления политики расового уничтожения, в результате или в связи с угоном на рабский труд, вследствие желания покончить с идейными и политическими руководителями стран, которые были оккупированы, или являлись частью общей политики террора, проводившегося путем массовых репрессий против мирных жителей и заложников,— эти убийства миллионов мирных жителей являются военными преступлениями. В такой же мере эти преступления можно считать преступлениями против человечности»¹⁷⁴.

Рассматривая преступления, предусмотренные п. «b» и «с» ст. 6, Трибунал не дал в приговоре отдельных рубрик, а те и дру-

¹⁷³ «Trials of War Criminals...», v. XIII, p. 452.

¹⁷⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 91—92.

где преступления объединил в разделе «Военные преступления и преступления против человечности»¹⁷⁵. «По самому своему размаху военные преступления являлись преступлениями против человечности. Преступления против человечности были в еще большей степени военными», — заявил Шоукросс¹⁷⁶.

Трибунал признал Заукеля и Шпеера виновными только в использовании рабского труда. Но это единственное обвинение было квалифицировано по двум разделам обвинительного заключения — по разделу III («Военные преступления») и IV («Преступления против человечности»). Таким образом, Трибунал, не видя возможности для разграничения, квалифицировал это преступление по правилу идеальной совокупности. В формуле виновности Нейрата опять-таки военные преступления и преступления против человечности оказались настолько слитными, что весь раздел, характеризующий доказанные обвинения Нейрата, был озаглавлен «Преступная деятельность». Трибунал сделал это потому, что не мог те или иные действия, инкриминируемые Нейрату, рассматривать лишь как военное преступление или только как преступление против человечности. И на Токийском процессе обвинительное заключение не рассматривало военные преступления и преступления против человечности раздельно, они рассматривались под одним общим заголовком¹⁷⁷.

Какой же вывод следует сделать? Сама формулировка ст. 6 (п. «b» и «с») страдает недостатком — не содержит четкого разграничения военных преступлений от преступлений против человечности. Такое разграничение из-за характера преступлений весьма затруднено. Любое из военных преступлений, совершенных германскими милитаристами в ходе второй мировой войны, было и преступлением против человечности.

Таким образом, следует признать, что ни Устав Международного Военного Трибунала, ни его приговор не проводят скольконибудь убедительных разграничений между военными преступлениями и преступлениями против человечности. В современных условиях такое разграничение, правда, становится более реальным ввиду принятия специальной Конвенции о геноциде 1948 г.: действия воюющего, имеющего своей целью массовое уничтожение людей по расовым признакам, должны квалифицироваться по этой Конвенции.

До сих пор мы говорили о том, что объединяет объективные признаки военных преступлений с преступлениями против человечности. Теперь нам предстоит рассмотреть те признаки, которые явно и бесспорно отличают состав военных преступлений от состава преступлений против человечности. Напомним формулу объек-

¹⁷⁵ Там же, стр. 372.

¹⁷⁶ Там же, стр. 94.

¹⁷⁷ См.: «Trials of Japanese War Criminals». Documents, U. S. Dept. Publ. 2613, Far Eastern Series, 12, 1946, p. 60—62.

тивных признаков преступлений против человечности: «Убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Военные преступления — это преступления, совершаемые во время войны. Преступления против человечности могут совершаться как до войны, так и во время войны. Вопрос о преступлениях, совершаемых во время войны против другого воюющего, мы уже рассмотрели. Остается рассмотреть вопрос о преступлениях, совершенных до войны. Здесь идет речь о преступлениях, совершенных, по существу, как до начала войны, так и во время войны, но на территории самого воюющего государства. Устав указывает: «Убийство, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости». Здесь пока все ясно. Но далее говорится: «или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала». Но ведь очевидно, что «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости», поскольку мы говорим о германском гражданском населении, как раз и были совершены «по политическим, расовым или религиозным мотивам». Иных не было. Поэтому не оправдано разделение этих частей п. «с» ст. 6 союзом «или».

Для того чтобы дать уголовноправовую квалификацию этих действий, надо раскрыть субъективные признаки преступления. У преступника могло быть только две цели, взаимно переплетающиеся: а) подавление сопротивления демократических элементов в стране для установления и сохранения господства нацистского режима; б) подавление сопротивления политике подготовки и развязывания агрессивной войны и совершения военных преступлений. Таким образом, мы устанавливаем внутривнутриполитический и внешнеполитический аспекты этой политики, понимая, однако, что, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, война есть продолжение политики иными средствами. Чтобы понять действительную сущность войны, надо изучить политику (внутреннюю и внешнюю), проводимую определенными классами и государствами перед войной, политику, приведшую к войне. «Ту самую политику, — писал В. И. Ленин, — которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»¹⁷⁸.

Одним из важнейших направлений политики германского им-

¹⁷⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 79.

пернализма в период фашизма было стремление развязать новую мировую войну. Но сознавая, что германский народ в этой войне не заинтересован, что она противна его интересам, что наиболее передовые его слои, особенно авангард — коммунистическая партия, будут вести решительную борьбу против агрессивной политики фашизма, гитлеровское правительство обрушило на настроенные антивоенно демократические силы в стране террор и репрессии, т. е. то, о чем как раз и говорится в п. «с» ст. 6 («преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам»). Итак, эти преступления были средством устранения препятствий на пути подготовки гитлеровцами агрессивной войны. Прав был главный английский обвинитель, когда в заключительной речи сказал, обращаясь к судьям: «Вы должны считать доказанным не только то, что совершенные действия являлись преступлениями против человечности, но также и то обстоятельство, что совершение их не являлось чисто внутренним делом, а что прямо или косвенно оно было связано с преступлениями против других стран и народов и что эти преступления, в частности, были предприняты для того, чтобы помочь нацистской партии в проведении ее политики достижения господства с помощью агрессии или в устранении политических противников...»¹⁷⁹.

Но Международный Военный Трибунал не признал наличия связи между преступлениями, совершенными гитлеровцами против германского народа, и политикой агрессии. «Действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, — указывается в приговоре, — могут считаться преступлениями против человечности только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 г., являются преступлениями против человечности в том смысле, как они определены Уставом»¹⁸⁰.

Однако этот вывод Трибунала противоречит многочисленным историческим фактам, документальным доказательствам, представленным на процессе, и многим выводам самого Трибунала в приговоре. Международный Военный Трибунал, начав приговор с характеристики целей политики нацистской партии, устанавливал, что эти цели были агрессивными. В ряде положений приговора признавалось, что «убийства, истребление... и другие жестокости» (п. «с» ст. 6) совершались по «политическим, расовым или религиозным мотивам» и имели своей целью устранение препятствий на

¹⁷⁹ «Нюрнбергский процесс...». т. 7, стр. 94, 95.

¹⁸⁰ Там же, стр. 404—405.

пути реализации гитлеровской агрессивной политики. Так, в разделе приговора, озаглавленном «Захват власти», говорится: «Руководители НСДАП не делали никаких серьезных попыток, для того чтобы скрыть тот факт, что единственной целью их участия в политической жизни Германии являлась ликвидация демократического строя Веймарской республики и замена его нацистским тоталитарным режимом, который позволил бы им открыто проводить свою политику, не встречая оппозиции»¹⁸¹. Говоря о целях антисемитских мероприятий гитлеровского правительства, Трибунал заключил в приговоре: «Таким образом, влияние еврейских элементов на положение вещей в Германии было ликвидировано и еще один потенциальный источник оппозиции нацистской политике был устранен»¹⁸².

Преследования евреев в Германии начались с первого дня прихода нацистов к власти, и преступления эти нарастали по мере развития нацистской политики. Хотя эти преступления наиболее активно проводились в Германии до войны (против германских евреев), Международный Военный Трибунал сам провел связь между антисемитской политикой нацизма и политикой агрессии. В его приговоре приводится выдержка из помещенной в Бюллетене министерства иностранных дел Германии от 25 января 1939 г. статьи «Еврейский вопрос как фактор внешней политики Германии в 1938 г.»: «То, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи великой Германии (к тому времени были уже захвачены Австрия и часть Чехословакии.— А. П.), конечно, не является совпадением, так как еврейская политика была и основой, и результатом событий 1938 г.»¹⁸³. Обвинители на процессе раскрыли органическую связь между антисемитской политикой гитлеровского правительства и политикой экономической подготовки агрессии, указав, в частности, на то, что полная конфискация еврейской собственности должна была также содействовать финансированию германского вооружения. «Хотя план Шахта получить иностранную валюту в качестве выкупа за еврейское население Германии не был принят,— отмечалось обвинением,— тем не менее евреев ограбили до такой степени, что Геринг получил возможность сообщить имперскому совету обороны о том, что критическое состояние имперской казны, вызванное перевооружением, было облегчено „благодаря миллиардному штрафу, наложенному на еврейство, и благодаря доходам, полученным Германией в результате аризации еврейских предприятий“»¹⁸⁴.

Из речи Гимmlера 4 октября 1943 г. ясно, что все мероприятия, направленные против евреев, были тесно связаны с военной по-

¹⁸¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 316.

¹⁸² Там же, стр. 320.

¹⁸³ Там же, стр. 398.

¹⁸⁴ Там же, стр. 28, 29.

литкой. Он заявил: «...мы знаем, как трудно было бы нам сейчас, если бы... сегодня евреи населяли каждый город, тайно саботируя, проводя агитацию и сея беспокойство»¹⁸⁵. Формулируя ответственность Геринга, Нюрнбергский трибунал не случайно именно в раздел «Преступления против мира» включил обвинение в том, что он «организовал гестапо и создал первые концентрационные лагеря»¹⁸⁶, ибо, как известно, гестапо и концлагеря стали орудием подавления демократических элементов в Германии, выступавших против агрессивной политики Гитлера. В этом же смысле весьма характерна данная Трибуналом формулировка ответственности бывшего гитлеровского министра внутренних дел Фрика. Именно в раздел «Преступления против мира» включены следующие выводы: «Многочисленные законы, которые он разрабатывал, подписывал и проводил в жизнь, ликвидировали все оппозиционные партии и подготовили почву для того, чтобы гестапо и его концентрационные лагеря могли уничтожать всякое сопротивление со стороны отдельных лиц»¹⁸⁷.

Итак, между политикой преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам и политикой агрессии была самая непосредственная органическая связь, и первая была одним из средств реализации второй.

Но как же следует квалифицировать эту деятельность нацистов в Германии до войны? Устав включает ее в состав преступлений против человечности. Мы считаем, что, поскольку речь идет о довоенном периоде и о преступлениях против немецкого народа и поскольку лишь те преступления являются подсудными Международному Военному Трибуналу, т. е. международными, которые связаны с заговором против мира, с агрессией, указанные действия, предусмотренные п. «с» ст. 6 Устава, должны квалифицироваться как одна из форм подготовки агрессии, а следовательно, должны входить в состав преступления против мира.

Признанию этих действий преступными не мешает тот факт, что они не нарушали право страны, где они были совершены, ибо, как это было установлено даже Веймарской конституцией, «общепризнанные положения международного права имеют значение обязательных составных частей имперского германского права»¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Там же, стр. 95.

¹⁸⁶ Там же, стр. 435.

¹⁸⁷ Там же, стр. 459.

¹⁸⁸ «Конституция буржуазных государств», т. I. Соцгиз, 1935, стр. 83.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКИХ МОНОПОЛИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. Извращение буржуазной пропагандой роли монополий в вопросах войны и мира

Изучению преступной роли германских монополий во второй мировой войне в значительной мере способствуют ценные материалы судебных процессов военных преступников. Таким образом, впервые важнейшим источником для изучения роли германских концернов в преступлениях против человечества становятся документы судебных процессов. Благодаря этому исследователь получает в свое распоряжение самые секретные архивы монополий, правительственные архивы, также содействующие раскрытию преступных связей руководителей концернов с аппаратом государственной власти. Конечно, нельзя обольщаться и не понимать того, что, оказавшись в основном в руках западных держав, архивы германских промышленников, прежде чем быть предъявленными судебным органам, подверглись определенной обработке. Нельзя игнорировать и тот факт, что руководители германских концернов в последний период войны сами приняли меры по уничтожению многих, особенно разоблачительных, материалов. И тем не менее благодаря активной и честной деятельности многих обвинителей союзных стран значительная часть этих архивов увидела свет и, таким образом, способствовала разоблачению и осуждению руководителей важнейших германских монополий.

К сожалению, судебные процессы над руководителями германских монополий не сыграли той исторической роли, которую они должны были бы сыграть. Но хотя они происходили под эгидой буржуазной юстиции, их нельзя игнорировать. И прежде всего по-

тому, что, несмотря на субъективные намерения их участников, логика судебного исследования, борьба двух тенденций на этих процессах, стремление обвинителей обосновать основные положения, содержащиеся в обвинительных заключениях, огромное количество бесспорных, подлинных документов из архивов монополий — все это, вместе взятое, предопределило ту большую роль, которую сыграли эти процессы в разоблачении германского монополистического капитала как организатора гитлеровского режима и гитлеровской агрессивной политики.

Раскрытие подлинной роли мировых монополий, и особенно германских, в подготовке и развязывании второй мировой войны — одна из важнейших задач советских историков, экономистов, юристов, философов. Актуальность этой задачи связана еще и с тем, что в ФРГ вновь господствуют те самые монополистические круги, которые в свое время привели Гитлера к власти и подготовили вторую мировую войну. Больше того, во главе нынешних крупнейших западногерманских монополий нередко стоят те же самые лица, которые возглавляли эти монополии в гитлеровский период.

Буржуазная историография второй мировой войны характеризуется огромным количеством трудов, посвященных дипломатической и военной истории этой войны. На книжный рынок хлынули сотни и тысячи книг — воспоминаний государственных деятелей о второй мировой войне. Однако о роли монополий в подготовке, развязывании и ведении этой войны работ написано очень мало, причем вышедшие на западе работы в значительной мере призваны маскировать подлинную роль монополий в вопросах войны и мира.

Буржуазные историки, экономисты, юристы пытаются испровергнуть ленинскую теорию империализма.

Основная линия здесь — выгородить мировые, и особенно германские, монополии, снять с них ответственность за войны и военные преступления.

Но все это лишено каких бы то ни было оснований. Весь опыт, вся история второй мировой войны, ее подготовки, развязывания и ведения, тягчайшие военные преступления, совершенные во время этой войны, — ярчайшее свидетельство правильности ленинского учения.

Когда после окончания второй мировой войны народы потребовали наказать тех, кто был повинен в ее подготовке, развязывании и ведении, западная пропаганда пустила в ход все возможные средства, чтобы отвлечь внимание народных масс от той преступной роли, которую сыграли монополии, особенно германские, в деле провокации войны.

Стремясь доказать мнимое миролюбие империалистических монополий, ученые лакеи капитализма пытаются свалить всю ответственность за агрессивные войны на военные круги, на милитаристов, имея в виду лиц, носящих военные мундиры. Эту «военную элиту» они противопоставляют финансовой олигархии.

Если поверить западногерманским идеологам империализма, то в том, что Германия развязала вторую мировую войну, повинны не крупны и тиссены, а германский народ.

Западногерманский историк Риттер, развивая эту мысль, пишет, что нацистский режим опирался именно на рабочих, крестьян и интеллигентов. Что же касается промышленников, юнкеров-помещиков, генералитета, то все они, оказывается, были злейшими врагами гитлеровского режима. Риттер утверждает, что заговорщиков против Гитлера всегда коробило от мысли о «пролетарски шумной сущности гитлеровского движения»¹. Выгораживая монополи, Риттер наивно вопрошает: можно ли рассматривать «гитлеризм как конечный продукт последующего развития прусско-немецкого государственного мышления и является ли жестокий дух завоеваний и агрессии, который развязал вторую мировую войну, характерным для политики Пруссии—Германии?»² «Национал-социализм является сатанинским извращением подлинно немецких традиций», — восклицает он³.

Как бы продолжая его мысль, Шахт пытается убедить читателей, что не монополии привели Гитлера к власти, а, напротив, они были той главной силой, которая вела борьбу с ним⁴.

На тех же позициях реабилитации германских монополий стоит Курт Хессе, который в своей книге «Политические обвинения против руководителей германской промышленности» пишет: «Мнение о том, что вся германская промышленность оказала поддержку Гитлеру в захвате власти, — легенда»⁵.

На судебных процессах германских монополий в Нюрнберге некоторые свидетели, вызванные защитой, стремились доказать неосновательность обвинения монополистов в агрессии. Их показания свелись к тому, что между гитлеровской партией и монополиями не только не было союза, но, наоборот, существовали противоречия и трения.

Так, на судебном процессе по обвинению руководителей «ИГ Фарбениндустри» гитлеровский фельдмаршал Мильх пытался уверить обвинителей, что «Гитлер не доверял промышленности. Он был уверен: единственный интерес промышленников заключается в том, чтобы набивать себе карман прибылью, а этого как раз он хотел бы избежать»⁶. На вопрос адвоката Дикса: «В чем заключалось личное отношение Гитлера к тому социальному классу, к которому эти господа принадлежали как крупные капитали-

¹ «Zeitwende», v. XXV. Hamburg, 1956, S. 444.

² G. Ritter. Europa und die deutsche Frage. München, 1948, S. 199.

³ G. Ritter. Carl Gerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954, S. 91.

⁴ Подробнее см. «Проблемы истории второй мировой войны». ИЛ, 1959, стр. 83.

⁵ Цит. по: S. Sawicki. From Nuremberg to the New Wehrmacht. Warszawa, 1957, p. 323—324.

⁶ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 644.

сты?» — Мильх ответил: «Гитлер не доверял им, и они были враждебны ему»⁷.

Любопытны также показания одного из руководителей гестапо, Олендорфа. Обращаясь к суду, он сказал: «Я могу заверить, что СД под моим руководством всегда было настроено против концернов»⁸. Начальник же штаба военно-экономического управления ОКВ генерал Хьюдерман заявил, что управление «ИГ Фарбениндустри» отказалось помогать осуществлению плана перевооружения Германии, сославшись на Версальский договор, что вынудило командование вермахта построить собственные заводы⁹. Военный трибунал США, рассматривавший дело по обвинению Круппа, указал в приговоре: «Мысль о том, что владельцы частных предприятий в наше время могут вырабатывать и претворять в жизнь преступные комбинации, для того чтобы совершать преступления против мира, является столь уникальной и далеко идущей в своем значении, что упоминание ее в тексте обвинительного заключения вызывает сомнение: правильно ли мы поняли утверждение обвинителей?»¹⁰

Такое заявление Военного трибунала США само по себе весьма характерно — буржуазная юстиция не приемлет даже мысль о том, что монополии могут быть причастны к преступлениям против мира, что они имеют какое-то отношение к агрессивной политике.

Оправдывая германские монополии по обвинению в преступлениях против мира, американские военные трибуналы в числе прочих аргументов ссылаются на то, что, не зная секретных планов гитлеровской партии, монополисты должны были руководствоваться публичными заявлениями руководства партии и, особенно, Гитлера. А эти публичные выступления свидетельствовали якобы лишь о том, что Гитлер стремится к миру. Далее трибунал приводит для доказательства различные заявления Гитлера.

Однако на этом аргументация оправдания германских монополий в преступлениях против мира не исчерпывается. Американский трибунал приводит в приговоре позицию защиты, которая настаивала на том, что поскольку субъектами международного права являются государства, а не отдельные лица, то привлекать к ответственности за эти преступления можно только само государство. Руководители же монополий — частные лица, не представляющие государство и не уполномоченные им. Трибунал отвергает эту позицию защиты и ссылается при этом на соответствующий раздел приговора Международного Военного Трибунала, в котором указывается, что преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 645.

⁹ Там же, стр. 425.

¹⁰ Там же, т. IX, стр. 408.

Но лишь внешне может показаться, что американский трибунал солидарен с позицией Международного Военного Трибунала. Номинально отвергнув ссылки защиты, он тут же нашел более «выгодный» аргумент для оправдания монополий в преступлениях против мира. В приговоре говорится, что примененные наказания за преступления против мира в отношении лидеров нацистского правительства и германской военщины были вполне логичны, ибо это как раз та категория людей, которая осуществляет контроль и проводит политику, приводящую к войне. «Сказать, что лишь правительство Германии было виновно в ведении агрессивной войны, а не люди, которые входили в правительство и чьи умы задумывали агрессивные планы и совершенствовали их исполнение, было бы абсурдом. Международный Военный Трибунал, приняв принцип наказания отдельной личности, должен был решить более трудную задачу: кто же из обвиняемых в действительности был ответствен?»¹¹

И это столь лояльное отношение к приговору Международного Военного Трибунала вовсе еще не свидетельствует о готовности американского трибунала дать правильную оценку роли монополий в гитлеровской агрессивной политике. Как раз закончив цитирование этого приговора и приступая к характеристике роли монополий, американский трибунал указывает: «В данном случае мы стоим перед проблемой определения вины или невиновности в вопросе ведения агрессивной войны людьми, связанными с промышленностью, людьми, которые не делали политику, но которые поддерживали правительство в период перевооружения и продолжали служить ему во время войны, развязывание которой было признано актом агрессии»¹².

И далее Трибунал ставит перед собой вопрос: можно ли считать виновными обвиняемых в преступлениях против мира? И отвечает категорически отрицательно. Опять и опять он утверждает, что «по необходимости большая часть населения Германии поддерживала военные усилия. Население вносило свой вклад как в период наступательных войн Германии, так и в период оказания ею сопротивления союзникам»¹³. Что касается руководителей монополий, то они «не были ни высокими государственными деятелями, ни ответственными военными чиновниками. Они участвовали как последователи, а не как лидеры. Если мы снизим уровень участия в военных преступлениях до включения руководителей «ИГ Фарбениндустри», то будет трудно разграничить виновных и невиновных среди огромной массы немцев»¹⁴.

В приговоре Международного Военного Трибунала указывает-

¹¹ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 1126.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 1126—1127.

¹⁴ Там же, стр. 1126.

ся, что принятый темп и масштабы перевооружения Германии не могли свидетельствовать ни о чем другом, кроме как о том, что гитлеровская Германия готовит агрессивную войну. Американский же трибунал по делу «ИГ Фарбениндустри» пытается подорвать это утверждение. По его мнению, нельзя упрекать монополии в таком знании проблемы, ибо они «не имели никакого отношения к военному делу. Полем их деятельности была промышленность и соответствующие области сбыта». Вывод трибунала сводится к тому, что нет оснований обвинять руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри» в осведомленности об агрессивных планах Гитлера и в том, что цель их производства состояла в усилении военного потенциала будущей агрессии.

Так делалась попытка снять ответственность с монополий за вторую мировую войну, и особенно ответственность германских монополий за чудовищные преступления, совершенные в ходе этой войны.

2. Объект и объективные признаки состава преступлений германских монополий

Материалами судебных процессов германских военных преступников с исчерпывающей убедительностью установлено, что германские монополии были активными соучастниками в совершении тяжчайших преступлений против человечества.

Как и во всяком преступлении, в преступлениях против человечества имеется свой объект посягательства. Но характеристика его сложнее характеристики объекта того или иного конкретного преступления по национальному праву. Преступления против человечества — это целая система отдельных видов международных преступлений, каждый из которых имеет свой непосредственный объект посягательства. Объект агрессии как одного из видов международных преступлений — мирные отношения между народами. К военным преступлениям относятся преступления против мирного населения, объектом которых является декларированная международным правом неприкосновенность мирного населения во время войны; преступления против военнопленных, раненых и больных (объект их — система прав и гарантий в обращении с военнопленными, ранеными и больными в период нахождения в плену у одного из воюющих государств); преступления против собственности на оккупированных территориях (объект этих преступлений — установленный международным правом режим обращения с собственностью, согласно которому, например, недвижимая государственная собственность не подлежит отчуждению со стороны оккупанта) и т. д.

Развязывая войну, агрессор посягает на самую большую человеческую ценность — на мир и мирное сотрудничество народов. Так как мир неделим, для определения объекта преступлений про-

тив человечества не имеет принципиального значения вопрос о территориальном распространении провоцируемой войны. И первая и вторая мировая войны начались с локальных конфликтов и неизбежно в силу сложившихся международных отношений переросли в глобальную мировую войну. Монополии активно участвовали в развязывании агрессивных войн. Следовательно, непосредственным объектом агрессии как международного преступления монополий является мир и мирное сосуществование народов.

Но развязывая войну и используя самые разрушительные средства ее ведения, империалистические агрессоры сопровождают войну целой системой чудовищных военных преступлений, которые становятся важнейшим орудием достижения целей войны. Исторический опыт второй мировой войны со всей очевидностью свидетельствует о том, что активным соучастником таких преступлений нацистской Германии были германские империалистические монополии. Эти преступления включают массовое уничтожение людей, вплоть до уничтожения целых народов, применение самых чудовищных средств террора, порабощение народов, лишение их самых элементарных прав, их повсеместное ограбление. Поэтому в целом следует определить объект преступлений германских монополий во второй мировой войне как мир и мирное сотрудничество народов, их жизнь, основные права человека, международная безопасность.

Когда мы говорим об объективной стороне преступлений монополий против человечества, мы должны иметь в виду ту характеристику внешних признаков преступного деяния, которая дается уголовным законом, в данном случае — применительно к преступлениям, совершенным германским фашизмом, и в частности германскими монополиями — Уставом Международного Военного Трибунала, его ст. 6, определившей юрисдикцию Трибунала.

Самая существенная черта деяний, предусмотренных ст. 6 Устава, — их общественная опасность. Но она не исчерпывает характеристики объективных признаков состава преступлений германских монополий. Для того чтобы то или иное деяние было признано преступным, оно должно быть не только общественно опасным, но и противоправным. То или иное действие может иногда быть общественно опасным, но в связи с незначительной степенью своей общественной опасности еще не быть уголовно наказуемым. Действия германских монополий во время второй мировой войны были настолько общественно опасными, что их противоправность и наказуемость не вызывает сомнений.

Роль германских монополий в захвате нацизмом власти в Германии. Нацистская партия, ведя борьбу за власть, не скрывала своих целей и программы. Руководители ее на заре организации и деятельности партии отлично сознавали, чего от нее ждут правящие круги Германии. После поражения Германии в первой

мировой войне был подписан Версальский договор, означавший в сущности победу англо-французских и американских монополий над монополиями германскими. Этот договор означал серьезное суживание возможностей дальнейшего проведения экспансионистской политики германского империализма. Поэтому только разрыв с Версалем, восстановление военной мощи, создание военно-экономической базы для агрессивного реванша явилось бы той линией политики, которая отвечала бы интересам германских монополий.

Как раз именно с этим лозунгом разрыва с Версалем выступала нацистская партия. Может быть, не сразу, но довольно скоро монополистические круги Германии признали эту партию наиболее полно выражающей их интересы. Нацистская партия начертала на своих знаменах политику подавления демократии внутри страны и проведения экспансионистской внешней политики. Но ни на одном этапе борьбы за власть она не могла обойтись без помощи крупных монополий. Поэтому можно и должно сказать, что тот, кто обеспечил приход к власти нацистской партии с ее преступными целями, не может не считаться подлинным организатором преступной политики германского фашизма, не может быть освобожден от ответственности за эту политику.

Прежде чем решиться дать предпочтение национал-социалистической партии, германские монополисты должны были убедиться в полном соответствии программы и целей этой партии интересам монополий.

На судебных процессах германских монополий защита подсудимых пыталась представить дело так, будто руководители концернов не знали о преступных целях гитлеровской партии, об агрессивной программе этой партии и тем более о тех чудовищных преступлениях, которые должны были быть осуществлены во время запланированных войн. Но материалы Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками и судебных процессов над монополиями с полной очевидностью показали, что германские монополии с первого же дня вступления их в тесный союз с нацистской партией полностью отдавали себе отчет в преступных целях этой партии, целях, которые не скрывались гитлеровской кликой и были официально декларированы в программе национал-социалистической партии. Таким образом, эти цели были общеизвестны, а следовательно, не могли составлять секрета для германских монополий. Программа национал-социалистической партии содержала 25 пунктов, но мы остановимся лишь на нескольких из них, характеризующих агрессивный характер политики, которую должна была осуществлять партия в случае захвата власти.

В п. 1 прямо устанавливалось, что цель НСДАП — «объединение всех немцев в великую Германию». В неоднократных выступлениях гитлеровских руководителей разъяснялось, что по этому

пункту программы имеется в виду объединение в составе Германии польских, чехословацких, французских земель, захват Австрии и ряда других территорий в Европе.

В п. 2 программы говорилось: «Мы требуем для германского народа равных прав с другими нациями; аннулирования Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров». Пункт 3 предусматривал: «Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением»¹⁵. Наконец, п. 22 требовал «создания национальной армии», разумеется, как орудия реализации той экспансионистской политики, которая открыто была намечена другими пунктами программы нацистской партии.

Ярким свидетельством того, что руководители германских монополий отлично сознавали подлинные цели этой партии, может служить книга Гитлера «Майн кампф». Эта книга разошлась в Германии более чем в 6 млн. экземпляров, и потому, естественно, цели нацистской партии, сформулированные Гитлером в ней, были общеизвестны. В этой книге Гитлер, как указывается в приговоре Международного Трибунала, «проповедовал... свое убеждение в необходимости применить силу в качестве средства разрешения международных проблем...»¹⁶ Гитлер писал: «Земля, на которой мы сейчас живем, не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благодеяние от какого-нибудь другого народа; он должен будет завоевать их силой торжествующего меча»¹⁷. «Майн кампф» открыто ставила агрессивные задачи. Так, в ней указывалось: «Германо-Австрия должна быть воссоединена с великой германской матерью-родиной...» на той основе, что «народы одной крови должны жить в пределах одной империи»¹⁸. Восстановление германских границ 1914 г. объявлялось недостаточным и говорилось, что, «если Германия вообще хочет существовать, она должна существовать в качестве мировой державы и обладать необходимыми для этого обширными территориями». В этой библии фашизма совершенно ясно указывалось, где именно следует искать территории для расширения пространства Германии: «Поэтому мы, национал-социалисты, совершенно намеренно зачеркнули линию поведения, которой следовала предвоенная Германия в своей внешней политике. Мы положили конец вечному германскому продвижению на Юг и Запад Европы и обратили наши взоры к землям на Востоке. Мы, наконец, положили предел колониальной политике и торговой политике предвоенных времен и перешли к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим о новых терри-

¹⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 313—314.

¹⁶ Там же, стр. 328.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 328—329.

ториях в Европе сегодня, мы должны главным образом думать о России и о пограничных государствах, подчиненных ей»¹⁹.

Характеризуя роль книги Гитлера «Майн кампф» как официально выраженной доктрины политики агрессии, Международный Военный Трибунал записал в приговоре: «„Майн кампф“ не должна рассматриваться как простое литературное упражнение или как изложение неизменной политики или плана, который не может быть модифицирован. Важное значение этой книги заключается в безусловной ее агрессивной тенденции, которая ясно проходит через все ее содержание»²⁰.

Для того чтобы понять крайнюю заинтересованность германских монополий в поддержке нацистской партии, в стремлении поставить ее у власти, нужно иметь в виду не только внешнеполитические цели, которых добивались германские монополии, но также и внутреннее положение в Германии в период борьбы нацистской партии за власть.

Монополисты сделали ставку на фашистскую партию особенно после 1929 г., т. е. после начала величайшего в истории капитализма мирового экономического кризиса, охватившего все отрасли народного хозяйства Германии. Переплетение промышленного кризиса с кризисом аграрным еще более ухудшило положение трудящихся в стране. Народные массы Германии все более и более сознавали полную несостоятельность буржуазного общественного порядка; перед правящими кругами выростала огромная опасность революционного кризиса. В этих условиях монополистические круги Германии, стремясь утвердить и упрочить свое господство в стране, поняли, что ставка на социал-демократическую партию, совершенно неспособную справиться с различными трудностями, не может ничего им дать. И потому они решили, что единственным спасением в создавшейся обстановке будет союз с национал-социалистической партией.

Наиболее активно этот союз начал оформляться после 1929 г. Именно в этом году один из крупнейших германских монополистов Тиссен пригласил Гитлера в Дюссельдорф — главную ставку «Стального треста» и представил его 300 крупнейшим промышленникам Рура. Здесь, в Дюссельдорфе, было достигнуто соглашение об усилении финансовой помощи нацистской партии в ее борьбе за власть.

На чрезвычайном собрании союза монополистов горнометаллургической промышленности Германии 4 ноября 1930 г. также ставился вопрос об усилении союза монополий с национал-социалистической партией. Председатель этого союза Шпрингорум во вступительной речи заявил: «Германское хозяйство, как общественное, так и частное, уже более 12 лет подвергается почти непрерывной

¹⁹ Там же, стр. 329.

²⁰ Там же.

цепи ошибочных воздействий, а также притеснениям со стороны дилетантских законодателей и честолюбивых правительств. В этом отношении нить терпения германского предпринимательства напряжена до крайности»²¹.

Собрание разработало четкую программу действий и потребовало устранения правительства Брюнинга и создания «сильного и прислушивающегося к предпринимательству правительства». Как указывалось в резолюции этого собрания, новое правительство должно «ликвидировать политические долги (репарации), снизить зарплату рабочим и разгромить марксистов, где бы они ни находились»²².

3 июня 1931 г. участники чрезвычайного собрания монополистов Рура уже не в первый раз потребовали смены правительства Брюнинга, создания «решительного и делового правительства». Фриц Тиссен открыто говорил о необходимости «взнуздать» немецкий народ, на что, по его мнению, не способен Брюнинг: «Когда государственный деятель хочет вступить на новый путь и двигаться вперед по этому пути, он должен правильно взнуздать лошадь, на которой он собирается ехать. Я не уверен в том, что лошадь господина рейхсканцлера правильно взнуздана. Иначе мы были бы сегодня дальше, чем есть»²³. Фриц Тиссен недвусмысленно потребовал передачи власти в Германии гитлеровской партии.

Как это было установлено на судебном процессе «ИГ Фарбениндустри», руководители этой монополии в самый острый период борьбы нацистов за власть решили, что, прежде чем оказать нацистской партии полную поддержку, нужно установить, имеет ли в виду Гитлер проводить политику в интересах данной монополии. Дело в том, что в тот период, учитывая агрессивные планы германского монополистического капитала, компания «ИГ Фарбениндустри» проводила успешные опыты гидрогенизации угля для разработки метода получения искусственного бензина. А в условиях механизированной войны без бензина не возможны никакие военные действия. Руководители «ИГ Фарбениндустри» посетили Гитлера и поставили перед ним вопрос: будет ли обеспечена их компания достаточными заказами на синтетический бензин. Гитлер заверил руководителей концерна, что агрессивная программа, намечаемая нацистской партией, предусматривает подготовку большой войны, в ходе которой, естественно, потребуются огромные запасы синтетического бензина. После этого концерн «ИГ Фарбениндустри» встал на путь оказания самой решительной поддержки нацистской партии.

Посетивший Гитлера член правления концерна Бьютефиш так комментировал его слова: «Когда фюрер закончил свое заявление,

²¹ «Stahl und Eisen», 1930, N. 47, S. 164.

²² Там же, стр. 146—147.

²³ «Stahl und Eisen», 1931, N 25, S. 759.

я заметил, что мне нечего добавить: все, что я хотел бы сказать, сказал фюрер»²⁴.

Летом 1932 г. во время парламентских выборов гитлеровская партия потерпела серьезное поражение. Тем не менее по уполномочию германских монополий Шахт сообщил Гитлеру: «В этих действиях вам могут помочь не столько слова, сколько самая искренняя симпатия. Ваше движение руководствуется такой внутренней правдой и необходимостью, что победа в той или иной форме надолго не может от вас ускользнуть»²⁵.

Огромное разоблачительное значение имели оглашенные на Нюрнбергском процессе показания крупнейшего германского монополиста барона фон Шредера. Эти показания раскрыли подлинную цель германских монополий — установить тесный союз с гитлеровской партией.

«В последние месяцы 1932 г., — показал Шредер, — обстановка в Германии все более ухудшалась и было ясно, что и в дальнейшем она будет ухудшаться и большевизм займет господствующее положение, если не будут предприняты немедленные меры»²⁶. Этими словами Шредер сделал ценное признание, раскрывая тот факт, что гитлеровская партия как орудие, которое могло быть использовано для подавления демократии в стране, потребовалась германским монополиям прежде всего для того, чтобы ликвидировать наиболее последовательного борца за демократию, против фашизма — коммунистическую партию.

Шредер показал на процессе, что монополисты в тот период неоднократно встречались с руководителями гитлеровской партии — Гитлером, Гессом, Гиммлером, Герингом, вырабатывая меры, которые должны были способствовать быстрейшему захвату власти нацистами. Он описал, в частности, встречу, состоявшуюся 4 января 1933 г., во время которой, по его словам, за закрытыми дверями происходило совещание трех человек: Гитлера, Шредера и фон Папена. На этом совещании Гитлер заявил, что его политика, если он станет главой правительства, «должна включать в себя отстранение социал-демократов, коммунистов и евреев от руководящих постов в Германии»²⁷. Таким образом, Гитлер не скрывал от представителей германского монополистического капитала подлинных целей своей политики.

Один из руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри» фон Шнитцлер на Нюрнбергском процессе также сделал весьма ценное признание: «Упадок либеральных буржуазных партий убедил меня в том, что Германия должна выбирать между национал-социализмом и большевизмом. В этих условиях я решил, что самым

²⁴ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 539.

²⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 7, стр. 2734.

²⁶ Документы Нюрнбергского процесса, док. 33—37—ПС.

²⁷ Там же.

правильным будет попытаться прийти к соглашению с национал-социализмом»²⁸.

Тот же Шнитцлер сообщил о секретном совещании крупнейших монополистов с руководством национал-социалистской партии 20 февраля 1933 г. На совещании были намечены конкретные меры по упрочению нацистского режима. После того как группа монополистов обратилась с письмом к президенту Гинденбургу, потребовав в категорической форме назначения Гитлера рейхсканцлером, 30 января нацисты захватили власть, но, как признал на Нюрнбергском процессе Геринг, «в то время коммунисты развили большую деятельность и новое правительство было не очень прочным»²⁹.

На 5 марта 1933 г. были назначены всеобщие парламентские выборы. Гитлер и его партия крайне нуждались в мощной поддержке монополий, в частности в финансовой поддержке.

Для этих целей 20 февраля 1933 г. и было созвано совещание. Шнитцлер так описывает в своих показаниях ход этого совещания: «В конце февраля 1933 г. четыре члена правления „ИГ Фарбен-индустри“, включая д-ра Боша, председателя правления и меня, были приглашены, чтобы участвовать в совещании на квартире у Геринга. Я направился на совещание, в котором участвовало около 20 человек руководящих промышленников Рура. Я помню, что среди присутствующих были Шахт, Крупп фон Болен, д-р Альберт Феглер, фон Левенфельд, д-р Штейн. Когда я ждал появления Геринга, в квартиру вошел Гитлер.

В длинной речи он говорил преимущественно об опасностях коммунизма, над которым он, по его словам, одержал решительную победу. Гитлер подчеркнул важность того, чтобы было завоевано большинство на предстоящих выборах в рейхстаг³⁰.

Содержание речи Гитлера перед монополистами видно из отчета, найденного в папке Густава Круппа «Частная корреспонденция 1933—1934 гг.». Гитлер заявил: «Нужно решить, хотим ли мы иметь такую систему жизни, которая поддерживала бы государство, или коммунизм. Последний также мыслим. Курс, которому мы хотим следовать, ясно указан, однако недостаточно сказать: мы не хотим иметь коммунизм в нашей экономике. Если мы будем продолжать наш старый политический курс, мы исчезнем, мы будем уничтожены. Мы имеем достаточно большой опыт последних лет, чтобы доказать, что экономика и политика не могут быть разделены...»³¹. Гитлер вынужден был признать, что «коммунизм в наибольшей степени проник в сознание германского народа». Дальше он раскрыл перед монополистами основы своей внешней агрессивной политики, сказал о необходимости приступить к созданию

²⁸ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1061.

²⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 16, стр. 7037.

³⁰ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 555—556.

³¹ Там же, стр. 559.

вермахта, предупредил о том, что «вопрос о восстановлении вермахта будет решаться не в Женеве, а именно в Германии, когда... достигнем внутренней силы»³².

Дополняя Гитлера и обосновывая необходимость значительной финансовой помощи монополистов в связи с предстоящими выборами, Геринг заявил в речи на этом совещании: «Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении последующих 10 лет и, может быть, даже на протяжении 100 лет»³³.

Там же, на совещании, было собрано 3 млн. марок для оказания помощи нацистской партии. В последующие месяцы эта сумма значительно возросла. Один только Крупп менее чем за два года передал партии около 5 млн. марок.

На судебном процессе по делу Круппа в качестве доказательства был представлен его меморандум, который был ответом на заявление Гитлера на совещании 20 февраля 1933 г. и в котором Крупп писал: «Я выразил имперскому канцлеру, Гитлеру, признательность от имени 25 промышленников за то, что он дал нам такую ясную картину своих идей»³⁴.

На судебном процессе «ИГ Фарбениндустри» был представлен документ — письмо, написанное руководителем концерна Хеффлигером 22 марта 1933 г. на имя итальянского партнера концерна Карло Феррарио: «Я чрезвычайно удовлетворен ходом политических событий в Германии. Я глубоко убежден, что новый режим под руководством Гитлера углубит симпатии, которые всегда существовали между Германией и Италией. Фашизм под руководством Муссолини достиг замечательных результатов в вашей прекрасной стране. Я всегда завидовал Италии и Муссолини. В глубине души надеюсь, что придет время, когда Германия будет представлена такой же личностью, как и он»³⁵.

Таким образом, приведенные документы устанавливают всю фальшь пропаганды, проводимой на Западе для того, чтобы представить германские монополии противниками нацистского режима. Документы и показания самих германских монополистов ярко свидетельствуют о том, что, как только нацистская партия поставила перед собой цель захвата власти в стране, она сразу же вступила в переговоры с монополистами, без помощи которых не могла бы рассчитывать на успех. Только организационная и финансовая помощь германских монополий обеспечила возможность захвата Гитлером власти.

Сделав все, чтобы привести нацизм к власти, монополисты понимали, что захват власти сам по себе еще не обеспечивает проч-

³² «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 561.

³³ Там же, стр. 562.

³⁴ Там же, стр. 563.

³⁵ Там же, стр. 569.

ного господства. Вот почему они решили взять на себя консолидацию нацистского режима.

Победа фашизма в Германии вызвала широкие протесты за рубежом. Народы всего мира поняли, какая угроза в связи с этим нависла над ними. Между тем Гитлер нуждался в международном признании своего режима. Он наметил меры для нейтрализации, «уменьшения вредного влияния» антинацистской пропаганды, которую вели демократические круги за рубежом. Монополисты решили противопоставить антинацистской деятельности пронацистскую пропаганду, организовав ее во многих странах.

На судебных процессах германских монополий были представлены важнейшие документы, разоблачающие эту деятельность монополий.

Еще на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников фигурировали документы, свидетельствующие о том, что германские концерны по своей инициативе стали вести пронацистскую пропаганду за рубежом. Американский обвинитель Додд представил Международному Трибуналу меморандум правления компании Круппа с весьма характерным подзаголовком: «Концерны — распространение за границей официальной пропагандистской литературы при помощи наших иностранных связей». В этом меморандуме сообщалось, что «фирма предоставила себя в распоряжение официальных учреждений в вопросах внешней пропаганды»³⁶.

Наиболее ярко деятельность по консолидации нацистского режима раскрывается документами судебного процесса по делу «ИГ Фарбениндустри».

Буквально через три недели после выборов, 29 марта 1933 г., правление «ИГ Фарбениндустри» обратилось с письмом к своим заграничным представительствам, в котором указало им на необходимость проведения активной профашистской пропаганды и, в частности, требовало от них опровержения всего того, что появляется в иностранной печати и компрометирует нацистский режим. В письме говорилось: «Мы считаем необходимым сообщить вам, что распространяемые за границей сказки о зверствах, о плохом обращении с политическими противниками и евреями не соответствуют действительности. Германия, которая всегда была страной отличного порядка и самодисциплины, и сегодня может претендовать на то, чтобы быть одной из наиболее спокойных стран Европы. Безопасность каждого человека гарантирована во всех отношениях, и никакой вред не причиняется никому, даже политическим противникам или евреям... Мы поэтому настоятельно просим вас немедленно по получении этого письма способствовать разъяснению действительных фактов в той форме, какую вы сочтете наи-

³⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 1, стр. 336. Меморандум датирован 12 октября 1933 г.

более удобной для особых условий вашей страны... Мы просим обратить особое внимание на ту часть нашего письма, которая указывает, что нет ни единого слова правды во всей кампании лжи, распространяемой за границей»³⁷.

Видимо, излишне говорить о том, что руководителям концерна хорошо были известны цели нацистской партии и те расправы с демократическими элементами в стране, которые чинились нацистам как до, так и тем более после прихода их к власти.

Нацистская партия создавала в других странах свои местные организации, превращая их в орудие экспансионистской политики, готовя из них пятую колонну. Германские монополии дали указание своим представительствам за рубежом установить тесную связь с этими организациями. 25 октября 1933 г. правление «ИГ Фарбен» направило циркулярное письмо директорам отделений концерна за границей, в котором обязало их «оказывать всю необходимую помощь местным группам НСДАП»³⁸.

Линия защиты германских монополий на судебных процессах в Нюрнберге, состоявшая в стремлении доказать, что «частные предприниматели», как любили называть себя германские монополисты, не имели ничего общего с политикой, в особенности с политикой гитлеровской партии, и что монополии ограничивались лишь интересами бизнеса и не вникали в борьбу политических партий, была полностью разоблачена предъявленными документами. Может быть, для примера стоит привести письмо правления «ИГ Фарбен», направленное зарубежным отделениям компании 23 декабря 1933 г. Это письмо свидетельствует о попытках монополий теоретически обосновать необходимость передачи в Германии власти фашизму. К письму был приложен доклад, составленный концерном и дававший картину политического и экономического положения в Германии.

«Мы надеемся,— говорилось в письме,— что доклад снабдит вас необходимыми данными, которые помогут вам продолжать оказывать нам помощь в борьбе за германскую концепцию права и порядка.

Почти 15 лет внутренней борьбы, которая привела Германию к краю бездны, потребовалось, чтобы убедиться, что парламентарная форма правительства, подходящая для западных стран, не совместима с условиями развития Германии. Имперский президент, уступая воле германского народа, 30 января 1933 г. назначил лидера НСДАП Адольфа Гитлера канцлером германской империи»³⁹.

Руководители «ИГ Фарбен», те самые, которые на процессе пытались представить себя аполитичными бизнесменами, с удовлет-

³⁷ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 650.

³⁸ Там же, стр. 661.

³⁹ Там же, стр. 653—654.

ворением сообщают своим иностранным представителям, что «новое правительство продолжает работу без колебаний и с величайшей энергией. В течение нескольких месяцев условия радикально изменились. Внутри Германии пожар рейхстага дал сигнал к атаке против коммунистов, марксистов, которые при помощи вооруженного переворота были намерены еще раз привести Германию к краю бездны. Правительство остановило стрелу железной рукой»⁴⁰.

Нацистская партия всякий раз, как она предпринимала те или иные шаги по осуществлению своих агрессивных планов, обращалась к руководителям германских концернов с просьбой поддержать ее акции за границей. Вот почему после заключения Антикоминтерновского пакта между Германией, Италией и Японией правление «ИГ Фарбен» взяло на себя снабжение антикоммунистическими материалами заграничных газет, журналов и радиоконцернов.

На судебном процессе был представлен меморандум этого концерна — письмо от 1 сентября 1937 г., в заголовке которого указывалось: «Касается предоставления бразильскому радио антикоминтерновских материалов, полученных от министерства пропаганды и антикоминтерновских организаций». В письме, в частности, говорилось: «По этому вопросу мы вошли в контакт с министерством пропаганды и с антикоминтерном. Оба эти учреждения обещали нам представлять материалы...»⁴¹.

Германские концерны не только оказали нацистской партии помощь в захвате власти, но только с первых же дней прихода к власти Гитлера стали оказывать ему помощь в консолидации режима, но и требовали от своих чиновников самой активной пронацистской деятельности, вступления их в национал-социалистскую партию. В письме, подписанном членом правления «ИГ Фарбен», подсудимым Манном, на имя представителя концерна в Бразилии Хомана указывалось: «Вы, как и ваши сотрудники, снова и снова будете делать любые попытки для поддержания не только правительственных агентств, но также и любых партийных учреждений в их деятельности за рубежом. Это означает не только то, что каждый человек выработает позитивную точку зрения относительно существующего режима, но он... станет членом партийных организаций и будет способствовать в меру своих возможностей процветанию партийных учреждений»⁴².

Этот и многие другие документы с полной очевидностью устанавливают соучастие монополий в захвате нацистского режима и консолидации власти фашизма в Германии.

Германские монополии и их роль в экономической подготовке и ведении гитлеровских агрессивных войн. Вторым звеном для ха-

⁴⁰ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 653—654.

⁴¹ Там же, стр. 655.

⁴² Там же, стр. 667—668.

характеристики объективных признаков состава преступлений германских монополий является доказательство соучастия монополий в планировании и подготовке гитлеровской Германией агрессивных войн, в особенности экономической подготовке агрессии.

Обеспечив установление фашистского режима в Германии, монополии приступили к тому, ради чего они привели Гитлера к власти, — к подготовке войны.

Так как современная война предъявляет особые требования к экономике воюющих стран и неизмеримо возрастает значение науки, техники и промышленности для успешной реализации целей войны, при всей авантюристичности нацистской агрессивной политики правящие круги гитлеровской Германии придавали большое значение экономическому фактору в общей подготовке войны, причем и в этом гитлеровское государство полностью опиралось на поддержку германских монополий.

Процесс экономической подготовки войны осуществлялся по этапам, первый этап начался еще задолго до прихода Гитлера к власти. Монополии рассматривали приход Гитлера к власти как один из этапов, как катализатор осуществления их планов подготовки новой мировой войны. Этот первый этап начался еще в период, когда Германия считала себя связанной условиями Версальского договора, в период Веймарской республики. Несмотря на существование ряда ограничительных условий, германские монополии в обход Версальского договора, втайне от мирового общественного мнения приступили к созданию военно-экономического потенциала агрессии.

Обратимся для примера к деятельности концерна Круппа. Один из главных военных преступников второй мировой войны Густав Крупп писал в 1944 г.: «Огромная заслуга всего германского военного хозяйства состоит в том, что оно не оставалось бездейственным в эти тяжелые годы, хотя его деятельность по понятным причинам была неизвестна общественности. Многолетней секретной работой были созданы теоретические и материальные предпосылки, для того чтобы в нужный час, не теряя времени на приобретение опыта, снова перейти к работе на нужды германских вооруженных сил...

Лишь эта замалчивавшаяся деятельность предпринимателей дала возможность после 1933 г. непосредственно приступить к новым задачам восстановления военной мощи, разрешить новые и разнообразные проблемы»⁴³.

Как это было установлено на судебном процессе по делу Круппа, концерн с 1919 по 1933 г., нарушая международноправовые ограничения Германии в области военного производства, разрабатывал, создавал и испытывал подводные лодки и танки. О том, что это означало и какую это цель преследовало, можно судить по

⁴³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 1, стр. 204.

меморандуму правления концерна Круппа, составленному в 1938 г., в котором говорилось: «Когда в 1933 г. нас снова призвали к выпуску военных материалов в большом количестве, мы были готовы немедленно начать это и, больше того, оказались в состоянии уже дать возможность и другим фирмам получить выгоду из нашего опыта, сохраненного и вновь приобретенного при помощи нашего капитала». Эта же точка зрения была отражена в меморандуме, подготовленном правлением концерна на имя Густава Круппа, а затем переданном верховному командованию германских вооруженных сил в 1940 г. Этот меморандум гласил: «Без приказов правительства, а просто исходя из убеждения, что Германия в один день должна будет снова сражаться за свое могущество, фирма Круппа с 1918 по 1933 г. сохраняла рабочих и предприятия, сохраняла и развивала опыт выпуска военной продукции за свой собственный счет, хотя, как известно, это причиняло огромные убытки... Материальный ущерб, который несла фирма Круппа, равнялся несколькимстам миллионов марок»⁴⁴. Итак, германские монополии были озабочены подготовкой Германии к войне и предпринимали для этого конкретные меры еще до прихода Гитлера к власти.

Версальский договор категорически запрещал производство или приобретение Германией каких бы то ни было подводных лодок. В 1937 г. штаб германского военно-морского флота составил секретный документ «Борьба военно-морских сил против Версальского договора». Этот документ, представленный на судебном процессе по делу Круппа, проливает свет на обстоятельства, которые сделали возможным быстрое развитие германского подводного оружия после того, как Гитлер пришел к власти. Из этого документа стало очевидным, что еще в 1920 г. концерн Круппа с одобрения германского адмиралтейства разработал проект новой усовершенствованной подводной лодки и продал синьки чертежей этого проекта Японии. На японских верфях под наблюдением представителей концерна Круппа производилась постройка подводных лодок. Так концерн Круппа аккумулировал опыт создания новых образцов вооружения, и к моменту прихода Гитлера к власти концерн уже мог сообщить ему о своей готовности к серийному производству подводных лодок.

Крупп разрабатывал и другие виды агрессивного вооружения и, чтобы скрыть от мирового общественного мнения подготовку Германии к войне, организовал испытания новых образцов оружия на территории Швеции, заключив соответствующее соглашение со шведской фирмой Бофорс. Излишне говорить, что при проведении этих экспериментов присутствовали как представители концерна Круппа, так и высшие офицеры германских вооруженных сил⁴⁵.

⁴⁴ «Trials of War Criminals...», v. IX, p. 461.

⁴⁵ Там же, стр. 75.

Ярким выражением форсированной подготовки гитлеровской Германии к войне явился так называемый четырехлетний план. В 1936 г. на съезде нацистской партии в Нюрнберге Гитлер обосновал этот план необходимостью подготовки к агрессивной войне, и прежде всего к войне против Советского Союза. Гитлер требовал, чтобы все другие интересы были подчинены этой задаче. Суммируя основные задачи плана, Гитлер заявил: «1) германская армия должна быть приведена в полную боевую готовность в течение четырех лет; 2) германская экономика в течение четырех лет должна быть мобилизована для работы на войну»⁴⁶.

Геринг — руководитель четырехлетнего плана — не скрывал от монополий основной направленности этого плана. На совещании с крупнейшими промышленниками страны он заявил, что «целью четырехлетнего плана является создание фундамента, на основании которого могут быть усилены приготовления к войне». На другом совещании, 26 мая 1936 г., Геринг обратился к крупнейшим руководителям концернов, особенно к «ИГ Фарбениндустри», с требованием расширить производство искусственного бензина и каучука — необходимого элемента экономической подготовки к войне.

Яркой иллюстрацией координации действий монополий по подготовке войны с деятельностью соответствующих звеньев государственного аппарата гитлеровской Германии может служить пример с концерном «ИГ Фарбениндустри». Как указывается в обвинительном заключении по делу этой монополии, «к сентябрю 1935 г. деятельность Фарбена до такой степени перешла в военную область, что правление концерна сочло необходимым учредить в Берлине военный орган связи (Фермитлунгштелле-В) с единственной целью «обеспечения в создании военной экономики систематического сотрудничества внутри „ИГ Фарбен“ и, в частности, централизованного подхода к вопросам военной политики и военной техники». Функции этого органа заключались в координировании работы заводов концерна с общим планом мобилизации...»⁴⁷.

2 января 1936 г. по указанию члена правления концерна Термейера при Фермитлунгштелле-В был создан отдел контрразведки, который действовал в тесном сотрудничестве с органами разведки вермахта. «Фермитлунгштелле-В участвовал вместе с вермахтом в военных играх, имевших своей целью проверку готовности экономики к войне»⁴⁸.

17 декабря 1936 г. в присутствии Гитлера Геринг произнес речь в Берлине, в которой он изложил перед большой аудиторией, состоявшей из правительственных должностных лиц и крупных промышленников, задачи четырехлетнего плана. Среди присутствующих

⁴⁶ Там же, стр. 148.

⁴⁷ Там же, т. VII, стр. 544.

⁴⁸ Там же, стр. 649.

щих были руководители «ИГ Фарбен» — Краух, Шнитцлер и др. Геринг сказал о намерении и решении нацистского правительства вести войну⁴⁹.

В соответствии с задачами подготовки войны, концерн «ИГ Фарбен» взял на себя инициативу реорганизации химической программы, намеченной в четырехлетнем плане, чтобы привести ее в соответствие с требованиями ведения войны. Характерно, что не кто иной, как один из руководителей концерна, Краух, разработал так называемый Каринхальский план (более известный в Германии как «план Крауха»), в котором содержалась новая, значительно расширенная программа производства химических средств войны, взрывчатых веществ, каучука и бензина. Геринг оценил усилия Крауха и назначил его генеральным уполномоченным по составлению четырехлетнего плана в области химических средств войны. При помощи ведущего технического персонала концерна Краух составил специальные планы мобилизации химической промышленности.

Назначение Крауха — лишь один из многочисленных примеров того, как руководящие деятели германских монополий в связи с экономической подготовкой войны занимали ведущее положение в государственном аппарате Германии. Так, на пост руководителя военно-экономического штаба ОКВ был назначен крупный чиновник концерна Круппа Томас. Значительный пост занял также член правления этого концерна Гудремонт. В управлении по четырехлетнему плану руководящие посты занимали члены правления «ИГ Фарбен». Например, Бьютефиш занимался вопросами производства синтетического бензина в целом по Германии, Амброс руководил производством искусственного каучука, Вурстер ведал координацией промышленности по производству серной кислоты, а Шнейдер — азотного производства. И вообще 90% штата управления по четырехлетнему плану, ведающего химическим производством, составляли служащие этого концерна. Характерно, что, занимая правительственные посты, высокопоставленные лица концерна и в нем сохраняли свое положение.

Для того чтобы определить вклад германских концернов в дело подготовки гитлеровских войн, достаточно обратиться к деятельности монополии «ИГ Фарбениндустри». Германия не имела собственных натуральных ресурсов для производства многих военных материалов. Этот концерн обеспечивал страну продуктами азота, синтетическим горючим и каучуком, разрабатывал процессы производства этого продукта синтетическим путем, производил 84% всех взрывчатых веществ, изготавливаемых в Германии, и 70% пороха из азотной продукции. Германия не имела естественного каучука. Концерн открыл способ производства искусственного каучука из бурого угля. Это открытие наряду с производством синтети-

⁴⁹ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 644.

ческого бензина разрешило проблему механизации вермахта, независимо от иностранных поставок.

Так как военная промышленность нуждается в легких металлах для производства самолетов и артиллерии, «ИГ Фарбениндустри» резко увеличил производство магния и алюминия (за 1930—1942 гг. производство магния увеличилось больше, чем на 4000%, а производство алюминия — больше чем на 1300%). Концерн провел множество исследований по секретному производству отравляющих газов и в 1943 г. произвел 95% всех отравляющих газов, имевшихся в распоряжении Германии⁵⁰. Таким образом, с 1933 по 1939 г. эта монополия обеспечивала страну наиболее жизненными средствами ведения современной войны. Подсудимый фон Шнитцлер заявил на судебном процессе: «Не будет переоценкой, если я скажу, что современная война была бы невысказанной без результатов, которых достигла германская химическая промышленность по четырехлетнему плану»⁵¹.

Правление концерна «ИГ Фарбен» внимательно следило за тем, чтобы не только его предприятия, но и вся химическая промышленность Германии форсировала подготовку к войне. Именно поэтому Краух в июне 1938 г. представил германскому правительству «Шнель-план» («Рapid-план»), который предусматривал резкое увеличение производства пороха и взрывчатых веществ. В меморандуме, адресованном вермахту, концерн сообщал, что «максимально возможное увеличение продукции по „Шнель-плану“ будет достигнуто осенью 1939 г.», т. е. к тому сроку, к которому Гитлер приурочил начало второй мировой войны. Детали «Шнель-плана» были скоординированы и полностью согласованы между ОКВ и Краухом⁵².

Одним из видов участия германских монополий в экономической подготовке гитлеровской агрессии является их деятельность по созданию стратегических резервов для войны. Капитал, как известно, заинтересован в обороте, но германские монополии шли на временное омертвление товарных ценностей, лишь бы ускорить и экономически обеспечить гитлеровскую агрессию. Эти стратегические запасы создавались концернами Круппа, Флика, Рехлинга и, особенно, «ИГ Фарбениндустри».

На судебном процессе по делу «ИГ Фарбениндустри» были представлены секретные документы, изобличившие концерн в этом. Так, был представлен меморандум правления концерна от 19 июня 1935 г., касавшийся обсуждения с имперским министром экономики и артиллерийским управлением армии вопроса о создании в большом количестве запасов вольфрама в центральной Германии⁵³.

⁵⁰ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 571—573.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 909.

⁵³ Там же, стр. 667.

Другие документы, представленные на процессе, свидетельствовали о соглашениях между правлением монополии и имперским министерством авиации относительно расширения производства различных типов металла и запасов легких металлов. Была также достигнута договоренность о создании концерном больших запасов зажигательных снарядов.

На процессе был допрошен в качестве свидетеля крупный чиновник Фермитлунгштелле-В Вагнер, который заявил, что создание запасов он подразделяет на три категории: 1) проводимое концерном по собственной инициативе; 2) по договоренности с имперским управлением экономического развития и экономической группой химического производства четырехлетнего плана; 3) по заказам армий, военно-воздушных сил и флота. «Незадолго до начала войны большое количество никеля было приобретено „ИГ Фарбениндустри“ в Канаде и складировано,— показал Вагнер.— Насколько я помню, были также созданы запасы стабилизаторов со взрывчатыми устройствами, тетратил-свинца, алюминия. По заказам армии были созданы запасы пороха и других взрывчатых веществ»⁵⁴.

Концерн вступил в специальное соглашение с американской фирмой «Этиллидэкспорт корпорейшн», по которому «ИГ Фарбениндустри» в 1938 г. приобрел 500 т тетратил-свинца, за что было уплачено более 1 млн. долларов. Этот продукт был необходим, чтобы путем добавки его к обыкновенному бензину создавать высокооктановые соединения горючего для военно-воздушных сил.

Таким же путем, как показал на допросе подсудимый Август Книрим, эта монополия по поручению германского правительства закупила у американской фирмы «Стандард-Ойл» бензин на сумму в 20 млн. долларов с целью создания запасов для войны. Книрим на процессе сказал, что концерн осуществил эту сделку, уплатил деньги, а затем получил их обратно от правительства, без всякой прибыли или потерь»⁵⁵. Это весьма характерное признание как раз и свидетельствует о том, что «ИГ Фарбениндустри» был озабочен необходимостью оказания помощи гитлеровской клике в экономической подготовке агрессии.

Германские концерны в целях всесторонней экономической подготовки агрессии шли и на то, чтобы создавать резервные заводы, которые могли быть пущены в ход только при условии развязывания войны. Эти заводы назывались в Германии на жаргоне монополистов «теневыми заводами»⁵⁶.

Огромная и все возрастающая роль экономического фактора в войнах эпохи империализма, в свою очередь, обуславливает растущий интерес империалистических разведок к получению всевозможной информации о состоянии военно-экономического потенциа-

⁵⁴ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 1198.

⁵⁵ Там же, стр. 1203.

⁵⁶ Там же, стр. 1235.

ла стран, намеченных в качестве объектов агрессии. В этой подготовительной к агрессии деятельности огромную помощь гитлеровскому государству оказывали крупнейшие германские монополии.

И свои представительства за границей, и картельные и иные связи с промышленными концернами других стран германские монополии использовали в качестве источников информации для оказания помощи гитлеровской разведке. Так, концерн Круппа во всех случаях продажи вооружения другим странам информировал абвер (разведку и контрразведку) о сделках, сообщая подробные данные о проданном вооружении⁵⁷. Концерн дал задания всем своим зарубежным представительством снабжать абвер ОКВ данными о военно-экономическом потенциале стран, где находились эти представительства. 9 февраля 1940 г., т. е. за два месяца до вторжения в Данию, Крупп, например, потребовал от своих представителей в Копенгагене передать германскому командованию сведения, касающиеся состояния датской военной промышленности. В марте 1941 г., за месяц до нападения на Югославию и Грецию, Крупп снабдил высшее армейское командование полным списком всех орудий, которые фирма Круппа отправила за последние годы в балканские страны⁵⁸.

Германское верховное командование как-то заинтересовалось данными о датском концерне «Бурмейстер и Вейн», заводы которого выпускали моторы, а также артиллерийские орудия, продававшиеся Англии. Получив запрос от абвера, Крупп направил его своему представителю в Копенгаген с запиской: «Мы будем вам очень благодарны, если вы сообщите, какими данными вы располагаете по этому вопросу, для того чтобы мы могли сообщить сведения высшему командованию вооруженных сил»⁵⁹.

Весьма характерны показания члена правления «ИГ Фарбениндустри» Шнейдера, который по соглашению между правлением концерна и абвером был назначен на должность главного разведывательного агента абвера при концерне. Шнейдер сообщил, что по соглашению с абвером концерн обязывался поставлять разведывательным органам вермахта следующую информацию: «1) экономическую и банковскую информацию об экономическом и политическом положении за границей; 2) промышленные доклады об иностранных заводах; 3) всю возможную переписку с иностранными контрагентами, которая может представлять интерес для абвера; 4) доклады зарубежных представителей „ИГ Фарбениндустри“, в которых может быть заинтересован абвер»⁶⁰.

Германские монополии систематически готовили и передавали вермахту конъюнктурные доклады о состоянии соответствующих

⁵⁷ «Trials of War Criminals...», v. IX, p. 99.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, стр. 341.

⁶⁰ Там же, т. VII, стр. 740--741.

отраслей военной экономики стран, против которых готовилась гитлеровская агрессия. Сошлемся в качестве примера на меморандум отдела военной экономики вермахта от 2 мая 1939 г. и на полученный этим отделом доклад «ИГ Фарбениндустри» о состоянии азотной промышленности Англии. В этом докладе сообщались абверу подробные данные об азотных заводах в Англии и данные, характеризующие выпуск азота английской химической промышленностью.

Вот выдержка из письма Фермитлунгштелле-В в адрес абвера от 4 мая 1939 г.: «Мы предлагаем для вашей информации письмо, из которого мы выяснили, что британское военное министерство построило также два завода для производства первичного аммония в укрепленных городах северной и восточной Англии». Одновременно сообщались данные о стоимости этих заводов и о производственной мощности каждого из них. «Эти два завода,— указывалось в письме,— с общей производительностью в 60—100 тыс. т азота ежегодно будут способны, если наши расчеты правильны, покрыть полностью потребность в первичном азоте английских заводов... даже если Биллингамский завод будет выведен из строя»⁶¹.

Для характеристики различных форм сотрудничества германских монополий с разведывательными органами вермахта не меньший интерес представляет протокол совещания между официальными представителями «ИГ Фарбениндустри» и представителями абвера ОКВ от 2 мая 1941 г., посвященного дальнейшему укреплению сотрудничества между концерном и экономической разведкой вооруженных сил. В совещании участвовали члены правления концерна Шнейдер, Хейде и др., от военной разведки — Блох, являвшийся заместителем начальника экономической разведки верховного командования. Приведем выдержку из этого документа: «После вступительной речи д-ра Шнейдера майор Блох от имени адмирала Канариса благодарил концерн за ценное сотрудничество и поддержку в вопросе о военной разведке в области экономических и военно-экономических вопросов». Блох благодарил за разведывательную деятельность и обращал внимание руководителей концерна на необходимость максимального усиления этой деятельности в Советском Союзе.

Представитель концерна Хейде заявил, что «сотрудничество ИГ, как и сотрудничество германской экономики в целом (с разведкой.— А. П.), конечно, не закончится с окончанием войны, но, напротив, необходимо, особенно после успешной войны, установить методическое сотрудничество всей германской экономики с разведывательной службой... В будущем генеральная линия должна быть следующей: не должно быть ни одной поездки, ни одного пребывания, ни одного возвращения из-за границы, ни одного доклада оттуда, ни одного обмена новостями и опытом с иностран-

⁶¹ «Trial of War Criminals...», v. VII, p. 679—680.

ными государствами без того, чтобы в первую очередь не принять во внимание заинтересованность абвера»⁶².

Далее участники совещания договорились, что «в будущем сотрудники разведки „ИГ Фарбениндустри“ примут меры, чтобы информировать учреждения абвера по возможности раньше о предполагаемых поездках за рубеж». Одновременно с этим представители абвера должны информировать своих агентов за границей, годится ли путешественник для использования его в области военно-экономической разведки. Было установлено, что правление концерна будет брать к себе на службу в зарубежные отделения агентов абвера. Правление соглашалось дать указания своим представителям за границей об оказании всевозможной помощи агентам абвера, в частности путем камуфлирования их поездок.

Разведывательная деятельность была характерна для всех крупнейших германских концернов. Эта деятельность являлась еще одной формой способствования подготовке и развязыванию агрессивной войны.

Устав Международного Военного Трибунала наряду с планированием, подготовкой и развязыванием войны предусматривает еще одну стадию агрессии — ведение агрессивной войны. Выше мы уже рассматривали характерные черты этой стадии агрессии, а теперь, характеризуя объективную сторону преступной деятельности монополий, нужно установить их роль в осуществлении этой последней стадии агрессии.

Следуя задаче реабилитировать монополии в самом тяжком преступлении — агрессии, американские трибуналы отказались признать их руководителей виновными в ведении войны. Книрим, подытоживший в своей книге всю судебную деятельность по делам германских монополий, относительно обвинения их в ведении войны пишет: «Сделав так, союзные державы в своем Уставе смешали все в одну кучу — и тех... кто был действительным виновником войны, кто знал и знал точно, что он делает и во имя чего делает, и огромную массу немцев — богатых и бедных, образованных и едва умеющих читать и писать, играющих важную роль в войне или не играющих никакой роли, людей, которые не имели никакого выбора...»⁶³.

В сущности эта же мысль была высказана американскими военными трибуналами. Так, Военный трибунал по делу концерна «ИГ Фарбениндустри» указал в приговоре, что обвинение в ведении агрессивной войны следует применять так, чтобы «избегать массовых наказаний». Учитывая, что Международный Военный Трибунал возложил это обвинение только на главных военных преступников, отмечают американские судьи, отход от принципов, изложенных в приговоре МВТ, «заведет слишком далеко»⁶⁴.

⁶² «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 690—691.

⁶³ August Knieriem. The Nuremberg Trials. Chicago, 1959, p. 379.

⁶⁴ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1125.

Трибунал, по существу, выступил против того, чтобы применять такое обвинение в отношении германских монополий, ибо, по его мнению, в ином случае «практически нельзя будет разграничить ответственность за такое преступление так, чтобы она не включала в себя солдата на поле боя, фермера, который увеличивал производство продуктов питания для поддержания вооруженных сил, или домохозяйки, которая консервировала жиры и посылала их в армию. При таком положении вещей все население Германии по собственному усмотрению обвиняющих властей должно было бы отвечать за ведение агрессивных войн. Это, без сомнения, приведет к массовым наказаниям»⁶⁵.

К аналогичным выводам пришли и военные трибуналы по делу Флика и Круппа. Так, в приговоре по делу Круппа говорилось: «Было бы беспрецедентно считать, что участие рядовых граждан в выпуске вооружения может быть рассмотрено как акт ведения войны». Касаясь руководителей концерна Круппа, приговор указывает: «Ни один из них не имел никакого голоса в политике, которая привела нацию к агрессивной войне. Никто из них не осуществлял руководства в военных действиях»⁶⁶.

Материалы Международного Военного Трибунала и те, которые оказались в распоряжении военных трибуналов США и других западных стран, раскрывают всю неосновательность подобных юридических конструкций. При анализе субъективной стороны преступления мы более подробно остановимся на критике этих приговоров. Здесь же наша задача заключается в том, чтобы раскрыть сущность участия монополий в ведении агрессивной войны.

Первой и решающей формой такого участия является обеспечение вермахта необходимым вооружением и снаряжением на всех этапах агрессивной войны. Вторая форма соучастия монополий — подчинение экономики оккупированных территорий интересам военного потенциала гитлеровской Германии. И неправильно видеть в этой политике и практике монополий лишь стремление к немедленному и непосредственному обогащению и не видеть коллективной заинтересованности их в успешном ведении и окончании агрессивных войн. Победа Германии открыла бы новые горизонты для грабительской политики монополий, и поэтому их руководители делали все от них зависящее, чтобы способствовать подчинению экономики оккупированных стран и территорий военному потенциалу Германии.

Большое значение для военных усилий гитлеровской Германии имело массовое использование принудительного труда. В условиях все возрастающих потребностей германской военной экономики в рабочей силе использование многих миллионов иностранных рабочих стало одним из средств, обеспечивавших ведение агрессив-

⁶⁵ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1125.

⁶⁶ Там же, т. IX, стр. 449.

ной войны. Германские монополии были главными потребителями рабского труда, и, таким образом, их деятельность, связанная с этим, способствовала успешной деятельности военной промышленности, а следовательно, ведению войны.

В декрете от 2 ноября 1942 г. Геринг писал: «Развитие войны делает необходимым поставить экономическую силу восточных территорий на службу германской военной мощи. В связи с прогрессирующим расширением оккупированных районов экономика их будет в состоянии выполнять свои функции в отношении всей военной экономики, если коммерческий и технический опыт, накопленный германской экономикой, будет применен в широком масштабе»⁶⁷. Поэтому Геринг возложил особые задачи на германские монополии, которые и должны обеспечить наиболее эффективную эксплуатацию оккупированных территорий, подчинив их экономику интересам ведения войны. Вот почему он в декрете требует от оккупационных властей не вмешиваться в деятельность монополий, а создавать для них режим наибольшего благоприятствования⁶⁸.

Вопрос о роли монополий и их вкладе в ведение войны не раз был предметом специальных совещаний крупных промышленников с Гитлером. Так, в отчете о совещании члена правления концерна Круппа Эриха Мюллера с Гитлером 14 апреля 1942 г. указывалось: «На этом совещании доктор Мюллер, имея в виду растущие нужды военной экономики, обращал внимание на стремление фирмы Круппа организовать выпуск снарядов в большом количестве на Украине. Это предложение было с благодарностью принято»⁶⁹.

Роль германских монополий в ведении агрессивных войн ясно видна из материалов судебного процесса по делу Рехлинга.

Как уже указывалось, французский оккупационный суд, в отличие от военных трибуналов США, проанализировав представленные доказательства, признал Рехлинга виновным не только в военных преступлениях, но и в ведении агрессивной войны. В обвинительном заключении по его делу указывается на различные формы содействия концерна Рехлинга ведению гитлеровских агрессивных войн и на этом основании делается вывод, что концерн «принял активное участие, экономически обеспечивая ведение войны»⁷⁰.

Далее отмечается, что Рехлинг неоднократно давал советы различным министерствам рейха и ОКВ относительно методов ведения войны и ее экономического обеспечения: «Когда весной 1942 г. в немецкой экономике налицо были признаки истощения, в частности недопроизводство стали, Герман Рехлинг предложил ряд меро-

⁶⁷ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 280.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, т. IX, стр. 101.

⁷⁰ Там же, т. XIV, стр. 1168.

приятій, которые, по его мнению, могли бы улучшить положение. В конце мая 1942 г. Рехлинг становится президентом металлургической ассоциации рейха, т. е. по существу диктатором всего металлургического производства, как в самой Германии, так и на оккупированных территориях. И в этом смысле другие промышленники были подчинены ему (Пенсен, Крупп, Флик и т. д.). Рехлинг проявил недюжинные способности в деле увеличения всех возможных способов выпуска продукции металлургической промышленности»⁷¹.

Приговор французского оккупационного суда, рассматривавшего дело Рехлинга, подтвердил указанные в обвинительном заключении факты и выводы. В приговоре указывается, в частности: «На своем посту диктатора металлургической промышленности Германии и оккупированных территорий Герман Рехлинг проявил большое рвение и чрезвычайную твердость по отношению к директорам заводов на оккупированных территориях. С помощью режима террора он потребовал от них увеличения усилий для расширения производства вооружения для войны против их собственной страны...»⁷²

Расценив эти факты как экономическое содействие ведению агрессивной войны, суд записал в приговоре: «Герман Рехлинг виноват в совершении преступлений против мира, так как он участвовал в ведении агрессивных войн... Его деятельность, особенно в должности генерального уполномоченного металлургической промышленности рейха, и его личная инициатива способствовали захвату сталелитейных предприятий в оккупированных странах с целью увеличения военного потенциала рейха. Его деятельность и личная инициатива... были направлены на увеличение производства чугуна и стали в рейхе и во всех оккупированных странах, что способствовало ведению агрессивных войн»⁷³.

Таким образом, дело Рехлинга явилось единственным примером, когда руководитель монополии был признан виновным не только в военных преступлениях, но и в преступлениях против мира.

Стремясь достичь своей главной цели — превратить войну в орудие получения сверхприбылей, германские монополии как до войны, так и особенно во время войны захватывали в свои руки важнейшие посты в военно-экономических звеньях государственного аппарата гитлеровской Германии. Пребывание на этих постах тем более давало возможность руководителям концернов способствовать ведению войны.

Шпеер, бывший германский министр вооружений, признал на процессе, что имперское управление экономического развития было

⁷¹ «Trials of War Criminals...», т. XIV, р. 1069.

⁷² Там же, стр. 1079.

⁷³ Там же.

по существу «национализированным ИГ» и что оно «почти полностью было укомплектовано персоналом концерна „ИГ Фарбен“»⁷⁴.

Один из крупных чиновников «ИГ Фарбениндустри» Кюглер захватил пост специального уполномоченного министерства экономики по чехословацким химическим заводам; член правления монополии Термейер стал специальным уполномоченным министерства вооружений по химическим заводам Италии. Шпеер признал, что им был создан консультативный совет по ведению экономической войны, в составе которого видное положение занимали монополисты — Феглер, Краух, Рехлинг и др. Одной из задач этого совета было «оказание генеральному штабу военно-воздушных сил помощи в выборе стратегически и экономически важных объектов для бомбардировки»⁷⁵.

Вряд ли после этого можно сомневаться в том, что германские концерны активно участвовали в процессе ведения агрессивной войны (в выборе объектов для бомбардировок важную роль, конечно, играли конкурентные соображения германских монополий, стремившихся разрушить те заводы и фабрики в других странах, которые в прошлом конкурировали с соответствующими отраслями германской промышленности).

Значительное количество важнейших постов в государственном военном и экономическом аппарате занимали и руководящие деятели концерна Круппа. Например, Эрих Мюллер уже в сентябре 1940 г. стал председателем вновь созданного комитета по вооружению в министерстве Шпеера, и, таким образом, в его подчинении во время войны было много других военных предприятий в Германии, не входивших в состав концерна. Другой член правления концерна — Гудремонд — играл аналогичную роль в области промышленности металлозаменителей⁷⁶.

Таковы факты, с полной очевидностью раскрывающие роль руководителей германских монополий в экономической подготовке и ведении агрессивных войн гитлеровской Германией.

Военные преступления руководителей германских монополий. К объективным признакам состава преступлений германских монополий относится и соучастие в совершении гитлеровской Германией тяжчайших военных преступлений. Одним из таких наиболее тяжких преступлений во время второй мировой войны было массовое и повсеместное ограбление оккупированных гитлеровцами территорий.

⁷⁴ Любопытно, что, давая показания по этому вопросу, Шпеер заметил: «В принципе я хотел бы отметить, что мое заявление было сделано в расчете на то, что оно не будет использовано в суде». Шпеер, даже уже будучи осужден, все же стремился скрыть факт тесного сотрудничества германских монополий с гитлеровским правительством («Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 878).

⁷⁵ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 987.

⁷⁶ Там же, т. IX, стр. 100.

Германские монополии в своей деятельности на этих территориях грубейшим образом нарушали общепризнанные законы и обычаи войны. Международное право, в частности IV Гагская конвенция 1907 г., устанавливает определенные ограничения для оккупанта в вопросе об экономических мероприятиях на оккупированных территориях. Государственная недвижимая собственность не может быть на законном основании захвачена или конфискована оккупантом до тех пор, пока сама территория, на которой эта недвижимая собственность находится, не присоединена на легальном основании в результате окончания войны (мирный договор и т. п.) к государству, ее занявшему. Отсюда следует, что оккупант не вправе продавать, присваивать или иным образом отчуждать государственную недвижимую собственность. Статья 55 IV Гагской конвенции 1907 г. следующим образом определяет права оккупанта в отношении недвижимой собственности на оккупированной территории: «Государство, занявшее область, должно признавать за собой лишь права управления и пользования по отношению к находящимся в ней и принадлежащим неприятельскому государству общественным зданиям, недвижимостям, лесам и сельскохозяйственным угодьям. Оно обязано сохранять основную ценность этих видов собственности и управлять ими согласно правилам пользования»⁷⁷.

Статья 46 Гагской конвенции устанавливает, что частная собственность захвату не подлежит. Однако здесь необходимо различать недвижимую частную собственность и движимую. Недвижимая частная собственность не может быть обращена в собственность оккупирующего государства, которое может лишь временно пользоваться такой недвижимостью (землей, строениями) для целей, вытекающих из военных потребностей. Что касается движимого частного имущества, то оно не подлежит конфискации ни при каких обстоятельствах. Определенные виды этого имущества, имеющие военное значение, могут быть реквизированы оккупантом, но по окончании войны либо должны быть возвращены собственникам, либо им должны быть возмещены убытки.

Подлинными организаторами грабежа на оккупированных территориях были германские монополии, интересам которых была подчинена вся экономическая политика гитлеровской военной администрации. Их соучастие в грабеже начиналось еще до нападения Германии на ту или иную страну. Как правило, германские монополии систематически снабжали германское командование конъюнктурной экономической информацией подлежащей захвату территории или страны. При этом каждая крупная монополия одновременно указывала, в приобретении каких заводов она заинтересована. Так, концерн «ИГ Фарбениндустри» еще 28 июля

⁷⁷ «Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции». Юриздат, 1942, стр. 15.

1939 г. передал в ОКВ обширный доклад под названием «Наиболее важные химические предприятия в Польше»⁷⁸. В этом докладе концерн, раскрывая экономический потенциал польской химической промышленности, одновременно делал «заявку» на приобретение тех заводов, в которых был заинтересован.

На всех судебных процессах монополий руководителям германских концернов были предъявлены обвинения в экономическом разграблении захваченных стран и территорий.

Не отрицая самих фактов участия в разграблении собственности на оккупированных территориях, руководители монополий выдвинули ряд доводов, которые, по их мнению, должны были служить основанием для освобождения их от ответственности. Важнейшим из них был тот, что тотальный характер войны лишает государство возможности вести ее в рамках Гаагских правил. Неизмеримо возросшее значение экономического фактора в современной войне делает якобы неизбежным значительно большее вторжение воюющих государств в экономику своих противников чем это разрешается Гаагскими правилами. Отсюда — конфликт между требованиями тотальной войны и установлениями международного права⁷⁹.

Рядом с доктриной тотальной войны шествует доктрина военной необходимости, о сущности которой уже говорилось выше. Применительно к монополиям доктрина военной необходимости сводится к тому, что под давлением государства монополии, которые должны были обеспечивать экономические предпосылки для ведения войны, оказывались вынужденными использовать экономические ресурсы оккупированных территорий в формах и методах, нарушающих международное право, которое объявлялось устаревшим уже потому, что оно не отвечало новым условиям тотальной войны.

Профессор Волл в речи по общеправовым вопросам на судебном процессе «ИГ Фарбениндустри» специально остановился на вопросе о крайней необходимости, в условиях которой якобы действовали германские монополисты. Волл заявил, что «отдельная личность (под ней Волл понимает германских монополистов. — А. П.) была насильно впутана в преступные сети государства», что эти «отдельные личности начали осознавать жестокость своего государства только после того, как началась война». «Таким образом, — говорил Волл, — страх перед конфликтом с самим государством или перед угрозой быть уничтоженным вместе со своей семьей в качестве саботажника, пораженца или идеологического противника все в большей степени становится скрытым мотивом его (монополиста. — А. П.) поведения. Чем ближе сталкивается он с жестокостями этой системы, тем больше растет его страх. Гитлер

⁷⁸ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 40.

⁷⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 8, стр. 3461.

очень хорошо знал отвращение, которое испытывал рядовой немец к его методам, и он использовал различные угрозы, для того чтобы вынудить людей подчиняться его воле»⁸⁰.

В меморандуме защиты от имени всех подсудимых было заявлено на процессе германской химической монополии: «Необходимость, принуждающая человека к совершению убийства, оправдывает его, так как человек не может быть виновным в преступлении, если у него не было желания и намерения совершать его. Когда человек в силу естественной необходимости принужден совершить какое-либо действие, его воля не участвует в совершении его. Позиция защиты такова, что особые обстоятельства, в которых жили все обвиняемые в бывшем рейхе после прихода нацистов к власти, сами по себе составляют совершенно ясную и действительную опасность и что поэтому обвиняемые вправе выдвинуть ссылку на крайнюю необходимость»⁸¹.

Доказательства, представленные военным трибуналам, рассматривавшим дела монополий, решительно исключали возможность применения института крайней необходимости к руководителям германских монополий. Подлинные документы из архивов монополий ясно устанавливали, что германские монополисты были добровольными соучастниками нацистской организации грабежа оккупированных территорий. И в этом соучастии монополисты играли роль организаторов, а нацистские власти — пособников грабежа. Впрочем, как это будет показано дальше, взаимная переплетенность аппарата монополий и аппарата гитлеровских оккупационных властей дает скорее основания говорить о соучастии в форме совиновничества, при котором все участники преступления являются его соисполнителями. Мы говорим о совиновничестве потому, что в организации и осуществлении системы грабежа оккупированных территорий как германские монополии, так и нацистские власти в зависимости от обстоятельств параллельно играли роль то организаторов и подстрекателей, то исполнителей и пособников. И хотя с точки зрения главных целей грабежа можно говорить о том, что монополии были организаторами этой политики, а нацистские оккупационные власти — пособниками, юридически точнее в данном случае квалифицировать их действия как соучастие в форме совиновничества.

Если проанализировать поведение монополистов на судебных процессах и их реакцию на обвинение в грабежах, то не удастся установить логически единую линию объяснений по поводу предъявленных обвинений.

Вначале защита пыталась вообще ниспровергнуть Гаагскую конвенцию 1907 г. Волл говорил: «Существуют три возможности: либо оккупирующая держава, реквизирующая предприятие, вы-

⁸⁰ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 907.

⁸¹ Там же, стр. 986.

игрывает войну, либо проигрывает ее, либо дело заходит в тупик. Если она выигрывает войну, то она заключает мирный договор на основе капитуляции и затем заключением мира легализует все свои экономические мероприятия; или она проигрывает войну, и предприятие, естественно, возвращается к своему прежнему хозяину»⁸². Смысл этой сентенции заключается в том, что Гагская конвенция якобы не имеет никакого юридического значения. Все решает тот или иной исход войны, а не право. Подобная концепция защиты находилась в вопиющем противоречии с общепризнанными нормами международного права, поскольку она в сущности легализовала любые незаконные формы обращения оккупантов с собственностью на временно захватываемой территории. Поэтому защита не очень настойчиво цеплялась за такую безнадежную концепцию.

Лейтмотивом защиты было утверждение, что германские монополии, стремясь по возможности не преступать Гагских правил, ограничивались на оккупированных территориях не захватом, а временным пользованием неприятельской собственностью. Так, Книрим пишет, что термин «захват чужого имущества применим лишь тогда, когда владелец предприятия был лишен своей собственности навсегда»⁸³.

С этим же доводом выступал на судебных процессах монополий д-р Зиммерс, который сослался на то, что германские монополии соглашались быть лишь опекунами заводов и фабрик, захваченных немецкими властями на оккупированных территориях.

Однако материалами судебных процессов установлены многочисленные факты именно приобретения в собственность заводов и фабрик на захваченных территориях. При этом германские монополии повсеместно сами проявляли инициативу в захвате чужого имущества и конфликтовали друг с другом на почве конкуренции.

На судебном процессе Рехлинга были представлены многочисленные документы, устанавливающие факты приобретения им в собственность заводов в Польше и в западных странах, оккупированных Гитлером. Так, в октябре 1939 г., в соответствии со специальным обращением, германские власти передали в собственность концерна Рехлинга сталелитейные заводы «Балденхютте» и «Кенигсхютте». Как указывалось в обвинительном заключении по делу Рехлинга, это были факты передачи не во временное пользование, а в собственность⁸⁴.

В приговоре дается ссылка на письмо руководителя концерна Гермапа Рехлинга от 19 декабря 1939 г., в котором он писал: «Мы

⁸² «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 574.

⁸³ Он считает, что временное приобретение прав на оккупированной территории (и притом вынужденное для германских монополий) не может квалифицироваться как захват чужого имущества (August Kniegiem. Op. cit., p. 458).

⁸⁴ «Trials of War Criminals...», v. XIV, p. 1066.

только тогда добьемся выполнения своих целей, т. е. станем владельцами этих предприятий, когда мы будем действовать в духе национал-социалистских принципов... Если мы не будем так держать себя, то, хотя мы и добьемся права управления этими предприятиями, весьма сомнительно, что мы станем действительными владельцами»⁸⁵. Рехлинг вскоре убедился в неосновательности своих опасений: в феврале 1941 г. германские власти передали концерну не только право управления рядом заводов, но и право на их приобретение»⁸⁶.

Концерн «ИГ Фарбениндустри» также получил от германских властей специальную лицензию на демонтаж польских химических заводов («Полишволя», «Винница» и др.) и на отправку оборудования этих заводов на свои предприятия в Германии⁸⁷.

Несколько иной путь для захвата права собственности был избран германскими монополиями во Франции. Там владельцы химических предприятий были вынуждены уступить германским концернам контрольные пакеты акций⁸⁸.

Материалы, представленные на судебных процессах, свидетельствуют о том, что монополии в своем стремлении экспроприировать заводы и фабрики, расположенные на оккупированных территориях, не только не находились под давлением нацистских властей, но сами проявляли исключительную активность и инициативу в осуществлении грабительской программы. Характеризуя деятельность концерна «ИГ Фарбениндустри», Военный трибунал записал в приговоре: «Деятельность Фарбена и его представителей в этих условиях не может быть отделена от актов грабежа, мародерства, совершенных офицерами или чиновниками германского рейха. В этих присвоениях собственности ясно виден заранее продуманный план приобретения концерном Фарбен предприятий на оккупированных территориях. В большинстве случаев это делалось по инициативе Фарбена. В тех случаях, когда Фарбен имел дело непосредственно с владельцами, последние всегда чувствовали угрозу насильственного захвата собственности рейхом... Власть оккупанта была вечной угрозой при сделках, и совершенно очевидно, что она являлась очень важным, если не решающим, фактором. Результатом всего этого стало обогащение Фарбена и создание еще более грандиозной химической империи с помощью военной оккупации и за счет экспроприации бывших владельцев. Такие действия со стороны Фарбена были нарушением Гаагских правил»⁸⁹.

Как указывается в приговоре, этот концерн иногда для маскировки захвата права собственности прибегал к долгосрочным арендам. Так, в конце ноября 1939 г. руководители концерна предло-

⁸⁵ «Trials of War Criminals...», v. XIV, p. 1082.

⁸⁶ Там же, стр. 1183.

⁸⁷ Там же, т. VIII, стр. 1103.

⁸⁸ Там же, стр. 1104.

⁸⁹ Там же, стр. 1140.

жили оккупационным властям передать им крупный польский химический завод «Борута» в аренду сроком на 20 лет и при этом просили оговорить приоритет концерна на приобретение завода «Борута» в собственность. 27 ноября 1941 г. по распоряжению Гимmlера был заключен договор о продаже этого завода концерну «ИГ Фарбениндустри». Весьма характерно, что сделка о приобретении этого завода в собственность была оформлена датой 1 октября 1939 г., т. е. с того момента, когда представители концерна впервые вступили в управление заводом.

Аналогичные факты приобретения заводов и фабрик в собственность были установлены и на судебном процессе по делу Круппа⁹⁰. Все это раскрывает ложный характер ссылки монополистов на то, что свои экономические мероприятия на оккупированных территориях они якобы проводили под давлением оккупационных властей, в состоянии так называемой крайней необходимости⁹¹.

По мере того как проваливались одна за другой попытки вывести монополию из-под удара, защита выдвигала все новые и новые аргументы. В частности, была сделана попытка опереться на ст. 43 Гаагской конвенции 1907 г., устанавливающую, что с фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь на оккупированной территории. Ссылаясь на эту статью, Книрим, как бы суммируя позицию защиты, пишет, что германские монополии как раз и были теми учреждениями, которые не только имели право, но и обязаны были принять на себя заботы об экономике оккупированных территорий: «Если из-за войны какая-либо часть территории отторгается от всей экономики страны, то получается вакуум»⁹². И далее Книрим объясняет, что в результате на отторгнутой части территории, подвергшейся оккупации, нарушаются экономические связи, экспорт и импорт прекращаются, испытывается нехватка сырья, появляется угроза безработицы и поэтому «вся оккупированная территория несомненно станет вялой и будет деградировать, если ее не включат в экономическую жизнь оккупирующей страны»⁹³.

Военный трибунал по делу «ИГ Фарбениндустри» отверг эту ссылку и указал в приговоре: «Мы не можем принять этот защитительный аргумент. Факты показывают, что присвоения, к которым прибегал концерн, не были направлены на восстановление или поддержание местной экономики, а способствовали лишь обогащению Фарбена, что было частью общего плана захвата домини-

⁹⁰ Там же, т. IX, стр. 108—109.

⁹¹ Там же, т. VIII, стр. 1141—1145.

⁹² August K n i e r i e m. Op. cit., p. 451.

⁹³ Там же.

рующей позиции в отрасли промышленности. Если бы переход к управлению предприятиями означал только временный контроль или предназначался для продолжения военных действий, в этом значительном доводе был бы еще определенный смысл. Факты, однако, показывают, что собственность, которую Фарбен продолжал присваивать, вопреки интересам владельцев, должна была перейти полностью в ведение концерна»⁹⁴.

Нельзя признать, что приговор по этому делу достаточно полно разоблачил ссылку защиты на то, что концерн, грабя оккупированные территории, руководствовался якобы лишь стремлением выполнить требования Гаагской конвенции. Трибунал должен был бы сослаться на ряд важнейших документов, которые устанавливали откровенно грабительские цели деятельности германских монополий на оккупированной территории.

В ходе рассмотрения на судебных процессах монополий обвинения в грабеже раскрылось еще одно обстоятельство, полностью устанавливающее факт активного соучастия монополий в ограблении оккупированных территорий — с самого начала войны монополии для облегчения своей грабительской деятельности ввели своих представителей в государственный аппарат по управлению военной экономикой, и в особенности в оккупационный аппарат, ведавший в целом всей политикой и практикой ограбления оккупированных территорий. Приведем несколько примеров. Член правления «ИГ Фарбен» Вурстер занимал ответственный пост в управлении химической промышленности четырехлетнего плана и в управлении по производству сырьевых материалов и синтетики. Другой высокопоставленный чиновник этого концерна — Куглер — занял пост уполномоченного министерства экономики по химическим заводам в Чехословакии. Бывший представитель «ИГ Фарбен» в Берлине Нейбахер стал губернатором Вены, и в его руках оказалось управление многими австрийскими заводами⁹⁵.

Допрошенный на судебном процессе член правления «ИГ Фарбениндустр» Амброс показал, что по договоренности с ОКВ в армию были призваны многие чиновники концерна, которые должны были, следуя за наступающим вермахтом, захватывать в свои руки химические предприятия на оккупированной территории.

Многочисленные факты захвата ответственных постов в государственном экономическом аппарате и использование их в интересах монополий были раскрыты также на судебном процессе Круппа.

Допрошенный по делу Круппа в качестве свидетеля сотрудник концерна Георг Уфер сообщил, что он был по просьбе Круппа назначен на службу в Белград в военно-экономический штаб «Юго-

⁹⁴ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1141.

⁹⁵ Там же. т. VII, стр. 1397.

Восток». Этот штаб руководил всей деятельностью по разграблению югославской территории. «Одновременно, — показал Уфер, — я продолжал работать как представитель фирмы Круппа на хромовых рудниках, которые находились на югославской территории. Я работал для Круппа со времени моего назначения военным административным советником до июня 1944 г., и все это время я постоянно носил военную форму»⁹⁶.

Аналогичны показания свидетеля Шваба на процессе по делу «ИГ Фарбениндустри». Шваб, чиновник этого концерна, был назначен в 1939 г. уполномоченным министерства экономики по управлению польскими химическими заводами. На вопрос следователя, чем он может объяснить, что концерн передал его в распоряжение министерства экономики, Шваб ответил, что концерн был заинтересован в том, чтобы любыми средствами предотвратить захват этих заводов другими германскими монополиями. Назначение его уполномоченным исключало такую опасность⁹⁷. Характерен ответ Шваба и на другой вопрос следователя: «Вы получали зарплату от государства или от Фарбена?» Шваб ответил, что он «не получал никакого вознаграждения от государства ни в деньгах, ни в натуре. Мы были командированы Фарбеном на эту работу, и концерн продолжал нам платить наше жалованье». Дальнейшие показания раскрыли весьма интересный факт использования концерном оккупационного аппарата для преодоления конкуренции других германских монополий. В частности, Шваб рассказал, как, пользуясь своим положением, он предотвратил попытки фирмы Гатброд захватить завод «Борута», который в конечном итоге оказался проданным за 5 млн. марок концерну «ИГ Фарбен»⁹⁸.

Также же факты были приведены на судебном процессе по делу концерна Рехлинга. Герман Рехлинг добился назначения на пост уполномоченного рейха по вопросам металлургической промышленности в нескольких французских департаментах, в частности в Мозеле и Мюрт э Мозеле. Вслед за этим он добился приобретения ряда металлургических заводов в этих департаментах.

Деятельность монополистов, захвативших решающие позиции в государственном аппарате, облегчалась еще и тем, что по их настоянию Геринг 2 ноября 1942 г. издал указ, запрещающий оккупационным властям и партийным инстанциям самим управлять экономикой захваченных стран. В этом указе предписывалось: «Экономическим организациям, образованным в рамках оккупированных восточных территорий, не может быть разрешено управление предприятиями своими силами, ибо это не входит в их задачу и они не обладают коммерческим аппаратом, необходимым для этого, и нужным опытом и связями»⁹⁹.

⁹⁶ «Trials of War Criminals...», v. IX, doc. NiK-43330, PE-775.

⁹⁷ Там же, т. VIII, стр. 36.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. стр. 361.

Таким образом, сращивание аппарата монополий с нацистским государственным аппаратом создавало для германских концернов наилучшие условия осуществления тотального разграбления оккупированных территорий.

Чтобы завершить рассмотрение вопроса о преступных действиях монополий по ограблению оккупированных территорий, необходимо рассмотреть еще два обвинения, которые были выдвинуты на судебных процессах и отвергнуты военными трибуналами США

1) Ограбление экономики Австрии и Чехословакии.

Защита на судебных процессах монополий выдвинула требование исключить из обвинения факты ограбления этих оккупированных территорий. Чем же мотивировала она свое требование? Монополиям вменяется в вину ряд таких экономических мероприятий на оккупированных территориях, которые являются нарушением международного права: соответствующих положений IV Гаагской конвенции 1907 г., устанавливающих правила поведения воюющих государств. Между тем Германия не находилась в состоянии войны с Австрией и Чехословакией. Оба эти государства вошли в состав территории Германии (с различным статусом) без войны, на основании международных договоров при полном согласии правительств этих стран. При таких условиях нельзя обвинять монополии в нарушении международного права, которое само по себе не было применимо на территориях бывших государств Австрии и Чехословакии. Все эти аргументы были изложены в специальном меморандуме защиты по делу «ИГ Фарбениндустри»¹⁰⁰.

Мы уже рассмотрели вопрос о юридической квалификации агрессивных действий Германии против Австрии и Чехословакии и пришли к выводу, что у Международного Военного Трибунала не было решительно никаких оснований для того, чтобы делать различия между, скажем, агрессией против Польши и Норвегии и агрессией против Австрии и Чехословакии. При этих условиях следует признать противоправными приговоры американских военных трибуналов, не признававших преступной деятельность германских монополий по ограблению Австрии и Чехословакии¹⁰¹.

Военные трибуналы обязаны были руководствоваться не только Уставом Международного Военного Трибунала, но и положениями Закона № 10 Контрольного совета в Германии. Пункт «а» ст. II этого Закона включает в понятие «преступления против мира» «вторжение в другие страны»¹⁰² и, таким образом, рассматривает такое вторжение как одну из форм агрессии. Нет никакого сомнения в том, что германские войска, хотя бы и без войны, т. е. без сопротивления со стороны своих жертв, осуществили вторжение в Австрию и Чехословакию. Поэтому ограбления,

¹⁰⁰ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 324.

¹⁰¹ Там же, стр. 1130; т. IX, стр. 1456.

¹⁰² «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 79.

сопутствовавшие агрессивному вторжению, были нарушением положений IV Гаагской конвенции. Напомним, кстати, что и Международный Военный Трибунал, характеризуя агрессивные действия Германии против Австрии, применяет наряду с термином «захват» и термин «вторжение»¹⁰³.

Как уже указывалось, Международный Трибунал признал, что «методы, применяемые для достижения этой цели (захвата Австрии.— А. П.), были методами агрессора. Решающим фактором была военная мощь Германии, которая готова была вступить в действие в том случае, если бы она встретила какое-нибудь сопротивление»¹⁰⁴.

Международный Военный Трибунал, несмотря на то, что он допустил некоторую непоследовательность в юридической квалификации агрессии против Австрии, признал преступления, совершенные нацистами против ее народа, международными преступлениями, подпадающими под действие ст. 6 Устава. Так, формулируя ответственность подсудимого Шираха, Трибунал указал: «Фон Ширах не обвиняется в совершении военных преступлений в Вене, а только в совершении преступлений против человечности... Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала, как это определяется ст. 6 Устава»¹⁰⁵.

Что это означает, кроме того, что МВТ признал преступные действия нацистских властей на территории Австрии, но квалифицировал их не как нарушение законов и обычаев войны, а как преступления против человечности?

Можно ли было грабежи, которые совершили монополии «ИГ Фарбениндустри», Круппа и другие в Австрии и Чехословакии сразу же после захвата этих стран, квалифицировать как преступления против человечности? Бесспорно, можно было. Устав Трибунала предусматривает, что преступления против человечности, совершенные до войны (до 1 сентября 1939 г.), могут считаться международными преступлениями при условии, если они были совершены «с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала...»¹⁰⁶. Следовательно, для того чтобы доказать, что монополии должны нести ответственность за грабеж собственности в Австрии и Чехословакии, надо доказать, что эти действия были связаны с той преступной целью (или служили ей), которая квалифицировалась Уставом как преступление против мира. Но как раз Международный Военный Трибунал в приговоре указал, что вторжение в Австрию было пред-

¹⁰³ Там же, т. 7, стр. 333.

¹⁰⁴ Там же, стр. 336.

¹⁰⁵ Там же, стр. 483.

¹⁰⁶ Там же, т. 1, стр. 67—68.

памеренным агрессивным актом «с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран». «Это был первый шаг по пути захвата „жизненного пространства“»¹⁰⁷.

Следовательно, агрессивный акт Германии против Австрии нельзя рассматривать изолированно от общего плана ведения агрессивных войн. Он является первой составной частью общего агрессивного плана. Таким образом, преступные действия монополий по разграблению собственности в Австрии, поскольку они объективно и субъективно вели к усилению военно-экономического потенциала германской агрессии, должны рассматриваться как элемент подготовки и ведения агрессивной войны. Поэтому американские трибуналы обязаны были квалифицировать преступную деятельность монополий в Австрии как подпадающую под действие ст. 6 Устава.

По тем же основаниям американские военные трибуналы обязаны были признать противоправной преступную практику грабежа и на территории Судетской области Чехословакии. Еще меньше сомнений должен был вызвать вопрос о юридической квалификации преступной деятельности монополий на территории Богемии и Моравии и вопрос о допустимости квалификации их действий по законам и обычаям войны.

В приговоре Международного Военного Трибунала сказано: «Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат»¹⁰⁸. Поэтому Трибунал указал, что «оккупацию Богемии и Моравии... следует рассматривать как военную оккупацию, предусмотренную правилами ведения войны»¹⁰⁹.

Таким образом, отказ американских военных трибуналов от признания германских монополий виновными в грабеже территорий Австрии и Чехословакии прямо противоречит международному праву.

2) Преступная деятельность концерна «ИГ Фарбениндустри» на территории СССР.

Концерн «ИГ Фарбениндустри», как уже указывалось, был одним из крупнейших производителей синтетического каучука в мире. Зная, что на территории СССР находятся большие заводы по производству жидкого каучука, концерн еще до войны составил подробный доклад об этих заводах и передал сведения о их месторасположении разведывательным органам ОКВ и с первых же дней после начала войны стал готовиться к их захвату.

Преступная деятельность концерна в этой области была пред-

¹⁰⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 333.

¹⁰⁸ Там же, стр. 404.

¹⁰⁹ Там же, стр. 504.

метом рассмотрения на судебном процессе «ИГ Фарбениндустри». Одним из элементов обвинительного заключения по делу была попытка концерна захватить в свою собственность советские заводы. Но защита руководителей этой монополии выдвинула тезис о том, что поскольку практически «ИГ Фарбениндустри» не реализовал своих планов захвата, Военный трибунал не может признавать подсудимых виновными.

Защитник Дришелл заявил суду: «Основная ошибка обвинения — в утверждении, что переговоры между „ИГ Фарбен“ и властями рейха по вопросу о захвате советских заводов представляют собой покушение на преступление, предусмотренное Законом № 10 Контрольного совета. Это серьезная ошибка. Все, что происходило между Фарбеном и рейхом, не пошло дальше стадии предварительных переговоров, и поэтому в узкоюридическом смысле это не покушение... Абсолютно не относятся к делу субъективные намерения, если таковые имелись... ибо намерения не наказуемы, а, как заявило обвинение, никакого акта не было»¹¹⁰.

Однако собранные обвинением и представленные Военному трибуналу доказательства свидетельствовали о том, что руководители концерна не только задумали эти преступления, но и сделали все, чтобы их совершить. Однако они не были совершены лишь по причинам, от концерна не зависящим. Концерн добился согласия министерства экономики на передачу в его ведение всех советских заводов синтетического каучука. В связи с этим перед ним встала задача подбора чиновников для назначения в качестве управляющих советскими заводами. Уже через несколько дней после начала войны концерн подобрал необходимых людей для назначения на советские заводы¹¹¹. 7 июля 1941 г. состоялось совещание официальных представителей Фарбена в Берлине, на котором уже были разработаны конкретные меры по «реорганизации русских предприятий под немецким руководством». В отчете об этом совещании говорится, что «необходимо обеспечить продолжение деятельности химических предприятий в бывшем Советском Союзе»¹¹².

14 июля концерн принимает решение образовать новую корпорацию, которая должна была быть зарегистрирована в Берлине под названием «Русска-бетрибс АГ» и контролироваться Фарбеном. Была создана специальная комиссия по синтетическому каучуку в России. Тогда же, 14 июля 1941 г., правление концерна написало членам этой комиссии: «Прогресс наших военных сил, по-видимому, настолько значителен, что вы должны оставаться в непосред-

¹¹⁰ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 287.

¹¹¹ Так, концерн назначил управляющими на заводы синтетического каучука: в Ярославле — Георга Эберта, в Воропееже — фон Розенберга, в Ефремове — д-ра Вольфа, в Ереване — д-ра Вольфрама, в Сумгаите — д-ра Эйлерса, в Казани — д-ра Кехлина («Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 256—259).

¹¹² «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 263.

ственной близости от войск»¹¹³. Таким образом, представители концерна уже находились вместе с войсками и только ожидали случая для захвата советских заводов.

Правление концерна «ИГ Фарбениндустри», будучи заинтересовано в монопольном господстве в советской промышленности синтетического каучука и в столь же монопольном использовании всех технических достижений советской технологии, обратилось 3 июля 1942 г. с письмом к имперскому министру экономики, в котором писало: «Наше предложение по опекунскому контракту от 17 декабря 1941 г. предполагает, что все промышленные методы, применяемые в России, должны стать исключительной собственностью концерна... Принимая во внимание услуги, оказанные Фарбеном рейху, мы не думаем, что будет справедливо, если рейх составит ему конкуренцию по использованию производственных методов, применяемых в Советской России»¹¹⁴.

По мере развития военных действий концерн «ИГ Фарбениндустри» расширял список подлежащих захвату советских заводов. 14 января 1942 г. были намечены к захвату Харьковский хлорвиниловый завод, Калининский химический завод и завод в Иванове. Одновременно на эти заводы были назначены управляющие. Концерн дал указания также о захвате ленинградского завода «Красный треугольник», заводов синтетического каучука в Тамбове, Актюбинске и даже в Новосибирске¹¹⁵. Постепенно аппетиты концерна росли, управляющие назначались на заводы химического профиля в Батуми, на азотные заводы в Ереване и Челябинске¹¹⁶.

В циркулярном письме от 14 июля 1941 г. концерн раскрыл свои планы приобретения советских заводов в собственность «навсегда»¹¹⁷. 17 декабря 1941 г. концерн разработал опекунское соглашение с имперскими министерствами экономики и финансов, свидетельствовавшее о том, что концерн намеревался полностью захватить в свои руки советские предприятия¹¹⁸.

Причина того, что все эти планы не были осуществлены, видна из множества писем, обнаруженных в архиве этой монополии. Приведем лишь одно — от 11 августа 1942 г. В нем сообщалось о невозможности захвата завода синтетического каучука в Воронеже потому, что он «очень сильно разрушен». Кроме того, как сообщал представитель концерна, «все оборудование завода, а также квалифицированные рабочие были переведены на Восток еще летом прошлого года»¹¹⁹. Такова была подлинная причина прова-

¹¹³ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 264.

¹¹⁴ Там же, стр. 282.

¹¹⁵ Там же, стр. 293.

¹¹⁶ Там же, стр. 296.

¹¹⁷ Там же, стр. 298.

¹¹⁸ Там же, стр. 284.

¹¹⁹ Там же, стр. 364.

ла планов концерна «ИГ Фарбениндустри» по захвату советской промышленности синтетического каучука.

Как же поступил Военный трибунал, рассматривавший это дело? Американские судьи оказались в данном вопросе на поводу у немецкой защиты. В своем приговоре по делу «ИГ Фарбениндустри» Военный трибунал указал: «Фарбен строил далеко идущие планы участия в этом ограблении, но его планы не достигли стадии завершения, и мы не можем сказать на основании данных, имеющихся у нас, что какой-либо отдельный обвиняемый был в достаточной степени связан с завершёнными актами грабежа и насилий... Доказательства не оставляют никакого сомнения в желании Фарбена эксплуатировать Восток... Однако, как мы уже указали, доказательства не устанавливали какого-либо законченного грабежа в России, в котором участвовали бы эти обвиняемые. Задуманный грабеж был предотвращен поражением немецкой армии в России»¹²⁰.

Совершенно очевидно, что приведенный оправдательный приговор был незаконным и противоречил собранным доказательствам. В равной мере можно было бы оправдать банду разбойников, подготовившую все, чтобы совершить ограбление, уже направившуюся к месту нахождения объекта ограбления, но неожиданно установившую, что ценности владельцами вывезены.

Уголовное право признает покушение на совершение преступления уголовно-наказуемым деянием. Именно так решает этот вопрос и ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., согласно которой «Покушением на преступление признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного».

Покушение может быть оконченным и неоконченным. Неоконченным является такое покушение, при котором лицо не совершило еще всего того, что считало необходимым совершить для приведения своего намерения в исполнение. Оконченным является такое покушение, при котором лицо совершило все, что оно считало необходимым для приведения своего намерения в исполнение, но результат почему-либо все же не наступил¹²¹.

Действия руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри» представляли собой оконченное покушение. Если концерн принял решение о захвате советских заводов и добился согласия германского правительства на это, если он назначил своих директоров на эти заводы и направил их уже на места, но они не смогли реализовать намерения концерна ввиду того, что либо города, в которых распо-

¹²⁰ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1152.

¹²¹ Подробнее см. А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1961, стр. 512.

лагались заводы, не были захвачены немецкими войсками, либо по прибытии на такие заводы устанавливалось, что их оборудование было эвакуировано, то здесь речь может идти только об оконченном покушении.

Не только советское законодательство, но и законодательство капиталистических стран считает покушение на преступление уголовно наказуемым. Так, французский уголовный кодекс приравнивает покушение по наказуемости к оконченому преступлению. «Всякое покушение на преступление,— говорится в кодексе,— которое проявилось началом исполнения, если оно было прервано или не удалось только по обстоятельствам, от воли исполнителя не зависевшим, почитается равносильным самому преступлению»¹²². Это положение французского уголовного кодекса о покушении как начале исполнения преступного намерения воспринято буржуазной теорией уголовного права и вошло во многие уголовные кодексы.

Таким образом, следует признать, что действия германского концерна «ИГ Фарбениндустри», выразившиеся в покушении на незаконный захват советских заводов, являются преступными и руководители концерна, имевшие отношение к этим действиям, подлежали уголовной ответственности. Следовательно, приговор Военного трибунала США, оправдавшего виновных в этом, является незаконным.

Характеризуя объективную сторону состава преступлений руководителей германских монополий, необходимо в заключение остановиться на использовании германскими концернами рабского труда. Опыт последних войн показывает, что империалистические государства в нарушение общепризнанных норм международного права стали подвергать военному плену не только участников вооруженных сил, но и мирное население оккупированных ими территорий.

Гитлеровская Германия взяла в плен на некоторых оккупированных территориях все мужское население, заставляя его в нарушение IV Гаагской конвенции работать для военных нужд гитлеровской армии.

В ходе первой и, особенно, второй мировых войн Германия прибегала к массовому угону мирного населения на германскую территорию. Активными соучастниками этого преступления были германские монополии.

Статья 52 Гаагской конвенции (1907 г.) о законах и обычаях сухопутной войны устанавливает, что «реквизиции натурой и повинности могут быть требуемы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не палagали на насе-

¹²² Цит. по кн. А. А. Пшонтковского «Учение о преступлении по советскому уголовному праву», стр. 534.

ление обязанности принимать участие в военных действиях против своего отечества». Таким образом, по точному смыслу этой статьи жители могут быть использованы на работах лишь для нужд оккупационной армии, т. е. на оккупированной территории, а не вне ее. Поэтому принудительное переселение жителей с оккупированной территории на территорию государства-оккупанта незаконно с точки зрения международного права. Из этой же статьи следует, что привлекаемые к труду не должны принуждаться к участию в военных операциях, которые ведутся против их отечества.

Устав Международного Военного Трибунала рассматривает применение принудительного труда оккупантом с использованием его на территории государства-оккупанта как международное преступление. Пункт «b» ст. 6 Устава предусматривает, что военным преступлением является «увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории».

Защита на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников пыталась противопоставить положение п. «b» ст. 6 положениям п. «с» той же статьи. Так, она ссылаясь на то, что в п. «b» говорится об «увводе в рабство», а в п. «с» — о порабощении гражданского населения во время войны.

Конечно, определенная неточность в формулировании этого вопроса в Уставе имеется, но совершенно очевидно, что к рассматриваемому преступлению (рабский труд) относится п. «b» ст. 6. Что касается п. «с», то предусмотренное им понятие (порабощение) шире, и оно охватывает общие цели нацистской оккупационной политики, ведущей к порабощению гражданского населения.

Вопрос о применении гитлеровскими властями принудительного труда был предметом рассмотрения Международного Военного Трибунала. Сославшись на Гаагскую конвенцию 1907 г. (ст. 52) и проанализировав нацистскую практику использования рабского труда, Трибунал признал, что «политика немецких оккупационных властей находилась в явном противоречии с положениями этой Конвенции»¹²³.

Приговор Нюрнбергского трибунала раскрывает различные формы использования германскими властями и германскими монополиями рабского труда, устанавливая тот факт, что это использование сопровождалось целой системой принудительных мер, обмана и насилия.

Как признал на Нюрнбергском процессе специальный уполномоченный по набору рабочей силы, подсудимый Заукель, из 5 миллионов рабочих, прибывших в Германию, даже 200 тысяч не были туда добровольно»¹²⁴.

В приговоре Военного Трибунала указывается на ряд способов обмана при вербовке рабочей силы: «К числу методов этой про-

¹²³ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 391.

¹²⁴ Там же, стр. 393.

паганды относится, например, обещание, что за каждого добровольца, уезжающего работать в Германию, будет освобождаться один военнопленный. Помимо этого, в некоторых случаях тех рабочих, которые отказывались ехать в Германию, лишали продовольственных карточек или увольняли с работы, лишали пособий по безработице и возможности работать в другом месте. В некоторых случаях тем рабочим и их семьям, которые отказывались ехать в Германию, полиция угрожала репрессиями»¹²⁵.

Разоблачая попытки некоторых подсудимых представить дело таким образом, что мобилизация рабочей силы на оккупированных территориях производилась на добровольной основе, Международный Трибунал устанавливает в приговоре, что «набор рабочей силы осуществлялся насильственными и решительными методами... За людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквях, а в ночное время — в частных домах. Иногда дома сжигались, а семьи забирались в качестве заложников... При проведении этой политики абсолютно не принимались во внимание ресурсы и нужды оккупированных стран. В обращении с рабочими руководствовались инструкцией Заукеля от 20 апреля 1942 г., где говорилось, что „все рабочие должны получать такую пищу и такое жилище и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в самой высокой степени при самых минимальных затратах“»¹²⁶.

Исследование материалов дела показало, что германские власти и монополии широко использовали военнопленных на принудительных работах: «Многих военнопленных, — указывается в приговоре, — назначали на работу, непосредственно связанную с военными операциями, что является нарушением ст. 31 Женевской конвенции. Их заставляли работать на военных заводах, заставляли даже снаряжать бомбардировщики, переносить боеприпасы и рыть окопы, очень часто в чрезвычайно опасных условиях. Это в особенности относится к советским военнопленным»¹²⁷.

Как Международный Военный Трибунал, так и национальные военные трибуналы своими приговорами установили, что ответственность за преступную практику использования рабского труда должны нести как оккупационные власти, так и руководители германских монополий, в интересах которых осуществлялась программа рабского труда. Поэтому на судебных процессах германских монополий использование рабского труда фигурировало как одно из наиболее тяжких обвинений. Следует отметить, что программа рабского труда, кроме чисто экономических целей, преследовала еще и другую, более опасную цель. Германский фашизм, угоняя миллионы людей, стремился добиться ослабления сопро-

¹²⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 393.

¹²⁶ Там же, стр. 394.

¹²⁷ Там же, стр. 395.

тивления народов оккупированных территорий. Признание этого факта вырвалось на Нюрнбергском процессе у защитника гитлеровского работоторговца Заукеля — Серватиуса, мотивировавшего угон в Германию тем, что «население, вместо того чтобы, как это надлежит, вести себя мирно, участвует в партизанской борьбе и группах сопротивления, угрожая тем самым безопасности»¹²⁸.

Давая показания на Нюрнбергском процессе, Геринг заявил, что вопрос о вывозе рабочей силы следует рассматривать с точки зрения безопасности. Далее он утверждал, что массовый угон людей проводился для того, чтобы предотвратить возможность их саботажа¹²⁹.

Предоставляя монополиям возможность неограниченной эксплуатации угнанных людей, германские оккупационные власти достигали еще одной цели — биологического ослабления других народов путем уничтожения сотен тысяч людей при осуществлении программы рабского труда.

Материалы судебных процессов установили, что германские монополии имели самое непосредственное отношение к этим преступлениям, являясь соучастниками в их исполнении. В частности, на процессе «ИГ Фарбениндустри» было установлено, что этот концерн продавал организации СС отравляющие газы (циклон-б), при помощи которых физически уничтожались те массы угнанных рабочих, которые вследствие ужасных условий утрачивали трудоспособность¹³⁰.

Германскими монополиями широко использовался принудительный труд.

¹²⁸ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 807.

¹²⁹ Там же, стр. 32.

¹³⁰ Вот краткая выдержка из протокола допроса члена правления этого концерна Шнитцлера:

«Вопрос: Вы сказали вчера, что в последнем квартале 1944 г. некий господин Мюллер-Кунради в разговоре с вами упомянул, что ядовитые газы и химикалии, производившиеся „ИГ Фарбен“, применялись для убийства людей в концлагерях?»

Шнитцлер: Так я понял.

Вопрос: Разве вы, в свою очередь, не спрашивали своих служащих относительно применения этих газов?»

Шнитцлер: Они говорили, что знали о том, что газы применялись для этой цели.

Вопрос: Что вы сделали, когда узнали, что химикалии „ИГ“ применялись для того, чтобы умерщвлять, убивать людей в концентрационных лагерях?»

Шнитцлер: Я ужаснулся.

Вопрос: Предприняли ли вы что-либо?»

Шнитцлер: Я не стал говорить об этом, так как это было слишком страшно. У меня всегда создавалось впечатление, что эти газы производились не нами. Я спросил Мюллера-Кунради: знаете ли вы, Амброс и другие директора в Освенциме о том, что газы и химикалии применяются для убийства людей?»

Вопрос: Что же сказал он?»

Шнитцлер: Да, это известно всем директорам „ИГ“ в Освенциме» («Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 467).

Они заключали специальные соглашения с СС по этому поводу, и в соответствии с этими соглашениями с оккупированных территорий доставлялись на заводы германских концернов миллионы людей. В соответствии с соглашениями с СС из концентрационных лагерей сотни тысяч людей также направлялись на заводы концернов; больше того, по просьбе отдельных монополий при крупнейших заводах организовывались специальные концентрационные лагеря. Самим концернам разрешалось строить собственные концентрационные лагеря со своей заводской полицией. Так, в Освендиге концерном «ИГ Фарбениндустри» был построен лагерь Моновиц.

Столкнувшись с этим обвинением на процессе, монополисты и их защита, не имея возможности оспаривать самый факт использования в массовых масштабах рабского труда, в свое оправдание выдвигали в качестве главного довода «крайнюю необходимость». Ссылка на крайнюю необходимость имела два аспекта, каждый из которых должен был соответственно снять вину и с нацистского государства, и с его официальных представителей, и с руководителей монополий.

Аспект первый заключается в том, что германское государство вело войну, которая при отсутствии достаточных усилий могла кончиться полным поражением. В связи с неизмеримо возросшей ролью экономического фактора в современной войне и, в частности, проблемы обеспечения военной экономики рабочей силой успешное разрешение этой проблемы становилось равнозначным обеспечению важнейшей предпосылки победы в войне. Таким образом, практически использование принудительного труда было одним из средств «самосохранения государства».

В этом смысле интересны высказывания защиты на судебных процессах военных преступников. Защитник Заукеля д-р Серватиус говорил: «Конечно, критическая военная обстановка не может служить основанием для нарушения положений международного права. Победу не следует добывать путем нарушения в критические моменты правил ведения войны, ибо они существуют как раз для определения допустимости тех или иных военных действий, совершаемых в критический момент. По-иному решается международным правом вопрос о применении мероприятий, необходимых для спасения государства. Это право самосохранения признано за каждым государством... А в этой войне речь шла именно о существовании государства. Это неоднократно подтверждалось всеми участниками войны. Для Германии это стало очевидным после роковых сражений зимой 1941—1942 гг. на Восточном фронте»¹³¹.

Аналогично высказывался адвокат германского министра вооружений Шпеера д-р Флексер. Рассуждая об уместности при

¹³¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 33, стр. 16069.

тех или иных обстоятельствах применения института крайней необходимости, он заявил, что «надо признать возможность применения крайней необходимости в том случае, когда государство борется за самое свое существование. После того как союзники поставили цель добиться безоговорочной капитуляции Германии, для германского государства создалась такая крайняя необходимость, так как не оставалось никаких сомнений в том, что противник намеревается разрушить германское государство в самой его основе»¹³².

Неоднократно цитированный нами Книрим также считает, что возможен отход от норм международного права при помощи ссылок на институт крайней необходимости, «для того чтобы спасти себя от полного военного поражения»¹³³.

Порочность этих доводов раскрывается тем, что защита гитлеровских военных преступников намеренно отрывала рассматриваемую проблему от характера самой политики гитлеровского государства, рассматривала вопрос об использовании принудительного труда изолированно от всей этой политики. Между тем, как уже указывалось, гитлеровская Германия сама развязала агрессивную войну с совершенно определенной целью захвата других стран и порабощения их народов и сама поставила свою страну перед опасностью военного поражения. Германия, развязав мировую войну, совершила тягчайшее международное преступление, и, конечно, лица, виновные в этом, не имели решительно никаких оснований считать безнаказанным совершение нового преступления (угон в рабство), на которое они пошли для достижения целей главного преступления — установления господства над миром.

Законы и обычаи войны устанавливают общие правила поведения для воюющих. В них предусмотрены абсолютно запретительные нормы, и воюющие государства не могут считать себя свободными от выполнения этих норм в условиях тех или иных превратностей войны.

Второй аспект доктрины крайней необходимости относится уже непосредственно к руководителям германских монополий. Сторонники этой доктрины считают, что заводы монополий, будучи включены в общую систему военной экономики гитлеровской Германии, подчинялись военно-экономическим планам государства и обязаны были выполнять квоты производства, которые устанавливались для них германским министерством вооружений; выполнение же этих квот в условиях тотальной мобилизации немецких рабочих в армию требовало привлечения иностранной рабочей силы, а отказ от ее использования мог вызвать применение к монополистам самых строгих мер репрессии. Таким образом, по

¹³² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 33, стр. 16441.

¹³³ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 480.

утверждению защиты, руководители монополий действовали в условиях крайней необходимости под давлением государства, под угрозой для их личного существования, их жизни.

Военные трибуналы США и Франции, рассматривавшие дела германских монополий, по-разному подошли к юридической оценке преступной деятельности монополий по использованию принудительного труда. Признавая практику использования принудительного труда противоречащей международному праву, они в одних случаях считали руководителей монополий ответственными за эти преступления, а в других — оправдали подсудимых. Мотивом в обоих случаях явилось состояние крайней необходимости.

Так, Военный трибунал США оправдал директоров концерна Флика, обвинявшихся в использовании принудительного труда, указав:

«Иностранные рабочие размещались по предприятиям через правительственные учреждения по труду. Ни одно управление предприятием не могло эффективно протестовать против этих размещений. Производственные квоты распределялись в промышленности властями рейха. На тех, кто не мог обеспечить реализацию этих квот, налагались взыскания... По нашему мнению, представленные доказательства дают основание для применения доктрины крайней необходимости...»¹³⁴

Двойственную позицию занял Военный трибунал, рассматривавший дело по обвинению директоров концерна «ИГ Фарбен-индустри».

Рассмотрев ряд доказательств, представленных защитой, Военный трибунал США указал в приговоре: «Перед лицом этих неоспоримых фактов трибунал не может заявить, что эти подсудимые говорят неправду, утверждая, что в отношении программы использования рабского труда у них не было другого выбора, кроме необходимости выполнения предписаний гитлеровского правительства. Нет никакого сомнения, что открытый отказ представителей Фарбена выполнить план выпуска продукции для рейха или использовать рабский труд привел бы к тому, что такое поведение было бы расценено как предательский саботаж и окончилось бы быстрой и жестокой расправой»¹³⁵.

Одновременно устанавливалось, что этот вывод не относится к деятельности концерна на территории лагеря Освенцим. В данном случае Военный трибунал признал некоторых подсудимых виновными, ссылаясь на то, что они проявляли собственную инициативу в эксплуатации принудительного труда.

Приговор по делу «ИГ Фарбен» устанавливает, что подсудимые, имевшие отношение к лагерю Освенцим (на территории лагеря был сооружен большой завод концерна), настолько сами

¹³⁴ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1177—1178.

¹³⁵ Там же, стр. 1174—1175.

проявляли инициативу в получении от СС иностранных рабочих и узников лагеря, что это исключает возможность для них ссылаться на «вынужденное положение». В подтверждение этого приводятся ссылки на переговоры, которые велись руководителями концерна с организацией СС и в ходе которых эти руководители настоятельно требовали предоставления им узников из концлагеря Освенцим. Трибунал придавал особое значение тому факту, что по требованию концерна руководство СС разрешило ему построить вблизи Освенцима свой собственный концлагерь Моновиц.

В приговоре указывается: «В 1942 г. по инициативе Фарбена был построен по соседству, через дорогу от строительной площадки, трудовой лагерь под названием Моновиц... И здесь рабочие находились под постоянным контролем и наблюдением со стороны СС, когда они работали на строительной площадке. Те, кто терял возможность работать или нарушал дисциплину, отсылались обратно в концлагерь Освенцим или, что было чаще, в Биркенау для уничтожения в газовых камерах». Приговор подчеркивает личную инициативу «ИГ Фарбениндустри» в установлении жестокого, по существу варварского режима в этом лагере концерна: «Регулярные избиения производились заводской полицией и надсмотрщиками. Нет никакого сомнения, что инциденты эти происходили в результате истощения и недоедания и долгих часов работы. Ходили слухи о том, что проводился отбор кандидатов среди неспособных работать для отравления их газами. Страх перед такой перспективой, несомненно, заставлял многих рабочих, особенно евреев, работать до полного изнеможения. Рабочие, воздвигавшие завод в Освенциме и содержавшиеся в концлагере, жили и трудились под страхом уничтожения»¹³⁶. Военный трибунал привел в приговоре ряд документальных доказательств, устанавливающих факт проявления концерном собственной инициативы в получении рабского труда¹³⁷.

Следует отметить, что один из судей по делу «ИГ Фарбениндустри», Герберт, остался при особом мнении. Согласившись с осуждением части подсудимых, связанных с Освенцимом, он подверг критике решение об оправдании других подсудимых: «По моему мнению, все члены правления „ИГ Фарбен“ должны быть признаны виновными, и не только за участие их в преступном использовании рабского труда в Освенциме, но и за широкое уча-

¹³⁶ В приговоре была ссылка на письмо члена правления «ИГ Фарбен» Крауха от 13 января 1944 г. в германские правительственные инстанции, в котором говорилось: «Разрешите мне указать, что усилия моего управления в таком деле, как использование иностранного труда... влияют на ускорение процесса химического производства, чего нельзя недооценивать. Я считаю, что инициатива, проявленная нами в получении рабочей силы, не должна подавляться в будущем» («Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1184).

¹³⁷ Там же, стр. 1185—1186.

стве и добровольное сотрудничество Фарбена в системе рабского труда на других предприятиях концерна. На этих предприятиях также в нарушение принципов международного права, Закона № 10 Контрольного совета широко применялся принудительный труд. Я не согласен с тем, что ссылка на крайнюю необходимость может быть применена к обстоятельствам данного дела»¹³⁸.

Герберт правильно отметил, что если бы даже был доказан факт правительственного принуждения, то и в этом случае можно было бы говорить лишь о наличии или отсутствии смягчающего обстоятельства, но нельзя было бы рассматривать его как обстоятельство, исключающее ответственность. Правильность такого рассуждения судьи Герберта находит свое полное подтверждение в Уставе Международного Военного Трибунала, устанавливающего, что действия по распоряжению правительства не освобождают обвиняемое лицо от ответственности, но могут рассматриваться как довод для смягчения наказания (ст. 7).

Судья Герберт в своем особом мнении писал, что факты, добытые судом, не установили того, что «кто-либо из подсудимых в действительности был против правительственной программы использования рабского труда... Наоборот, факты говорят о том, что Фарбен добровольно сотрудничал (с нацистским правительством.— А. П.) и с радостью использовал каждый новый источник рабочей силы, как только он возникал. Нарушение основных прав человека не останавливало этих подсудимых»¹³⁹. Желания концерна в области «использования рабского труда полностью совпали с желаниями руководителей правительства... При этих обстоятельствах ссылка на доктрину необходимости, конечно, неприменима. Принятие большинством состава суда ссылки на крайнюю необходимость, по моему мнению, логически привело бы к выводу, что Гитлер один должен нести ответственность за главные военные преступления и преступления против человечности, совершенные во время нацистского режима»¹⁴⁰.

Мнение Герберта полностью подтверждалось собранными на процессе доказательствами. Так, в одном случае обвинители предъявили суду текст доклада, сделанного председателем правления концерна, подсудимым Шмицем, 11 июля 1941 г.: «Заводы должны приложить все усилия, для того чтобы получить необходимое количество рабочих; потребность в рабочей силе может быть в общем удовлетворена использованием иностранных рабочих и военнопленных»¹⁴¹.

Необоснованность ссылки на крайнюю необходимость лучше всего иллюстрируется письмом подсудимого Крауха Гиммлеру, написанным в июле 1943 г. В этом письме правление «ИГ Фар-

¹³⁸ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1308.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, стр. 1309—1310.

¹⁴¹ Там же, стр. 1136.

бениндустри» обращается за поддержкой к гестапо, чтобы получить возможность эксплуатировать рабский труд¹⁴².

Любопытно отметить, что очень часто инициатива в использовании рабского труда проявлялась именно тем членом правления концерна, который впоследствии написал монографию, чтобы оправдать деятельность германских монополий, совершивших преступления против человечества,— Книримом. Именно он, как это явствовало из отчета заседания правления концерна 11 июля 1941 г., заявил что «необходимая рабочая сила может быть приобретена главным образом путем использования иностранных рабочих и военнопленных»¹⁴³.

Книрим сам разоблачал себя. Ведь он пытался доказать, что идея использования принудительного труда не разделялась правлением концерна и что к использованию такого труда концерн якобы был вынужден прибегать под давлением правительства. Судебное следствие подтвердило то обстоятельство, что рабочая сила, доставлявшаяся концерну, приобреталась при помощи принудительных мер, о чем было хорошо известно правлению концерна. Обвинители привели, например, следующую выдержку из доклада правления концерна от 19 июля 1941 г.: «Только принудительными мерами можно будет обеспечить необходимое число квалифицированных и неквалифицированных рабочих»¹⁴⁴.

Да и сама идея использования русских военнопленных в промышленности вооружения, т. е. в противоречии с положениями Гаагской конвенции 1907 г., принадлежала концерну «ИГ Фарбениндустри». 20 октября 1941 г. Краух обратился к начальнику военно-экономического штаба ОКВ генералу Томасу (бывшему крупному чиновнику монополии Круппа) с предложением использовать русских военнопленных на военных заводах¹⁴⁵. Однако наиболее полно раскрыли тот факт, что концерн проявил собственную инициативу в использовании рабского труда, показания Крауха, который на допросе 22 января 1947 г. заявил следующее: «Я являюсь инициатором „плана Каринхал“. Цель этого плана, наряду с прочим — доставка иностранных рабочих в Германию на добровольных началах. Я также сделал предложение генералу Томасу о том, чтобы доставить русских военнопленных в Германию для использования их в военной промышленности... но я знал, что с 1942 г. рабочие в оккупированных странах набирались на недобровольной основе. Генеральный уполномоченный по

¹⁴² Краух писал, что он благодарен Гимmlеру за его усилия по предотвращению концерну заключенных из концлагеря. «Я также написал об этом министру Шпееру,— продолжал Краух,— и был бы очень благодарен, если бы вы и впредь поддерживали нас и помогали нам в этом» («Trials of War Criminals...», v. VII, p. 376).

¹⁴³ Там же, т. VIII, стр. 391.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же, стр. 397.

химической промышленности (им был Краух.— А. П.) имел постоянных представителей в Париже, Брюсселе, Гааге, Амстердаме, Милане, Югославии и Греции, Братиславе. Основной обязанностью их был набор рабочих для Германии. После того как немецкие власти по набору рабочей силы насильственно рекрутировали французских рабочих, местные представители генерального уполномоченного стали снабжать охраной поезда с рабочими... У меня было естественное чувство, что насильственное использование иностранных рабочих было незаконно»¹⁴⁶.

Если к этому добавить, что, по признанию самого Крауха, предприятия концерна получили разрешение на телесные наказания рабочих и военнопленных¹⁴⁷, то становится совершенно очевидной незаконность приговора Военного трибунала США, признавшего основательность ссылки руководителей концерна на крайнюю необходимость.

Наиболее последовательно вопрос об ответственности монополий за использование рабского труда разрешил Военный трибунал по делу Крупна. Раскрыв в приговоре ряд фактов проявления инициативы в использовании рабского труда, он безоговорочно установил виновность руководителей концерна в этом преступлении и отверг, как неосновательную, их ссылку на крайнюю необходимость¹⁴⁸.

В приговоре трибунал, в частности, привел письмо правления концерна Крупна, направленное 13 марта 1942 г. директорам заводов, в котором им предписывается: «С русскими гражданскими рабочими нужно обращаться так же, как с пленными. Любое сочувствие есть ложная чувствительность...»¹⁴⁹ В другом письме в ОКВ концерн требует соорудить завод «в каком-либо концлагере»¹⁵⁰.

Аналогично было решено французским оккупационным трибуналом дело руководителей концерна Рехлинга. Подсудимые по этому делу были признаны виновными в использовании рабского труда, а их ссылка на крайнюю необходимость была судом отвергнута. В обвинительном заключении по делу Рехлинга указывалось, что концерн не только требовал от германских властей предоставления ему возможности использования рабского труда, но и «подстрекал власти» к этому преступлению; кроме того, был приведен ряд документов — писем Рехлинга на имя соответствующих германских властей, в которых он не только требовал увеличения поставок рабочей силы из числа угнанных с оккупированных территорий людей, но даже предлагая детальный план депортации жителей оккупированных территорий на

¹⁴⁶ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 573.

¹⁴⁷ Там же, стр. 511.

¹⁴⁸ Там же, т. IX, стр. 1403—1404, 1411, 1412.

¹⁴⁹ Там же, т. IX, стр. 1404.

¹⁵⁰ Там же, стр. 1413.

заводы концерна. В частности, Рехлинг предлагал ввести в Бельгии принудительную повинность и привлекать к депортации молодежь в возрасте 18—25 лет. Требуя ввести такую систему, Рехлинг писал в ОКВ: «Если мы будем крепко держать в своих руках бельгийскую молодежь, то бельгийцы будут таким образом, одновременно служить нам заложниками, для того чтобы их родители надлежало вли себя»¹⁵¹.

Непоследовательность, проявленная военными трибуналами в оценке обвинения монополий в преступном использовании принудительного труда, объясняется главным образом тем, что трибуналы незаконно оправдали руководителей германских монополий в основном обвинении — в преступлениях против мира. Это обстоятельство привело к тому, что обвинение в военных преступлениях, и в частности в использовании рабского труда, оказалось рассмотренным изолированно от главных целей политики монополий, от их роли в подготовке и развязывании агрессивных войн нацистской Германией. Как мы уже говорили, только в условиях незаконного оправдания монополий в агрессии можно было вообще рассматривать в той или иной плоскости ссылку на крайнюю необходимость. Такая ссылка не могла бы вообще применяться при условии признания того, что монополии были подлинными организаторами гитлеровской агрессивной войны, что эта война планировалась, развязывалась и велась в их интересах.

Как на Нюрнбергском процессе главных военных преступников, так и на судебных процессах монополий защита ссылалась на то, что практика использования принудительного труда оправдывалась и тем фактом, что союзники осуществляли против Германии тотальную воздушную войну, которая приводила к значительным жертвам среди германских рабочих. По мнению защиты, это обстоятельство должно было оправдать использование рабского труда иностранцев для компенсации потерь. Так, защитник Шпеера д-р Флекснер заявил на процессе: «Факт, что вызванное воздушной войной нарушение экономической жизни вынуждало к усиленному использованию иностранной рабочей силы... В этих условиях можно говорить о крайней необходимости в ее чистом виде...»¹⁵²

Книрим пишет: «Так как рабочая сила является одной из наиболее важных частей экономического потенциала, то воздушная война была направлена и против германских рабочих. Эта деятельность союзников обострила проблему рабочей силы в Германии, которую Германия затем попыталась смягчить применением труда иностранных рабочих. Таким образом, здесь существует прямая связь между ничем не ограниченной воздушной

¹⁵¹ «Trials of War Criminals...», v. XIV, p. 1084.

¹⁵² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 33, стр. 16 441.

войной союзников и компенсацией ее результатов при помощи привлечения рабочей силы из оккупированных стран»¹⁵³.

Но этот очередной аргумент не выдерживает никакой критики. Даже если признать, что на последнем этапе войны англо-американские военно-воздушные силы прибегали к массированным налетам на Германию, даже если признать, что в этих случаях нарушалось международное право, то и тогда нельзя считать, что это давало основания для повсеместной преступной практики германских оккупационных властей и монополий по использованию рабского труда, причем практики, известной всему периоду войны; эта практика была запланирована и осуществлялась задолго до массированных бомбардировок Германии.

Еще до начала военных действий гитлеровцы оценили ту пользу, которую принесет использование рабского труда германской военной машине. Гитлер упомянул об этом еще в «Майн кампф» и подчеркнул значение этого фактора на совещании с командующими войсками вермахта в мае 1939 г.¹⁵⁴ В июне 1939 г. имперский совет обороны уже прямо запланировал использование во время будущей войны заключенных из концлагерей и мирных жителей других стран. В отношении польской территории Гитлер говорил: «Губернаторство должно стать центром поставки сезонных неквалифицированных рабочих, в особенности сельскохозяйственных рабочих»¹⁵⁵.

Характерно, что еще в январе 1940 г. в одном из документов ОКВ указывалось на необходимость «перебрасывать (с Востока.— А. П.) дешевые рабочие руки сотнями тысяч, используя их в течение нескольких лет в старой империи и, таким образом, препятствуя их естественному биологическому размножению»¹⁵⁶. Следовательно, германские власти, действовавшие в интересах монополий, осуществляя программу рабского труда, наряду с экономическими целями преследовали также цели подрыва биологического потенциала поработаемых народов.

К концу 1943 г., т. е. еще до начала массированных налетов англо-американской авиации, на заводах германских монополий работало уже более 5 млн. мужчин, женщин и детей, угнанных с оккупированных территорий, а если учесть еще и военнопленных, то общее число работавших в то время в Германии достигало 7 млн. человек¹⁵⁷.

Таким образом, попытка поставить потери от бомбардировок рядом с преступной практикой монополий по использованию рабского труда не выдерживает критики.

¹⁵³ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 481.

¹⁵⁴ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 116.

¹⁵⁵ Там же, т. 2, стр. 241.

¹⁵⁶ Там же, т. 7, стр. 121.

¹⁵⁷ Там же, стр. 119.

Следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. Потери гражданского населения от воздушных бомбардировок были во всех странах — участницах второй мировой войны. Особенно велики они были в начальный период войны, когда, используя свое превосходство в воздухе, германская авиация встала на путь тотальных бомбардировок мирных городов. Естественно, потери от бомбардировок имелись и среди германского населения. По официальным данным, они составили за всю войну 410 тыс. человек, из которых, вполне естественно, лишь некоторое количество было занято в промышленности¹⁵⁸. При этом большая часть этих потерь имела место на последнем этапе войны, когда сама территория Германии стала главным театром военных действий. Между тем программа рабского труда начала осуществляться с первых же месяцев второй мировой войны, и, как указывалось только что, уже к 1943 г. в Германию было введено более 5 млн. рабочих. Таким образом, осуществление значительной части программы рабского труда по времени совпало как раз с тем периодом войны, когда сама Германия прибегала к тотальным воздушным бомбардировкам.

Наконец, нужно сказать еще об одном. Общий резервуар рабского труда включал в себя миллионы военнопленных, которые использовались к тому же в военной промышленности. Защита монополий пыталась доказать, что тотальные бомбардировки германской территории оправдывали в порядке репрессалий или принципа «tu quoque» применение рабского труда. Но известно, что Женевская конвенция 1929 г. о режиме военнопленных запрещала применение репрессалий к военнопленным. Следовательно, и этот аргумент защиты терпит крах.

Защита на процессах монополий, а затем Книрим в своей монографии утверждали, что практика принудительного труда признавалась законной в ряде европейских государств. Так, Книрим ссылался на закон о вспомогательной невоенной службе от 5 декабря 1916 г., изданный в Германии и предусматривавший, что каждый мужчина в стране в возрасте от 16 до 61 года должен в случае войны служить в германской национальной вспомогательной невоенной службе, если он не призван на военную службу. Далее Книрим приводит закон 1929 г. и чрезвычайный декрет 1931 г., устанавливавшие для каждого безработного обязанность работать по указанию государственных органов. Ссылался он и на правительственные распоряжения от 5 декабря 1938 г. и от 13 февраля 1939 г., которые были изданы на базе четырехлетнего плана и согласно которым вводилась трудовая повинность в Германии, распространявшаяся также на проживавших в стране граждан иностранного происхождения. Книрим одновременно де-

¹⁵⁸ Подробнее см. Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. Соцэкгиз, 1960, стр. 202.

лает ссылки и на законодательство Швеции, предусматривавшее обязательную трудовую повинность шведских граждан и иностранцев, проживающих на территории Швеции, в случае войны (закон 30 декабря 1939 г.)¹⁵⁹.

На помощь Книриму пришел Кранцбюллер, который на процессе по делу Флика заявил: «Проблема принудительного труда возникла... еще во время первой мировой войны. Это не изобретение Германии, это — мировая проблема»¹⁶⁰.

Наконец, адвокат Леверкьюн, выступая на процессе по делу Манштейна, выдвинул поразительный по своей неубедительности довод о том, что в случае отказа от применения практики принудительного труда «население оккупированной территории будет пользоваться привилегией по сравнению с... гражданами страны оккупанта»¹⁶¹. Даже при самом поверхностном рассмотрении этого аргумента он представляется совершенно нелепым. Ведь во всех случаях, о которых говорит защита, имелась в виду система использования трудовых резервов внутри каждой страны. А это, естественно, компетенция каждого государства, и его действия могут признаваться справедливыми или несправедливыми, но при всех условиях они не имеют никакого отношения к международному праву, к проблеме соблюдения законов и обычаев войны.

На судебных процессах монополий утверждалось, что обвинение в использовании советских военнопленных в общей системе рабского труда неуместно и неосновательно, так как Советский Союз не был участником Женевской конвенции 1929 г. о режиме военнопленных. Критика этого аргумента была уже дана выше¹⁶², и поэтому здесь нет необходимости повторять доводы, которые в общей форме сводятся к тому, что запрещение практики рабского труда вполне охватывается положениями IV Гаагской конвенции 1907 г., а нормы Женевской конвенции 1929 г. лишь детализируют соответствующие нормы Гаагской конвенции. Эти положения стали общепризнанными нормами международного права.

Следует обратить внимание на то, что материалы судебных процессов над руководителями германских монополий полностью установили преступный характер нацистской практики использования рабского труда и виновность в этом наряду с государственными и военными деятелями и руководителей германских монополий.

¹⁵⁹ August K n i e r i e m. Op. cit., p. 476—479.

¹⁶⁰ Там же, стр. 47.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² См. § 7 гл. III.

3. Вина как основание уголовной ответственности руководителей монополий

Итак, материалами судебных процессов было установлено, что германские монополии в течение ряда лет совершали самые тяжкие преступления против человечества. Уже указывалось, что военные трибуналы западных держав в целом признали руководителей германских монополий ответственными за совершение тяжчайших военных преступлений. Даже защита не могла выставить сколько-нибудь внушительных доводов в пользу монополистов. В сущности главный спор на судебных процессах между обвинением и защитой шел по одному вопросу — можно ли признать вину руководителей монополий в преступлениях против мира. Защита утверждала, что германские монополии, как монополии вообще, не имели ничего общего с политикой, не имели возможности влиять на нее, а тем более в таких ее кардинальных вопросах, как война и мир; монополия — это коммерческий организм, которому столь же близки интересы прибыли, как далеки вопросы политики.

Защита не оспаривала того, что германские монополии практически способствовали вооружению вермахта и это объективно имело своим последствием способствование подготовке войн и их ведению. Но утверждалось, что для установления вины руководителей монополий в соучастии в гитлеровской агрессии необходимо еще убедиться в субъективном намерении этих руководителей, их психическом, волевом отношении к нацистским планам агрессии, установить, что, вступая в коммерческие сделки с нацистским государством, руководители германских монополий преследовали цель развязывания агрессивных войн. Защита и сами подсудимые утверждали, что коммерческие операции вовсе не преследовали какие-либо политические цели, что германские монополии не имели ничего общего с гитлеровскими планами агрессии.

Здесь мы как раз и подходим к исследованию субъективной стороны состава преступлений германских монополий.

Вывод о виновности руководителей германских концернов в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны необходимо обосновать с позиций общепризнанных положений о вине как основании уголовной ответственности, исходя из того, что без вины не может быть уголовной ответственности, что нельзя констатировать наличие вины без установления объективной истины по делу. Нужно учитывать, как правильно пишет А. А. Пионтковский, что «вина определенного лица в совершении преступления существует независимо от того, познана она или не познана судебными органами»¹⁶³. Поэтому необходимо исходить из той обязательной предпосылки, что признании лица виновным

¹⁶³ А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 302.

не может основываться лишь на предположениях суда, а должно покоиться на железном фундаменте строго отобранных и проверенных в стадии судебного следствия доказательств, что для признания лица виновным надо непременно установить, умышленно или неосторожно совершено им общественно опасное деяние. Лишь при условии точного установления субъективной стороны состава преступления, совершенного обвиняемым, возможно дать юридически правильную квалификацию его деяния. Только наличие вины — умышленной или неосторожной — может создать основание для привлечения к уголовной ответственности.

Умысел или неосторожность как формы вины имеют кроме чисто юридического и социально-политическое содержание, которое раскрывается материальным понятием преступления как общественно опасного действия или бездействия, направленного против основ международного общения, против международного мира и безопасности народов.

Собранные на Нюрнбергском процессе главных военных преступников и судебных процессах германских монополий доказательственные материалы обуславливают необходимость квалификации действий руководителей германских монополий по подготовке и ведению агрессивной войны как действий умышленных.

Советское право устанавливает, что «преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий» (ст. 8 УК РСФСР). При этом умысел может быть прямой или эвентуальный. Сознание общественно опасного характера своего действия или бездействия, предвидение общественно опасных последствий и желание их наступления означает наличие прямого умысла. Сознание общественно опасного характера своего действия или бездействия, предвидение общественно опасных последствий и сознательное допущение их наступления означает наличие косвенного (эвентуального) умысла.

Таким образом, для прямого умысла характерно желание наступления предвиденных последствий, а для косвенного — отсутствие желания, но сознательное допущение возможности их наступления. При этом, как правильно указывает А. А. Пионтковский, «эвентуальный умысел не может иметь места в тех случаях, когда лицо предвидело неизбежность наступления преступных последствий своих действий, ибо в этих случаях нельзя говорить, что виновный их не желал, но лишь сознательно допускал. При эвентуальном умысле предвидение последствий своих действий может выражаться лишь в допущении вероятности, возможности их наступления»¹⁶⁴.

¹⁶⁴ А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 361.

С позиций приведенных общеизвестных положений уголовного права мы и будем доказывать, что деятельность руководителей германских монополий, приведшая к грубейшим и преступным нарушениям международного права, была умышленной и формой вины был прямой умысел.

Защита на судебных процессах германских монополий в качестве главного своего аргумента выдвинула прецедент с оправданием Международным Военным Трибуналом бывшего гитлеровского министра экономики и президента имперского банка Ялмара Шахта, который обвинялся в заговоре против мира, в экономической подготовке гитлеровской агрессии. Фабула обвинения Шахта во многом была аналогична фабуле обвинения германских монополий в том, что касалось экономической подготовки гитлеровской агрессии.

Международный Военный Трибунал установил в приговоре, что Шахт «играл важную роль в интенсивной программе перевооружения, которая была принята, и использовал возможности рейхсбанка в наивеличайшей степени для германских усилий в области перевооружения... В качестве министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики он активно участвовал в организации германской экономики для войны... 3 мая 1935 г. он послал меморандум Гитлеру, в котором говорилось, что „выполнение программы вооружения в количественном отношении и в наикратчайший срок является задачей германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели“»¹⁶⁵.

Но защита германских монополий ссылалась на другую часть приговора Международного Военного Трибунала, ту, в которой признавалась ведущая роль Шахта в осуществлении программы вооружения, давшей возможность Германии быстро подготовиться к агрессии. «Но перевооружение, как таковое,— говорится в приговоре,— не является преступным актом в соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается ст. 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это перевооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивных войн»¹⁶⁶.

Но как раз этого субъективного фактора Международный Трибунал не установил и пришел к выводу, что в действиях Шахта по перевооружению Германии не было умысла на подготовку к агрессивной войне. «Шахт утверждал,— указывается в приговоре,— что он принимал участие в программе перевооружения лишь потому, что хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную

¹⁶⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 469.

¹⁶⁶ Там же, стр. 471.

завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами»¹⁶⁷.

Военные трибуналы, рассматривавшие дела по обвинению германских мопололий, во многом заимствовали эту аргументацию. Обратимся для примера к приговору по делу концерна «ИГ Фарбениндустри». Там говорится: «Международный Военный Трибунал заявил, что „переворужение, как таковое, не является преступным актом в соответствии с Уставом“. Отсюда совершенно ясно, что участие в перевооружении Германии не было преступлением со стороны любого подсудимого, если только участие в программе перевооружения и проведение ее в жизнь не было связано с сознанием того, что оно являлось частью плана и проводилось для подготовки и ведения агрессивной войны. Таким образом, мы подходим к решающему вопросу в определении виновности подсудимых — к вопросу об их осведомленности»¹⁶⁸.

И далее Военный трибунал устанавливает: «Доказано, что размеры усилий по перевооружению были таковы, что сами говорили о себе. Германия перевооружалась столь стремительно и в таких масштабах, что, заглянув в прошлое с точки зрения последовательности событий, можно сказать, что военное производство превышало необходимые пределы с точки зрения требований обороны. Если бы мы допрашивали военных экспертов, а они, как было доказано, знали об интенсификации перевооружения, этот вывод мог бы быть правильным. Но ни один из подсудимых, однако, не являлся военным экспертом. Подсудимые не имели никакого отношения к военному делу. Область их деятельности была ограничена промышленностью и главным образом узкими областями химической промышленности»¹⁶⁹.

Дальнейшие свои рассуждения Военный трибунал посвятил попыткам доказать, что руководители «ИГ Фарбениндустри», поставляя по государственным подрядам те или иные материалы, не могли быть уверенными в том, что эти материалы обязательно используются для военных целей и тем более для подготовки войны. «Сферой деятельности концерна „ИГ Фарбен“ были синтетический каучук, бензил, азот, цветные металлы и до некоторой степени взрывчатые вещества. Подсудимые утверждают, что производство первых трех продуктов преследовало цель обеспечения гражданского населения... Азот — продукт, необходимый сельскому хозяйству в мирное время. Бедные немецкие почвы требуют много удобрений для производства необходимого количества продуктов питания... Азот является также основным и необходимым элементом в производстве большей части взрыва-

¹⁶⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 471.

¹⁶⁸ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1112.

¹⁶⁹ Там же, стр. 1113.

рых веществ. Производство азота может быть быстро переведено с мирных рельс на военные. Поэтому рейх поощрял усилия Фарбена по дальнейшему расширению этого производства. Легкие металлы применяются и для мирных целей. Но они необходимы и во время войны, особенно для производства самолетов. Защита, однако, утверждает, что самолеты не являются лишь орудием войны, а используются и как средство мирных перевозок»¹⁷⁰.

И далее Трибунал уже переходит к основному своему выводу: «В связи с тем, что деятельность подсудимых материально содействовала перевооружению Германии, подсудимые могут быть признаны виновными только в том случае, если они предвидели результаты своей деятельности. Обвинение, однако, встречается с трудностью установления факта информированности обвиняемых о том, что своими поставками они содействовали перевооружению Германии, и особенно, что это перевооружение имело целью ведение агрессивной войны»¹⁷¹.

Аналогичен и приговор по делу Круппа. Военный трибунал прибег к тому же доводу: снабжая вермахт вооружением, руководители концерпа Круппа не имели оснований утверждать, что это вооружение предназначено для подготовки и ведения агрессивной войны. Трибунал для укрепления своей аргументации сослался на Уортона и привел следующую выдержку из его книги: «Продажа виштовки может иметь своей целью убийство, но факт продажи лишь тогда будет преступлением, если будет установлено, что продавец продал виштовку именно с целью убийства третьего лица, что сделало бы его соучастником преступления»¹⁷². И далее, поясняя смысл приведенного примера, Военный трибунал указал: «Как правило, невозможно заранее установить, имеет ли проведение определенных экономических мероприятий по перевооружению своей целью подготовку незаконной войны»¹⁷³.

И вновь Трибунал прибег к уже знакомому аргументу о том, что если лица, занимающие положение высокопоставленных чиновников в государственном аппарате (имеется в виду Шахт), могли не знать об агрессивных целях политики перевооружения, то тем более в этом нельзя обвинить руководителей германских концернов.

Вновь и вновь трибунал ссылается на то, что нельзя считать участие рядовых граждан в военной промышленности, в выпуске вооружения элементом подготовки войны, особенно когда Международный Трибунал освободил от ответственности крупных государственных чиновников, стоявших во главе военной экономики. Американский трибунал, проводя свою линию, упорно настаивает

¹⁷⁰ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1114.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же, стр. 425.

¹⁷³ Там же, стр. 448.

вает в приговоре на том, что эти «рядовые граждане» не пользовались никаким влиянием в политике ¹⁷⁴.

Ссылка защиты на прецедент с Шахтом, на его оправдание Международным Военным Трибуналом, была подвергнута критике со стороны обвинителей на судебных процессах германских монополий. Но мы не можем согласиться с их аргументацией, ибо обвинители, раскрывая неосновательность позиции защиты германских монополий, исходили лишь из мотивов, к которым прибег Трибунал, оправдывая Шахта. Отвергая доводы защиты монополий, они в то же время подчинили свою аргументацию обоснованию правильности оправдания Шахта.

Обвинители ссылались на ту часть приговора Международного Трибунала по делу Шахта, в которой вопреки фактам утверждалось, что Шахт к 1936 г. начал терять свое влияние как центральная фигура в области германского перевооружения, что он, Шахт, вел борьбу с попытками Геринга ускорить перевооружение, что, по мнению Шахта, должно было привести к расстройству всей германской экономики и вызвать инфляцию ¹⁷⁵.

Но при этом обвинители западных держав игнорировали ряд других, значительно более важных обстоятельств, устанавливавших вину Шахта и отмеченных в особом мнении советского судьи в Международном Трибунале, протестовавшего против оправдания Шахта. В частности, обвинители опускали даже те части оправдательного приговора, которые в сущности противоречили выводам Международного Трибунала. Так, они не указывали, что, как это признал сам Трибунал, «Шахт, будучи прекрасно осведомлен в германских финансах, находился в особенно выгодном положении, чтобы понять подлинный смысл сумасшедшего перевооружения, которое проводил Гитлер, и осознать, что принятая экономическая политика могла иметь своей целью только войну» ¹⁷⁶.

Документальные доказательства, приведенные в Особом мнении члена Международного Трибунала от СССР, убедительно раскрывают виновность Шахта, полную его осведомленность в том, что перевооружение вермахта, которому он посвятил свою деятельность в качестве министра в правительстве Гитлера, имело своей целью подготовку именно агрессивной войны ¹⁷⁷.

Пытаясь использовать текст приговора Международного Военного Трибунала для оправдания германских монополий, их защита не ограничилась ссылкой на дело Шахта. Адвокаты монополий напоминали, что Международный Трибунал оправдал ряд правительственных чиновников Германии, которые обвинялись в агрессии и уже в силу своего служебного положения, казалось, должны

¹⁷⁴ «Trials of War Criminals...», v. IX, p. 449.

¹⁷⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 470.

¹⁷⁶ Там же, стр. 471.

¹⁷⁷ Там же, стр. 516—523.

были быть хорошо осведомлены в подготовке агрессивной войны¹⁷⁸.

В частности, защита ссылалась на оправдание фон Папена и приводила следующие выдержки из приговора Международного Военного Трибунала: «Согласно Уставу, Папен может считаться виновным только в том случае, если он принял участие в планировании агрессивной войны. Нет никаких доказательств того, что он был причастен к планам, рассматривавшим оккупацию Австрии как этап на пути к дальнейшим агрессивным действиям...». Далее, защита приводила оправдательный приговор Фриче: «Ему не удалось достигнуть положения, достаточно значительного для того, чтобы присутствовать на совещаниях, на которых обсуждались планы, приведшие к агрессивной войне»¹⁷⁹.

В меморандуме защиты приводилась выдержка из оправдательного приговора Штрейхеру: «За время своей деятельности он никогда не был тесно связан с разработкой программы, которая привела к войне. Так, он никогда не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, во время которых Гитлер излагал свои решения подчиненным ему руководителям»¹⁸⁰.

Защита цеплялась за уже известный аргумент, сводя его к следующему: «Ограничения, сделанные Международным Военным Трибуналом в отношении лиц, которых можно привлечь к ответственности за преступления против мира, достаточно обоснованы тем, что в ином случае общее число ответственных лиц практически стало бы неограниченным, что имело бы своим последствием массовые наказания. Если прокуратура утверждает на этом процессе, что война не могла бы вестись без поддержки „ИГ Фарбен“, то можно было бы с одинаковым успехом сказать, что война не могла бы вестись без поддержки всех других германских фирм, связанных с вооружением... и, наконец, последнее по счету, но не по важности, соображение — без поддержки солдат и рабочих, которые при помощи своих усилий помогли подготовить и вести войну»¹⁸¹. Защита утверждала, что руководители германских монополий не участвовали в ключевых секретных совещаниях Гитлера, во время которых он раскрыл своим ближайшим сотрудникам сущность агрессивного заговора и развернул программу агрессивных войн.

Таковы аргументы, приводимые в оправдание германских монополистов.

Рассмотрим эти аргументы.

Защита ссылалась на оправдание некоторых подсудимых на процессе главных военных преступников в Нюрнберге. Если даже оставить в стороне аргументацию Особого мнения советского судьи и безоговорочно встать на позиции текста приговора Международ-

¹⁷⁸ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 481—482.

¹⁷⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 494, 507.

¹⁸⁰ Там же, стр. 463.

¹⁸¹ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 486.

ного Военного Трибунала, то и тогда будет совершенно очевидно неосновательность аналогий, используемых защитой. Оправдывая того или иного подсудимого в Нюрнберге по обвинению в агрессии (и приговаривая его подчас к смертной казни за военные преступления), Международный Трибунал исходил из незначительной роли его в планировании или осуществлении агрессии, из того, что некоторые из подсудимых примкнули к заговору на его поздней стадии или даже тогда, когда война уже была развязана, из того, что некоторые и вовсе не занимали государственных постов или занимали такие посты, которые практически не давали возможности быть в курсе секретных планов агрессии.

В принципиально ином положении находились крупнейшие германские монополисты. Как указывалось в ответе обвинителей на меморандум защиты, «ни в одном случае оправдание этих подсудимых по п. 1 и 2, учитывая собранные доказательства, не может быть использовано как аргумент для оправдания подсудимых по настоящему процессу. Их (монополистов.— А. П.) соучастие (в гитлеровской агрессивной политике.— А. П.) началось задолго до войны и закончилось вместе с крахом Германии. Уже было показано, что подсудимые в течение 12 лет соучаствовали при помощи Фарбена в серии действий, включавшей финансовую помощь для захвата Гитлером власти, тесное сотрудничество с вермахтом в подготовке мобилизационных планов, соучастие в экономической мобилизации Германии к войне, включая активную деятельность в осуществлении четырехлетнего плана, активное участие в создании и обеспечении нацистской военной машины, создание запасов стратегических военных материалов; соучастие в пропаганде, разведке и шпионаже, использование своих коммерческих связей в целях ослабления потенциала других стран, планирование и осуществление захвата химической промышленности в Европе, активное соучастие в ограблении всей Европы, использование рабского труда в огромных масштабах в целях укрепления германской военной машины»¹⁸².

Здесь мы и подходим к исследованию тех доказательств, представленных на судебных процессах германских монополий, которые с полной очевидностью устанавливают прямой умысел в действиях монополий, т. е. стремление монополий при помощи вооружения вермахта и других мер экономического характера способствовать осуществлению гитлеровской программы агрессии.

Характеризуя объективную сторону состава преступления германских монополий, мы уже говорили о том, что руководители этих монополий, зная агрессивную программу нацистской партии, создали решающие предпосылки ее прихода к власти. На Нюрнбергском процессе было установлено, что еще до прихода к власти Гитлера крупнейшие монополии вели тайную подготовку к войне.

¹⁸² «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 512—513.

В составленном в апреле 1933 г. плане реорганизации германской промышленности Крупп писал: «Ход политических событий (как раз в это время пришли к власти нацисты. — А. П.) полностью соответствует желаниям, которые лично я и члены правления выражали в течение долгого времени. В реорганизации имперской ассоциации германской промышленности я буду руководствоваться идеей согласования деятельности новой организации с политическими целями имперского правительства»¹⁸³.

В январе 1944 г., т. е. в разгар второй мировой войны, он же заявил: «Большие заслуги всей германской военной экономики заключаются в том, что она не оставалась бездеятельной в течение этих тяжелых лет, хотя эта деятельность не могла быть открытой по вполне понятным причинам. В результате многих лет тайной работы был заложен научный массивный фундамент, чтобы в назначенный час начать работать для германских вооруженных сил без потери времени или опыта»¹⁸⁴. «Я считаю, что могу здесь сказать, что германские промышленники с энтузиазмом шли по этому новому пути, что они рассматривали великие намерения фюрера как свои собственные... и стали его верными последователями. Как же иначе могли быть разрешены задачи, стоявшие перед нами между 1933 и 1939 гг., и особенно после 1939 г.?»¹⁸⁵

Уже 4 мая 1933 г. имперская ассоциация германской промышленности опубликовала декларацию, в которой было указано, что Крупп как президент этой ассоциации «приведет существующие экономические факторы в области организации промышленных ассоциаций в соответствии с политической необходимостью»¹⁸⁶.

24 ноября 1936 г. начальник военно-экономического штаба вермахта генерал Томас на совещании с германскими промышленниками так охарактеризовал цели развития военной экономики и четырехлетнего плана: «Военная экономика — вот цель, указывающая направление экономической деятельности всех граждан. Это политическая концепция. Это экономика, направляемая людьми с солдатским характером... Господа, четырехлетний план — это, проще говоря, военная экономика»¹⁸⁷.

Заявление Томаса достаточно ярко показывает несостоятельность мнения защиты, что четырехлетний план имел мирные цели.

Монополисты действительно не участвовали в четырех ключевых совещаниях Гитлера, где были раскрыты агрессивные планы. Но они участвовали в специальных совещаниях на правительственном уровне, посвященных экономической подготовке гитлеровской агрессии.

¹⁸³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 1, стр. 325—326.

¹⁸⁴ Там же, стр. 327.

¹⁸⁵ Там же, стр. 328.

¹⁸⁶ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 1035.

¹⁸⁷ Там же, стр. 476.

26 мая 1936 г. Геринг провел секретное совещание консультативного комитета экспертов. На этом совещании присутствовали многие руководители монополий, в том числе председатель правления «ИГ Фарбениндустри» Шмитц, генеральный директор стальной монополии Феглер, Флик и др. Открывая совещание, Геринг подчеркнул, что оно носит строго секретный характер и что участники его отвечают за то, чтобы никакие сведения не попали в чужие руки. Геринг на этом совещании наметил ряд мер по экономической подготовке запланированных агрессивных войн. Он заявил: «В любой момент мы можем очутиться в весьма серьезной ситуации и должны быть в состоянии справиться с нею... Стремительность вооружения ни в коем случае не должна замедляться... Если сегодня, может быть, приходится серьезно рисковать, то есть основания считать, что все усилия будут компенсированы сторицей»¹⁸⁸.

17 декабря 1936 г. на совещании с группой ведущих промышленников Геринг сделал доклад о ходе выполнения четырехлетнего плана, в котором сообщил, что германская армия через четыре года должна быть в полной боевой готовности. Он заметил: «Борьба, к которой мы приближаемся, требует огромных производственных усилий. Никакого конца перевооружения не предвидится. Единственным решающим моментом в этом деле может быть победа или поражение. Если мы победим, промышленники получат полную компенсацию... Сейчас мы делаем большую ставку... На карту поставлена вся нация... Мы уже накануне мобилизации и войны»¹⁸⁹.

22 декабря 1936 г. член правления «ИГ Фарбениндустри» Шнитцлер на заседании правления сделал «особо секретный» доклад, в котором изложил основные положения речи Геринга.

15 июня 1937 г. промышленники вновь собрались на совещание у Геринга, который, в частности, заявил: «Четырехлетний план вносит свой вклад в создание той основы, которая позволит ускорить войну»¹⁹⁰.

Летом 1938 г., когда уже возникла проблема захвата Чехословакии, правление концерна «ИГ Фарбен» разработало план подготовки персонала для использования его на чехословацких заводах. Характерно, что уже в мае 1938 г. концерн был полностью информирован о подготовлявшейся агрессивной акции гитлеровской Германии против Чехословакии. 16 сентября 1938 г. на заседании правления концерна уже обсуждался вопрос о порядке присоединения чехословацких химических заводов, расположенных в Судетской области¹⁹¹.

¹⁸⁸ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 1219.

¹⁸⁹ Там же, стр. 1220.

¹⁹⁰ Там же, стр. 1221.

¹⁹¹ Там же, стр. 1224.

23 сентября 1938 г., т. е. еще до заключения Мюнхенского соглашения, член правления «ИГ Фарбен» Кьюне отправил письмо другим членам правления концерна — Тер-Мейеру и Шнитцлеру, сообщая «приятную новость» о том, что концерн добился уже успеха, заставив германские власти признать его право на захват завода «Ауссиг», расположенного в Судетской области¹⁹².

Все это, бесспорно, свидетельствует о том, что правление концерна было полностью проинформировано о предполагаемом нападении на Чехословакию. Характерно, что член правления Краух, назначенный на пост генерального уполномоченного химической промышленности, в июне 1938 г., рассмотрев мобилизационные планы, пришел к выводу, что намеченные в этих планах цифры не могут соответствовать потребностям подготавливаемой войны. Краух сообщил об этом Герингу и потребовал внести коррективы¹⁹³.

Во время предварительного следствия Крауху был поставлен вопрос: «Не стало ли вам ясно еще в 1935 г., когда вермахт проявил огромный интерес к вашему каучуку, и позже, когда вы начали работу по осуществлению четырехлетнего плана с целью увеличения химической мощи Германии, что нацистское правительство было на пути к войне?» И Краух вынужден был признать: «У меня было чувство, что они (гитлеровцы. — А. П.) ведут дело к войне. Именно тогда, обнаружив неправильные цифры в плане Лееба, я направился к Герингу и сказал ему, что мы не можем готовиться к войне, потому что намеченные цифры неправильны. На такой основе мы можем проиграть войну»¹⁹⁴.

Весьма характерен и другой документ, связанный с Краухом. 28 апреля 1939 г. Краух представил Герингу доклад, в котором подробно анализировал и сравнивал данные о военно-экономическом потенциале Англии и Франции, с одной стороны, и Германии — с другой. Он констатировал сложность положения с минеральной нефтью: «Экономическая арена Великой Германии слишком мала, чтобы удовлетворить военно-экономические потребности в минеральной нефти». Краух указывал на территории Юго-Востока Европы как на «единственную и надежную возможность обеспечить снабжение минеральной нефтью полностью на много лет». Краух заключал: «Дальнейшая великая цель будет находиться за пределами Великой Германии»¹⁹⁵.

Краух выступает здесь как прямой подстрекатель агрессии. Не только «чувство», что «они ведут дело к войне», было у него. Он сам был опытным организатором агрессии. И не он один. Рехлинг, например, также направил Гитлеру в декабре 1940 г. подробный меморандум, мотивирующий необходимость для Германии вторгнуться на Балканы.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же, стр. 1226

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же, стр. 945.

Возвращаясь к роли концерна «ИГ Фарбен» в подготовке агрессии, следует напомнить, что правление концерна 12 июля 1938 г. составило «новый план военно-экономического производства», а 13 августа того же года — еще один план — «План Шнель».

Следует ли объяснять, что для того, чтобы обнаружить несоответствие цифр мобилизационного экономического плана, надо занимать достаточно высокое положение в аппарате государственной власти и знать сущность планов готовящейся войны?

14 октября 1938 г. промышленники вновь собрались на совещание у Геринга, который сообщил им, что получил приказ от Гитлера «увеличить вооружение до небывалых размеров, и в первую очередь вооружение ВВС. В течение кратчайшего срока ВВС должны быть увеличены в пять раз, военно-морские силы также должны быть вооружены гораздо быстрее и армия должна получить огромное количество наступательного оружия, особенно орудий тяжелой артиллерии и тяжелых танков».

На этом же совещании Геринг раскрыл перед германскими промышленниками план полного захвата Чехословакии: «Судеты должны быть использованы всеми средствами... Чехословакия должна стать немецким доминионом»¹⁹⁶. Допрошенный на предварительном следствии член правления «ИГ Фарбениндустри» Шнитцлер признал: «В июне 1939 г. концерн „ИГ“ и вся тяжелая промышленность знали о том, что Гитлер решил вторгнуться в Польшу... В этом мы были абсолютно уверены, и в июне или июле 1939 г. германская промышленность была полностью мобилизована для вторжения в Польшу»¹⁹⁷.

Показания фон Шнитцлера на предварительном следствии, данные им американским следователям, носили исключительно разоблачительный для монополий характер. Эти показания давались в течение нескольких месяцев в 1945 г. Но рассмотрение дела германских монополий затянулось на несколько лет. К этому времени политический климат в мире резко изменился и американские правящие круги уже встали на путь нового союза с германскими милитаристами. В этих условиях показания Шнитцлера могли принести большой вред не только подсудимым, но и всему новому курсу американской внешней политики в германском вопросе. Поэтому спустя три года, в 1948 г., Шнитцлер заявил на процессе, что показания, записанные в протоколе американскими следователями, не совсем точно отражают то, что он говорил.

Однако анализ показаний Шнитцлера, особенно то обстоятельство, что он их давал больше десятка раз разным следователям, а также то, что они объективно подтверждаются многочисленными документальными доказательствами, делает заявление Шнитцлера о некоторой «неточности» записей неубедительным. Поэтому офи-

¹⁹⁶ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 1228.

¹⁹⁷ Там же.

циальные его показания, данные на следствии и в значительной мере (хотя и неполностью) подтвержденные им на судебном процессе, должны быть признаны соответствующими действительности.

Шнитцлер на следствии заявил: «Даже не будучи осведомлены прямо о намерениях правительства вести войну (такой осведомленности Шнитцлер все-таки не хочет признать.— А. П.), сотрудники концерна „ИГ Фарбен“ и другие промышленники не могли поверить в то, что огромное производство вооружения и активная военная подготовка (особенно после прихода Гитлера к власти), усиленная в 1936 г. и достигшая невиданных размеров в 1938 г., могли иметь какой-либо другой смысл, чем тот, что Гитлер и нацистское правительство собирались начать войну в любом случае. Ввиду громадной концентрации средств для военного производства и интенсивной военной подготовки ни один сотрудник „ИГ Фарбен“ или другой руководящий деятель промышленности не мог поверить, что это делалось в целях обороны»¹⁹⁸.

Допрошенный на процессе другой член правления концерна «ИГ Фарбен» — Тер-Мейер, говоря об обстановке, сложившейся после захвата всей Чехословакии в марте 1939 г., показал: «Первый раз я почувствовал, что наша внешняя политика была неправильной, когда германские вооруженные силы были использованы для оккупации Чехословакии. Это глубоко потрясло меня... Я чувствовал, что нацистская партия направляет Германию по очень опасному пути. Я чувствовал, что это было нарушением международного соглашения в Мюнхене и агрессивным актом против страны, в чьи дела мы не имели никакого права вмешиваться»¹⁹⁹.

На судебном процессе «ИГ Фарбениндустри» видный представитель концерна Эрман признал, что правление концерна «было информировано о неизбежности войны против Франции и Англии и в связи с этим получило рекомендации перевести свои заводы, расположенные вблизи французской границы, в глубь страны»²⁰⁰.

Характерны также показания крупного чиновника правления концерна «ИГ Фарбениндустри» Вагнера, который на следствии подробно рассказал о различных формах сотрудничества предприятий концерна с вермахтом. Он раскрыл тот факт, что концерн был полностью информирован о всех подготовительных мерах к войне. «Благодаря всем этим мерам,— заявил Вагнер,— у меня не было никаких сомнений в середине 1939 г., что Германия будет вести

¹⁹⁸ Военный трибунал по делу руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри», рассмотрев заявление Шнитцлера о некоторых «неточностях» в его показаниях, принял решение, согласно которому показания Шнитцлера не могли быть приняты как доказательство против других членов правления концерна, но могли быть использованы как улика против него самого («Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 123).

¹⁹⁹ Там же, стр. 1232.

²⁰⁰ Там же, стр. 1487—1488.

агрессивную войну. Я полагаю, что все мои коллеги были такого же мнения»²⁰¹.

Шнитцлер признал на следствии: «Развитие „ИГ Фарбен“ начиная с 1934 г. полностью обязано взаимодействию с правительством и вермахтом... Практически все увеличение оборота „ИГ“ с 1 млрд. до 3 млрд. марок в 1943 г. на 100% является результатом перевооружения и военной политики германского правительства»²⁰². Обобщая факты, он заявил: «Все производство „ИГ“ в течение последних 12 лет не может быть отделено от внешней политики правительства... Несомненно, „ИГ“ не только следовал „гроссраумполитик“ правительства, но извлек из этого существенные выгоды»²⁰³.

Заклячая свои показания признанием, что «ИГ Фарбен» стал верным партнером вермахта, Шнитцлер сказал: «Действуя таким образом, „ИГ Фарбен“ взял на себя величайшую ответственность и оказал самую существенную (в химической области) и решающую помощь германской внешней политике, которая привела к войне и разрушению Германии»²⁰⁴.

Для доказательства того, что, вооружая Германию, монополии знали об агрессивных целях гитлеровской политики, необходимо указать еще на одно весьма важное обстоятельство.

Крупнейшие германские монополии захватили в свои руки ключевые посты в государственном аппарате по экономической подготовке войны. Ввиду необходимости форсировать подготовку войны, германское правительство реорганизовало государственный аппарат и учредило посты чрезвычайных уполномоченных по каждой стратегической отрасли экономики, входившей в систему четырехлетнего плана.

На совещании 16 июля 1938 г. по вопросу о руководящих принципах в дальнейшей мобилизации экономики Геринг заявил: «Уполномоченный по четырехлетнему плану имеет неограниченные права, которые он может делегировать, если необходимо, специально назначаемым чрезвычайным уполномоченным»²⁰⁵. На этом же совещании Геринг подписал директиву, касающуюся функций и полномочий чрезвычайных уполномоченных по отраслям промышленности. Так как этот документ показывает, что крупнейшие германские монополисты, занимая посты чрезвычайных уполномоченных, имели полную возможность быть информированными о каждом новом шаге по подготовке агрессии и разоблачает утверждение монополистов о том, что они были лишены какой бы то ни было информации по этому поводу, приведем его почти полностью:

²⁰¹ «Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1494.

²⁰² Там же, т. VII, стр. 1506.

²⁰³ Там же, стр. 1510.

²⁰⁴ Показания Шнитцлера, данные во Франкфурте 8 августа 1945 г. Там же, т. VII, стр. 1514.

²⁰⁵ Там же, стр. 896.

«Политическая ситуация, особенно необходимость ускорить выполнение четырехлетнего плана и быть готовыми к мобилизации, заставляют меня... назначить так называемых чрезвычайных уполномоченных для различных областей промышленности... Чрезвычайные уполномоченные действуют по моим приказам, а потому и облечены всей полнотой власти, которую предоставил мне фюрер. Они уполномочены предпринимать любые меры в особых областях, предназначенных для них. Возражения в связи с инструкциями, приказами или иными мерами, предпринятыми чрезвычайными уполномоченными, должны быть адресованы мне. Я подчеркиваю, однако, что эти возражения ни в коем случае не могут приостановить действия инструкций, приказов, которые изданы чрезвычайными уполномоченными и подлежат претворению в жизнь независимо от различных точек зрения»²⁰⁶.

Эта директива Геринга была направлена всем имперским министрам, которые тем самым были проинформированы об огромной власти монополистов в деле фактической подготовки к войне.

Допрошенный на процессе «ИГ Фарбениндустри» крупный чиновник управления чрезвычайного уполномоченного по специальным вопросам химической промышленности, которое возглавлял Краух, Феликс Эрманн показал: «Политика, которая проводилась Управлением Крауха, осуществлялась не платным персоналом, а лишь почетными представителями промышленности... 90% аппарата этого Управления состояло на службе концерна „ИГ Фарбениндустри“»²⁰⁷.

Если взять для примера именно это управление, то можно убедиться, насколько прочно монополии держали в своих руках государственный аппарат экономической подготовки агрессивной войны. Член правления «ИГ Фарбен» Амброс был начальником специального комитета «С» (средства химической войны) главного комитета по пороху и взрывчатым веществам; он же, Амброс, возглавлял в министерстве вооружения отдел производства каучука. Член правления концерна «ИГ Фарбен» Бютефиш возглавлял комитет по гидрогенизации, член правления Вурстер — отдел по производству серных и сернистых смесей и т. д. Член правления концерна Круппа Мюллер был членом консультативного совета по вооружениям министерства вооружений.

Вполне естественно, что ответственные посты, которые германские монополисты занимали, становились дополнительным источником информации о политике германского правительства.

Итак, изложенные материалы дают достаточное основание для того, чтобы сделать вывод, что руководители германских монополий были хорошо осведомлены об агрессивном характере внешней политики Германии, хорошо знали, что их действия по обеспечению

²⁰⁶ «Trials of War Criminals...», v. VII. p. 901.

²⁰⁷ Там же, стр. 857.

гитлеровского вермахта вооружением и снаряжением имели единственную цель — подготовку агрессивной войны²⁰⁸.

При этих условиях юридическая квалификация их действий может быть только одной — прямой умысел на подготовку и развязывание агрессивной войны ввиду того, что германские монополии: а) сознавали общественно опасный характер своих действий, б) предвидели общественно опасные последствия этих действий, в) желали их наступления.

Руководители германских монополий признали (и не могли не признать), что обеспечивали вермахт всеми видами вооружения, создавали стратегические запасы, сотрудничали вместе с абвером в ведении разведывательной деятельности за рубежом. Единственное, против чего они возражали, — это то, что они были осведомлены о целях внешней политики гитлеровского правительства. Но приведенные выше материалы показывают неосновательность попытки руководителей германских монополий представить себя лишенными всякой информации о подготовке гитлеровской Германией агрессивной войны.

До сих пор мы говорили о роли руководителей германских монополий в подготовке и развязывании агрессивных войн. Но так как такая подготовка, будучи одной из стадий агрессии, может квалифицироваться как самостоятельное и законченное преступление, деятельность руководителей германских монополий, даже если было бы установлено только то, что она ограничилась подготовкой агрессивной войны, была бы самостоятельным составом преступления. Однако доказательства по делам германских монополий с полной очевидностью свидетельствовали о том, что не было ни одного руководителя концерна, который, сделав все возможное для подготовки агрессивных войн, затем не участвовал бы в следующей стадии агрессии — в ведении агрессивной войны.

Тем не менее военные трибуналы западных держав, освободив германские монополии от ответственности за подготовку агрессии, сняли с них и обвинение в соучастии в ведении агрессивных войн.

Кроме того, они прибегли к ссылкам на некоторые положения приговора Международного Военного Трибунала. В данном случае речь шла об оправдании бывшего германского министра вооружений Альберта Шпеера по обвинению в агрессии. Занимая во время войны этот пост, Шпеер координировал деятельность германских военных концернов по обеспечению военной экономики всем необходимым для ведения войны. Обвинительное заключение по делу главных военных преступников требовало признать Шпеера виновным в преступлениях против мира и в военных преступлениях. Но

²⁰⁸ Не случайно руководители «ИГ Фарбениндустри» были озабочены сохранением в тайне своих архивов, которые раскрывали их преступные связи с гитлеровским государством, с вермахтом в области подготовки агрессии. В последние дни войны по указанию руководителей концерна значительная часть его документов была сожжена.

Трибунал не согласился с доводами обвинительного заключения и, давая неправильную квалификацию представленным доказательствам, не признал в действиях Шпеера состава преступления против мира. В приговоре было сказано: «Трибунал придерживается мнения, что деятельность Шпеера не может квалифицироваться как развязывание, планирование или подготовка агрессивных войн или как заговор, предназначенный для этой цели. Он возглавил промышленность вооружения уже много позже того, как войны были начаты и велись. Его деятельность в качестве главы германской промышленности вооружения являлась в той же мере помощью военным усилиям, в какой все другие отрасли промышленности помогали в ведении войны.

Однако Трибунал не намерен считать, что такая деятельность включает в себя участие в общем планировании для ведения агрессивной войны, как это предусмотрено разделом первым, или ведение агрессивной войны, как это предусмотрено в разделе втором обвинительного заключения»²⁰⁹.

Вот на эту формулировку и ссылались военные трибуналы²¹⁰, а один из членов суда по делу «ИГ Фарбениндустри» в своем совпадающем мнении (Concurring Opinion) прямо указал: «Оправдание Шпеера ставит непреодолимые препятствия в деле осуждения этих подсудимых... Я прихожу к выводу, что прецедент по делу Шпеера должен быть применен здесь и что подсудимые не должны быть осуждены за участие в ведении агрессивной войны»²¹¹.

Обвинители на судебных процессах германских монополий выступили против этого довода, однако их выступления, вся их аргументация не может быть признана убедительной, ибо, пытаясь отвергнуть позиции защиты, они сами допустили явную непоследовательность. Они пытались критиковать доводы защиты, но с позиций приговора по делу Шпеера. Поэтому они ссылались на то, что оправдание Шпеера было правомерным, так как он занял свой пост уже во время войны, когда подготовка ко всем войнам уже была завершена и все войны были уже развязаны²¹². Но даже если бы деятельность Шпеера ограничивалась лишь участием его как министра вооружений в ведении войны, то и тогда он подлежал бы ответственности за преступления против мира, ибо как подготовка, так и ведение войны, как стадии агрессии, должны квалифицироваться как самостоятельные составы преступления. Это тем более правильно, если учесть, что Международный Трибунал не оспаривал в своем приговоре того факта, что у Шпеера не было сомнений в агрессивном характере гитлеровских войн.

Он был осужден за преступное использование принудительного труда иностранцев в военной промышленности Германии. И эти

²⁰⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 498—499.

²¹⁰ «Trials of War Criminals...», v. IX, p. 448—449; v. VIII, p. 1101.

²¹¹ Там же, т. VIII, стр. 1306.

²¹² Там же, т. VII, стр. 507.

действия были квалифицированы Трибуналом как военное преступление. Такая квалификация сама по себе не может вызывать возражений, но совершенно очевидно, что она не может быть признана достаточной. Да и сам Шпеер, по существу, признал, что значительное по своим масштабам использование рабского труда имело целью обеспечение бесперебойной работы военной промышленности для ведения войны. Шпеер писал в статье «Увеличение производительности», опубликованной в «Das Reich» 19 апреля 1942 г.: «Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки: карать каторжными работами или смертной казнью. Война должна быть выиграна»²¹³. При такой установке использование рабского труда было одним из средств обеспечения ведения войны.

В последнем слове на Нюрнбергском процессе Шпеер заявил: «Гитлер использовал технику не только в целях господства над германским народом. Ему чуть не удалось благодаря своему техническому преимуществу подчинить себе Европу». И далее, подчеркивая опасность использования новейших достижений техники в военных целях, Шпеер сказал: «Как бывший министр высоко развитой промышленности вооружения, я считаю своим последним долгом заявить. Новая мировая война закончится уничтожением человеческой культуры и цивилизации. Ничто не может задержать развития техники и науки и помешать им завершить свое дело уничтожения людей, которое начато в таких страшных формах во время этой войны»²¹⁴.

Но Шпеер ведь в качестве министра вооружений как раз и предлагал все силы для того, чтобы поставить на службу гитлеровской агрессии германскую промышленность и новейшие достижения. Он как министр вооружений не мог не нести ответственность за политику агрессии, за ведение агрессивной войны. Кстати, он сам это понимал и на вопрос обвинителя о границах его ответственности как члена правительства ответил: «По-моему, в государственной жизни существует два рода ответственности: первый род ответственности — это ответственность за свой собственный сектор, за него, конечно, несешь полную ответственность. Кроме того, я лично придерживаюсь того мнения, что в отношении решающих вопросов существует общая ответственность и должна существовать, поскольку ты являешься одним из руководящих лиц, ибо кто же еще должен нести ответственность за ход событий, если не ближайшие сотрудники главы государства»²¹⁵.

Даже если бы предположить гипотетическую ситуацию, при которой Шпеер, будучи министром и руководя промышленностью вооружений Германии, обходился бы без использования рабского труда и, таким образом, был бы свободен от единственного обвинения, послужившего основанием для его осуждения, то и в этом

²¹³ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 504—505.

²¹⁴ Там же, т. 7, стр. 300—301.

²¹⁵ Там же, т. 5, стр. 502—503.

случае он подлежал бы осуждению за один факт активного участия в ведении агрессивной войны.

Неосновательность оправдания Шпеера по обвинению в ведении агрессивной войны подчеркивается еще и тем, что Международный Трибунал признал виновным и осудил за участие в ведении войны бывшего главнокомандующего военно-морским флотом Германии Деница. Дениц не обвинялся в планировании, подготовке и развязывании агрессивных войн, ему было предъявлено обвинение лишь в соучастии в ведении войны, за что он и был осужден. При этих условиях тем более странным представляется оправдание Шпеера.

Шахт, уже после того как он был оправдан на Нюрнбергском процессе, писал в своих воспоминаниях о причинах освобождения его от ответственности за участие в подготовке гитлеровских агрессивных войн: «Если бы обвинителям удалось добиться моего осуждения на Нюрнбергском процессе, то было бы легко пригвоздить к позорному столбу многих других лидеров германской промышленности... Вот почему обвинение было очень разочаровано, когда я был оправдан: это весьма затруднило возможность представить весь германский финансовый и хозяйственный мир как подлежащий уголовной ответственности за войну»²¹⁶.

«Результатом моего оправдания было то,— заключает Шахт,— что предполагавшиеся процессы против ведущих финансистов и промышленников не были проведены, если они не были непосредственно связаны с совершением военных преступлений»²¹⁷.

Несомненно, что беспокойство за судьбу германских монополистов, тесно связанных в своей деятельности по поддержанию гитлеровского режима с монополиями других западных стран, особенно США, обусловило активность реакционных сил в мире, их стремление не допустить разоблачения германских монополий. Влияние, которое оказали эти силы на западных судей в Международном Военном Трибунале, и определило, видимо, различный подход этих судей и судей от СССР к решению вопроса о судьбе Шахта, которое, в свою очередь, могло повлиять и на формулу осуждения Шпеера.

Таким образом, американские военные трибуналы, рассматривавшие дела по обвинению руководителей германских монополий, незаконно оправдали их по обвинению в подготовке и ведении агрессивных войн гитлеровской Германией.

Следует еще раз отметить позицию, занятую французским оккупационным судом, вынесшим правильное решение и осудившим руководителей концерна Рехлинга за соучастие в ведении агрессивной войны. Но под влиянием, очевидно, тех же реакционных сил, которые способствовали оправданию Шахта в Междуна-

²¹⁶ I. S c h a c h t. Account Settled. London, 1948, p. 231—232.

²¹⁷ Там же, стр. 232.

родном Трибунале и руководителей германских монополий в американских военных трибуналах, высший кассационный суд Франции в 1949 г. изменил приговор по делу Рехлинга и исключил из него обвинение в ведении агрессивной войны, восприняв аргументацию военных трибуналов США ²¹⁸.

4. Субъект преступлений монополий против человечества

Защита на судебных процессах монополий вела самый ожесточенный бой по вопросу об определении субъекта преступлений монополий.

В связи с этим она прибегла прежде всего к тому же доводу, к которому прибегала защита на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. Опять-таки были сделаны попытки доказать ненаказуемость агрессии, ответственность лишь самого государства за деликты. Но когда эти ссылки были отклонены, защита обратилась к ссылке на то, что даже если признать правильным и соответствующим международному праву положение о преступности агрессии, то при всех условиях субъектом такого преступления могут быть лишь государственные деятели, а не частные лица, каковыми являются руководители монополий. При этом защита утверждала, что даже самый скрупулезный анализ Устава и приговора Международного Военного Трибунала не дает оснований считать, что положения этих основополагающих документов распространяются на руководителей монополий.

Выступивший на процессе «ИГ Фарбениндустри» с речью по общеправовым вопросам профессор Волл говорил: «Главное различие, имеющее значение для определения вопроса об ответственности, заключается в том, что на Нюрнбергском процессе речь шла о государственных лидерах или других политических фигурах, занимавших руководящее положение, а здесь речь идет о наказании частных лиц» ²¹⁹.

Международный Военный Трибунал в свое время отверг так называемую доктрину государственного акта, указав в приговоре, что и «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права» ²²⁰. Военные трибуналы, рассматривавшие дела о германских монополиях, полностью согласились с этой позицией Трибунала ²²¹.

²¹⁸ «Trials of War Criminals...», v. XIV, p. 1061.

²¹⁹ Там же, т. VIII, стр. 877.

²²⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 368.

²²¹ Так, Военный трибунал по делу «ИГ Фарбениндустри», процитировав приведенное выше положение из приговора, указал: «Действия правительства и его военных властей определяются отдельными личностями,

Защита монополий на каждом из процессов представила свои меморандумы (в общем идентичные). Основное их содержание сводилось к следующему.

Единственный международноправовой документ, который содержит положение об ответственности руководителей монополий за международные преступления, — это Закон № 10 Контрольного совета в Германии «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности». Но этот закон, изданный в развитие Устава Международного Трибунала, должен, естественно, соответствовать Уставу и не выходить за границы его основных положений. А между тем в том и состоит порочность этого Закона, что он, вопреки Уставу, провозглашает положение об ответственности руководителей монополий, в то время как Устав такой нормы не содержит. Поэтому, как указывалось, например, в меморандуме защиты по делу «ИГ Фарбениндустри», «если имеется различие между условиями закона Контрольного совета и Устава, то последний должен иметь приоритет»²²². Далее говорилось: «Защита пришла к такому выводу, исходя из того, что в Уставе отсутствует положение, которое имеется в Законе № 10 Контрольного совета, а также исходя из того, что в приговоре Международного Трибунала прямо указывается на то, что Трибунал установил возможность привлечения к ответственности за преступления против мира только небольшой группы наиболее близких правительственных и военных советников Гитлера»²²³.

В чем состоит порочность этого довода, который оказался принятым трибуналами, рассматривавшими дела монополий

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо проанализировать соответствующие положения Устава и Закона № 10 Контрольного совета.

Критики нюрнбергских принципов, в частности Книрим, правы, когда ссылаются на то, что впервые вопрос об ответственности руководителей монополий прямо ставится только в Законе № 10. Закон говорит: «Любое лицо, независимо от его национальности и должности, которую оно занимало, считается совершившим преступление, как это определено в параграфе 1 данной статьи»²²⁴, в том случае, если... занимало высокий политический, гражданский или военный (включая генеральный штаб) пост в Германии или

которые осуществляют контроль над ними и которые устанавливают политику, приводящую к подобным действиям. Сказать, что правительство Германии было виновно в ведении агрессивной войны, а не люди, которые входили в правительство и умы которых задумывали план и совершенствовали его исполнение, было бы абсурдом» («Trials of War Criminals...», v. VIII, p. 1167).

²²² «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 477.

²²³ Там же, стр. 478.

²²⁴ § 1 Закона № 10 воспроизводит ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала.

у стран ей союзных, совоюющих или сателлитов или занимало высокие посты в финансовой, промышленной или экономической жизни в любой из этих стран» (§ 2 ст. II).

Действительно, такого указания в Уставе нет. Но значит ли это, что процитированное положение Закона № 10 выходит за пределы рамок ответственности, предусмотренных Уставом, и, таким образом, противоречит ему?

Устав Международного Трибунала в ст. 6 дает характеристику состава преступления против человечества, указывая, что сюда относится агрессия, военные преступления и преступления против человечности.

Характеризуя юрисдикцию Трибунала, Устав не дает определения субъектов ответственности за преступление против человечества, хотя круг субъектов практически был весьма широким. На скамье подсудимых Нюрнбергского процесса оказались и лица, занимающие официальное положение в германском государственном аппарате (Геринг, Риббентроп), и крупные функционеры национал-социалистской партии (Гесс и Борман), и военные деятели (Кейтель и Иодль), и лица, никакого официального положения не занимавшие, т. е. в сущности частные лица (Штрейхер).

Решение вопроса о круге субъектов этого преступления было предоставлено обвинительной власти и самому Международному Трибуналу. Разрабатывая положения Устава, авторы его исходили не из абстрактных понятий, а из опыта военных преступлений второй мировой войны. Вводя в состав ст. 6. Устава такие преступления, как использование рабского труда, они не могли не иметь в виду монополии, ибо именно монополии были главными исполнителями этого преступления.

Довод защиты на судебных процессах монополий сводился к тому, что четыре державы, подписав Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. и сделав Устав частью этого Соглашения, тем самым «исчерпали свою законодательную власть» в отношении определения порядка привлечения к уголовной ответственности немецких военных преступников²²⁵. Но и этот довод порочен, ибо ни в одном документе четырех держав не содержалось ограничения, в силу которого авторы Соглашения, приняв Устав, лишили возможности Контрольный совет в Германии принимать акты в развитие Устава, в частности в смысле определения субъектов ответственности за преступления против человечества. Само Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. рассматривает Контрольный совет в Германии как имеющий независимые полномочия в этой области. Так, ст. 1 Соглашения устанавливает: «Учредить после консультации с Контрольным советом в Германии Международный Военный Трибунал для суда над военными преступниками...»²²⁶

²²⁵ «Trials of War Criminals...», v. VII, p. 522.

²²⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 64.

Но есть еще и более точное и исчерпывающее доказательство того, что авторы Устава имели в виду включить в состав субъектов ответственности за преступления против человечества руководителей монополий. Это — текст обвинительного заключения, который, как указывается в нем, составлен «в соответствии с Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г. и Уставом Трибунала»²²⁷.

Обвинительное заключение по делу главных военных преступников второй мировой войны наряду с государственными и военными деятелями гитлеровской Германии включало в качестве обвиняемого крупнейшего германского монополиста Густава Круппа фон Болен, давая точно очерченную формулу его ответственности за преступления гитлеровской Германии. «Обвиняемый Крупп, — говорится в обвинительном заключении, — в период с 1932 по 1945 г. был главой концерна „Фридрих Крупп“, членом главного экономического совета, президентом имперского объединения германской промышленности, возглавлял группу горнорудной и металлургической промышленности имперского министерства хозяйства. Обвиняемый Крупп использовал вышеуказанные посты, свое личное влияние и связь с фюрером таким образом, что он способствовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией, что указано в разделе первом обвинительного акта; он способствовал подготовке войны, указанной в разделе первом обвинительного акта; он участвовал в военном и экономическом планировании и в подготовке нацистскими заговорщиками агрессивных войн и войн, нарушающих международные договоры, соглашения и заверения... он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях... и преступлениях против человечности..., включая в особенности эксплуатацию и преступное использование людей на работе для ведения агрессивных войн»²²⁸.

В числе главных немецких военных преступников из всех крупнейших германских монополистов оказался лишь один Густав Крупп. Означает ли это, что тем самым обвинительная власть из всех германских монополистов сочла виновным лишь одного Круппа? Конечно, нет. Как уже говорилось, скамья подсудимых в Нюрнберге формировалась по принципу «представительства» от различных звеньев многообразного механизма гитлеровской агрессивной политики. На одну скамью подсудимых нельзя было посадить всех главных немецких военных преступников. Лица, преданные суду Международного Трибунала, составляли первый список главных немецких военных преступников. Поэтому обвинительная власть сочла, например, для данного процесса более приемлемой фигуру Штрейхера, нежели фигуру гитлеровского министра финансов Шверина фон Крозига, хотя роль его в механизме нацистского государства была неизмеримо большей, нежели роль Штрейхера. Но в данном случае важно было, чтобы на скамье под-

²²⁷ Там же, стр. 102.

²²⁸ Там же, стр. 150—151.

судимых были представлены и лица, ответственные за ведение фашистской пропаганды. Когда было решено, что нюрнбергский список подсудимых должен включать и представителей монополий, обвинительная власть остановилась на Густаве Круппе, как наиболее колоритной и обобщающей фигуре германского монополистического капитала.

«Все обвиняемые,— подчеркивается в обвинительном заключении,— совместно с другими лицами в течение нескольких лет, предшествовавших 8 мая 1945 г., являлись руководителями, организаторами, подстрекателями и соучастниками создания и осуществления общего плана или заговора для совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, как они определяются в Уставе данного Трибунала, и в соответствии с положениями Устава несут индивидуально ответственность за свои собственные действия и за все действия, совершенные любым лицом для осуществления такого плана или заговора»²²⁹.

В этом положении указывается, что подсудимые несут индивидуальную ответственность «совместно с другими лицами», т. е. как раз с теми, которых имелось в виду судить на дальнейших процессах.

То, что авторы обвинительного заключения не думали ограничивать список ответственных за войну монополистов одним лишь Круппом, видно также из следующего. В обвинительном заключении имеется раздел, озаглавленный «Установление тотального контроля над Германией; экономический контроль, экономическое планирование и мобилизация для ведения агрессивной войны». Именно в этом разделе характеризуются «организации немецких предпринимателей как инструмент экономической мобилизации для ведения войны»²³⁰. Здесь же констатируется, что «нацистские заговорщики и, в особенности, промышленники, приступили к осуществлению огромной программы перевооружения и начали производить огромное количество военных материалов и создавать мощный военный потенциал»²³¹.

Обвинительное заключение указывает далее, что программа террора, рабства и грабежа была превращена в инструмент личной наживы и обогащения. «Они (нацисты.— А. П.) обеспечили для себя и своих приверженцев: а) такие руководящие посты в управлении хозяйственной жизни (оккупированных территорий.— А. П.), которые давали им власть, влияние и доходы; б) использование дешевой рабочей силы; в) приобретение на выгодных условиях иностранной собственности, торговых интересов и сырья; г) базу для промышленного превосходства Германии»²³².

²²⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 102—103.

²³⁰ Там же, стр. 108—109.

²³¹ Там же, стр. 109.

²³² Там же, стр. 131.

Трудно спорить против того, что в данном случае дается четкая формулировка ответственности главным образом германских монополий, монополий в целом.

Таким образом, включение в список обвиняемых лишь одного Круппа вовсе не означало, что ответственность за агрессию и военные преступления будет нести лишь он один.

Но нюрнбергские критики ссылаются и на то, что, несмотря на наличие Круппа в списке обвиняемых, приговор Международного Военного Трибунала не содержит ни одного монополиста в качестве осужденного и что из ряда других положений этого приговора следует, что Трибунал не признал деятельность германских монополий преступной.

Действительно, среди лиц, осужденных Международным Военным Трибуналом, Круппа не было. Но это вовсе не свидетельствует об отказе Трибунала судить руководителей германских монополий.

Из материалов процесса главных военных преступников видно, что к моменту начала суда Густав Крупп тяжело заболел и по заключению компетентной медицинской комиссии не мог предстать перед судом²³³. Ввиду этого Международный Трибунал удовлетворил ходатайство защитника Круппа об отсрочке процесса против него. «Трибунал решил: ходатайство об отсрочке удовлетворить. Кроме того, Трибунал решил, что обвинения против Густава Круппа фон Болен, изложенные в обвинительном заключении, остаются в силе и дело о нем будет рассмотрено Трибуналом в дальнейшем, если физическое и умственное состояние обвиняемого это позволит»²³⁴.

Таким образом, не было высказано никаких сомнений в отношении достоверности предъявленных Круппу обвинений.

Вопрос об ответственности руководителей этого крупнейшего концерна войны действительно дискутировался на Нюрнбергском процессе. Но речь шла не о том, следует или не следует привлекать монополии к ответственности за международные преступления, а о том, следует ли судить Круппа заочно, или заменить его сыном Альфредом Круппом, который уже с 1943 г. был не только фактическим, но и номинальным владельцем концерна, или, наконец, ввиду тяжелой и неизлечимой болезни прекратить дело Круппа. Ни один из этих возможных вариантов не предусматривал признания Круппа невиновным по существу предъявленных обвинений.

Среди участников Нюрнбергского процесса были и некоторые из тех, кто лично участвовал в разработке Устава Международного Военного Трибунала, представляя на Лондонской конференции соответствующие правительства союзных стран — СССР, США, Ве-

²³³ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 178—179.

²³⁴ Там же, стр. 179.

ликобритании, Франции. В частности, главный обвинитель от США Роберт Джексон был главным американским делегатом на этой конференции, активно участвовал в разработке Устава и подписал его от имени правительства США.

Выступая по поводу ходатайства защитника Круппа, возражавшего против заочного рассмотрения дела и требовавшего его прекращения из-за болезни подсудимого, Джексон заявил: «Общественные интересы, которые превышают всякие личные соображения, требуют, чтобы Крупп фон Болен не был освобожден от суда, если только кто-нибудь другой, представляющий интересы Круппа в военной промышленности, не будет его заменять»²³⁵.

Раскрывая смысл «общественных интересов», Джексон говорил: «Четыре поколения семьи Круппа владели и руководили огромными военными заводами, которые были основным источником снабжения Германии во время войны.

Более чем 130 лет эта семья была символом самых зловещих сил, угрожавших миру в Европе... Крупп фон Болен (а также Альфред Крупп) отдал свое имя, престиж и финансовую поддержку, чтобы привести к власти нацистскую партию в немецком государстве с откровенной программой возобновления войны... Оба Круппа, Альфред и Густав фон Болен, как только началась война, за которую они были непосредственно ответственны, привели германскую промышленность к нарушению договоров и международного права, используя принудительный труд людей, увезенных из стран, оккупированных Германией, и вынуждая военнопленных работать на военных заводах, продукция которых затем использовалась против их же стран»²³⁶.

Проанализировав в целом материалы обвинения против германских монополий, Джексон заявил: «Позиция США все время была такова, что крупные промышленники Германии виновны в преступлениях, изложенных в обвинительном заключении, столь же, сколько и ее политические деятели, дипломаты и солдаты»²³⁷.

В заключение следует привести еще два положения из заявления Джексона:

«Соединенные Штаты позволяют заметить, что трудно нанести

²³⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 170.

Роберт Джексон провел большую и плодотворную работу на Нюрнбергском процессе по разоблачению нацистских преступников. Активная деятельность Джексона вызвала ожесточенные нападки американской реакционной печати, которая обвиняла его в «подрыве уважаемых традиций» в международных отношениях, понимая под этими традициями ненаказуемость агрессии и агрессоров. Впоследствии под влиянием этой критики и духа холодной войны, под давлением реакции Джексон несколько отошел от своей позиции, но следует признать, что на Нюрнбергском процессе он тесно сотрудничал с советскими обвинителями в разоблачении фашизма и фашистских преступников.

²³⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 170—173.

²³⁷ Там же, стр. 174.

большой ущерб будущему миру во всем мире, чем то, к чему приведет исключение всей семьи Круппа и его военных предприятий из этого процесса, в котором должна быть осуждена агрессивная война.

„Интересы правосудия“ не будут соблюдены, если не принять во внимание интересы людей четырех поколений, чьи жизни были отняты оружием Круппа или же находились под его угрозой, а также интересов народов будущего, которые не могут чувствовать себя в безопасности, если Крупп и ему подобные не будут осуждены на таком процессе»²³⁸.

Изложенное дает основание сделать следующие выводы:

1. С точки зрения составителей Устава Международного Трибунала, привлечение к ответственности руководителей монополий не только не противоречит Уставу, но, напротив, исключение их из числа субъектов ответственности за преступление против человечества означало бы нарушение интересов правосудия.

2. Руководители германских монополий в случае установления факта виновности должны нести ответственность за международные преступления в полном объеме, в том числе за агрессию.

3. Хотя в обвинительном заключении указан лишь один Крупп, составители Устава имели в виду ответственность руководителей монополий в принципе.

Позиция Джексона должна была быть тем более авторитетной для военных трибуналов США, рассматривавших дела по обвинению руководителей германских монополий, что он, Джексон, выразил ее от имени правительства США, и тем более существенной, что данная им интерпретация Устава в сущности была аутентичной.

Выдвинутые Джексоном и поддержанные советским, английским и французским обвинителями доводы о возможности привлечения руководителей германских монополий к ответственности не подвергались оспариванию со стороны защиты по существу. Спор возник лишь в связи с болезнью Круппа и намерением обвинителей заменить в качестве подсудимого Густава Круппа Альфредом Круппом.

Можно спорить с Международным Трибуналом по поводу его отказа произвести такую замену (с соблюдением всех процессуальных гарантий для нового подсудимого), но в данном случае нас больше должно интересовать другое — нашел ли вопрос об ответственности монополий за преступления против человечества свое отражение в приговоре?

Хотя в числе подсудимых не осталось представителей германских монополий и Международный Трибунал, таким образом, был свободен от необходимости раскрывать их роль в совершенных гитлеровской Германией преступлениях, тем не менее сама логика

²³⁸ Там же, стр. 175

исторических событий, логика изложения доказательств, органическая связь между деятельностью монополий и гитлеровского государственного аппарата в лице конкретных подсудимых сделала необходимым и даже неизбежным указание в приговоре Международного Военного Трибунала на роль германских монополий.

Прежде всего Международный Трибунал отметил роль монополий в захвате Гитлером власти в Германии. Обрисовав крайне напряженное положение в стране в конце 1932 г., тяжкое поражение национал-социалистической партии на выборах, Трибунал подчеркнул, что в этот решающий момент борьбы за власть именно германские монополии оказали решительную поддержку Гитлеру: «В ноябре 1932 г. руководящими промышленниками и финансистами была подписана и представлена президенту фон Гинденбургу петиция, призывавшая его доверить канцлерство Гитлеру...»²³⁹. Приговор сослался также на то, что в этих целях Шахт собрал подписи крупнейших монополистов под этой петицией, и на то, что дальнейшие переговоры о передаче власти Гитлеру велись при посредстве крупнейшего кельнского банкира фон Шредера.

В разделе «Мероприятия по перевооружению» Трибунал, указав, что в стране проводилась подготовка экономики к войне, установил: «При этой реорганизации экономической жизни Германии для военных целей нацистское правительство встретило со стороны германской промышленности вооружения полное желание сотрудничать и сыграть свою роль в программе перевооружения. В апреле 1933 г. Густав Крупп фон Болен от имени имперской ассоциации германских промышленников представил Гитлеру план реорганизации германской промышленности, который, как он заявил, характеризовался желанием координировать экономические меры с политической необходимостью»²⁴⁰.

Международный Трибунал записал в приговоре: «Один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в сотрудничестве со стороны государственных деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он создал. Их нельзя считать невинными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что делали»²⁴¹.

Таким образом, после всего изложенного становится совершенно очевидной порочность ссылки на то, что Устав и приговор якобы не содержат указаний на возможность привлечения руководителей германских монополий к ответственности за преступления против человечества.

Общепризнанным в уголовном праве считается, что субъектом преступления может быть только физическое лицо — человек — и

²³⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 316.

²⁴⁰ Там же, стр. 323—324.

²⁴¹ Там же, стр. 372.

не могут быть субъектами преступления юридические лица. Еще в римском праве господствовал принцип «societas delinquere non potest» (юридические лица совершать преступления не могут). «Совершенное от имени юридического лица то или иное преступление, — пишет А. А. Пионтковский, — не делает его субъектом преступления. Юридическое лицо не может нести уголовную ответственность за совершенное деяние. Субъектом преступления и здесь остаются те физические лица, которые его фактически совершили»²⁴².

Определение субъекта преступлений монополий против человечества прежде всего наталкивается на трудности, связанные со структурой современных монополий. Как правило, эти монополии строятся на акционерной основе и кроме определенной группы лиц, обладающих контрольным пакетом акций, имеется более значительное число акционеров, которые, владея самыми мизерными вкладами в общий акционерный капитал, в сущности лишены какой бы то ни было возможности влиять на деятельность монополий в целом.

При этих условиях формальный подход к определению субъектов ответственности привел бы к тому, что в их числе оказались бы наряду с подлинными руководителями монополий и многие тысячи мелких держателей акций.

Собственно, за это и цеплялась защита монополий, которая всячески пыталась представить дело таким образом, что в результате судебных процессов над монополиями уголовная репрессия настигнет многие десятки тысяч людей. Пытаясь создать впечатление массовости репрессии и ссылаясь на то, что иного подхода, нежели тот, в результате которого будут привлечены к ответственности все лица, являющиеся акционерами монополий, не может быть, защита стремилась и вовсе сорвать возможность наказания виновных монополистов.

Как же может быть устранена эта трудность?

Известно, что по законодательству многих стран, и в том числе по советскому уголовному законодательству, по ряду преступлений, предусмотренных особенной частью уголовных кодексов, субъектом преступления может быть не любое вменяемое лицо, а лишь такое, которое обладает строго определенными качествами, и только эти качества дают основание для привлечения к уголовной ответственности. Таким образом, речь идет об общепринятом в уголовном праве понятии специального субъекта.

В советском уголовном законодательстве предусматривается, например, что субъектом должностного преступления может быть лишь должностное лицо. Так, в ст. 170 УК РСФСР говорится: «Злоупотребление властью или служебным положением, т. е. умышленное использование должностным лицом своего слу-

²⁴² А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 244.

жебного положения вопреки интересам службы...» Законодатель счел необходимым в примечании к этой статье разъяснить, что речь идет в ней именно о специальном субъекте: «Под должностными лицами в статьях настоящей главы понимаются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности...»

Еще одним примером, когда советский уголовный закон допускает привлечение к ответственности за совершенно определенные преступления лишь лиц, обладающих специфическими качествами, могут служить воинские преступления. Субъектом воинского преступления могут быть лишь военнослужащие, военнообязанные во время прохождения ими учебных сборов, лица офицерского, сержантского и рядового состава органов государственной безопасности, а также лица, в отношении которых имеется специальное указание в законодательстве СССР.

И по ряду других преступлений советский уголовный закон устанавливает, что субъектом этих преступлений может быть не любое вменяемое лицо, а лишь такое, которое обладает определенными качествами.

Положения о специальном субъекте должны быть применены и к порядку определения субъекта преступлений монополий против человечества.

Говоря о конкретной монополии, нужно учитывать, влияла ли она на формирование политики государства и на ее реализацию. Мы видели, что такие монополии, как «ИГ Фарбениндустри», Круппа, Флика, Рехлинга, имели огромное влияние на гитлеровское государство и вместе с другими крупными монополиями обеспечили приход к власти нацизма, сыграли решающую роль в экономической подготовке гитлеровской агрессии. Надо учитывать, что ни одна монополия, ни один ее представитель не могли совершить преступлений против человечества без соучастия гитлеровского государства, его определенных органов. Поэтому выяснение роли монополий в общем процессе формирования агрессивной политики государства должно способствовать правильному определению субъектов ответственности преступлений этих монополий.

Но главное заключается в том, чтобы установить, кто из числа владельцев монополий может быть субъектом преступлений. Поскольку преступления совершаются от имени монополий, здесь важнейшим критерием является определение способности того или иного лица влиять на политику монополии в целом, участвовать в формировании воли ее руководящих органов.

Каждая монополия имеет свои руководящие органы. Это прежде всего правление (Vorstand). Опыт судебных процессов над германскими монополиями показал, что наиболее тяжкие преступления совершались по указанию именно руководящих органов,

Но значит ли это, что субъектом преступлений монополий могут быть лишь их совладельцы? Опыт тех же судебных процессов показал, что нередко активными соучастниками таких преступлений были и лица, не являвшиеся совладельцами монополий, а состоявшие на службе в их руководящих органах. И данные лица могут и должны определяться как субъекты преступлений монополий.

Разумеется, нельзя заранее установить точную «табель о рангах», в которой содержался бы перечень субъектов преступлений монополий. Как во внутригосударственном уголовном законодательстве, так и в международном праве не всегда дается такой перечень. Этот вопрос должен решаться в каждом конкретном случае, но исходя из общих установок о специальном субъекте в уголовном праве с учетом того, что критерием для определения такого субъекта является способность оказывать влияние на формирование политики монополий и действительное участие в этом. Конкретное же решение в каждом судебном деле вопроса о том, должен ли тот или иной представитель монополий быть признан субъектом данного преступления и нести за него ответственность, — это уже вопрос скорее факта, чем права, и решаться он должен судом.

Но теория специального субъекта была широко использована критиками нюрнбергских принципов при их утверждении, что, поскольку субъектом международного права является государство, то и субъектом ответственности за преступления против человечества может быть лишь само государство. Потерпев поражение, эти критики выдвинули «запасную» теорию, которая заключалась в том, что даже если признать возможность привлечения физических лиц к ответственности за международные преступления, то и в этом случае речь может идти лишь о лицах, занимающих государственные или военные посты. Таким образом, защитники гитлеровских военных преступников на этот раз сделали попытку при помощи теории специального субъекта освободить от ответственности руководителей германских монополий.

Но и эта позиция юридически порочна. Даже в тех преступлениях, где законодатель предусматривает специальные субъекты, возможно соучастие лиц, не обладающих качествами такого субъекта. Например, воинские преступления. Здесь специальным субъектом является военнослужащий. Но нередко соучастниками в совершении воинских преступлений могут быть и гражданские лица. В этом случае соучастие носит ограниченный характер: исполнитель преступления военнослужащий, а гражданские лица выступают в роли подстрекателей, пособников и в отдельных случаях организаторов²⁴³.

²⁴³ Подробнее об этом см. В. М. Ч х и к в а д з е. Советское военно-уголовное право. Госюриздат, 1948, стр. 214.

Даже если встать на позицию защитников монополий и признать единственным субъектом международных преступлений государственных и военных деятелей, то и в этом случае нет оснований для освобождения от ответственности руководителей монополий. Известно, что не было ни одного преступления, инкриминированного руководителям монополий, которое одновременно не инкриминировалось бы государственным или военным деятелям Германии. Следовательно, при всех условиях руководители монополий становятся соучастниками в преступлениях лиц, которые, даже с точки зрения защиты монополий, обладают качествами специального субъекта и должны поэтому вместе с ними нести уголовную ответственность по правилам соучастия.

Наконец, при определении понятия субъекта ответственности за преступления монополий необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство, а именно то, что руководители германских монополий постепенно захватывали в свои руки важнейшие посты в государственном аппарате гитлеровской Германии и поэтому зачастую действовали в двух лицах — и как официальные представители государства, и как неофициальные представители монополий. Нужно учитывать и то, что в ходе войны германские кондёрны становились органами военной мобилизации экономики как внутри Германии, так и на оккупированной территории и фактически наделялись правами государственных органов. Такое сращивание государственного аппарата гитлеровской Германии с аппаратом германских монополий тем более облегчает определение субъектов ответственности за преступления монополий.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что с точки зрения общепризнанных норм международного и уголовного права руководители империалистических монополий должны нести уголовную ответственность за совершение международных преступлений по тем же принципам, что и государственные и военные деятели воюющего государства.

ВОПРОСЫ СОУЧАСТИЯ В УСТАВЕ И ПРИГОВОРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

1. Заговор

Вопросы соучастия в международных преступлениях рассматривались в Уставе в связи с обвинением в заговоре и деятельностью преступных организаций гитлеровской Германии.

Понятие «заговор» фигурирует в ст. 6 Устава, где описывается состав преступлений против человечества. Согласно ст. 6, к этим преступлениям, подлежащим юрисдикции Трибунала и влекущим за собой индивидуальную ответственность, относятся преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Как указывается в ст. 6, руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана.

Проблема соучастия — одна из сложных проблем в теории уголовного права.

А. А. Пионтковский различает следующие формы соучастия: а) соучастие без предварительного соглашения, б) соучастие с предварительным соглашением, которое может быть простым соучастием с предварительным соглашением, организованной группой и преступной организацией или бандой. Наиболее распространенный вид соучастия — соучастие с предварительным соглашением — может выражаться в различных формах: соучастие,

связанное с простым сговором относительно места, времени или способа совершения преступления; соучастие, связанное с предварительным, более детальным сговором, придающим соучастникам характер организованной группы, и, наконец, устойчивая преступная организация с детальным разделением ролей, ставящая себе задачей совершение одного или нескольких преступлений²⁴⁴.

А. Н. Трайнин различает наряду с соучастием простым и квалифицированным соучастием особого рода — «*sui generis*», т. е. «соучастие в форме участия в преступном объединении», и именно эту форму он считает характерной для международных преступлений²⁴⁵.

Своеобразие и особая природа соучастия в международном преступлении против человечества заключается в том, что оно предполагает сплоченный и длительный заговор руководителей агрессивного государства, огромные масштабы преступной деятельности, большое ее развитие в пространстве и во времени, мобилизацию для целей заговора всего механизма государственной власти. Характеризуя нацистский заговор, уместно сослаться на заявление Гитлера на совещании 23 ноября 1939 г., в котором он в следующих словах резюмировал события целого периода подготовки агрессии: «Я должен был перестроить все, начиная с народных масс и кончая вооруженными силами. Прежде всего, внутренняя перестройка — искоренение очагов разложения и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я начал одновременно осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Выход из Лиги Наций и уход с конференции по разоружению... После этого приказ о перевооружении... В 1935 г. введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской зоны»²⁴⁶. Хорошо известно, что последовало за этим.

Это заявление Гитлера лишь в самой незначительной мере раскрывает многосторонний процесс создания и реализации целей нацистского заговора. Для его разработки и осуществления требовались усилия самых разнообразных звеньев механизма государственной власти. Здесь — и чисто политическое планирование, осуществлявшееся имперским правительством, и военнопостратегическое планирование, в которое был втянут германский генеральный штаб, и экономическая подготовка агрессии, прово-

²⁴⁴ А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1961, стр. 563—564. См. также М. И. Ковалев. Соучастие в преступлении, ч. II. Свердловск, 1962, стр. 210; П. И. Гришаев, Г. А. Кригер. Соучастие по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1959, стр. 56.

²⁴⁵ А. Н. Трайнин. Правовые проблемы Нюрнбергского процесса. «Советское государство и право», 1947, № 3, стр. 15.

²⁴⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 70.

дившаяся министерствами финансов, экономики, рейхсбанком, крупнейшими монополиями страны. Здесь — и самая разветвленная разведывательная деятельность, в которую также втягивались различные государственные органы и аппарат монополий. Заговор не мог быть разработан и тем более осуществлен без активного соучастия нацистской дипломатии, целью которой было создать наиболее благоприятные условия для реализации гитлеровских агрессивных планов. Одним словом, нацистский заговор должен был втянуть огромное количество людей, многолетнее и тесное соучастие которых в преступном объединении являлось необходимейшим условием существования и реализации заговора. Нет надобности говорить о том, сколь сложны взаимоотношения внутри такого заговора и как этот заговор по сути своей отличается от обычного заговора в условиях национального права.

Вот почему более чем неосновательной была попытка защиты подорвать обвинение в заговоре путем ссылки на то, что германскому праву не известна концепция заговора в той форме, в какой она изложена обвинением в Международном Военном Трибунале²⁴⁷.

Стремясь подорвать обвинение в заговоре, защита утверждала, что вообще невозможен заговор в государстве, которым руководит диктатор.

«Соглашение означает, — заявила защита, — открыто высказанное или молчаливое согласие. Если несколько человек, независимо друг от друга, преследуют одну и ту же цель, то это не является заговором. Таким образом, недостаточно, что у них у всех единый план, они должны быть осведомлены об этой общности плана, и каждый из них должен добровольно признать этот план своим... Тот, кого заставляют принимать участие в заговоре, не является заговорщиком, так как насилие исключает возможность соглашения, оно может лишь привести к внешней готовности оказывать помощь. Таким образом, если кто-либо навязывает другому свою волю, то это не заговор. Вот почему заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Диктатор не вступает в заговор с исполнителями своей воли, он не заключает соглашения с ними, он диктует, а участники подчиняются»²⁴⁸.

Гарантией реальности власти одного человека, утверждала защита, являлось то, что он целиком и полностью опирался на поддержку германского народа: «За его спиной стояли колоссальные массы германского народа, которые солидаризовались с его призывами, подчинялись его влиянию»²⁴⁹. Отсюда делался вывод: скамья подсудимых должна быть переформирована так,

²⁴⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 585.

²⁴⁸ Там же, стр. 586.

²⁴⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 31, стр. 14967.

чтобы первый ее ряд занял германский народ, второй — Гитлер и лишь третий — подсудимые.

Вряд ли требует серьезного опровержения довод насчет немецкого народа. Если бы дело обстояло так, как это пытались изобразить защитники нацизма, то Гитлеру не потребовалось бы в первые же дни прихода нацистского режима к власти создавать гестапо, концлагеря и другие орудия насилия, при помощи которых он вынудил большинство германского народа терпеть фашизм в стране.

Но дело не только в этом. Многочисленными материалами Нюрнбергского процесса было установлено, что нацистская клика организовалась и добилась полного согласия в осуществлении своей политики именно благодаря тому, что эта политика соответствовала взглядам и интересам каждого из участников заговора. Ни один подсудимый на процессе не утверждал, что он слепо подчинялся Гитлеру. Обвинитель спросил Геринга: «Вы с самого начала вместе с теми, которые сотрудничали с вами, намеревались свергнуть и затем действительно свергли Веймарскую республику?» И Геринг ответил: «Что касается лично меня, то это было моим твердым решением». В ответ на вопрос о ликвидации демократии в стране Геринг сказал: «Мы считали необходимым не допускать в дальнейшем существования оппозиций»²⁵⁰. Франк, полагая, что каждый подсудимый виновен, заявил: «Мы и сейчас, как никогда ранее, несем большую духовную ответственность». И далее, говоря о тягчайших преступлениях нацизма, подчеркнул: «Поэтому я хотел бы, чтобы наш народ пошел по другому пути, не по тому, по которому мы вели его с Гитлером»²⁵¹. Зейсс-Инкварт, говоря о своем преступном сотрудничестве с Гитлером, закончил свое последнее слово следующим заявлением: «Я не могу кричать сегодня: „Распните его!“ после того, как еще вчера я провозглашал ему осанну»²⁵².

Допрошенный в Нюрнберге в качестве свидетеля бывший начальник имперской канцелярии Ламмерс, раскрывая более чем достаточную независимость нацистских министров, напомнил свои слова, сказанные еще в 1938 г. Тогда он заявил, что «не имеет места излишняя и не вызванная необходимостью централизация административных функций в руках фюрера в области управления государством. Полномочия подчиненных руководителей исключают вмешательство в те приказы, которые они издают. Фюрер придерживается этого принципа в государственном руководстве таким образом, что, например, положение имперских министров практически гораздо более независимо сегодня, чем оно было прежде... Готовность нести ответственность, умение

²⁵⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 5, стр. 15.

²⁵¹ Там же, т. 7, стр. 280.

²⁵² Там же, стр. 299.

принимать решения, наступательная энергия и подлинная авторитетность — вот каких качеств прежде всего требует фюрер от подчиненных ему руководителей. Поэтому он предоставляет им величайшую свободу для исполнения их задач...»²⁵³.

Один из наиболее близких Гитлеру министров, Шпеер, вынужден был признать: «Даже в тоталитарном государстве должна существовать тотальная ответственность... Невозможно после катастрофы избежать этой тотальной ответственности. Если бы война была выиграна, руководители также взяли бы на себя полную ответственность за это»²⁵⁴.

Так, сами подсудимые оказались вынужденными нанести удар по концепции защиты.

Но ссылка на то, что заговор невозможен в условиях диктатуры, была не единственной, к которой прибегала защита. Еще одним «доказательством» отсутствия заговора была ссылка на то, что между подсудимыми и Гитлером существовали серьезные расхождения. Штамер заявил на процессе: «Если бы тогда (в 1939 г.— А. П.) действительно существовал заговор для ведения агрессивной войны, то он (Геринг.— А. П.) был бы вторым человеком в этом заговоре. Здесь же следует сказать, что как раз он в последние дни августа напрягал все усилия, для того чтобы предотвратить нападение на Польшу. Больше того, он за спиной Гитлера прилагал все старания к тому, чтобы сохранить мир. Как это может быть совместимо с заговором для ведения агрессивных войн? Он был также не согласен с ведением войны против России и всячески отговаривал фюрера»²⁵⁵.

Таких ссылок было немало на Нюрнбергском процессе. Но они били мимо цели. Геринг действительно в августе 1939 г. вел неофициальные переговоры с английскими министрами, но единственная цель их заключалась в том, чтобы добиться захвата Польши «мирным путем» на основе мюнхенских рецептов. Геринг тогда предложил созвать европейскую «четверку» — Англию, Францию, Германию и Италию, для того чтобы оказать на Польшу такой же нажим, какой был организован в 1938 г. в отношении Чехословакии. Геринг действительно, когда Гитлер объявил о своем плане подготовки нападения на СССР, выступил за... отсрочку начала войны, пока не будет закончена война с Англией. И Геринг был достаточно искренен, когда он заявил на процессе: «Я настоятельно и убедительно просил его (Гитлера.— А. П.) в этот момент или в ближайшее время не начинать войну с Россией, и не потому, что я имел в виду соображения международного права или другие соображения, а потому, что я исходил исключительно из политической и военной обстановки»²⁵⁶.

²⁵³ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 56.

²⁵⁴ Там же, стр. 57.

²⁵⁵ Там же, т. 5, стр. 588—589.

²⁵⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 15, стр. 6592.

То, что Геринг вовсе не возражал в принципе против агрессивного нападения на СССР, видно из следующих его слов на процессе: «Таковы соображения, выдвигавшиеся мною относительно отсрочки момента выступления»²⁵⁷.

В дополнение к этому можно было бы привести много фактов, свидетельствовавших о внутренних конфликтах между участниками гитлеровской клики, но именно о таких частных персональных конфликтах, которые ни в какой мере не говорили бы о противоречиях между ними по вопросу об основных целях заговора. Короче говоря, конфликты касались главным образом не целей, а выбора тех или иных средств для осуществления заговора. Совершенно справедливо отмечал А. Н. Трайнин: «Когда управление государством захватывается кликой заговорщиков и весь государственный аппарат мобилизуется на службу преступным целям этой клики, то, разумеется, нити и рычаги, связывающие членов подобной банды, весьма сложны. Здесь густая и тонкая сеть взаимоотношений и конфликтов. Здесь в рамках единой банды Геринг может плести интригу против Бормана, а Розенберг — против Коха. Здесь Ширах может не знать об отдельных мероприятиях работорговца Заукеля или погромщика Штрейхера, но банда вследствие этого не перестает быть бандой и заговор — заговором, ибо вся деятельность всех правителей фашистской Германии была направлена к единой и общей, каждому из них хорошо известной цели»²⁵⁸.

Развивая свою концепцию о том, что в условиях диктатуры невозможен заговор, защита выдвинула теорию «непроницаемых перегоородок». Суть ее заключалась в том, что между различными составными частями нацистского государства существовали только такие связи, при которых полную картину могло себе составить лишь лицо, находящееся на самом верху иерархической лестницы, т. е. Гитлер. Следовательно, опять-таки это свидетельствует о невозможности заговора²⁵⁹.

Но и эта теория терпит крах при ближайшем рассмотрении. Действительно, подготовка войны в любом агрессивном государстве проводится в секретном порядке, и руководители одного учреждения зачастую могут не знать, что делает другое учреждение в целях подготовки войны. Но сама подготовка современной войны исключает так называемые непроницаемые перегоородки.

Нюрнбергский процесс как раз показал, что при подготовке гитлеровской агрессии потребовалась самая широкая координация деятельности различных органов нацистского государства.

ОКВ не могло готовиться к войне, не получая от рейхсбанка необходимых средств, характер и размеры которых, как признал

²⁵⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 15, стр. 6592.

²⁵⁸ А. Н. Трайнин. Указ. статья. «Советское государство и право», 1947, № 3, стр. 18.

²⁵⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 171—172.

Советские обвинители в зале суда

**Судьи Международного Военного Трибунала
в закрытом заседании**

Шахт, показали, что ведется подготовка именно агрессивной войны. Министерство экономики и аппарат генерального уполномоченного по четырехлетнему плану обеспечивали все формы экономической подготовки агрессии, для чего им необходим был тесный контакт как с германским генштабом, так и с крупнейшими монополиями. И вся эта координация касается отнюдь не только подготовки и осуществления агрессии, но и военных преступлений. Достаточно напомнить, например, о координации в организации принудительного труда. В эту деятельность были втянуты и аппарат генерального уполномоченного по набору рабочей силы, и аппарат гаулейтеров, и министерство вооружений, для которого и организовывался угон населения, и ведомство полиции СС, без которого этот угон был бы невозможен, и германское верховное командование, которое на оккупированных территориях оказывало содействие в массовом угоне населения в Германию.

Хорошо известно, что в концлагерях производились преступные опыты над военнопленными, в результате которых погибло много людей. Опыты эти проводились организацией СС. Но на Нюрнбергском процессе было установлено, что именно министерство финансов официально субсидировало эти опыты. Уничтожение миллионов людей в лагерях сопровождалось их циничным ограблением. Но все ценности, изъятые у казненных, официально сдавались в рейхсбанк, где некоторое время хранились, а потом столь же официально реализовывались банком через ломбарды и комиссионные магазины.

Еще до начала агрессии разрабатывались планы массового уничтожения людей. Бывшие руководители германского вермахта на Нюрнбергском процессе пытались доказать, что это дело рук СС и полиции, но были изобличены фактом заключения официального соглашения между ОКВ и главным управлением имперской безопасности: между этими ведомствами были распределены обязанности по реализации программы массового истребления людей.

Поэтому защита не имела решительно никаких оснований ссылаться на отсутствие достаточных связей и координации между различными частями механизма нацистского государства и делать отсюда вывод о невозможности существования заговора.

Несомненная заслуга Международного Военного Трибунала состоит в том, что, разобравшись в лабиринте нацистского государства, он сумел документально доказать всю неосновательность позиции защиты и установить наличие заговора. Трибунал разоблачил довод о том, что в условиях диктатуры невозможен общий план или заговор.

«Аргумент, что подобное общее планирование,— указывается в приговоре,— не могло существовать там, где господствовала диктатура, несостоятелен. План, в выполнении которого прини-

мала участие определенная группа лиц, продолжает оставаться планом, даже если он был задуман всего лишь одним из них, и тот, кто участвовал в осуществлении этого плана, не может избежать ответственности, доказав, что он действовал согласно указанию человека, который замыслил этот план»²⁶⁰.

И далее, как уже указывалось, Трибунал, переходя к конкретной ситуации нацистского заговора, в приговоре справедливо устанавливает, что один Гитлер не мог вести агрессивной войны, что он нуждался в сотрудничестве значительного числа людей, состоявших на службе государства и занимавших ключевые посты в экономике страны. Трибунал с полным основанием указывает в приговоре, что этих людей нельзя считать невиновными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что делали. Именно поэтому Трибунал пришел к выводу о том, что эти лица должны нести ответственность за совершенные ими действия в общем плане заговора.

«Отношение между руководителем и исполнителем уменьшает ответственность в данном случае не в большей степени, чем это имеет место в подобных случаях тирании при совершении преступлений внутри страны членами одной организованной шайки по приказу главаря»²⁶¹.

Но исторической объективности ради необходимо отметить, что приговор Международного Трибунала в части, касающейся обвинения в заговоре, не свободен от недостатков. И недостатки эти сводятся к определению объема заговора.

В обвинительном заключении подчеркивается, что обвиняемым предъявляется обвинение в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности²⁶².

Но решив отойти от позиции обвинительного заключения и не признать наличие заговора, охватывающего и военные преступления, и преступления против человечности, Трибунал ссылается на свой Устав. В приговоре указывается, что «Устав не определяет заговор как отдельное преступление, если он не связан с актом ведения агрессивной войны»²⁶³. Короче говоря, Международный Трибунал пришел к выводу о том, что Устав ограничивает объем заговора только преступлениями против мира. И действительно, из всех трех пунктов ст. 6 Устава лишь в п. «а» говорится:

«...преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или завере-

²⁶⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 371—372.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же, т. 1, стр. 102—103.

²⁶³ Там же, т. 7, стр. 372.

ний, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий...»

Диспозиция двух других пунктов («b» и «с») ст. 6 ее содержит упоминания о заговоре. Поэтому Трибунал указал в приговоре, что он «не будет рассматривать», иными словами, отвергает обвинение подсудимых в заговорщической деятельности, направленной на совершение военных преступлений и преступлений против человечности. Но, к сожалению, Трибунал прошел мимо последней части ст. 6 Устава, в которой говорится: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению *любых* (курсив наш.— А. П.) из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Таким образом, ст. 6 объявляет элементами общего плана или заговора не только преступления против мира, но и военные преступления и преступления против человечности.

Однако дело далеко не только в неправильном толковании ст. 6 Устава Трибуналом. Он приводит в приговоре цитируемую нами заключительную часть ст. 6, но тем не менее отвергает обвинение во всеобъемлющем заговоре. И именно в этом принципиальная ошибка приговора.

Такое решение Трибунала противоречит доказательствам, представленным во время процесса обвинителями. Основная идея обвинения как раз и заключалась в том, что военные преступления гитлеровской Германии были не результатом эксцессов отдельных лиц, а итогом широко задуманного плана. Доказательства по делу с полной очевидностью подчеркивали государственно-организованный характер этих преступлений. Но и этого еще недостаточно для установления заговора, сложившегося еще до войны.

Как раз Нюрнбергский процесс установил, что военные преступления и преступления против человечности — органическая и неотъемлемая часть агрессивного плана²⁶⁴. Сам Трибунал указывает в приговоре, что военные преступления «в большинстве случаев... являлись результатом холодного и преступного расчета». Трибунал признает, что эти преступления «преднамеренно планировались задолго вперед». «В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации, и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение»²⁶⁵.

Что означают такие слова в приговоре, если не то, что, скажем, применительно к агрессии против СССР военные преступления планировались одновременно с агрессией? При этих усло-

²⁶⁴ См. § 1 гл. III настоящей работы.

²⁶⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 373.

виях невозможно доказать, что агрессия — это элемент заговора, а военные преступления — нет.

Отказ Трибунала признать военные преступления и преступления против человечности элементом заговора противоречит его же выводам о сущности нацистской агрессивной политики. В самом деле, на Нюрнбергском процессе с полной очевидностью раскрылись подлинные цели этой политики. Заключались они (в общей форме) в установлении европейской, а затем и мировой гегемонии. Нацистская Германия планировала захват чужих территорий, уничтожение одних народов, подрыв биологической силы других народов, полное их ограбление и ряд других тяжчайших преступлений. О характере этих преступлений достаточно красноречиво говорят следующие слова Гимmlера, приведенные в приговоре:

«Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха... Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры...» Генерал-губернатор Польши Франк, определяя одну из целей нацистской политики в отношении польского народа, писал: «Дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа»²⁶⁶.

Гитлеровская Германия разработала всеобъемлющие планы ограбления других народов. И как уже указывалось, Геринг на совещании гаулейтеров оккупированных территорий говорил, что политика ограбления не должна останавливаться перед тем фактом, что на оккупированных территориях установлен режим голодной смерти.

Таковы чудовищно преступные цели гитлеровской агрессии. Они документально фиксировались до войны. Не ясно ли, что сама агрессивная война при таких условиях становилась средством достижения этих целей? Поэтому нельзя признавать элементом заговора средство совершения преступления и не признавать само преступление. Вот почему нельзя согласиться с той частью приговора, в которой Международный Военный Трибунал отказался признать элементом заговора военные преступления и преступления против человечности.

2. Преступные организации

Обвинительное заключение требовало признания преступными руководящего состава нацистской партии (НСДАП), имперского правительства, СА, СС, гестапо, генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил. обосно-

²⁶⁶ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 385.

вывая необходимость предания суду и осуждения этих организаций, главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко заявил на процессе:

«...Во главе гитлеровской Германии находилась банда заговорщиков, захватившая в свои руки государственную власть и управление всей Германией. Такого рода группа заговорщиков, действовавшая в государстве с многомиллионным населением, в центре огромного государственного аппарата, не могла существовать без целой системы вспомогательных преступных организаций, связывавших заговорщиков с периферией, фюреров большой дороги — с фюрерами улиц и переулков. Поэтому в гитлеровской Германии действовала под постоянным и непосредственным руководством заговорщиков сеть наделенных большой властью организаций — руководящий состав немецко-фашистской партии, гестапо, СС, СД и др.»²⁶⁷

Было бы ошибочным рассматривать эти преступные организации как какие-то изолированные, самостоятельно функционирующие группы лиц, имевшие особые, свойственные только им цели и задачи. Все эти организации являлись существенными частями созданного нацистами полицейского государства.

Обвинение на процессе с полным основанием утверждало, что наказание только некоторых высших нацистских руководителей и оставление безнаказанной в послевоенном мире всей паутины нацистских организаций фактически означало бы поощрение возможности развития зародыша нового нацизма. Ведь нельзя было забывать, что члены таких организаций, фанатики нацистской программы, детально разработавшие методику и технику как конспиративного, так и открытого сотрудничества, несомненно будут жаждать реванша для осуществления своих преступных целей. Эти организации — передатчик от одного поколения к другому заразы агрессии и безжалостной войны. Будущие войны и будущие погромы, как правильно указывало обвинение, могут быть выращены в лоне этих преступных организаций, если не уменьшить их престиж и влияние путем наказания их членов²⁶⁸.

Недавние события, связанные с намерением правительства ФРГ полностью амнистировать нацистских военных преступников (под предлогом применения к ним общеуголовной давности), явились еще одним и, пожалуй, наиболее ярким подтверждением правоты позиции обвинения на Нюрнбергском процессе.

Вопрос о преступных организациях был тесно связан с теоретическим и практическим вопросом о той форме соучастия, которая характерна для членов этих организаций.

Устав Международного Военного Трибунала вопросу об ответственности преступных организаций посвятил ст. 9 и 10.

²⁶⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 688.

²⁶⁸ Там же, стр. 306.

«При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации,— говорится в ст. 9,— Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией».

«После получения обвинительного акта,— говорится далее в этой статье,— Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить эту просьбу. В случае удовлетворения такой просьбы Трибунал может определить, каким образом эти лица будут представлены и выслушаны».

Статья 10 Устава предусматривает, что, если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из подписавшихся сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию.

Юридическая сторона вопроса о признании тех или иных организаций преступными вызвала на Нюрнбергском процессе полемику между обвинением и защитой.

Защита пыталась представить обвинение преступных организаций как нарушение общепризнанного принципа индивидуальной уголовной ответственности. «Обвинение основывается на том положении,— заявил защитник имперского правительства,— что с точки зрения общего права существует коллективная уголовная ответственность и что, следовательно, возможно осуждение за уголовное преступление целого объединения как такового... Всякое уголовное право исходит из понятия вины, из признания наказуемости преступления и из совершения преступного деяния в результате волевого акта. Только у нормального человека возможны познавательная способность, сознательное проявление воли и тем самым осознание вины...»²⁶⁹

Эту же мысль выразил и защитник гестапо. «Здесь необходимо,— заявил он,— со всей настойчивостью в качестве первого и важного результата моего исследования констатировать: общность не может быть объявлена виновной. Уголовная ответственность означает, что наказуемое действие является наказуемым не только с объективной, но и с субъективной точки зрения. Другими словами: преступление может быть совершено только с со-

²⁶⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 401.

знанием вины, а именно преднамеренно. О преднамеренном действии, однако, можно говорить только в отношении отдельного лица и никогда — в отношении круга лиц»²⁷⁰. И далее защитник употребил свои усилия на то, чтобы доказать, что идея коллективной вины была отвергнута еще в древние времена. И мысль об отрицании такой войны «возникла на основании Ветхого завета, она распространилась через эллинизм и христианство по всему миру и стала принципом уголовного права всего мирового порядка. В римском праве имеется ясное положение: „Societas delinquere non potest“ — „Общество не может совершать преступлений“. Новое время сохранило мысль об индивидуальной ответственности»²⁷¹.

Подобными сентенциями защита пыталась запутать дело, исказить позицию Устава и обвинительного заключения. Иначе, например, нельзя понять один аргумент, к которому прибег защитник гестапо Меркель. Он ссылаясь на осуждение союзниками к смертной казни статс-секретаря Карла Франка, в частности за то, что он издал приказ уничтожить деревню Лидице из-за действий отдельных ее жителей. Следовательно, утверждал адвокат, Франка обвиняли в применении несправедливого принципа коллективной ответственности всех жителей Лидице. Как же можно после этого признать преступными некоторые организации, существовавшие в третьей империи, т. е. наложить на них коллективное наказание только потому, что отдельные члены этой организации совершали преступления?

Вряд ли следует доказывать политическое кощунство и юридическую нелепость подобной аналогии. Ведь нацистские организации, о которых речь шла на Нюрнбергском процессе, как раз и были созданы для совершения таких действий, которые в любом цивилизованном государстве признаются преступными. Поэтому положение любого лица, вступившего в такую организацию и сознававшего ее цели, никак не может сравниваться с положением невинных людей городов и сел, в отношении которых нацистские преступники применяли свою систему массовых репрессалий. Именно в таком преступлении был уличен Франк. Его судили за нарушение ст. 50 IV Гаагской конвенции 1907 г. В числе многих других тягчайших преступлений ему инкриминировалось то, что в 1942 г. после убийства чешскими патриотами в Праге Гейдриха, он, Франк, в порядке массовых репрессалий приказал целиком сжечь деревню Лидице, расстрелять всех мужчин и подростков, а остальное население запрятать в концлагерь.

Но здесь важно другое. Защита пыталась доказать, что объявление организаций преступными вообще является новшеством в

²⁷⁰ «Нюрнбергский процесс...». т. 6, стр. 463—464.

²⁷¹ Там же, стр. 464.

праве и как таковое противозаконно²⁷². Этот тезис защиты, конечно, не имел оснований. Обвинители на основе ряда прецедентов раскрыли всю неосновательность попытки защиты таким путем сорвать возможность рассмотрения дела о преступных организациях на процессе.

Прав был Джексон, заявив, что «еще ни одна форма государственного строя не была в состоянии существовать без того, чтобы не обращаться с некоторыми организациями как с преступными»²⁷³. Он привел ряд примеров из американской судебной практики, когда те или иные организации были признаны преступными. Джексон упомянул «Ку-Клукс-Клан», организацию, которая «развивалась примерно одновременно с нацистским движением в Германии», и закон 28 июня 1940 г.²⁷⁴

Советский обвинитель Р. А. Руденко сослался на то, что советское законодательство особо предусматривает ответственность за участие в организации, ставящей своей целью совершение преступных действий: этому были посвящены две статьи в УК РСФСР (1926 г.) — ст. 58¹¹ и 59³. Эти нормы предусматривали ответственность членов преступных организаций не только за участие в совершении конкретных преступлений, но и за самый факт принадлежности к преступной организации.

Но самое интересное, пожалуй, это то, что германская практика давала очень характерные примеры объявления организаций преступными. Возьмем период Веймарской республики. Статья 128 немецкого Уголовного кодекса 1871 г., например, была направлена против тайных ассоциаций, а ст. 129 — против организаций, враждебных государству. Закон от 22 марта 1921 г. был направлен против полувосенных организаций, закон от 21 июля 1922 г. — против организаций, имеющих своей целью ниспровержение конституции империи. Весьма характерна ст. 128 Уголовного кодекса 1871 г. Она гласит: «Участие в организации, существование, состав или цели которой скрыты от государства или пребывание в которой влечет за собой подчинение неизвестным для членов организации руководителям или безоговорочное подчинение известным руководителям, наказуется тюремным заключением». Но, пожалуй, особенно характерным примером может служить тот факт, что 30 мая 1924 г. судебным решением вся нацистская партия была объявлена преступной организацией. Любопытно, наконец, те критерии, которыми сам германский верховный суд обосновал признание организаций преступными:

²⁷² «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 367, 400.

²⁷³ Там же, стр. 312.

²⁷⁴ Этот закон известен в США как Закон Смита («Акт о регистрации иностранцев»). Он был принят формально в целях борьбы с нацистской агентурой в США, но американские реакционные правящие круги после окончания второй мировой войны широко использовали его против коммунистической партии США.

«Совершенно безразлично, все ли члены организации преследовали запрещенные цели. Достаточно, если только часть из них занималась запрещенной деятельностью... Совершенно безразлично, согласны ли члены группы или ассоциации с ее целями, задачами, методами деятельности и средствами борьбы... Подлинная точка зрения участников организации не имеет значения. Даже если они имели намерение не принимать участия в преступных деяниях или собирались препятствовать им, это не снимает с них ответственности за членство в них»²⁷⁵.

Таким образом, даже германское национальное законодательство не было препятствием для признания нацистских организаций преступными.

Но германская защита на процессе, пытаясь скомпрометировать идею наказания членов преступных организаций, ложно утверждала, что в Нюрнберге речь идет о привлечении к уголовной ответственности самих организаций. Ведь ни Устав, ни обвинительное заключение не ставили так вопрос. И это нетрудно установить из приведенного выше текста ст. 9 и 10 Устава²⁷⁶. Это видно и из нюрнбергского приговора. Международный Военный Трибунал не решал вопрос об уголовной ответственности организаций как юридических лиц. Смысл предъявления организациям и группам обвинения, как правильно отмечают А. А. Пионтковский²⁷⁷ и А. Н. Трайнин²⁷⁸, был иным. Здесь, во-первых, преследовалась цель определить точно объем уголовной ответственности главных немецких военных преступников, представших перед Трибуналом в Нюрнберге, поскольку свои преступления эти люди совершали и путем использования преступных организаций, составлявших часть государственного аппарата гитлеровской Германии. Поэтому для того, чтобы в полной мере установить виновность подсудимых, требовалось разрешить вопрос: какие группы и организации необходимо признать преступными?

Попытки защиты представить дело таким образом, что Трибунал решил вопрос об уголовной ответственности самих организаций, были обречены на провал еще и потому, что защита не могла бы указать, какую же меру наказания определил Трибунал признанным преступными организациям. Как известно, наказанием для таких организаций могло быть судебное распоряжение об их

²⁷⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 314.

²⁷⁶ Для курьеза напомним: если адвокат Меркель, вызывая к римскому праву, утверждал, что «общество не может совершать преступлений», то его коллега профессор международного права Ярайсс — главный теоретический столп всей защиты — в своей речи на Нюрнбергском процессе, говоря об ответственности физических лиц, выдвинул прямо противоположный тезис: «Только империя, а не отдельное лицо».

²⁷⁷ А. А. Пионтковский. Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. Изд. МЮИ, 1948, стр. 14.

²⁷⁸ А. Н. Трайнин. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 49.

ропуске. Но как раз в этом не было нужды, ибо решениями союзных административных органов эти организации задолго до Нюрнбергского процесса были распущены. Смысл рассмотрения дела об организациях в Нюрнберге состоял, помимо необходимости установления объема вины главных немецких военных преступников, и в том, что приговор Международного Трибунала о признании этих организаций преступными имел бы преюдициальное значение для соответствующих национальных судов, перед которыми должны были предстать остальные военные преступники.

Но точно так же, как не ставился вопрос об уголовной ответственности организаций, не ставился в Нюрнберге и вопрос об уголовной ответственности отдельных членов организаций.

Как раз защита, стремясь скомпрометировать принципы Устава Международного Военного Трибунала, пыталась доказать, что в Нюрнберге идет речь о признании виновными огромной массы немцев по обвинению их в принадлежности к различным организациям нацистского государства. Так, защита утверждала: «...обвиняемые организации были распущены, т. е. перестали существовать... Поскольку этих организаций больше не существует, на этом процессе фактически речь идет об общем суде над всеми отдельными членами организаций»²⁷⁹.

Прав Ветцель, когда он пишет, что главной причиной такого толкования было то, что многие германские юристы не поняли (или не захотели понять) смысл декларации по поводу преступных организаций и толковали ее «как вердикт уголовной вины групп, что может служить основанием для коллективного наказания их членов»²⁸⁰.

Такое предположение полностью опровергается Уставом Международного Трибунала. Если Трибунал признал бы ту или иную организацию преступной, то для национальных судов, как правильно отмечал в своей речи на процессе Р. А. Руденко, возникла бы обязанность считать организацию преступной, право (но не обязанность) привлекать к ответственности за принадлежность к организации.

Смысл рассмотрения вопроса о преступных организациях состоял и в том, что если по конкретным обстоятельствам дела те или иные из них были бы признаны преступными, то не было бы нужды в каждом судебном процессе по поводу того или иного члена организации доказывать ее преступность.

Неосновательность попыток защиты доказать, что в Нюрнберге происходит суд над массой отдельных членов организаций, видна также и из того, что Устав Трибунала ни в какой мере не регулирует вопросы, связанные с индивидуальной ответствен-

²⁷⁹ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 344.

²⁸⁰ R. Woetzel. The Nuremberg Trials in International Law. London — N. Y., 1960, p. 121.

ностью членов организаций. Вопрос об ответственности отдельных членов организаций, их роли в преступной деятельности — это уже компетенция не международного, а национального суда. Статья 10 Устава не дает Международному Военному Трибуналу права решать судьбу членов организации.

Более того, судя по приговору Трибунала, по речам обвинителей, признание Трибуналом той или иной организации преступной вовсе не означает ликвидацию презумпции невиновности при рассмотрении дел отдельных ее членов в национальных судах. Подсудимый, сказал в своей речи Джексон, может отрицать, «что его участие в этой организации было добровольным, или доказывать, что он действовал под давлением каких-либо оправдывающих его обстоятельств. Он может доказывать, что вышел из организации, что его имя попало в списки организации по ошибке. Он может также доказывать, что был втянут в организацию обманным путем и т. д.»²⁸¹ Для того чтобы доказать его виновность, обвинение должно все это опровергнуть.

Международный Трибунал не решал судьбы конкретных членов организаций, но своим решением по делу организаций Трибунал исключил возможность расширительного толкования Устава и приговора; более того, он заранее как бы подсказывал национальным судам критерии рассмотрения дел отдельных членов организаций.

«Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом. Поскольку решение в отношении организаций или групп определит, как это уже было указано, преступность членов этой организации, это решение должно исключить тех лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, и тех, которые были призваны в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со ст. 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения»²⁸².

Последняя фраза этого указания имела особенно большое значение. Дело в том, что защита сознательно представляла дело таким образом, будто такое признание таит в себе осуществление массового террора против широких слоев германского народа. Так, указывалось, что «СА имела к началу войны в 1939 г. примерно два с половиной миллиона активных членов, к которым надо прибавить примерно два миллиона вышедших в предше-

²⁸¹ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 310—311.

²⁸² Там же, т. 7, стр. 407.

ствующие 18 лет из состава организации...»²⁸³ В таком же духе защита приводила данные и по другим организациям, не замечая того, что речь идет не о тех, кто формально состоял в этих организациях, а о тех, кто, вступая в них, сознавал их преступные цели или лично участвовал в их преступной деятельности. Указание Трибунала о том, что «формальное членство не подпадает под действие этого решения», выбивало почву из-под ног защиты. С полным основанием Р. А. Руденко заявил на процессе:

«Здесь было указано защитой, что в результате признания организаций преступными будут привлечены к суду миллионы немцев — членов этих организаций. Я, так же как и мои коллеги — обвинители, не думаю этого. Я хочу сказать другое. Защита ссылкой на гипотетические миллионы подсудимых пытается смутить правосудие, помешать ему. Однако перед нами, представителями народов, вынесших всю тяжесть борьбы с гитлеровской агрессией и перенесших огромные страдания, перед совестью и сознанием всех свободолюбивых народов неотступно встают другие цифры, другие миллионы — миллионы невозвратимых невинных жертв»²⁸⁴.

Анализируя вопрос о судах над преступными организациями, нельзя не отметить, что Устав Международного Военного Трибунала предусматривал только порядок признания тех или иных организаций преступными и правовые последствия такого признания.

Что же касается критериев, которыми при этом следует руководствоваться, то Устав их не предусматривал и не разрабатывал. Здесь обвинению пришлось проделать большую и сложную работу. Было признано, что бремя доказывания, согласно обычным принципам права, должно быть возложено на обвинение. В соответствии с этим обвинители определили объем и характер задач, стоящих перед ними, в части, касающейся преступных организаций.

Обвинение считало необходимым установить, что организация или группа, о которой Международный Военный Трибунал должен вынести свое суждение, — это группа лиц, объединенных общей целью. Цели таких организаций должны быть преступными, поскольку их действия согласно ст. 6 Устава квалифицируются как преступление. Никакие другие действия, не предусмотренные ст. 6, не дают права считать организацию преступной. Членство в такой организации должно носить в общем добровольный характер. Поэтому правильно считалось, что обвинение не будет поколеблено, если защита докажет, что небольшая группа или небольшой процент ее членов вступили в нее по принуждению.

²⁸³ «Нюрнбергский процесс...», т. 6, стр. 345—346.

²⁸⁴ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 14, стр. 5752.

Преступные цели организаций или методы осуществления этих целей должны носить такой характер, при котором их членам можно вменить в вину их осведомленность в этих целях и методах. Считалось, что и здесь обвинение не будет поколеблено, если установят, что не каждый член организации знал об ее преступном характере или что некоторые люди вступили в организацию, не зная истинной цели ее деятельности.

Все это, так же как и вопрос о добровольности членства, имело отношение не к преступному характеру организации в целом, а к вопросу об индивидуальной вине ее членов, что было предметом исследования в национальных судах союзников.

Естественно, что если учесть огромные масштабы преступлений, совершенных этими организациями, то станет очевидным, какие сложные задачи встали перед обвинителями, которые должны были представить доказательства по делу организаций.

В приговоре Международного Военного Трибунала проблеме признания организаций преступными посвящен особый раздел — «Обвиняемые организации». Преступными были признаны руководящий состав нацистской партии (НСДАП), СС, гестапо и СД.

Стремясь к тому, чтобы нельзя было расширительно толковать решение о преступных организациях, Трибунал в каждом отдельном случае дал точную характеристику членов организации, которые могут быть привлечены к ответственности. Кроме того, он специально перечислил те категории членов организации, которые не подлежат привлечению к ответственности. Так, по делу гестапо Трибунал указал, что он «имеет в виду всех оперативных и административных чиновников четвертого управления главного имперского управления безопасности или тех, кого касались вопросы, связанные с гестапо, в других отделах главного имперского управления безопасности, и всех местных чиновников гестапо, которые служили как внутри Германии, так и за ее пределами». Трибунал прямо отметил, что он не включает в число ответственных «сотрудников таможенной пограничной охраны или тайной полевой полиции... лиц, находившихся на службе в гестапо для выполнения чисто канцелярской, стенографической, хозяйственной или подобного рода технической повседневной работы»²⁸⁵. В решении по делу СС Трибунал указал, что он не включает в эту организацию так называемые кавалерийские соединения СС.

В отношении СС в приговоре записано, что решение Трибунала не распространяется на тех ее членов, «которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора...»²⁸⁶

Что касается действия во времени приговора Международного Военного Трибунала, объявляющего организации преступными,

²⁸⁵ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 420—421.

²⁸⁶ Там же, стр. 427.

то считалось, что, поскольку для такого признания необходимо, чтобы данная организация участвовала в военных преступлениях и преступлениях против человечности, также связанных с войной, члены всех этих преступных организаций, которые вышли из них до 1 сентября 1939 г., не подлежат уголовной ответственности²⁸⁷.

Трибунал в нескольких местах приговора подчеркивает, что «следует избегать массового наказания», говорит о том, что процедура рассмотрения дел о преступных организациях — это процедура, «предполагающая далеко идущие последствия. Применение ее, если не будут приняты необходимые меры предосторожности, может привести к большой несправедливости»²⁸⁸. Вот почему Трибунал сделал ряд рекомендаций, явно адресованных национальным судам и направленных на единообразное применение наказания во всех четырех зонах Германии²⁸⁹.

Решение Трибунала по преступным организациям имело огромное политическое и юридическое значение. Перед лицом всего мира Международный Военный Трибунал осудил как преступные организации, являвшиеся орудием реализации нацистского заговора, раскрыл всю опасность их для дела мира и безопасности человечества.

Значение приговора Международного Трибунала было бы еще большим, если бы он не отказался признать преступными такие организации, как имперский кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил; против такого решения большинства судей протестовал советский судья, представивший Особое мнение²⁹⁰. В крупной империалистической державе правительство — это весьма четко организованный механизм, который является центром, где замышляются все государственные планы, откуда направляются и регулируются все важнейшие действия государства. То обстоятельство, что отдельные члены кабинета не принимали участия в важных решениях преступного характера или что влияние Гитлера было бесспорно преобладающим при принятии всех решений, ни в коем случае не лишает правительственный кабинет преступного характера, а, наоборот, всячески подчеркивает этот преступный характер. Вместе с тем указание на преобладающее влияние Гитлера — на так называемый принцип фюрерства, который выдвигали как аргумент для своего оправдания все главные военные преступники в Нюрнберге, было совершенно правильно отвергнуто в отношении отдельных подсудимых. Однако, указав, что этот аргумент не может служить основанием для оправдания бесчеловечных преступлений, Трибунал в полном противоречии с этим

²⁸⁷ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 414, 421, 427.

²⁸⁸ Там же, стр. 406.

²⁸⁹ Там же, стр. 407—408.

²⁹⁰ Там же, стр. 532—541.

признал его достаточным для того, чтобы не объявлять правительственный кабинет преступной организацией.

Наконец, ссылка на малочисленность кабинета — ссылка фактического, а не принципиального характера.

Между тем в этом вопросе важен был именно принцип, а не удобство проведения того или иного судебного процесса. Естественно поэтому, что советский судья генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко принес Особое мнение как по вопросу оправдания некоторых преступных организаций, так и в связи с необыкновенно мягким приговором или оправданием отдельных подсудимых²⁹¹.

Касаясь правительственного кабинета, советский судья указывал, что Трибунал был не логичен, признав, с одной стороны, что чудовищные преступления гитлеровского режима совершались преднамеренно, организованно, по заранее разработанному плану, а с другой стороны, отказываясь объявить преступной организацией гитлеровское правительство — руководящий штаб, принимавший прямое участие в разработке и осуществлении этих преступных мероприятий.

Имперским правительством были приняты явно преступные законы, ликвидировавшие все демократические институты в стране. Законодательные функции от парламента были переданы правительству. Принятые правительством расистские законы и положили начало чудовищной политике геноцида.

Такие обстоятельства, правильно отмеченные в приговоре, как отсутствие регулярных заседаний кабинета министров, власть и самостоятельность отдельных министров, необычайно большая сила огромной личной власти Гитлера, — все это только еще раз подтверждает преступный характер организации, которая именовала себя правительственным кабинетом германской империи.

Отдельный раздел Особого мнения посвящен неправильному решению о генеральном штабе и ОКВ.

Здесь советский судья прежде всего отмечал, что эти организации занимали решающее место в осуществлении человеконенавистнических агрессивных планов гитлеровской клики. Официальное нацистское партийное издание прямо указывало, что гитлеровский режим поддерживают и возглавляют «два столпа: партия и вооруженные силы»²⁹². Эта связь между гитлеровским партийно-эсэсовским аппаратом и фашистскими вооруженными силами была особенно сильна в верхушке военной иерархии, т. е. в ОКВ и генеральном штабе. Основным критерием при подборе кадров этих организаций была преданность нацистскому режиму. Не зря во главе их стояли Геринг и Дениц, назначенный Гитле-

²⁹¹ «Нюрнбергский процесс ..», т. 7, стр. 516—541.

²⁹² Там же, стр. 535

ром своим преемником в последние дни существования третьей империи.

Несомненно, отказ Международного Трибунала признать преступными организациями германский генеральный штаб и верховное командование нанес большой ущерб приговору.

Трибуналу были представлены колоссальные по объему доказательства преступной деятельности германского генералитета, нацистского генерального штаба. Игнорировать эти доказательства было невозможно. Поэтому Трибунал признал в приговоре, что германские генералы «были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными... они, безусловно, представляли собой безжалостную военную касту... Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать»²⁹³.

Но тем не менее, ссылаясь на то, что по своей структуре генеральный штаб нельзя считать стойкой организацией или группой, Трибунал отказался признать его преступной организацией.

Игнорируя всю историю германского генерального штаба, всю его организованную преступную деятельность, Трибунал записал в приговоре: «Систему единого руководства ОКВ в вопросах координации и управления можно сравнить с похожей, хотя и несколько отличной системой, используемой другими вооруженными силами, как, например, с англо-американским объединенным штабным руководством».

Далее Трибунал, вернее, его буржуазное большинство продолжает свою аргументацию: «Говорить о существовании ассоциации или группы... по мнению Трибунала, нелогично. По этой теории верховное военное руководство любой другой страны также является ассоциацией, а не тем, чем оно в действительности является,— собранием военных, определенным числом лиц, которые в известный период времени занимали высокие военные посты»²⁹⁴.

Наконец, Трибунал указал, что поскольку общее число лиц, состоящих в списке генерального штаба и подлежащих суду, очень невелико, то «путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата, чем путем вынесения Трибуналом решения, требуемого обвинением»²⁹⁵.

²⁹³ «Нюрнбергский процесс...», т. 7, стр. 434.

²⁹⁴ Там же, стр. 433.

²⁹⁵ Там же, стр. 431.

Нет сомнения, что вынесение такого решения свидетельствовало об определенном давлении, которое оказывалось на судей западных стран. Международная реакция отлично сознавала, что спасение германского генерального штаба, германских генералов — задача более важная, чем спасение других подсудимых на Нюрнбергском процессе. Геринг, Риббентроп, Кейтель, Йодль — уже битые карты и не могут быть использованы в будущей политической игре. Что же касается длинного списка генералов, относившихся к верховному командованию Германии, то возможность их использования в новой политической обстановке диктовала международной реакции необходимость не допустить вынесения Трибуналом такого решения, которое затрудняло бы в будущем использование нацистского генералитета.

О том, насколько неосновательным было предположение буржуазного большинства в Международном Трибунале насчет того, что при помощи индивидуальных судебных процессов можно будет добиться лучшего результата, чем путем объявления германского генерального штаба преступной организацией, можно судить по тому, что почти все нацистские генералы были позднее либо полностью оправданы, либо по истечении небольшого срока заключения освобождены из-под стражи. Значительная их часть затем была использована в восстановленных западногерманских вооруженных силах.

Отказ Международного Трибунала признать гитлеровский генеральный штаб преступной организацией был лишен оснований.

И все же следует в заключение отметить, что, несмотря на отдельные недостатки приговора и в этой части, в целом Международный Трибунал рассмотрением вопроса о преступных организациях внес значительный вклад в дело справедливого наказания нацистских военных преступников, раскрытия подлинной роли этих организаций в общем механизме нацистского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нюрнбергский процесс сыграл огромную роль в истории международных отношений и международного права. Это был первый в мировой истории международный судебный процесс над агрессией и агрессорами. Роль нюрнбергского приговора не ограничивается самим фактом осуждения главных военных преступников второй мировой войны. Этот приговор вошел в историю как яркое свидетельство неизмеримо возросшей силы народов в борьбе с агрессией. Нюрнбергский Устав и приговор стали одной из важнейших вех на пути дальнейшего развития прогрессивных принципов международного права.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на недостатки приговора. Некоторые из них отмечены в Особом мнении члена Международного Военного Трибунала от СССР. Прежде всего — это оправдание Шахта, использованное впоследствии американской юстицией для оправдания руководителей германских монополий в самом тяжком обвинении — в подготовке и ведении агрессивных войн. Это столь же неосновательное оправдание германского министра вооружений Шпеера, использованное впоследствии национальными трибуналами западных держав с той же целью.

Несомненный недостаток приговора — и незаконное оправдание фон Папена и Фриче, применение незаслуженно мягкого наказания Гессу. Международный Трибунал допустил явную ошибку, не признав в качестве преступных организаций германский генштаб и имперское правительство.

Бесспорный просчет Трибунала — фактическое применение в ряде случаев принципа «tu quoque», о сущности которого уже говорилось, когда речь шла об ответственности за нарушение законов и обычаев воздушной и морской войны. Наконец, следует указать на явно неудовлетворительное решение вопроса о заговоре. Международный Трибунал без достаточных оснований отка-

заяся признать наличие всеобъемлющего заговора, охватывающего преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Но эти отдельные недостатки, сколь бы они ни были существенны, не могут умалить огромное историческое значение Нюрнбергского процесса и приговора.

Нюрнбергский приговор имеет большое значение, так как он был вынесен в результате гласного судебного разбирательства. Не политический акт, а именно судебный процесс отвечал потребностям публичного разоблачения германского фашизма. Такой судебный процесс раскрыл перед всем человечеством самый механизм агрессивной политики, вскрыл корни гитлеровской агрессии, обнажил человеконенавистническую сущность фашизма.

Официально суд в Нюрнберге не преследовал антикапиталистических целей. В составе Международного Трибунала большинство составляли буржуазные судьи. Но такова уж логика публичного судебного исследования, что не всегда можно предвидеть все его результаты. И одним из результатов этого международного процесса явилось разоблачение не только фашизма, но и всей империалистической политики, ее неизбежных спутников — агрессии и реакции.

Устав Международного Военного Трибунала, Нюрнбергский процесс и приговор сыграли выдающуюся роль в последующей кодификации прогрессивных принципов международного права.

Устав содержит формулу ответственности за агрессивную войну, причем ценность ее подчеркивается и тем фактом, что она предусматривает ответственность за каждую из стадий развития преступлений против мира (планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны).

Нюрнбергский процесс не только осудил грубейшие нарушения общепризнанных законов и обычаев войны, но и раскрыл серьезное несовершенство этих законов и обычаев. Поэтому, когда после второй мировой войны, в 1949 г., в Женеве была созвана международная дипломатическая конференция по разработке новых конвенций по защите жертв войны, Нюрнбергский процесс и его приговор сыграли огромную роль в формулировании и принятии этих конвенций. Опыт процесса показал, в каком направлении следует разрабатывать конвенции, чтобы они были более эффективным средством защиты жертв войны, чем существовавшие до них Гаагские и Женевские конвенции.

На Женевской дипломатической конференции были приняты следующие четыре конвенции: Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море, Конвенция об обращении с военнопленными, Конвенция о защите гражданского населения во время войны.

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании ст. 27 Устава Международный Военный Трибунал

П Р И Г О В О Р И Л :

1. Германа Вильгельма ГЕРИНГА — к смертной
казни через повешение,
2. Рудольфа ГЕССА — к пожизненному
тюремному заключению,
3. Иосифа фон РИББЕНТРОПА — к смертной
казни через повешение,
4. Вильгельма НЕЙТЕЛЯ — к смертной
казни через повешение,
5. Эрста КАЛТЕНЕРУННЕРА — к смертной
казни через повешение,
6. Альфреда РОЗЕНБЕРГА — к смертной
казни через повешение,
7. Ганса ФРАНКА — к смертной
казни через повешение,
8. Вильгельма ФРИКА — к смертной
казни через повешение,
9. Клууса ШРЕЙКЕРА — к смертной
казни через повешение,
10. Валтера ФУНКА — к пожизненному
тюремному заключению,
11. Карла ДЕНИЦА — к тюремному за-
ключению сроком на двадцать лет,
12. Эрика РЕДЕРА — к пожизненному тю-
ремному заключению,
13. Генриха фон ШИРАКА — к тюремному
заключению сроком на двадцать лет,

14. Фрица ЗАУКЕЛЯ — к смертной казни
через повешение,
15. Альфреда ИОДЛЯ — к смертной казни
через повешение,
16. Артура ЗЕЙСС-ИНКВАРТА — к смертной
казни через повешение,
17. Альберта ШПЕЕРА — к тюрьме на 30 —
лет сроком на Баден-Вюртемберг,
18. Константина фон НЕЙРАТА — к тюрьме на 30 —
лет сроком на Баден-Вюртемберг,
19. Мартина БОРМАНА — к смертной казни
через повешение.

Кодатайства о помиловании могут быть поданы в Контроль-
ный Совет в Германии в течение 4-х дней после оглашения
приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в 4-х экземплярах — на русском,
английском и французском языках. Все тексты аутентичны и
имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала: их заместители:

От Великобритании — ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Генриг Ван ден

Norman Birkett

От Союза Советских Социалистических
Республик

Михаил Гинзбург

A. Kovalev

От Соединенных Штатов Америки

Антонио Фидель

John J. Parker

От Французской Республики

Роберт Фавр

R. Galco

Корвалдс
1 октября 1946

Огромные масштабы совершенных агрессорами во второй мировой войне преступлений против мирного населения, широкий диапазон средств и способов этих преступлений, различных уловок для их скрyтия или оправдания — все это обусловило необходимость впервые в истории международного права принять специальную Конвенцию о защите гражданского населения во время войны. Практика второй мировой войны, в значительной мере обобщенная и исследованная Международным Трибуналом, подказала необходимость внесения существенных изменений в правовое регулирование воюющих в части, касающейся обращения с гражданским населением. Можно прямо сказать, что рядом своих прогрессивных новшеств эта конвенция обязана опыту Нюрнбергского процесса, положениям приговора.

Опыт Нюрнбергского и Токийского международных судебных процессов показал, что агрессоры, стремясь снять с себя ответственность за нарушения международного права, не раз ссылались на то, что эти нарушения допускались во время таких вооруженных конфликтов, которые не носили характера войны. Речь шла о так называемых необъявленных войнах. В других случаях агрессоры ссылались на то, что присоединение тех или иных территорий происходило без военных действий, а потому в отношении таких присоединенных территорий неприменимы законы и обычай войны. Именно такие ссылки, как уже известно, делались в отношении Австрии и Чехословакии, которые были захвачены, что называется, без выстрела. Никаких оговорок по этому поводу Гаагские конвенции 1907 г. не содержали. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. учли и это и в ст. 2 установили:

«Помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны.

Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления»²⁹⁶.

Приговор Международного Военного Трибунала раскрыл всю неосновательность ссылки подсудимых в Нюрнберге на оговорку «si omnes». Женевские конвенции поэтому содержат следующее положение, которое принципиально отличает их от Гаагских конвенций 1907 г.:

«Если одна из находящихся в конфликте Держав не является участницей настоящей конвенции, участвующие в ней Державы останутся тем не менее связанными ею в своих взаимоотноше-

²⁹⁶ «Женевские конвенции о защите жертв войны». Изд. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1954, стр. 147.

ниях. Кроме того, они будут связаны конвенцией в отношении вышеуказанной Державы, если последняя принимает и применяет ее положение» (ст. 2).

Учитывая, что в ряде случаев в целях маскировки нарушения законов и обычаев войны агрессоры вынуждали покровительствуемых международным правом лиц добровольно отказываться от своих прав, что отмечено в приговоре Трибунала, Женевские конвенции в ст. 8 устанавливают: «Покровительствуемые лица ни в коем случае не смогут отказываться, частично или полностью, от прав, которые им обеспечивают настоящая конвенция и специальные соглашения, предусмотренные в предыдущей статье, если таковые имеются».

Приговор Международного Трибунала осудил как грубейшие нарушения международного права различного рода дискриминации в обращении с гражданским населением по признакам расы, национальности, политических или религиозных убеждений. Учтя, что это, Женевские конвенции содержат специальную 13-ю статью, которая гласит: «Положения настоящего раздела касаются всего населения находящихся в конфликте стран без какой-либо дискриминации, в частности, по причинам расы, национальности, религии или политических убеждений, и должны способствовать смягчению страданий, порождаемых войной».

Опыт второй мировой войны, подытоженный Международным Военным Трибуналом, свидетельствовал о том, что нацистские власти наряду с массовыми убийствами широко практиковали различные медицинские опыты, калечившие людей, приводящие к огромной смертности. Эти преступления были осуждены Трибуналом. Женевская конвенция о защите гражданского населения предусматривает: «Высокие Договаривающиеся Стороны специально соглашаются о том, что им запрещается принятие каких-либо мер, могущих причинить физическое страдание или привести к уничтожению покровительствуемых лиц, находящихся в их власти. Это запрещение распространяется не только на убийства, пытки, телесные наказания, увечья и медицинские или научные опыты, которые не вызываются необходимостью врачебного лечения покровительствуемого лица, но равным образом и на всякое другое грубое насилие со стороны представителей гражданских или военных властей» (ст. 32).

Германские и японские агрессоры широко применяли коллективные наказания населения за единичные действия отдельных людей. Хотя по смыслу Гаагских и Женевских конвенций эти преступления, как и многие другие подобные, запрещались, тем не менее в этих конвенциях отсутствовали достаточно четкие формулировки. Женевская конвенция о защите гражданского населения в ст. 33 устраняет этот недостаток и прямо предусматривает: «Ни одно покровительствуемое лицо не может быть наказано за правонарушение, совершенное не им лично. Коллективные наказания,

так же как и всякие меры запугивания или террора, запрещены.

Ограбление воспрещается.

Репрессалии в отношении покровительствуемых лиц и их имущества воспрещаются». По общему смыслу IV Гаагской конвенции, особенно ее преамбулы, взятие заложников запрещалось. Тем не менее Гаагские конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны не содержали по этому поводу совершенно определенной и категорической нормы. Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения уже прямо говорит: «Взятие заложников запрещается» (ст. 34).

Приговор Международного Военного Трибунала раскрыл и осудил тяжчайшие преступления, совершенные гитлеровцами на оккупированных территориях. Но и в случаях с этими преступлениями защита главных немецких военных преступников прибегала к различным уловкам, стремясь использовать недостаточную ясность и категоричность отдельных положений Гаагских конвенций об ответственности за военные преступления. В частности, как уже указывалось, такие попытки делались в отношении обвинения в уgone гражданского населения на каторжный труд в Германию. Трибунал осудил это преступление в приговоре. Соответственно в Женевскую конвенцию 1949 г. о защите гражданского населения был включен специальный пункт по этому поводу, который кладет конец всяким попыткам оппортунистического истолкования международного права. Статья 49 конвенции гласит: «Воспрещаются по каким бы то ни было мотивам угон, а также депортирование покровительствуемых лиц из оккупированной территории на территорию оккупирующей Державы или на территорию любого другого Государства независимо от того, оккупированы они или нет.

Однако оккупирующая Держава сможет произвести полную или частичную эвакуацию какого-либо определенного оккупированного района, если этого требует безопасность населения или особо веские соображения военного характера. При таких эвакуациях покровительствуемые лица могут быть перемещены только в глубь оккупированной территории, за исключением случаев, когда это практически невозможно. Эвакуированное в таком порядке население будет возвращено обратно в свои дома немедленно после того, как боевые операции в этом районе будут закончены...

Оккупирующая Держава не сможет депортировать или перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию».

Международный Военный Трибунал осудил как нарушающую международное право практику использования преднамеренно создающихся тяжелых условий жизни гражданского населения на оккупированных территориях в целях понудить жителей вступать в вооруженные силы противника. Женевская конвенция

1949 г. в ст. 51 предусматривала: «Оккупирующая Держава не сможет принуждать покровительствуемых лиц служить в ее вооруженных или вспомогательных силах. Всякое давление или пропаганда в пользу добровольного поступления в армию воспрещается.

Оккупирующая Держава сможет направить на принудительную работу только таких покровительствуемых лиц, которым больше 18 лет, и только на работу, необходимую либо для нужд оккупационной армии, либо на работу, связанную с коммунальными предприятиями, питанием, жилищем, одеждой, транспортом и здоровьем населения занятой местности. Покровительствуемых лиц нельзя заставлять выполнять какую-либо работу, которая вынуждала бы их принимать участие в военных операциях».

Гаагские конвенции 1907 г. разрабатывались в условиях существования одной, капиталистической, формы собственности. Поэтому основной упор в этих конвенциях делался на защите частной собственности. Образование Советского государства поставило в порядок дня вопрос и о защите во время войны государственной собственности, являющейся экономической основой нового типа государства. Исходя из общепризнанного положения о равноправии двух систем собственности, имея в виду, что государственная собственность в СССР служит целям обеспечения интересов всего населения, международное право не может защищать режим дискриминации этой новой формы собственности. Но главные гитлеровские военные преступники на Нюрнбергском процессе стремились использовать и истолковать положения старых конвенций таким образом, чтобы оправдать такую дискриминацию и снять с себя ответственность за преступления против собственности на временно оккупированных советских территориях. Трибунал отверг эти попытки и осудил эти действия гитлеровцев как преступные. Учитывая это, Женевская конвенция 1949 г. предусматривает: «Всякое уничтожение оккупирующей Державой движимого или недвижимого имущества, являющегося индивидуальной или коллективной собственностью частных лиц или Государства, общин, либо общественных или кооперативных организаций, которое не является абсолютно необходимым для военных операций, воспрещается» (ст. 53).

Опыт гитлеровской оккупационной политики показал, что нацистские власти на оккупированных территориях повсеместно отменяли существовавшее там уголовное законодательство, подменяя его своими приказами, санкционировавшими грубый произвол. Трибунал, осуждая в своем приговоре эти действия, особо обращает внимание на то, что гитлеровцы нередко применяли на захваченных территориях принцип обратной силы уголовного закона. Можно напомнить, что, захватив Австрию и Чехословакию, гитлеровские власти широко практиковали привлечение к уголовной ответственности австрийцев и чехов за антинацистскую деятельность еще до захвата этих стран. Поэтому Женевская

конвенция 1949 г. о защите гражданского населения предусматривает ряд положений, направленных на обеспечение прав населения на оккупированной территории. Так, в ст. 64 предусматривается: «Уголовное законодательство оккупированной территории остается в силе, за исключением случаев, когда оно может быть отменено или приостановлено оккупирующей Державой, если это законодательство представляет собой угрозу безопасности оккупирующей Державы или препятствует применению настоящей конвенции. С учетом упомянутого соображения и необходимости обеспечить эффективное отправление правосудия судебные органы оккупированной территории будут продолжать исполнять свои функции при всех правонарушениях, предусмотренных этим законодательством».

Статья 65 Конвенции специально указывает, что действие издаваемых оккупантом актов «не должно иметь обратной силы». В ст. 67 особо подчеркивается:

«Эти суды могут применять только изданные в законном порядке постановления, действовавшие до совершения правонарушения и соответствующие основным принципам права, в частности принципу соразмерности наказания. Они должны принимать во внимание тот факт, что обвиняемый не является гражданином оккупирующей Державы».

Прямым отражением практики второй мировой войны и деятельности Международного Военного Трибунала является ст. 70 Конвенции, которая гласит: «Оккупирующая Держава не может подвергнуть аресту, преследованию или осудить покровительствуемых лиц за действия или мнения, совершенные или высказанные до оккупации или в период временного ее прекращения, за исключением случаев нарушений законов и обычаев войны».

Граждане оккупирующей Державы, которые до начала конфликта искали убежища на оккупированной территории, могут быть арестованы, преданы суду, осуждены или депортированы за пределы оккупированной территории только за правонарушения, совершенные после начала военных действий, или за уголовные преступления, совершенные до начала военных действий, за которые по законам Государства, территория которого оккупирована, преступник подлежал бы выдаче и в мирное время».

До сих пор мы говорили о том общем, что характерно для всех четырех Женевских конвенций 1949 г. Но следует отметить, что весьма существенные новшества были внесены и в каждую из Женевских конвенций 1949 г. Сошлемся, в частности, на Конвенцию об обращении с военнопленными.

Мы уже рассматривали вопрос о юридическом статусе участников движения Сопротивления. Недостаточная точность решения этого вопроса в Гагской конвенции 1907 г., в том числе по поводу правового положения партизан на оккупированной территории, главные гитлеровские военные преступники использовали для

того, чтобы оправдать расправы над захватываемыми в плен партизанами. Но Международный Трибунал разоблачил попытки гитлеровцев придать Гаагской конвенции реакционный смысл и сделать ее орудием оправдания тяжчайших преступлений и осудил нацистскую практику обращения с пленными партизанами. Этот опыт Международного Трибунала был учтен Женевской дипломатической конференцией, и п. 2 ст. 4 Женевской конвенции 1949 г. «Об обращении с военнопленными» предусматривает, что статус военнопленного распространяется не только на личный состав регулярной армии, но и на «личный состав других ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений Сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте, и действующих на их собственной территории или вне ее, даже если эта территория оккупирована...»

Опыт второй мировой войны показал, что народные массы продолжают вооруженную борьбу с агрессором и в тех случаях, когда их правительства, изменяя национальным интересам, капитулируют или препятствуют такой борьбе и когда народ создает свои новые органы государственной власти, еще не признанные другими государствами. Поэтому Международный Трибунал взял под защиту и тех участников движения Сопротивления, которые продолжали борьбу в таких условиях (Польша, Франция и др.). В соответствии с этим Женевская конвенция 1949 г. об обращении с военнопленными предусматривает, что статусом военного плена пользуются и те участники вооруженной борьбы с агрессором, которые считают «себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену Державой» (п. 3, ст. 4).

Учитывая, что Нюрнбергский процесс осудил использование военнопленных для производства различного рода медицинских экспериментов, ст. 13 Конвенции устанавливает, что «ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению или же научному или медицинскому опыту какого бы то ни было характера, который не оправдывается соображениями лечения военнопленного и его интересами».

Гитлеровцы, стремясь хотя бы внешне соблюсти определенный декорум, вынуждали военнопленных отказываться от их статуса и, превратив их таким образом в «частных» лиц, заставляли подписывать «контракты» на принудительный труд. Эти грязные и преступные махинации были разоблачены на Нюрнбергском процессе и осуждены в приговоре. Конвенция устанавливает в ст. 21, что «пленных нельзя принуждать согласиться на свое освобождение под честное слово или обязательство».

Международный Военный Трибунал раскрыл и осудил преступную практику использования военнопленных на работах, имеющих военное значение и даже опасных для их жизни. В частности, были раскрыты факты использования военнопленных для расчистки минных полей. Это побудило авторов Женевской кон-

венции предусмотреть специальный пункт, осуждающий такую практику. Так, ст. 52 гласит: «Ни один военнопленный не может быть использован на работах, угрожающих здоровью или опасных, если он не соглашается на это добровольно. Ни один военнопленный не будет использован на работах, расцениваемых как унижительные для военнослужащего державшей в плену Державы.

Удаление мины или других подобных снарядов будет рассматриваться как опасная работа».

Таковы лишь некоторые факты, свидетельствующие о том благотворном влиянии, которое оказал Нюрнбергский процесс и приговор Международного Военного Трибунала на процесс кодификации международного права, в частности тех его норм, которые стоят на защите жертв войны.

Наряду с этим Нюрнбергский процесс оказал значительное влияние и на соответствующее внутреннее законодательство стран. Для примера можно сослаться на воинские уставы, регулирующие поведение воюющих. Уже указывалось на изменение некоторых уставов, в которых в соответствии с положениями Устава Международного Трибунала появились нормы об ответственности не только за преступный приказ, но и за его исполнение.

Нюрнбергский процесс вскрыл тягчайшие, невиданные в истории преступления против целых народов. Эти преступления явились реализацией на деле человеконенавистнической расовой теории. В тех или иных масштабах они совершались и до второй мировой войны, но особенно чудовищных размеров достигли в период гитлеровской агрессии. Международный Трибунал решительно осудил эти преступления против человечества. Опыт гитлеровских преступлений, материалы Нюрнбергского процесса и выводы приговора показали необходимость разработки специальных мер по предупреждению и наказанию таких чудовищных преступлений. В результате была разработана Конвенция о геноциде, принятая в 1948 г. Статья I Конвенции гласит:

«Договаривающиеся Стороны подтверждают, что геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение»²⁹⁷.

Опыт Нюрнбергского процесса подсказал и формулу состава преступления геноцида. Статья II Конвенции устанавливает:

«В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

а) убийство членов такой группы;

б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

²⁹⁷ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1954, № 12, ст. 244.

с) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Нетрудно установить, что объективные признаки геноцида полностью определены опытом чудовищных преступлений гитлеровцев во второй мировой войне. В ст. IV Конвенции о геноциде содержится и такое важное положение Устава Нюрнбергского трибунала, которое провозглашает, что лица, совершающие геноцид, «подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами». Можно сказать, что, включив в эту статью указание и на «частных» лиц, Конвенция заранее обезвредила ссылки возможных нарушителей международного права, подобные тем, которые делала защита германских монополий. Таким образом, при составлении Конвенции о геноциде был использован опыт Нюрнбергских процессов.

Следует сказать и о том благотворном влиянии, которое оказал Нюрнбергский Устав и приговор Международного Военного Трибунала при формулировании статей Всеобщей декларации прав человека 1948 г.²⁹⁸

Общее и принципиальное значение Нюрнбергского Устава и приговора нашло свое выражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., в которой ООН подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала ишедшие выражение в приговоре Трибунала. Организация Объединенных Наций предложила Комитету по кодификации международного права рассматривать как вопрос первостепенной важности разработку проектов, формулирующих принципы, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и приговора, и внесение их в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в Международный уголовный кодекс.

К сожалению, до сих пор эта задача оказалась невыполненной. Международная реакция всячески стремится не допустить кодификацию нюрнбергских принципов. Но несмотря на это, принципы Нюрнбергского процесса стали уже общепризнанными принципами международного права, и поэтому ничто не способно умалить их значение в борьбе за мир и международную безопасность. Они выражают правосознание всего человечества, всех народов, для которых мир является наивысшим благом. Вот почему так велика их роль.

²⁹⁸ «Международное право в избранных документах», т. 1. Изд-во ИМО, 1957, стр. 206—212.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
Правовые основы юрисдикции Международного Военного Трибунала	8
1. Общая характеристика Соглашения от 8 августа 1945 г. и Устава Международного Военного Трибунала	8
2. Международный характер Нюрнбергского трибунала	16
3. Понятие «главный военный преступник»	27
4. Доктрина государственного акта и ответственность за преступления против человечества	31
5. Ответственность за исполнение преступного приказа	45
6. Принцип «lex loci» и ответственность за преступления против человечества	57
7. Действие Устава Международного Военного Трибунала во времени	66
Глава II	
Преступления против мира	69
1. Историческая и юридическая несостоятельность ссылок на принципы «nullum crimen sine lege» и «ex post facto» для утверждения безнаказанности агрессии	69
2. Международная противоправность и преступность агрессии	84
3. Стадии развития преступлений против мира	118
4. Агрессивная война и агрессивный акт	143
5. Нюрнбергский приговор и доктрина превентивной войны	149
Глава III	
Военные преступления и преступления против человечности	154
1. Характерные особенности нарушений законов и обычаев войны германским милитаризмом во второй мировой войне	154
2. Доктрина тотальной войны и международное право	161
3. Доктрина военной необходимости и законы и обычаи войны	169

4. Принцип «tu quoque» и ответственность за военные преступления	180
5. Доктрина покорения (debellatio) и ответственность за преступления, совершенные на оккупированной территории	188
6. Законы и обычаи войны и ответственность за преступное бездействие (delictum omissionis)	195
7. Оговорка «si omnes» в судебной практике по делам о военных преступлениях	202
8. Некоторые вопросы правовой квалификации военных преступлений	207
9. Преступления против человечности	215

Глава IV

Уголовная ответственность руководителей германских монополий за преступления против человечества	224
1. Извращение буржуазной пропагандой роли монополий в вопросах войны и мира	224
2. Объект и объективные признаки состава преступлений германских монополий	229
3. Вина, как основание уголовной ответственности руководителей монополий	283
4. Субъект преступлений монополий против человечества	302

Глава V

Вопросы соучастия в Уставе и приговоре Международного Военного Трибунала	315
1. Заговор	315
2. Преступные организации	324
Заключение	338

Фотоиллюстрации Нюрнбергского процесса
принадлежат специальному фотокорреспонденту ТАСС
в Нюрнберге Е. Халдею.

Аркадий Иосифович Полторак
НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
(Основные правовые проблемы)

Утверждено к печати
Институтом государства и права
Академии наук СССР

Редактор издательства
Н. К. Хавина

Художник
А. Д. Смоляков

Технический редактор
П. С. Кашина

Корректоры
А. И. Дедов,
В. Г. Богословский

Сдано в набор 8/X 1965 г.
Подписано к печати 9/XII 65 г.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Печ. л. 22 + 5 вкл.
Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 13000 экз.
Т-14170. Изд. № 540/65. Тип. зак. 3100

Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1570 к

ИЗДАТЕЛЬСТВО «САМУРАИ»

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

А.И.Полторак

А.И.Полтора́к

Нюрнбергский процесс

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ